

неприкосновенный запас

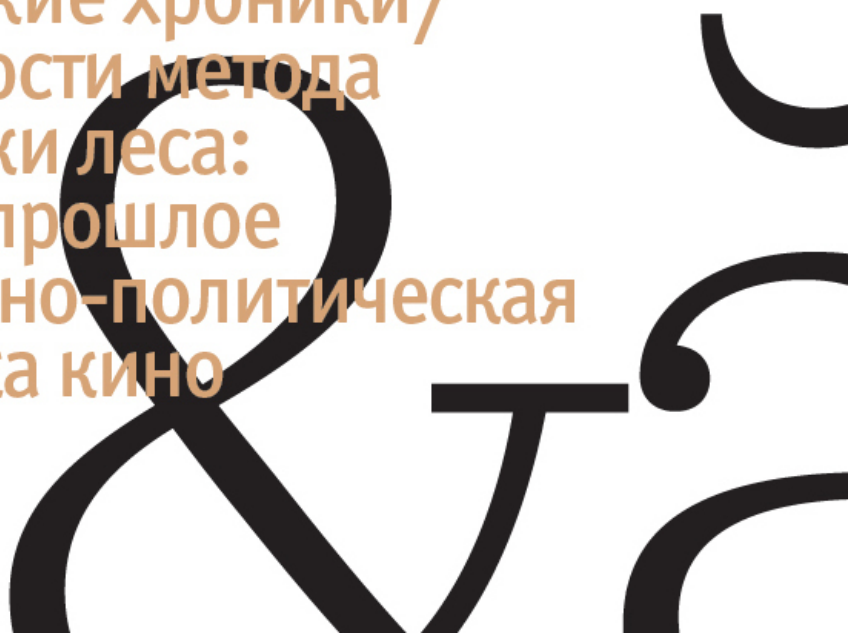
ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

3

143

2022

- * имперские хроники / превратности метода
- * политики леса: вперед в прошлое
- * культурно-политическая педагогика кино

неприкосновенный запас 3 [143] 2022

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

ИМПЕРСКИЕ ХРОНИКИ	003	Естественность невозможного <i>Страницы</i> Владислава Иноземцева
ПОЛИТИКА КУЛЬТУРЫ	009	ПЕТР АЛЕКСЕЕВ . Большая проигрышная спецоперация
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	024	После 9 мая <i>Страницы</i> АЛЕКСЕЯ ЛЕВИНСОНА
ПРЕВРАТНОСТИ МЕТОДА	027	«V» значит «Violencia»: Колумбия и Насилие с большой буквы <i>Страницы</i> ТАТЬЯНЫ ВОРОЖЕЙКИНОЙ
ПОЛИТИКИ ЛЕСА: СЛЕДУЯ ЗА РАСТЕНИЯМИ	042 049 059	МАЙКЛ МАРДЕР . Лес и выживание АЛЕКСАНДРА ВОЛОДИНА . Экологии слабого внимания ЭДУАРДУ ВИВЕЙРУШ ДЕ КАСТРУ . О моделях и примерах: инженеры и бриколеры в антропоцене
ИНТЕРВЬЮ «НЗ»	088	Отрицание науки и постправда: новые темные века. Беседа РИЧАРДА МАРШАЛЛА с философом ЛИ МАКИНТАЙРОМ
ПОЛИТИКИ ЛЕСА: ВПЕРЕД В ПРОШЛОЕ	101 117 139	ДЕНИС ШАЛАГИНОВ . Лес между пустыней и городом: завязывая узлы поперек границ ХИЛАН БЕНСУСАН . <i>An-arché, Xeinós, uríhi a:</i> изначальный Другой в космополитическом лесу ЕВГЕНИЙ КУЧИНОВ, ИВАН СПИЦЫН . Пантехнический лес
ПОЛИТИКА КУЛЬТУРЫ	148	ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ . Ричард Пайпс: этничность, культура, русофобия и антисемитизм
КУЛЬТУРА ПОЛИТИКИ	192	МИКАЭЛЬ МЕРТЕС . Антисемитизм: следующая глава
КУЛЬТУРНО- ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА КИНО	204 233	ИГОРЬ СМИРНОВ . Искусственный интеллект <i>avant la letter</i> : как кино учило машины ВАДИМ МИХАЙЛИН, ГАЛИНА БЕЛЯЕВА . Смена вектора: конструирование памяти о войне в «Переходном возрасте» Ричарда Викторова

ОБЗОР ЖУРНАЛОВ**259** **АЛЕКСАНДР ПИСАРЕВ.** От художественной теологии к вопросам эмансипации: обзор российских интеллектуальных журналов**НОВЫЕ КНИГИ****271** **АНДРЕЙ СМЕРНОВ.** Труд, не имеющий аналогов
282 Рецензии**SUMMARY****295**

Главный редактор
Ирина Прохорова

Шеф-редактор
Кирилл Кобрин

Редакторы
АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
АНТОН ЗОЛОТОВ
ИГОРЬ КОБЫЛИН

Дизайн
ДМИТРИЙ ЧЕРНОГАЕВ
АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Корректор
МАРИНА АЛХАЗОВА

Маркетинг, PR и реклама
АЛЕКСАНДР СУСЛОВ
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail: alexandersuslov@nlobooks.ru

Почтовый адрес редакции
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 13, стр. 1.
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlobooks.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/nz

member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218
e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-x
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.
[18+]

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

Москва, 2022

ВЛАДИСЛАВ
ИНОЗЕМЦЕВ

Естественность невозможного

Вторжение России в Украину, которое сейчас приказано называть «спецоперацией», мало кто решался предсказать. Еще меньше людей готовы сейчас признать его естественным и логичным – практически все ссылаются на фобии президента Владимира Путина, ошибки военного командования и неправильные оценки последствий со стороны российской элиты. Я был одним из тех, кто не верил в вероятность такого развития событий в 2022 году, но при этом считал, что российская история, несомненно, вернется к нам новой попыткой имперского строительства, которая в современных условиях может быть только насильственной.

Открывая свою колонку в «НЗ», которая будет выходить под названием «Имперские хроники» (отсылающим нас и к описанию текущих событий, и к восприятию российской элиты как

ИМПЕРСКИЕ ХРОНИКИ

003

хронически больной имперскими ре-минисценциями), я повторю некоторые исходные пункты своего подхода, изложенного в недавно вышедшей книге «Бесконечная империя»¹, но особенно подробно остановлюсь, разумеется, на событиях последних недель и месяцев.

* * *

Россия, на мой взгляд, представляет собой империю *per se*. Она формировалась как колониальная империя, складывавшаяся вокруг Москвы и всего за 160 лет подчинившая себе огромные территории на востоке – от Казани и Астрахани до Восточной Сибири – при минимальном расширении в западном направлении. Московиты в XV–XVII веках сделали практически то же самое, что и европейцы: с относительно небольшими усилиями они завоевали значительные пространства, начали поселенческую колонизацию и существенно увеличили богатства казны.

Когда Московская империя уже сложилась как суперцентрализованное и во многом теократическое государство, к ней были присоединены земли, составлявшие ядро Древней Руси: значительная часть современной Украины и Беларуси. Ко второй половине XVII столетия расширившееся государство превратилось из Московии в Россию и через полвека начало новый раунд экспансии в южном направлении: сначала в сторону Черного моря и Закавказья, а позже – Северного Кавказа и Центральной Азии.

Сложившийся гигантский политический конгломерат стал Российской империей, то есть империей, созданной вокруг России, которая, повторю, сама являлась воплощением Московской им-

перии. Границы метрополии и колоний стерлись, но при этом большая часть территорий, обретенных в XIX столетии (от Польши и Финляндии на северо-западе до Кавказа на юге и Центральной Азии на юго-востоке), не была колонизирована: русское население в них всегда оставалось меньшинством, в отличие от Поволжья, Урала и Сибири. Таким образом, к началу XX века сложилась ситуация, уникальная для европейских колониальных империй. Если Британия, Франция или Испания сначала теряли свои поселенческие колонии, а затем начинали собирать «вторые империи» из территорий, которые они контролировали в основном военным образом, то в Российской империи и колонии, и владения были соединены в единое целое.

Россия, в отличие от европейских держав, не имела опыта утраты колониальных владений и не понимала разницы между *colonies* и *possessions*. Эти особенности стали основными в пертурбациях первой трети XX столетия: стремление сохранить империю было столь сильным, что ради этого можно было отказаться от ее «российской» природы, провозгласив не имевший явной национальной окраски Советский Союз и даже постулировав возможность свободного выхода территорий из тоталитарного государства. До поры до времени это работало, но после того, как в 1940–1970-е европейские империи распались, перспектива российской, на мой взгляд, была предрешена. Крах империи случился на рубеже 1980–1990-х – причем он стал не менее необычным, чем ее возникновение.

Двумя главными особенностями распада стало то, что, с одной стороны, сложность имперской конструкции не уменьшилась и, с другой стороны,

1 См.: Абалов А., Иноземцев В. *Бесконечная империя: Россия в поисках себя*. М.: Альпина Паблишерс, 2021.

от империи отделились те части, которые несколько сот лет воспринимались в качестве естественного элемента метрополии. Первый момент касался прежде всего Северного Кавказа: территории, завоеванные в ходе кровавых войн XIX века, имевших признаки геноцида (воспроизведенные, кстати, и в середине XX столетия), с долей русского населения, сопоставимой с численностью европейцев в Индокитае или Малайе, были включены в состав нового российского государства, которое, как и прежде, оказалось состоящим из условной метрополии, поселенческих колоний и административно контролируемых культурно чуждых территорий. В отличие от европейских метрополий, которые, потеряв заморские владения, вернулись к границам своих национальных государств XVI–XVIII веков, Россия ничего подобного не испытала.

Второй момент касался Украины и Беларуси: эти два новых независимых государства являлись историческими колыбелями Древней Руси и важнейшими элементами России в ее прежнем имперском понимании. Принять их отделение от Российской Федерации по сути означало согласиться с тем, что последняя представляет собой новую Московию в цивилизационных границах первой половины XVII века, что для начинавшей отсчет нового исторического времени страны было тождественно невиданному унижению.

На этом я закончу краткий конспект упомянутой книги и перейду к оценкам, касающимся недавних событий.

* * *

Распад Российской империи в ее советской реинкарнации не мог стать относительно малозаметным событи-

ем для народа и элит постсоветских государств – и прежде всего Российской Федерации. Россия явно не смогла найти баланса между статусом наследницы империи и возможностью превращения в современную нацию. Первый требовал оправдания слова «российский» или «русский» и защиты «соотечественников», причем прежде всего в областях максимального исторического влияния. (Прецедент случился уже весной 1992 года в Приднестровье, а в последующие годы Москва защищала – или, точнее, «защищала» – своих единоплеменников от Украины до стран Балтии при полном безразличии к их судьбе в Центральной Азии и на Южном Кавказе.) Вторая требовала переустройства государственности и отказа от недобровольной формы ассоциации, но пойти на это Кремль не решился: сначала он превратил Федеративный договор 1992 года в часть Конституции, чем фактически лишил федерацию ее договорной природы, а затем и вовсе начал войну с Чеченской Республикой, этот договор не подписавшей и потому частью федерации не являвшейся. Уничтожив «независимую Ичкерия» в период с 1994-го по 2002 год, Россия сделала первый шаг к своему восстановлению в качестве империи, а не нации.

На мой взгляд, именно из событий 1994–2002 годов протягивается прямая линия к нынешним кровавым событиям в Украине. Победа в Чечне позволила Москве заняться консолидацией имперской власти в стране и устранением «пережитков федерализма». За последовавшие двадцать лет были фактически отменены прямые выборы глав субъектов федерации и установлено право президента назначать «и.о.» таковых на длительный срок по собственному усмотрению; унифицировано законодательство и изменена бюджетная

система, которая сегодня серьезно перекошена в сторону федерального центра; ликвидированы свобода политической деятельности и независимая пресса; серьезно сокращены рамки культурной и языковой автономии. Практически любые стремления к возрождению национального самосознания народов России сегодня рассматриваются как экстремистская деятельность. Империя – политическая и экономическая – внутри российских границ снова стала реальностью, а московская и российская имперскость на протяжении столетий, как я отмечал раньше, характеризовалась прежде всего тем, что территория государства могла только расширяться, а ни общество, ни власть не обладали присущим европейским империям опытом последовательных расширений и сжатий.

Совершенно очевидно, что после утверждения новой имперскости в новой Московии должна была начаться и реконкиста бывшей Российской империи – вопрос заключался только в сроках начала и в формах реализации данного процесса. Надо признать, что Кремль начал действовать в этом направлении весьма осторожно и осмотрительно. Первым шагом стало сближение с Беларусью, ускорившееся в том числе и по причине прихода к власти в Минске первого на постсоветском пространстве квазисоветского политика в лице Александра Лукашенко. Однако даже это обстоятельство не отменяет того факта, что именно Москва, причем в крайне важные для нее моменты времени – незадолго до сомнительных президентских выборов 1996 года и в канун операции «Преемник» в 1999-м, – инициировала важные шаги в сфере интеграции России и Беларуси.

После завершения «внутренней реконкисты» в Чечне процессы начали

развиваться быстрее. В 2003 году Россия попыталась мирно «федерализировать» Молдову и превратить Приднестровье в ценный актив, способный в случае необходимости блокировать решения Кишинева (ровно по такой же схеме были организованы в 2014–2015 годах «Минские соглашения»). Однако в 2008 году в Грузии события приняли другой оборот: Москва впервые применила силу за пределами собственных границ, а также признала «непризнанные» республики суверенными государствами. В 2014-м был сделан следующий шаг: состоялось не только отторжение Крыма от Украины, но и включение его в состав России. С этого времени заявку на создание новой Российской империи можно было считать поданной.

* * *

Я, разумеется, не могу себе представить, чем на самом деле руководствуются сегодня в своих действиях российские вожди – однако, если учитывать сферу и направление их геополитических интересов, выстраивается довольно четкая картина.

Развитие постсоветской России в целом определяется двумя особенностями ее политической элиты. С одной стороны, она сформировалась в годы упадка советской империи и в самый тяжелый период развития новой российской государственности – и поэтому максимально противится любой тенденции, так или иначе направленной на сокращение зоны собственного контроля (именно поэтому уход Чечни представлялся совершенно неприемлемым). С другой стороны, на нее давит ощущение истории (Путин вовсе не случайно увлекся прошлым, хотя в его задачи входило прежде всего думать о будущем):

ощущая себя российскими правителями, обитатели Кремля не могут отказаться от концепта «исторической России» и перейти к политике московских князей. Возвращение в Московию (хотя оно во многом все-таки состоялось, если учесть, например, долю Сибири в российском экспорте и доходах казны) перечеркивает все заявки на тот статус, которым кичится наше руководство, и потому политически и идеологически неприемлемо. Оба обстоятельства говорят в пользу того, что Россия должна территориально расширяться – причем однозначно в западном направлении, в сторону расширения «метрополии», а не в восточном, где в лучшем случае можно найти только новые подчиненные, но все же чуждые территории (этим, кстати, объясняется относительное безразличие к «лежавшему у ног Москвы» в январе 2022 года Казахстану и помешанность на вовсе не собирающейся сдаваться даже перед лицом полномасштабного натиска Украине).

Чечня в начале 2000-х была для Кремля фактором, от которого зависело, сможет ли управляемое из-за высокой красной стены пространство называться государством. Украина в начале 2020-х является фактором, от которого зависит, сможет ли это пространство называться российским государством. Поэтому оба конфликта имеют принципиально важное значение и будут вестись либо до победы Кремля, либо до полного краха политической системы, созданной им за последние тридцать лет.

Между упомянутыми событиями есть огромные различия: чеченские войны велись в условиях, когда у российских граждан только формировались (или восстанавливались) имперские настроения, а нынешняя «спецоперация» –

когда они уже стали доминирующим мейнстримом. Но имеется и очевидное сходство. Столкновения Москвы с некоренными постимперскими регионами далеко не полностью поддерживались населением метрополии: в свое время Борис Немцов даже приносил в Кремль миллион подписей за прекращение войны в Чечне; а в первые недели сегодняшней операции в Украине ее поддержка также была не безусловной. На начальных этапах армия пыталась действовать «с наскока», будучи уверенной в относительно легкой победе; однако это оборачивалось поражением, и только потом начинались более серьезные и жестокие военные действия, обеспечивавшие перелом ситуации (именно это, по крайней мере в форме попытки, сейчас происходит в Украине). Однако по мере того, как война и в первом, и во втором случаях рутинизировалась и превращалась в норму, у населения пропадала оппозиционность, а неудачи порождали лишь дополнительное стремление к победе, а не желание одуматься. Иррациональные для XXI века имперские устремления формировали соответствующие общественные запросы, институты, пропаганду.

* * *

Збигнев Бжезинский был совершенно прав, когда ровно 25 лет назад писал, что «без Украины Россия перестанет быть евразийской империей»², но я бы тут не концентрировался, как это часто делали и делают, на слове «евразийской». Оно представляется мне сугубо вторичным, как и вся мертворожденная концепция евразийства. Главное – в том, что Россия действительно может про-

2 См.: BRZEZINSKI Z. *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books, 1997. P. 46.

должать осознавать себя как империя только в том случае, если продолжит расширяться за пределы исторической Московии, и поэтому судьба постсоветской Украины была изначально предопределена, а нынешняя интервенция выглядит естественной и неизбежной.

Глубинный смысл проводимой Кремлем политики, на мой взгляд, не сложно понять. Он определяется тем фактом, что, пока Россия расширяется, сохраняя свои имперские притязания, она может продолжать управляться как империя: с оторвавшейся от периферии столицей; с высасыванием природных богатств из колоний и направлением их на нужды политической верхушки; с подавлением стремления составляющих ее территорий к самоуправлению; с максимальным ограничением личных свобод подданных и демонтажом институтов правового государства. Империя, не разделяющая метрополию, колонии и владения, не может быть демократическим государством – это известно со времен Рима, которому империя явилась в виде монархии. Остановившись в своем расширении, любая империя либо разрушается (если только в ее основе не лежало сформировавшее национальное государство), либо редуцируется до границ этого государства.

Трагедия России и западня, созданная для нее самой ее историей, заключается

в том, что у нашей страны, похоже, не существует этой второй опции – просто потому, что империя в этой части мира появилась до формирования нации и оттого имперская идентичность заменила нам национальную. (Указанному процессу серьезно содействовала и религиозная составляющая, но это тема отдельной колонки.) Московская империя не хочет умирать – она тщится снова превратиться в Россию; однако в наши дни это, похоже, гораздо сложнее сделать, чем в XVII веке. Четыреста лет назад имперские формы существования политий были намного привычнее и расширение одних империй на фоне сокращения или краха других не вызывали глобальных катаклизмов. Сегодня же Россия выглядит настоящим Зомби, Восставшим из небытия и пытающимся воссоздать имперские структуры в мире, из которого они уже давно ушли.

Кремлевских политиков можно понять: они борются за единственно возможный мир, в котором для них есть место. Однако возможность победы в этой борьбе сейчас, похоже, определяется вовсе не ими. Атаковав Украину и попытавшись вернуть к жизни Российскую империю, Московская империя сделала очень высокую ставку. Она, как я попытался показать, не могла ее не сделать, но шансы на выигрыш пока выглядят невысокими...

Большая проигрышная спецоперация

ПЕТР
АЛЕКСЕЕВ

Попытка разобраться в политическом событии, основанная исключительно на официальных заявлениях представителей власти, может показаться отвлеченной мыслительной игрой. Тем более, если речь идет о столь сложном и болезненном для восприятия событии, как боевые действия, влекущие за собой смерти тысяч людей. Но, как ни странно, материалы, размещенные на сайте президента Российской Федерации, Министерства обороны и Министерства иностранных дел, а также в не заблокированных Роскомнадзором СМИ, являются куда более информативными, чем это может показаться на первый взгляд.

Первое, что бросается в глаза, – это постоянная разногласия этих высказываний. Вот лишь несколько примеров, логические противоречия которых с большим трудом можно связать с изменчивой динамикой боевых условий:

– президент неоднократно заявляет, что «специальная военная операция идет в строгом соответствии с графиком, по плану»¹, а официальный представитель МИД утверждает, что НАТО «ведет дело к затягиванию конфликта»²;

1 *Совещание с постоянными членами Совета Безопасности* (<http://kremlin.ru/events/president/news/67903>).

2 *Комментарий официального представителя МИД России М.В. Захаровой по итогам заседания Совета НАТО на уровне мининдел* (<https://mid.ru/ru/detail-material-page/1808671>).

*Петр Алексеев
(р. 1978) – независимый
исследователь.*

ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ

– президент заверяет, что «в боевых действиях не участвуют и не будут участвовать солдаты, проходящие срочную службу»³, а официальный представитель Министерства обороны сообщает, что вопреки словам главы государства на фронте «обнаружились несколько фактов присутствия военнослужащих срочной службы», более того – ряд из них захвачены в плен⁴;

– после очередного раунда переговоров глава российской делегации отчитывается, что дебаты с украинской стороной «прошли конструктивно»⁵, и практически одновременно с этим заявлением глава Чеченской Республики утверждает, что «от этих переговоров никакого толку не будет»⁶;

– Роскомнадзор запрещает СМИ именовать спецоперацию «войной», обосновывая это несоответствием термина происходящим событиям, но при этом некоторые официальные лица используют в своих заявлениях слово «война»⁷.

Поначалу диссонансы кажутся вопиющими, хочется говорить даже не о парадоксальном отсутствии единой стратегии, а о тотальном речевом хаосе. Но в действительности именно так весьма часто работает идеология: в ее сердцевине отнюдь не обязательно должно находиться нерасщепляемое ядро, напротив – центральное место вполне может занимать пустота. Подобным образом в новостях или политических ток-шоу нагромождение противоречивых оценочных высказываний вовсе не приводит к девальвации жанра, а наоборот, является таким же топливом телевизионного мира, как излишняя эмоциональность и перекрикивание друг друга. При этом сам говорящий выступает здесь не только как производитель идеологии (пропагандист, получающий зарплату), но и как ее неотъемлемая часть, он в значительной степени является идеологической производной еще до того, как начнет говорить.

БОЛЬШЕВИКИ И УКРАИНА

За три дня до объявления о проведении специальной военной операции Владимир Путин записал обращение о признании Донецкой и Луганской народных республик⁸. Важнейшей со-

3 Поздравление российским женщинам с 8 Марта (<http://kremlin.ru/events/president/news/67937>).

4 См.: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12412315@egNews.

5 Мединский заявил, что Россия делает два шага навстречу Украине для дэскалации // ТАСС. 2022. 29 марта (<https://tass.ru/politika/14216163>).

6 Кадиров прокомментировал переговоры в Турции // РИА «Новости». 2022. 29 марта (<https://ria.ru/20220329/peregovory-1780629118.html>).

7 См., например: *Розозин заявил, что российская космонавтика продолжает развиваться, несмотря на санкции* // ТАСС. 2022. 10 марта (<https://tass.ru/ekonomika/14020519>).

8 *Обращение Президента Российской Федерации от 21.02.2022* (<http://kremlin.ru/events/president/news/67828>).

ставляющей этой речи неожиданно выступила жесткая критика политических решений Ленина. Точкой отсчета стало указание на то, что «современная Украина целиком и полностью была создана Россией, точнее, большевистской, коммунистической Россией», и поэтому объявленная киевскими властями декоммунизация – это политический курьез. Очевидно, что именно в указании на это вопиющее противоречие и заключалась ставка на эффект дальнейших тезисов. Согласно Путину, проблема Украины в том, что у нее нет «устойчивой традиции своей подлинной государственности». Другими словами: если вычеркнуть из истории Украины коммунистов, то вместе с ними придется вычеркнуть и саму Украину. «Украина имени Владимира Ильича Ленина», – иронизирует президент России. Вопрос о прочности этой аргументации на данном этапе, как ни странно, не имеет большого значения, поскольку за ней следует обобщение совсем иного масштаба.

Далее Путин расценивает идею наделения советских республик правом выхода из состава единого государства не просто как досадную огреху советского периода, а как роковую ошибку самих ленинских принципов государственного строительства. И здесь открывается широкая перспектива, обнаруживающая куда более рискованную логику: революционные идеи Ленина оказались опасной исторической авантюрой, которая в итоге привела страну к разрушительным последствиям, хотя ответственность за них, безусловно, несет и руководство КПСС. Двумя годами ранее Путин на примере Ленина противопоставил фигуры государственного деятеля и революционера⁹, и это представление о русской революции как о гибельной афере демонстрирует весьма своеобразное понимание событий начала XX века: в каком-то смысле Путин считает себя «преемником» строго централизованной и унитарной России, внезапно разрушенной Лениным.

За годы своего правления Путин неоднократно обращался к критике вождя октябрьской революции, однако негативная оценка, как правило, уравновешивалась признанием определенных позитивных факторов и «мощного стимула» советской идеологии¹⁰. Это представление октябрьской революции как «неоднозначного события», безусловно, позволяло президенту сохранять определенный баланс во внутренней политике и лавировать между разными социальными группами. С 2022 года упоминания «позитивных последствий» деятельности коммунистов фактически сошли на нет, хотя это и не означает, что они навсегда исчезли из политической повестки. Однако в рас-

⁹ Большая пресс-конференция Владимира Путина (<http://kremlin.ru/events/president/news/62366>).

¹⁰ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» (<http://kremlin.ru/events/president/news/55882>).

смаатриваемом контексте присутствует нарушающий выстроенную логику момент.

В 2017 году Путин поздравил работников органов безопасности с событием, играющим ключевую роль в истории отечественных спецслужб, – столетием со дня создания Всероссийской чрезвычайной комиссии. Хотя президент добавил, что эта история, «конечно, насчитывает не один век»¹¹, именно 1917 год наделен для сотрудников ФСБ и СВР особым значением. Более того, прогнозируя любые дальнейшие политические преобразования, включая ядерную войну, с трудом можно представить себе сценарий, в котором создание ВЧК будет названо Путиным роковой ошибкой. Увы, в этих поздравлениях осталось неупомянутым имя создателя организации. Как известно, им был не кто иной, как Ленин, в годы правления которого центральный аппарат ВЧК занял московское здание на Лубянке, перешедшее по наследству к КГБ СССР и ФСБ России. Основные карьерные достижения Путина до работы в мэрии Санкт-Петербурга и правительственных органах были связаны с многолетней службой в КГБ, а впоследствии – с руководством ФСБ. То есть перед нами не просто чиновник, сформированный советской политической системой, а многолетний сотрудник и даже адепт государственной структуры, созданной лично Лениным. На этом этапе указания на идеологические противоречия киевских властей обнаруживают определенное несоответствие с биографией их критика и рядом его собственных заявлений. Впрочем, пройдет всего три дня, и эта «полемика» скроется в тени решения о проведении специальной военной операции, одним из обоснований которой окажется и тезис об отсутствии у Украины «устойчивой традиции своей подлинной государственности».

Указания на идеологические противоречия киевских властей обнаруживают определенное несоответствие с биографией их критика и рядом его собственных заявлений.

НАСТУПЛЕНИЕ НАТО

«Народные республики Донбасса обратились к России с просьбой о помощи»¹² – именно эта петиция стала точкой отсчета для легитимизации решения о начале боевых действий. Уди-

11 Торжественный вечер, посвященный Дню работника органов безопасности (<http://kremlin.ru/events/president/news/56452>).

12 Обращение Президента Российской Федерации от 24.02.2022 (<http://kremlin.ru/events/president/news/67843>).

вительно, однако, насколько ничтожное место заняла тема помощи Донбассу в этом президентском обращении, фундаментом которого, несмотря на восьмилетний «геноцид в отношении проживающих там миллионов людей», стали пространственные рассуждения о необходимости противостояния НАТО.

Едва ли не главным адресатом этой речи Путина было именно руководство Североатлантического альянса, а также политическая элита США. Украина же, власть в которой захватила «антинародная хунта», предстает здесь не как суверенное государство, а как территориальный плацдарм для военного освоения структурами НАТО. Их приближение вплотную к границам России напрямую угрожает безопасности ее граждан, особенно при оглядке на события, происходившие в последние десятилетия в Югославии, Ираке, Ливии и еще ряде стран. Путин называет это пересечением «красной черты»: «Россия не может чувствовать себя в безопасности, развиваться, существовать с постоянной угрозой, исходящей с территории современной Украины», где к тому же при поддержке Североатлантического альянса и правящей «хунты» активизировались неонацисты. Страна «поставлена под полный внешний контроль, усиленно обживается вооруженными силами натовских стран и накачивается самым современным оружием». По сути, Россия должна опередить НАТО, ведь исходящая из Киева угроза россиянам – «это только вопрос времени: они готовятся, они ждут удобного часа. Теперь претендуют еще и на обладание ядерным оружием. Мы не позволим этого сделать». При этом задачей российской военной спецоперации, по словам Путина, является не оккупация украинских территорий, а их «демилитаризация и денацификация». Таковы основные тезисы этого обращения.

Проблему расширения НАТО на восток – при любом отношении к происходящему – сложно назвать второстепенным геополитическим эпизодом. Важность этой проблемы для Путина очевидна и не вызывает больших вопросов. Спустя два с половиной месяца его речь на параде Победы также не обошлась без напоминаний о том, что «блок НАТО начал активное военное освоение прилегающих к нам территорий»¹³. Однако не совсем понятны предлагаемые решения.

Во-первых, не было сказано ни слова, почему именно вопрос о вступлении Украины в НАТО (кстати, далеко не решенный на сегодняшний день) назван пересечением «красной черты», если у России давно имеются многокилометровые сухопутные границы со странами военно-политического блока, причем в непосредственной близости от Санкт-Петербурга – второго по численности населения города в России. Эстония и Латвия

13 *Парад Победы на Красной площади* (<http://kremlin.ru/events/president/news/68366>).

вступили в Североатлантический альянс больше пятнадцати лет назад, а Польша еще раньше, к тому же в российских СМИ количество публикаций об их ядерных амбициях, а также о неонацизме, поднимающем голову в этих странах, давно исчисляется тысячами статей и заметок. Помимо этого, например, от расположенных на Аляске американских военных баз Россию отделяет только Берингов пролив. То есть разговор об угрозе приближения военной инфраструктуры НАТО к российским границам всерьез ведется в ситуации, когда Североатлантический альянс много лет находится непосредственно у рубежей Российской Федерации.

Во-вторых, одним из обоснований необходимости вторжения в Украину выступили многократные прецеденты нарушения международного права со стороны США, когда территория суверенных государств подвергалась бомбардировкам, порой без санкции Совета Безопасности ООН, но неизменно под предлогом исходящей от этих стран угрозы. Однако Россия в случае с Украиной не намеривается продемонстрировать оборонительную мощь своей армии, но собирается дать США некий «симметричный ответ» и в обход согласия ООН начать военную операцию в соседнем государстве – иначе говоря, осуществить именно то, что много лет подвергала порицанию. Возможно, немного ясности здесь могут внести следующие слова из выступления Путина: «США – это все-таки великая страна, системообразующая держава. Все ее сателлиты не только безропотно и покорно поддакивают, подпевают ей по любому поводу, но еще и копируют ее поведение». Желание напомнить о том, что США не единственная «системообразующая держава», вполне очевидно. При этом чьи-либо попытки обвинить Россию в чрезмерных ядерных амбициях, беспрецедентной концентрации вооружений у границ соседнего государства и желании вторгнуться на его территорию ни при каких обстоятельствах не находили понимания у представителей российской власти, и за несколько дней до начала военной спецоперации продолжавших повторять, что «Россия ни на кого не нападала и не собирается»¹⁴.

В-третьих, уже в первые недели военной операции стало ясно, что именно ее начало инициировало реальное «накачивание» Украины оружием со стороны стран НАТО. Поскольку боевые действия не коснулись ни одной из стран блока, Североатлантический альянс получил уникальную возможность ослабления российской армии при нулевых потерях собственного личного состава. Одним из первых очевидных итогов этой операции стало не ослабление, а укрепление НАТО в не-

¹⁴ Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, 16 февраля 2022 года (https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1798918).

посредственной близости от границ России, учитывая не только непосредственное усиление военной инфраструктуры, но и перспективы отказа Финляндии и Швеции от многолетнего нейтралитета и готовности вступления в Североатлантический блок.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВ
БОЛЬШАЯ ПРОИГРЫШНАЯ
СПЕЦОПЕРАЦИЯ

ДЕНАЦИФИКАЦИЯ БЕЗ ОККУПАЦИИ

Объявив о начале военной операции, Путин призвал украинскую армию не исполнять приказов преступной власти и немедленно сложить оружие. Уже на следующий день после того, как этого не произошло, риторика российского президента несколько изменилась, став более эмоциональной. Вновь обращаясь к украинским военнослужащим, Путин выступил с неожиданным призывом: «Берите власть в свои руки. Похоже, нам с вами будет легче договориться, чем с этой шайкой наркоманов и неонацистов, которая засела в Киеве»¹⁵. Это предложение также осталось проигнорированным, и Россия продолжила бомбардировки и полномасштабное наступление сразу по нескольким направлениям.

Однако спустя месяц боевых действий было принято решение о полном отводе войск от Киева и Чернигова и их передислокации на Донбасс, в результате чего весь северо-восток страны вновь начал контролироваться вооруженными силами Украины. Путин дал этим тактическим изменениям следующее объяснение: «Наша задача – выполнить, достичь все поставленные цели, минимизируя потери. И мы будем действовать ритмично, спокойно, по плану, который изначально был предложен Генеральным штабом»¹⁶. Буквально через два дня после этого выступления поступает информация о затонувшем крейсере «Москва» – флагмане Черноморского флота¹⁷; неделей ранее пресс-секретарь президента заявил: «Мы понесли значительные потери войск, это огромная трагедия для нас»¹⁸; а еще в конце марта Министерство обороны РФ сообщило о 1351 убитом военнослужащем¹⁹. В свою очередь, по данным Росстата, в марте 2022 года избыточная смертность

15 *Совещание с постоянными членами Совета Безопасности* (<http://kremlin.ru/events/president/news/67851>).

16 *Совместная пресс-конференция с Президентом Белоруссии Александром Лукашенко* (<http://kremlin.ru/events/president/news/68182>).

17 *Крейсер «Москва» затонул при буксировке* // ТАСС. 2022. 14 апреля (<https://tass.ru/armiya-i-opk/14383383>).

18 *Песков сообщил, что Россия понесла значительные потери на Украине* // ТАСС. 2022. 7 апреля (<https://tass.ru/politika/14316461>).

19 *Выступление начальника Главного оперативного управления Генерального штаба ВС РФ – первого заместителя начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковника Сергея Рудского* (https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12414735@egNews).

населения, не связанная с пандемией COVID-19, внезапно превысила десять тысяч человек²⁰.

В апрельском выступлении президента на космодроме «Восточный» даже угроза приближения НАТО временно отошла на второй план. Повторяя слова про дальнейшую невозможность терпеть восьмилетний геноцид, Путин напомнил: «в самом первом публичном заявлении, обращении к стране, к вооруженным силам, я прямо назвал цели: главная цель – помощь людям на Донбассе, в народных республиках Донбасса, которые мы признали»²¹. Тем временем уполномоченный по правам человека ДНР публикует статистику, согласно которой потери в регионе стремительно увеличиваются. За первые два месяца с начала военной операции погибли почти две тысячи человек, примерно треть из которых – гражданские лица²², и эти цифры более чем в девять раз превышают количество погибших за последние два года «геноцида», то есть за весь период правления Владимира Зеленского²³.

Одним из самых первых заявлений Министерства обороны РФ после начала спецоперации стало следующее: «Вооруженные силы России не наносят ударов по городам Украины. Мирному населению ничего не угрожает»²⁴. Уже на следующий день российские газеты напечатали новость о харьковском метро, превратившемся в бомбоубежище²⁵, а третьего марта Сергей Лавров выразил соболезнования в связи с гибелью мирных жителей, добавив: «Не оправдываю никаких действий, которые приводят к гибели гражданских лиц», но «не мы придумали выражение *collateral damage* (сопутствующий ущерб), его придумали наши западные коллеги»²⁶. В апреле в российских СМИ публикуется информация о том, что за два месяца осады Мариуполя появились многочисленные захоронения погибших во дворах жилых домов²⁷, а число беженцев, покинувших тер-

20 См.: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/edn_03-2022.htm.

21 *Беседа с работниками космодрома Восточный* (<http://kremlin.ru/events/president/news/68180>).

22 *Обзор социально-гуманитарной ситуации, сложившейся на территории Донецкой Народной Республики вследствие военных действий в период с 16 по 22 апреля 2022 г.* (https://ombudsman-dnr.ru/obzor-soczialno-gumanitarnoj-situaczii-slozhivshejsya-na-territorii-doneczkoj-narodnoj-respubliki-vsledstvie-voennyh-dejstvij-v-period-s-23-po-29-aprelya-2022-g)).

23 *Ежегодные доклады уполномоченного по правам человека в ДНР* (<https://ombudsman-dnr.ru/doklad-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka-v-donetskoj-narodnoj-respublike>).

24 *Брифинг официального представителя Минобороны России* (https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12410575@egNews).

25 *Люди спрятались от войны в метро Харькова: кадры бомбоубежища // Московский комсомолец. 2022. 25 февраля* (www.mk.ru/video/2022/02/25/lyudi-spryatilis-ot-voyny-v-metro-kharkova-kadry-bomboubezishha.html).

26 *Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова телеканалам РТ, «Эн-Би-Си Ньюс», «Эй-Би-Си Ньюс», «Ай-Ти-Эн», «Франс 24» и Медиакорпорации КНР, Москва, 3 марта 2022 года* (https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1802677).

27 *«Как медик скажу: это просто катастрофа» // Коммерсант. 2022. 25 апреля* (www.kommersant.ru/doc/5326872).

риторию Украины, превысило пять миллионов человек²⁸. По оценкам ООН, к началу мая количество погибших гражданских лиц превзошло три тысячи человек, из которых более двухсот – дети²⁹. В свою очередь Министерство обороны РФ, не касаясь темы пострадавших среди гражданского населения, сообщило, что безвозвратные потери среди украинских войск и наемников составили более 23 тысяч человек³⁰. Таким образом, речь определенно начала идти не о чем-то «маленьком победоносном» вроде присоединения Крыма, а о крупном вооруженном конфликте с большим количеством жертв.

В свете этих событий самой размытой и неразъясненной задачей спецоперации осталась так называемая «денацификация». Объявляя о начале боевых действий, Путин уточнил, что происходящие «события связаны не с желанием ущемить интересы Украины и украинского народа», а с необходимостью противостояния неонацистам. Президент РФ намеренно не отождествлял эти военизированные группировки с украинской армией в целом, не говоря обо всем населении страны. Обращаясь к украинцам, Путин подчеркнул, что речь идет о радикалах, о «тех, кого вы сами называете “нациками”». Уже на второй день спецоперации президент проинформировал, что «основные боестолкновения российской армии, как и ожидалось, происходят не с регулярными частями вооруженных сил Украины, а с националистическими формированиями, которые, как известно, и несут прямую ответственность за геноцид на Донбассе и кровь мирных граждан народных республик». Через неделю на очередном совещании с постоянными членами Совета Безопасности президент сообщает, что неонацисты «прикрываются людьми как живым щитом», а «часть жителей Украины запугали, многие оболванены нацистской националистической пропагандой»³¹. 8 мая одним из адресатов поздравления президента РФ лидерам бывших республик СССР выступил «народ Украины», вновь противопоставленный идейным наследникам нацистов, уже не раз именовавшихся «шайкой», «хунтой» и «националистическими формированиями». При этом с началом боевых действий количество вступивших в ряды территориальной обороны украинцев резко возросло, особенно в свете массовой раздачи оружия гражданскому населению, о чем сразу сообщили российские СМИ³². Однако процент ультрапра-

28 В ООН сообщили, что за сутки в соседние с Украиной страны прибыли около 30 тыс. беженцев // ТАСС. 23 апреля (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14455579>).

29 ООН сообщила о 3,1 тыс. погибших мирных жителей на Украине // РБК. 2022. 3 мая (www.rbc.ru/politics/03/05/2022/6270d74b9a7947a1a83d072c).

30 Брифинг Минобороны России (https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12417646@egNews).

31 Совещание с постоянными членами Совета Безопасности (<http://kremlin.ru/events/president/news/67903>).

32 Вооружай и властвуй: оружие на Украине раздают всем желающим // Первый канал. 2022. 27 февраля (www.1tv.ru/news/2022-02-27/422011-vooruzhay_i_vlastvuy_oruzhie_na_ukraine_razdayut_vsem_zhelayuschim).

вых элементов в рядах украинских вооруженных сил ни разу не был даже примерно назван, что в еще большей степени размывало складывавшуюся политическую картину.

Тем не менее на протяжении двух месяцев Путин продолжает употреблять термин «денацификация», значение которого применительно к целям спецоперации ни разу не было им разъяснено. Очевидно, что единственной исторической аналогией здесь могут выступить события, происходившие после окончания Второй мировой войны, но тогда денацификация Германии (уничтожение господства национал-социалистической идеологии) была осуществлена исключительно благодаря разделению страны на четыре оккупационных зоны. Именно поэтому заявление Путина о том, что в планы России «не входит оккупация украинских территорий», делает цели спецоперации абсолютно загадочными. О процедуре «денацификации» раз за разом говорится так, как будто речь идет о чем-то само собой разумеющемся, а не о сложнейшем процессе очищения крупного государства от присутствия неонацистской идеологии (которая к тому же ни разу не была названа Путиным господствующей), что делает принципы разграничения «запуганных», «оболваненных» и «совершавших многочисленные кровавые преступления» предельно туманными.

Проблема в том, что денацификация без оккупации способна существовать исключительно в сфере идеологии. По-видимому, полагая, что «оккупация», в отличие от «денацификации», – крайне рискованный термин для оправдания боевых действий, президент наделил главнейшую из заявленных задач спецоперации сугубо символическим значением, призванным указать на некий священный смысл происходящих событий, наследующих освобождению Европы после Второй мировой войны. При этом менее чем за полгода до начала боевых действий ТАСС цитировал выступление Зеленского в Бабьем Яре, посвященное «страшным преступлениям нацизма»³³. А одной из неожиданных особенностей спецоперации оказалось восстановление памятников Ленину на территориях, подконтрольных российской армии³⁴. Все эти некоррелируемые сюжеты продолжают нагромождаться друг на друга. По сути, «денацификацию» едва ли не в любой момент можно объявить уже состоявшейся, и, как ни странно, подобное заявление может стать реальной причиной прекращения боевых действий.

33 Зеленский заявил, что Бабий Яр из территории забвения должен превратиться в место памяти // ТАСС. 2021. 29 сентября (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12532207>).

34 Власти Херсона пообещали восстановить снесенный памятник Ленину // РИА «Новости». 2022. 27 апреля (<https://ria.ru/20220427/pamyatnik-1785788360.html>).

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ, ЭКОНОМИКА И ПРИОСТАНОВКА ПРАВА

ПЕТР АЛЕКСЕЕВ
БОЛЬШАЯ ПРОИГРЫШНАЯ
СПЕЦОПЕРАЦИЯ

Еще одним эпизодом, сыгравшим в происходящем существенную роль, стали следующие слова Путина: «Кто бы ни пытался помешать нам, а тем более создавать угрозы для нашей страны, для нашего народа, должны знать, что ответ России будет незамедлительным и приведет вас к таким последствиям, с которыми вы в своей истории еще никогда не сталкивались. Мы готовы к любому развитию событий. Все необходимые в этой связи решения приняты». Учитывая указание на историческую беспрецедентность возможных последствий, это заявление не оставляло большого пространства для догадок, что именно имелось в виду. Впрочем, президент РФ уже через три дня дал своеобразную подсказку: «Приказываю министру обороны и начальнику Генерального штаба перевести силы сдерживания российской армии в особый режим несения боевого дежурства»³⁵.

Итак, Путин в обход решений ООН санкционировал проведение военной спецоперации на территории суверенного государства, то есть, по сути, действует по модели, опробованной ранее такими странами, как, например, США или Израиль. Международное право, как обычно принято в таких ситуациях, оказалось приостановлено – на этот раз Россией. Отличие ситуации, однако, заключается в том, что президент РФ сделал следующий шаг, указав на возможность применения ядерного оружия в случае прямого вступления в конфликт других государств. В конце апреля Путин вновь напомнил, что все поставленные военные задачи будут решены, а «если кто-то вознамерится вмешаться в происходящие события со стороны и будет создавать для России неприемлемые для нас угрозы стратегического характера, они должны знать, что наши ответно-встречные удары будут молниеносными, быстрыми. У нас есть для этого все инструменты, такие, которыми не может сейчас похвастаться никто. А мы хвастаться не будем, мы будем их использовать, если потребуется»³⁶. На фоне этих слов, поддержанных бурными аплодисментами Совета законодателей РФ, российские телеканалы продолжили эмоциональные обсуждения целесообразности ядерных ударов, да и для депутатов Государственной Думы идея использования стратегических ракет для решения текущих геополитических вопросов давно перестала быть запретной темой³⁷.

35 Встреча с Сергеем Шойгу и Валерием Герасимовым (<http://kremlin.ru/events/president/news/67876>).

36 Встреча с Советом законодателей (<http://kremlin.ru/events/president/news/68297>).

37 См., например: *Депутат Госдумы предложил нанести ядерный удар по США* // Lenta.ru. 2022. 17 января (<https://lenta.ru/news/2022/01/16/fedorov>).

Однако уже на самом начальном этапе спецоперации стало понятно, что страны НАТО (впрочем, далеко не только они, но также, например, Южная Корея и Япония) нацелены на военное ослабление России без прямого вмешательства в конфликт – путем поставок вооружений украинской армии. Причем глава Пентагона вовсе не скрывает этих намерений: «Мы хотим, чтобы Россия была ослаблена до такой степени, чтобы она не могла больше делать то, что она сделала во время вторжения в Украину. Они уже потеряли много военного потенциала, и мы хотим, чтобы у них не было возможности очень быстро воспроизвести этот потенциал»³⁸. Иначе говоря, за два месяца спецоперации именно Североатлантический альянс получил наименьший процент шансов претендовать на роль пострадавшей стороны.

Вторым – экономическим – ответом на действия России стали инициированные США, Великобританией и странами ЕС беспрецедентные экономические санкции, поддержанные десятками стран. Ряду российских банков был заблокирован доступ к международной платежной системе SWIFT, множество зарубежных компаний закрыли бизнес в России, ряд крупных экономических и культурных проектов остановились, но самой серьезной мерой стала заморозка резервов Центрального банка РФ, находившихся в банках стран «большой семерки» (около половины всех финансовых резервов). По признанию Сергея Лаврова, эти меры оказались неожиданными для правительства России: «А резервы Центрального банка? Вообще из тех, кто прогнозировал, никто не мог подумать, какие санкции Запад может применить. Это воровство»³⁹. Путин также назвал заморозку российских активов «нелегитимным решением», нарушающим международное право⁴⁰, словно его собственные заявления о готовности вступить в ядерный конфликт (в случае попыток помешать не санкционированным ООН боевым действиям) вписывались в существующие межгосударственные договоренности.

Главной отраслью экономики России, по которой – вопреки проукраинской риторике Евросоюза – практически не ударили санкции, осталась торговля природными энергоносителями. Более того, суммы, заплаченные России за газ с начала спецоперации, в несколько раз превысили бюджеты, выделенные на военную помощь Украине⁴¹. Впрочем, еще более ошеломли-

38 *Запад повышает ставку на поражение России // РИА «Новости». 2022. 26 апреля (<https://ria.ru/20220426/zarad-1785383570.html>).*

39 *Выступление и ответы на вопросы министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе встречи со студентами и преподавателями МГИМО, Москва, 23 марта 2022 года (<https://mid.ru/ru/detail-material-page/1805995>).*

40 *Совещание с членами Правительства (<http://kremlin.ru/events/president/news/68037>).*

41 *В Турции подсчитали доходы России от продажи газа ЕС с начала спецоперации // РИА «Новости». 2022. 28 апреля (<https://ria.ru/20220428/gaz-1785852067.html>).*

тельным фактом, существенно усложняющим сложившуюся картину, стала новость о том, что ряд европейских государств, входящих в блок НАТО, и в начале 2022 года продолжали в обход эмбарго продавать России военную технику⁴². Все это заставляет несколько иначе взглянуть на исходившие от западных стран многолетние обвинения России в милитаризации.

В странах Евросоюза уже начали активно обсуждать постепенный отказ от российской нефти и газа, но так или иначе именно продажа энергоносителей во многом позволила экономике страны избежать катастрофических последствий. Как ни странно, одним из главных источников дохода для России оказалась торговля со странами, выступившими за введение жестких экономических санкций, которые Путин сравнил с «объявлением войны»⁴³. В то же время, несмотря на стабильные прибыли от продажи нефти и газа, разговор о каких-либо позитивных изменениях на фоне стремительной инфляции оказался затруднен. В конце апреля глава Счетной палаты заявил, что падение российской экономики «по итогам этого года, по предварительным, пока обсуждаемым прогнозам Минэкономразвития, составит 8,8%. По более консервативному сценарию – 12,4%»⁴⁴.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВ
БОЛЬШАЯ ПРОИГРЫШНАЯ
СПЕЦОПЕРАЦИЯ

Главной отраслью экономики России, по которой практически не ударили санкции, осталась торговля природными энергоносителями. Суммы, заплаченные России за газ с начала спецоперации, в несколько раз превысили бюджеты, выделенные на военную помощь Украине.

Реакция Путина на введение санкций вновь оказалась связана с отсылкой к коммунистическому периоду российской истории, только на этот раз не в качестве указания на роковые ошибки, а в сугубо положительном ключе: «Советский Союз действительно жил все время в условиях санкций, развивался и добивался колоссальных успехов»⁴⁵. Прошли всего два месяца, и политическая система, созданная Лениным,

⁴² *The Telegraph*: 10 стран ЕС продали России оружие на €350 млн в обход эмбарго // Коммерсант. 2022. 23 апреля (www.kommersant.ru/doc/5326698).

⁴³ Встреча с представительницами летного состава российских авиакомпаний (<http://kremlin.ru/events/president/news/67913>).

⁴⁴ Кудрин спрогнозировал инфляцию в России в 2022–2023 годах // РИА «Новости». 2022. 27 апреля (<https://ria.ru/20220427/inflyatsiya-1785717400.html>).

⁴⁵ Встреча с Президентом Белоруссии Александром Лукашенко (<http://kremlin.ru/events/president/news/67963>).

вновь оказалась едва ли не эталоном для подражания. К слову, экономическая блокада СССР, введенная странами Антанты в 1919 году – в условиях смены политической системы, резкого идеологического противостояния и радикального неприятия большевиками принципов «буржуазной государственности», – продлилась всего три месяца.

Впрочем, здесь стоит вспомнить менее давнюю и более точную историческую аналогию: отношение мирового сообщества к военному конфликту в Афганистане. В 1980 году большинство государств осудили вооруженное вмешательство, ООН приняла соответствующую резолюцию, и поддержавших Советский Союз государств оказалось совсем немного. Однако тогда, на пике «холодной войны», их было существенно больше (восемнадцать голосов, то есть на тот момент почти 13% членов Генеральной Ассамблеи), чем в случае принятого в марте 2022 года документа «Агрессия против Украины», когда Россию поддерживали всего пять государств (менее 3% голосов). Далее, в 1980-м США ввели против СССР торговые ограничения, никоим образом несопоставимые по своему масштабу с количеством политических и экономических мер, поддержанных десятками государств в 2022-м, когда Россия вышла на первое место в мире по числу введенных санкций, оставив далеко позади Северную Корею и Иран. Кроме того, менее чем через полгода после резолюции ООН от 14 января 1980 года в Москве состоялись Олимпийские игры, в которых, несмотря на призывы США к бойкоту, приняли участие спортсмены из восьмидесяти стран, включая большинство государств Европы. Летом 2022 года проведение в Москве международного мероприятия такого масштаба представить абсолютно невозможно, но – что еще невероятнее – разговоры о ядерном конфликте стали куда более острыми, чем в разгар «холодной войны».

Иными словами, дипломатические успехи СССР в кризисном 1980 году и сегодняшней России абсолютно несопоставимы, а пример Китая, много лет находящегося в ситуации активного экономического противостояния США без вступления в межгосударственные военные конфликты и попадания под сопоставимые санкционные ограничения, лишает происходящее следов хоть каких бы то ни было заметных геополитических побед. Если крушение прежнего миропорядка и состоялось, то отнюдь не в смысле усиления международного влияния России. За два месяца главными итогами военной операции стали события, прямо противоположные заявленным целям: смерти множества людей, в том числе тысячи погибших жителей Донбасса; миллионы беженцев; незначительные территориальные успехи на линии фронта; усиление и расширение НАТО, в том числе непосредственно у границ России; консолидация

населения Украины и рост рейтинга президента Зеленского; рекордно низкая поддержка решений России государствами-участниками ООН; консолидация стран Евросоюза; рецессия российской экономики; укрепление негативного отношения к русской культуре.

Если вооруженный конфликт родился в сфере пустых знаков, то и решение об окончании реальных боевых действий парадоксальным образом может родиться в пространстве идеологии. Произойдет ли это через использование слоганов «освобождение Донбасса» и «состоявшаяся денацификация» или каким-то другим образом, увы, не известно. Но реальные боевые действия имеют свою логику, которая необязательно будет следовать символическим целям, и вполне возможно, что идеологию придется подверстывать к ним задним числом.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВ
БОЛЬШАЯ ПРОИГРЫШНАЯ
СПЕЦОПЕРАЦИЯ

О последствиях того, что все еще называется «специальной операцией», говорить рано, но о причинах можно. Речи Путина на параде 9 мая ожидали и опасались многие: она могла содержать объявление войны и мобилизации. Этого не произошло; о причинах же было сказано, что это «упреждающий удар».

Кажется, это более правдоподобное объяснение, чем все выдвигавшиеся ранее. Но и его не следует, как кажется, понимать буквально. Это, действительно, «удар». Но что он упреждал, стоит разобрать.

Одна линия каузальности рассматривалась не раз. Украина с третьей попытки встала-таки на дорожку, ведущую на Запад. Это обещало ей более цветущее будущее, чем то, которого достигнет Россия. Пример же процветающей Украины куда больше впечатлит россиян, чем пример процветающих Эстонии или

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА

Польши. Они – не наши. А Украина – наша, своя. В ней была такая же власть, как у нас (сейчас). Избавившись от нее, она расцвела. Возможность такой мысли должна ужаснуть многих.

И еще: чуть ли не раньше Украины Россия сама собиралась двинуться по этой дорожке. Ей тогда не дали и показали, что ее – «особый» – путь куда лучше. А тут окажется, что зря не дали. На тех, кто не дал, народ обидится. Эта мысль тоже ужасна.

Но одного этого, кажется, недостаточно, чтобы решиться на «удар».

Вспомним темы глобального потепления и «зеленого перехода». Нам приходилось довольно подробно изучать отношение россиян к этим сюжетам – как массовых слоев, так и тех экспертов и руководителей, к которым прислушивается самый верх.

Разговоры о глобальном потеплении поначалу воспринимались в России как очередная модная тема досужего западного общества. Когда же выяснилось, что оно призывает сокращать потребление угля, нефтепродуктов и природного газа (а это основные статьи российского экспорта), многие решили: цель этой затеи – лишить Россию роли главного поставщика топлива в страны Центральной и Западной Европы. Это значит – лишить ее возможности влиять на них, а к тому же лишить и основной статьи доходов. То есть сделать Россию «ничем». Дополнительно существовала идея, что на самом деле Европа не собирается отказываться от нефти и газа, просто вместо России их будут поставлять США. Значит, в глобальной конкуренции с СССР-Россией Америка второй раз выиграет вчистую. Эта мысль еще ужаснее предыдущих.

В последние годы страны Евросоюза приняли ряд «зеленых» законов, которые поставили российских экспортеров

продуктов (например металла), при изготовлении которых сжигалось много топлива и выделялось много углекислого газа, в очень сложные условия. Ранее использование старых, более «грязных» – и потому более дешевых – технологий было нашим конкурентным преимуществом. Тут мы его теряли.

Как показывали наши исследования последних двух десятилетий – и мы об этом не раз писали, – в представлениях россиян о существовании России отсутствовало будущее. Причины, скажем коротко, были в пережитых одна за другой утратах перспектив. Первая – утрата перспективы того будущего, которое обещала советская власть, вторая – утрата будущего, которое обещала сменившая ее власть демократическая. Путинская власть о будущем страны никогда конкретно не высказывалась, и, по умолчанию, получалось, что так, как мы живем сейчас, так и будем жить всегда. Разве что режим неизбежно будет ужесточаться (это свойство таких режимов), и поэтому загодя и «на вырост» заготавливались масштабные усмирительно-карательные средства вроде Росгвардии, строились масштабные зоны, принимались репрессивные законы. Грянула спецоперация, и оказалось, что всем этим средствам есть употребление.

Как показали исследования последнего времени, разговоры в средних слоях общества о «слезании с нефтяной иглы» (что ранее казалось несомненным благом) стали менять тональность. А кем мы будем, когда слезем? Что будет делать страна? Чем она будет жить? Каков будет ее статус на международной арене? Появились сигналы, говорящие, что эти тревожные мысли стали проникать в верхние слои общества.

Слова о том, что «Россия может быть только великой», означают, что если она

теряет величие, то перестает существовать. Наши исследования неоднократно показывали, что для массового сознания вопрос стоит именно так¹. Похоже, что так он стоит и для правящей группировки.

А если это так и если допустить, что до сознания правящих элит дошло, что нефтегазовая гегемония России вот-вот закончится, то каким еще способом можно добиться того, чтобы Россию продолжали считать великой?

Достижений в космосе, которые бы ставили нас на первое место, давно нет и в ближайшее время ждать их не приходится. Впечатлить мир гиперзвуковой ракетой «Кинжал» так, чтобы перед нами все затрепетало, кажется, не получилось. Прорывов в каких-то других областях не ждем. Население стареет, мы из одной демографической ямы перелезаем в другую. Россия остается самой большой по площади страной, но по числу жителей она уже приближается к концу первой десятки. Что у нас есть всемирно значимого, кроме углеводородов на экспорт?

Ну а если кончится век гегемонии России как крупнейшего торговца топливом для Европы, то чем будет тогда страна? Россия не умеет жить просто

так. Ей нужна новая миссия, которую, похоже, нашли, полистав советские учебники истории. Вот она: «Жандарм Европы» – прозвище и для страны, и для ее правителя Николая I. Для одних это палач декабристов, а для других – настоящий император. Правил, заметьте, тридцать лет. Подавлял восстания у себя, в Польше и Венгрии, поддерживал традицию, которую продолжили наши генсеки и нам заповедали. Не зря же мы памятник ему в родном Питере недавно восстановили.

Это будет не Северная Корея, которой нас дразнят, и не Иран, который всех пугает. Тут будет миссия: будем строить новый мир в отдельно взятой Европе, отважный новый мир. И будем в нем главными.

Нефтяную гегемонию, пока не поздно, можно заменить геополитической – так, наверное, решили. Надо «упредить», пока «зеленые» законы нас не разорили. Ведь, глядя из Москвы, казалось, что Европа разваливается – венгры с поляками хорошо поработали. И в Америке президент, наверное, самый слабый за все эти годы. Так что, когда, если не теперь, и кто, если не мы?

10 мая 2022 года

1 Есть среди россиян мнение, что они согласились бы жить в небольшой, но благополучной и мирной стране, но похоже, что такая страна будет уже не Россией.

ТАТЬЯНА
ВОРОЖЕЙКИНА

«V» значит «Violencia»: Колумбия и Насилие с большой буквы

Полковник Аурелиано Буэндия развязал 32 гражданские войны и все их проиграл. [...] Он верил, что день его смерти предопределен, и вера облекала его чудесной броней, бессмертием до назначенного срока, оно делало его неуязвимым для опасностей войны и позволило ему в конце концов завоевать поражение – это оказалось значительно труднее, чем одержать победу, и потребовало гораздо больше крови и жертв.

ГАБРИЭЛЬ ГАРСИЯ МАРКЕС.
«Сто лет одиночества»

Роман «Сто лет одиночества» был опубликован 55 лет назад, в мае 1967 года. Его герой, полковник Аурелиано Буэндия, – живое воплощение неотвратимого разрушения человека, семьи, дома, которое несет война, – почти мгновенно обрел известность по всему миру. Между тем насилие как основа национального

ПРЕВРАТНОСТИ
МЕТОДА

существования, постоянное его воспроизводство и бесконечное разнообразие его форм – это, без сомнения, колумбийский феномен. Даже на общем латиноамериканском фоне, где таким мало кого удивишь, Колумбию выделяет неискоренимость насилия, его постоянная регенерация. В XIX веке это были нескончаемые войны между консерваторами и либералами: с 1812-го по 1902-й Колумбия пережила девять войн общенационального масштаба и тысячи региональных вооруженных конфликтов. Противостоящие партии отличались главным образом лозунгами: «Бог, родина и семья!» у консерваторов и «Свобода, равенство, братство!» у либералов – а также отношением к католической церкви. По существу же речь шла о столкновении внутри одних и тех же господствующих групп: латифундистов, торговцев, промышленников, для которых война стала единственным способом разрешения конфликтов. Чем дольше длились эти войны, чем чаще их затевали, тем большей становилась взаимная ненависть и тем меньше оставалось возможностей для достижения компромисса в распределении влияния, должностей, бенефиций. Победитель, хотя и временный, получал все.

В этой истории берет начало имманентная слабость колумбийских государственных институтов: на протяжении первого столетия независимости они оставались военной добычей противостоящих кланов правящих и господствующих групп. Гарсиа Маркес весьма показательно описывает первую встречу жителей Макондо с «государством»:

«Дон Аполинар Москоте, коррехидор, прибыл в Макондо без всякого шума [...] и на следующий же день снял комнатку с дверью прямо на улице, в двух кварталах от дома Буэндиа. Он поставил в ней стол и стул, прибил к стене привезенный с собой

герб республики и вывел на дверях надпись: “Коррехидор”. Первым его распоряжением был приказ покрасить все дома в голубой цвет в честь годовщины национальной независимости. Хосе Аркадио Буэндиа, явившись с копией приказа в руке к коррехидору, застал его за послеобеденным сном в гамаке, подвешенном тут же в скромной конторе. “Вы писали эту бумагу?” – спросил Хосе Аркадио Буэндиа. Дон Аполинар Москоте, человек уже в летах, сангвинической комплекции, с виду довольно робкий, ответил утвердительно. “По какому праву?” – снова задал вопрос Хосе Аркадио Буэндиа. Дон Аполинар Москоте разыскал в ящике стола бумажку и протянул ему: “Посылается в упомянутый город для исправления обязанностей коррехидора”. Хосе Аркадио Буэндиа едва взглянул на документ. “В этом городе распоряжаются не бумаги, – возразил он спокойно. – И запомните раз навсегда: нам никто не нужен для исправления, у нас здесь нечего исправлять”».

В XX веке насилие – уже не открытая гражданская война, а непрекращающееся столкновение вооруженных групп (*bandoleros*) консерваторов и либералов, взаимное истребление политиков, алькальдов (мэров) городов, государственных чиновников, судей, журналистов, активистов, а также десятков тысяч ни в чем не повинных людей, главным образом сельских жителей, которые имели несчастье жить в зоне действий той или иной вооруженной группировки. Кульминацией этого периода в истории Колумбии, длившегося с 1925-го по 1958 год, стало убийство в 1948-м самого влиятельного политика страны Хорхе Эльесера Гаитана – лидера Либеральной партии, кандидата в президенты, блестящего оратора, имевшего репутацию народного защитника. Волна возмущения, охватившая сначала столицу (Гаитан в 1930-е был алькальдом Боготы), затем распространилась на всю страну.

Следующее десятилетие (1948–1958) унесло жизни более 200 тысяч колумбийцев и получило страшное наименование «Насилие с большой буквы», *La Violencia*. Более двух миллионов человек, пятая часть тогдашнего населения, были вынуждены покинуть свое жилище в деревнях и небольших городах.

Парадоксальным (или, напротив, закономерным) образом Республика Колумбия после принятия в 1886 году Конституции оставалась демократическим государством – причем не только формально. С 1914 года президент страны избирался прямым голосованием граждан и, как правило, не претендовал на второй срок: в XX веке лишь один президент находился у власти два срока, а в XXI веке – два¹. Несмотря на непрерывные гражданские войны в XIX веке и непрекращающееся насилие в XX, в Колумбии не было традиционалистских диктатур: «Осень патриарха», как это ни странно, не о Колумбии. Избежала она и правоавторитарных военно-бюрократических режимов, которые в 1960–1970-е утвердились в ведущих странах латиноамериканского юга – Бразилии, Чили, Уругвае и Аргентине².

Единственным исключением из этого правила стала военная диктатура Густаво Рохаса Пинилья (1953–1957), пришедшего к власти на гребне волны Насилия и полной неспособности государственных институтов с ней справиться³. Этот режим представлял собой колумбийский вариант нацио-

нального популизма, попытавшегося – и не без успеха – проводить активную экономическую (особенно в области инфраструктуры) и социальную политику. Он хотел противопоставить вечному соперничеству либералов и консерваторов «третью» политическую силу, которая представляла бы союз трудящихся, средних слоев и военных, опиралась бы на социальную доктрину католической церкви и национальные идеалы основателя страны Симона Боливара. Рохас Пинилья предоставил избирательные права женщинам, начал процесс деполитизации полиции, но в то же время установил политическую цензуру и закрыл ведущие колумбийские газеты. Его политика сплотила против него заклятых врагов, либералов и консерваторов, чем способствовала, в конечном счете, прекращению Насилия. В 1957 году в условиях общенациональной забастовки протеста Рохас Пинилья ушел в отставку, в то время как либералы и консерваторы заключили соглашение о мире и политической реформе, вынесенное на национальный референдум.

Это соглашение, получившее название «Национальный фронт», устанавливало чередование на президентском посту представителей либеральной и консервативной партий, сменявших друг друга каждые четыре года в течение шестнадцати лет (1958–1974). Двухпартийная система, которая на протяжении полутора веков не могла сформировать политических каналов

1 В настоящее время человек, единожды занимавший пост президента Колумбии, не может избираться на него вновь; такой порядок может быть изменен только решением всенародного референдума или конституционного собрания. См.: *Acto Legislativo 02 de 2015 Congreso de la República* (www.funcionpublica.gov.co/eva/gestornormativo/normaphp?i=66596).

2 О различиях между традиционалистскими и правоавторитарными военно-бюрократическими режимами см.: Ворожейкина Т. *Авторитарные режимы XX века и современная Россия* // Вестник общественного мнения. 2009. № 4(102). С. 50–68.

3 После убийства Гаитана Либеральная партия бойкотировала президентские выборы 1949-го и парламентские выборы 1953-го; результатом кризиса стали слабые консервативные правительства, переставшие контролировать не только удаленные сельские районы, но и столицу страны Боготу.

достижения компромисса между различными группами и кланами внутри господствующего класса, наша, казалось бы, выход. Национальный фронт позволил сохранить традиционную систему господства, покончив с межпартийным насилием, и внедрить неконкурентный режим либерально-консервативного совместного управления на последующие два десятилетия. Эта система была *антиреформистской*, направленной на сохранение *status quo*, и *антикоммунистической*, принципиально закрытой и для политических, и для социальных изменений⁴. Двухпартийность избавила Колумбию от военных переворотов и правоавторитарных режимов, господствовавших на континенте в 1970-е, но одновременно полностью блокировала возможности политического разрешения социальных конфликтов. В результате отсутствие реальных каналов политического представительства в формально демократической системе направило нараставшие в обществе требования изменений в проторенное русло насилия, на этот раз революционного.

Собственно говоря, большого перерыва в вооруженном насилии в Колумбии так и не получилось. Новое партизанское движение вырастает из столкновений еще сохранившихся либеральных отрядов и местных помещиков с крестьянской самообороной, руководимой Колумбийской коммунистической партией. Убийство в 1960 году крестьянского лидера, члена центрального комитета компартии Хакобо Приаса Алапе, положило начало вооруженному конфликту, который в значительной мере определил политическое и социальное разви-

тие Колумбии в последующие полвека. Возникшие в 1964 году «Революционные вооруженные силы Колумбии – Народная армия» (*Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia – Ejército del Pueblo, FARC-EP*) провозгласили своей целью вооруженный захват власти с тем, чтобы покончить с социальным и экономическим неравенством, осуществить радикальную аграрную реформу и создать новое государство, основанное на принципах марксизма-ленинизма и наследии Симона Боливара. Связь с крестьянским движением и его требованием перераспределения земли сыграла первостепенную роль в возникновении FARC, в первоначальных успехах герильи и влиянии партизан на исходном этапе. Начавшись в неподконтрольной государству крестьянской «Республике Маркеталия» в высокогорных районах департамента Толима, герилья FARC к середине 1990-х распространилась на большую часть национальной территории, создав контролируемые партизанами зоны в 24 из 32 департаментов страны. В этих районах FARC организовали собственную систему революционной власти; всегда слабое в этих местах государство практически исчезло на четыре с лишним десятилетия. Во второй половине 1990-х партизанские отряды FARC, по разным оценкам, насчитывали до 21 тысячи человек, не считая многих тысяч связанных с FARC членов городской герильи⁵.

Партизанское движение такого масштаба и такой продолжительности, очевидно, не могло действовать без существенной поддержки населения, по крайней мере на заре своей деятельности. Иначе оно неизбежно

4 Duzán M.J. *Petro y la vocación de poder de la izquierda colombiana* // El País. 2022. 30 de abril (<https://elpais.com/opinion/2022-04-30/petro-y-la-vocacion-de-poder-de-la-izquierda-colombiana.html>).

5 См.: NUSSIO E., UGARRIZA J.E. *Why Rebels Stop Fighting: Organizational Decline and Desertion in Colombia's Insurgency* // International Security. 2021. Vol. 45. № 4. P. 177.

разделило бы судьбу тех партизанских очагов, которые в 1960-е создавались практически во всех странах Латинской Америки, включая самый известный из них – боливийскую герилью Эрнесто Че Гевары 1966–1967 годов. Эта поддержка в первую очередь была обусловлена крайним неравенством в распределении земельной собственности как в зонах натурального сельского хозяйства, так и в районах производства кофе – основной экспортной культуры Колумбии⁶. Однако с течением времени низовое участие становилось все более вынужденным, поскольку жители партизанских районов попадали в полную зависимость от власти вооруженных людей. «El que tiene las armas manda» – «Распоряжается тот, у кого оружие». Партизанское движение все больше начинало работать на себя, генерируя собственную логику самосохранения и самовоспроизводства. «Малый мотор» герильи, который, согласно теории «партизанского очага» Эрнесто Че Гевары и Режи Дебре, должен был запустить механизм народного восстания, не только работал вхолостую, но и воспроизводил худшие традиции национальной истории. За пять десятилетий войны на счету FARC оказались массовые убийства и бессудные казни, пытки, захваты заложников и чудовищная практика похищений военных, чиновников, политиков, журналистов, предпринимателей, иностранных граждан – с целью вымогательства денег или политических уступок. По

имеющимся данным, FARC участвовали в похищениях от трех до десяти тысяч человек. Похищенных зачастую держали в заключении по нескольку лет; более пятисот из них погибли. Одна из самых известных историй такого рода – похищение в 2002-м Ингрид Бетанкур, которая в том году была кандидатом в президенты; ее освободили в результате военной операции только через шесть с лишним лет. Как полагает генеральная прокуратура Колумбии, в 1999–2012 годах FARC получили в виде выкупа за похищенных 960 миллионов долларов⁷. С начала 1980-х, по мере того, как наркоторговцы в Колумбии переключаются с марихуаны на кокаин и возникают печально знаменитые картели Кали и Медельина, FARC включаются в наркоторговлю, сначала взимая с крестьян, выращивающих листья коки, а также с наркоторговцев так называемый «революционный налог», а затем и непосредственно подключившись к производству кокаина. Неудивительно, что образ левых в Колумбии прочно и надолго связался с преступлениями, убийствами и насилием.

FARC были крупнейшей, но не единственной партизанской армией, действовавшей в Колумбии. В 1964 году была создана «Армия национального освобождения» (Ejército de liberación nacional, ELN), а в 1967-м – «Народная армия освобождения» (Ejército popular de liberación, EPL). Параллельное существование трех партизанских армий

6 В 2008 году 17 670 собственников (0,04% населения Колумбии) владели 64% всех земельных угодий страны, в то время как 80% животноводческих хозяйств находилось за чертой бедности (*Tierras ociosas // Semana*. 2008. 28 de junio (https://web.archive.org/web/20080831203446/http://www.semana.com/wf_InfoArticulo.aspx?IdArt=113091)). 79% кофейных хозяйств, на долю которых приходится до половины урожая колумбийского кофе, – семейные фермы, занимающие менее двух гектаров и обходящиеся без наемного труда; напротив, их работники сами часто вынуждены наниматься в более крупные хозяйства. Речь идет о 546 тысячах семей – то есть о полутора миллионах человек. См.: HERRÓN ORTÍZ A. *Producción de café en las zonas no tradicionales*. Bogotá: Universidad del Rosario, 2013 (www.urosario.edu.co/Mision-Cafetera/Archivos/Zonas-no-tradicionales-antonio-Herron.pdf).

7 См.: FERNÁNDEZ A. *A punta de secuestros, FARC recaudó USD \$960 millones en 13 años // Panampost*. 2019. 14 de enero (<https://es.panampost.com/felipe-fernandez/2019/01/14/secuestros-farc/>).

объяснялось расколом в латиноамериканском революционном движении, произошедшим в 1960-е. FARC были генетически связаны с промосковской Колумбийской коммунистической партией, хотя со временем все больше отделялись от нее и организационно, и политически. EPL составила военное крыло прокитайской Марксистско-ленинской коммунистической партии Колумбии, а ELN была создана прокубински настроенными коммунистами, включив в себя также молодежное крыло Либеральной партии и сторонников «теологии освобождения» – левой католической доктрины, одним из ярких представителей которой был священник-партизан Камило Торрес Рестрепо, погибший в бою с правительственными войсками в 1966 году. В 1973-м возникает самая, пожалуй, эксцентрическая партизанская организация – «Движение 19 апреля» (М-19). Она объединила диссидентов FARC и ELN, считавших необходимым перенести центр тяжести вооруженной борьбы из сельских районов в города, с социалистическим крылом партии «Национальный народный альянс» (Alianza Nacional Popular, ANAPO). Эта популистская партия была создана бывшим диктатором Рохасом Пинильей с целью разрушить политическую гегемонию чередовавшихся у власти партий Национального фронта – либералов и консерваторов. На президентских выборах 19 апреля 1970 года Рохас Пинилья набрал, согласно официальным подсчетам, 39,6% голосов, пропустив вперед кандидата Национального фронта, консерватора Мисаэля Пастрану, с 41,2% голосов. Разница в 63 тысячи голосов была воспринята оппозиционной частью общества как очевидное свидетельство электорального подлога. Именно на волне вызванных этим протестов и возникает М-19.

В отличие от своих предшественников, эта организация провозглашает своей идеологией национализм и демократический социализм, а главной целью – установление в Колумбии демократии, что в условиях фактического сговора либералов и консерваторов звучало вполне актуально. Вооруженная стратегия М-19 была ориентирована на то, чтобы произвести наибольший политический и пропагандистский эффект: так, в январе 1974 года члены организации похитили шпагу Симона Боливара, хранившуюся в его дом-музее в Боготе. В феврале 1980-го М-19 захватывает посольство Доминиканской Республики во время проходившего там дипломатического приема по случаю Дня независимости. В результате в заложниках оказались шестнадцать иностранных послов, включая посла США и папского нунция. Только после двух месяцев переговоров захватчики и заложники вылетели на Кубу, где пленники были освобождены. (По некоторым данным, М-19 получила три миллиона долларов, но не добилась выполнения главного требования – освобождения 315 находившихся в тюрьмах партизан.) Самым кровавым из пропагандистских актов М-19 стал захват Дворца правосудия в Боготе, произведенный в ноябре 1985 года. В результате штурма дворца полицией и спецназом погиб 101 человек, среди которых оказались одиннадцать судей Верховного суда Колумбии, включая его председателя, адвокаты и судебские служащие, а также полицейские и военные. В ходе штурма большинство нападавших были убиты. (Армия и полиция действовали предельно жестоко; несколько человек из числа гражданских, включая работников обслуживающего персонала, которых видели живыми после окончания штурма, до сих пор числятся пропавшими без

вести, а трупы других спустя десятилетия были найдены в общих могилах. В последние годы несколько военных, участвовавших в операции, были осуждены на длительные сроки тюремного заключения.) Дворец правосудия со всеми хранившимися там документами практически полностью сгорел. Позже члены медельинского наркокартеля заявляли, что его глава Пабло Эскобар якобы выделил на захват дворца два миллиона долларов, поскольку был заинтересован в том, чтобы М-19 уничтожило судебные документы, связанные с готовящейся выдачей некоторых его сообщников американскому правосудию. Но члены М-19, признавшие спустя много лет захват дворца ошибкой, всегда отрицали связь с наркоторговцами. Наконец, М-19 отметились несколькими громкими похищениями политических, государственных и профсоюзных деятелей.

Ни одна другая страна Латинской Америки не знала партизанского движения такого размаха и длительности, как Колумбия. Немаловажную роль в его постоянной подпитке новыми кадрами играло соглашение о Национальном фронте, направленное на сохранение демократии. Закрытая двухпартийная система, исключавшая возможности социальных и политических изменений, выталкивала все новые поколения молодежи в вооруженную борьбу⁸. Власти противопоставили вооруженному насилию слева институциональное насилие – крупномасштабные полицейские и военные операции в партизанских

районах, включая их бомбардировки с воздуха. Так, в конце 1990 года в ходе операции «Зеленый дом» («Casa Verde») армия разрушила и сровняла с землей базовый лагерь FARC в одном из горных районов центральной Колумбии. Параллельно с этим в стране действовали нелегальные полувоенные формирования (*paramilitares*), так называемые «группы самообороны», создававшиеся государством, крупными землевладельцами, предпринимателями, военными, политиками, наркоторговцами с тем, чтобы вести борьбу с левыми, истребляя их физически и не оглядываясь при этом ни на какие правовые ограничения. Главными жертвами *paramilitares* становились обычные люди, крестьяне и жители небольших поселений, в которых подозревали сторонников партизан. Очень быстро структуры *paramilitares* пронизали основные институты колумбийского государства, взаимодействуя с консервативными деятелями, полицией, армией и устраняя оппозиционных политиков, журналистов, адвокатов. С 1980-х к этому добавилось насилие, развязанное кокаиновыми кланами, воевавшими друг с другом, а также с государством, прессой и обществом.

В течение четырех десятилетий (1970–2000-х) Колумбия была ареной сразу нескольких вооруженных конфликтов, пересекающихся друг с другом, переплетающихся между собой и перетекающих один в другой⁹. Число жертв этих нескончаемых внутренних войн – убитых, исчезнувших, искалеченных, насильственно согнанных с мест прожи-

8 Duzán M.J. *Petro y la vocación de poder de la izquierda colombiana*.

9 Символом постоянного воспроизведения (*reciclaje*) войны в Колумбии может служить биография Отонизля – главы «клана залива» (el Clan del Golfo), экстрадированного в конце апреля 2022 года в США. В конце 1980-х он был бойцом партизанской армии EPL; после ее роспуска в 1991-м стал членом полувоенной группы так называемой «самообороны», а затем главой мощного наркокартеля, который носит гордое самоназвание «Самообороны Колумбии имени Гаитана» (Duzán M.J. *El paro armado y el fantasma de Pablo Escobar* // El País. 2022. 10 de mayo (<https://elpais.com/america-colombia/2022-05-10/el-paro-armado-y-el-fantasma-de-pablo-escobar.html>)).

вания, принудительно мобилизованных, подвергнутых пыткам и сексуальному насилию – составляет около девяти миллионов человек, то есть почти 18% нынешнего населения, насчитывающего 51,6 миллиона. В 2022 году в Едином реестре жертв внутреннего конфликта в Колумбии числится 9 278 531 человек. По данным Национального центра исторической памяти, с 1958-го по 2018 год были убиты 261 619 человек, включая 214 584 гражданских и 46 675 солдат, полицейских и бойцов вооруженных организаций. Более 80 тысяч человек считаются пропавшими без вести. Наибольшее число жертв среди гражданского населения – 94 579 – приходится на долю *paramilitares*, 36 682 стали жертвами партизанских формирований и 9837 – государственных силовых структур¹⁰.

Огромные человеческие потери, разрушение экономики в зонах конфликта, где крестьяне вынуждены были переходить с производства кофе на выращивание листьев коки¹¹, блокирование дорог и целых регионов, похищения предпринимателей – все перечисленное, как ни странно, не помешало Колумбии оставаться одной из самых успешных в экономическом отношении стран Латинской Америки. На протяжении последних десятилетий главной характеристикой четвертой экономики континента была стабиль-

ность: ВВП сохранял постоянный, хотя и умеренный рост, и, в отличие от других латиноамериканских стран, Колумбия не переживала глубоких экономических провалов, гиперинфляции и долгосрочной стагнации¹². По контрасту с подавляющим большинством стран мира экономика Колумбии сохраняла положительные темпы роста в период экономического кризиса 2008–2009 годов и последовавшей за ним «великой рецессии». Колумбия – один из крупнейших экспортеров кофе, изумрудов и срезанных цветов; кроме того, она поставляет на мировой рынок нефть и нефтепродукты, уголь, никель, золото, драгоценные камни, бананы и текстильную продукцию. 75% населения страны проживают в городах, среди которых есть крупные агломерации с численностью населения более миллиона человек: Богота (10 миллионов), Медельин (4 миллиона), Кали (3,2 миллиона), Барранкилья (2,2 миллиона), Букарманга (1,2 миллиона).

Вместе с тем уровень экономического развития, измеряемый ВВП на душу населения, в Колумбии несколько ниже среднего латиноамериканского: в 2019 году эти показатели (по паритету покупательной способности) составляли 15 510 и 16 467 долларов США соответственно¹³. В стране, где 60% рабочей силы заняты в неформальном секторе, плоды экономического роста

10 См.: *Registro Único de las Víctimas (RUV). Unidad para la atención y reparación integral a las víctimas* (www.unidadvictimas.gov.co/es/registro-unico-de-victimas-ruv/37394); *Cifras del conflicto armado en Colombia en los últimos 60 años* // El Tiempo. 2018. 22 de octubre (www.eltiempo.com/justicia/investigacion/cifras-del-conflicto-armado-en-colombia-en-los-ultimos-60-anos-283920).

11 ACERO C. *Crisis cafetera, conflicto armado y cultivos ilícitos en el oriente caldense: el caso de Samaná* // Revista de Sociología y Antropología: Virajes. 2016. Vol. 18. № 1. P. 47–85 ([http://vip.ucaldas.edu.co/virajes/downloads/Virajes18\(1\)_4.pdf](http://vip.ucaldas.edu.co/virajes/downloads/Virajes18(1)_4.pdf)).

12 Средние темпы роста колумбийского ВВП составляли 5,5% в 1970-е, 3,4% в 1980-е, 2,7% в 1990-е, 4,1% в 2000-е, 3,6% в 2010-е (без учета экономического спада пандемического 2020 года, который стал для Колумбии самым рекордным за всю историю, составив -6,8%). Рассчитано по: WORLD BANK. *WDI Database Archives* (<https://databank.worldbank.org/source/wdi-database-archives>).

13 См.: WORLD BANK. *World Development Indicators: Size of the Economy* (<http://wdi.worldbank.org/table/WV.1>).

и стабильности достаются в основном меньшинству¹⁴. Доля населения, находящегося ниже национальной черты бедности, хотя и уменьшилась с 53% в начале XX века, никогда не опускалась ниже 30% и в последние годы снова начала расти (главным образом из-за пандемии): в 2021 году она составляла 39,3%¹⁵. Колумбия занимает третье место в Латинской Америке по уровню неравенства после Бразилии и Гондураса: коэффициент Джини в 2018 году составлял здесь 50,3%, а верхние 20% населения получали 55,4% доходов¹⁶. По уровню коррупции в 2021 году Колумбия находилась на 87 месте из 180 стран, что составляет средний для Латинской Америки показатель: существенно хуже, чем в Уругвае и Чили, но несколько лучше, чем в Бразилии и Мексике¹⁷. Очевидно, что страна живет одновременно в нескольких экономических плоскостях, сочетая высокий уровень развития городской промышленности и инфраструктуры с огромными секторами экономики выживания в сельских районах и на периферии городских агломераций.

Другим колумбийским парадоксом стало сохранение демократии в условиях войны и социальной поляризации. В Колумбии проводились регулярные выборы, действовали влиятельная политическая оппозиция, развитое гражданское общество, независимые средства массовой информации – вопреки тому, что представителей именно этих инсти-

тутов чаще всего убивали и похищали. Вместе с тем политическая система Колумбии до конца XX века сохраняла классические черты традиционалистского господства, унаследованные от XIX века. Политическая власть концентрировалась в ограниченном круге семей, из которых выходили президенты, губернаторы, крупные землевладельцы, промышленники, адвокаты, судьи и так далее¹⁸. Сохранение традиционной системы политического и экономического господства как раз и было главной целью соглашения 1957 года между консерваторами и либералами. Формально его действие прекратилось в 1974-м, однако фактически двухпартийная система (с определенным перекосом в пользу либералов) по инерции продолжала действовать до конца XX века. Ее истощение в условиях внутренней войны породило в Колумбии феномен современного правого популизма, получившего название «урибизм» (*uribismo*) – по имени 39-го президента страны Альваро Урибе (2002–2010).

К моменту прихода на президентский пост в 2002 году Урибе отнюдь не был аутсайдером в колумбийской политике: он занимал посты алькальда второго по значению города страны Медельина, губернатора департамента Антиокия, несколько раз избирался в сенат. Однако в 2002-м либеральная партия, к которой он принадлежал, отказалась поддержать выдвижение его кандидатуры на пост президента. Тогда Урибе

14 SANTA EULALIA I. *La doble cara de la economía colombiana* // El País. 2022. 7 de mayo (<https://elpais.com/economia/negocios/2022-05-07/la-doble-cara-de-la-economia-colombiana.html>).

15 См.: COMISIÓN ECONÓMICA PARA AMÉRICA LATINA (CEPAL). *CEPALSTAT: Bases de Datos y Publicaciones Estadísticas* (<https://statistics.cepal.org/portal/cepalstat/perfil-nacional.html?theme=1&country=col&lang=es>).

16 См.: WORLD BANK. *World Development Indicators: Distribution of Income or Consumption* (<http://wdi.worldbank.org/table/1.3>).

17 См.: TRANSPARENCY INTERNATIONAL. *Corruption Perceptions Index: 2021* (www.transparency.org/en/cpi/2021).

18 Выходцы из одиннадцати семейств – дети, внуки, братья, племянники и прочие близкие родственники бывших президентов Колумбии – не раз занимали пост главы государства на протяжении XIX–XX веков. Последним по времени в этом ряду был Хуан Мануэль Сантос (2010–2018), внучатый племянник президента Эдуардо Сантоса (1938–1942).

основал собственное движение «Главное – Колумбия» («Primer Colombia») и, выступив от него на выборах, выиграл их в первом туре, получив 54% голосов избирателей. В 2005-м он провел через конгресс конституционную реформу, которая позволяла президенту переизбираться на второй срок, и на выборах 2006 года повторил свой успех с еще большим отрывом от соперников, собрав 62,5% голосов. До сих пор Урибе остается единственным президентом Колумбии, которому удавалось победить в первом туре, причем дважды. Его успех и колоссальное влияние, которое он оказывал на колумбийскую политику в течение двух десятилетий нынешнего века, связаны с несколькими факторами.

Во-первых, проведение политики так называемой «демократической безопасности» (*seguridad democrática*) позволило существенно укрепить присутствие государственных силовых структур и гражданской администрации на территории страны. Предпринятое при Урибе военное наступление на партизанские районы, контролировавшиеся FARC и ELN, самое масштабное с середины 1960-х, привело к серьезному ослаблению и стратегическому отступлению партизанских сил, а также массовому дезертирству из их рядов – что, однако, не означало завершения вооруженного конфликта. Другая часть этого плана предполагала реализацию социальных программ в отдаленных районах; для этого использовались финансовые ресурсы, предоставленные США в рамках «Плана Колумбия». Этот план, принятый Вашингтоном в 1999-м, предусматривал

выделение Боготе в 2001–2016 годах десяти миллиардов долларов, предназначенных для борьбы с левыми повстанцами и наркоторговцами, а также запуска программ экономического и социального развития андских районов. Параллельно правительство Урибе, тоже при помощи США, развернуло наступление на наркомафию и, что особенно важно, в 2006 году объявило о принудительной демобилизации важнейшей группировки *paramilitares* – «Объединенных сил самообороны Колумбии» (*Autodefensas Unidas de Colombia* – AUC). (В целом с 2002-го по 2010 год были демобилизованы на индивидуальной и коллективной основе 53 810 бойцов партизанских отрядов и «групп самообороны».) Это позволило существенно улучшить ситуацию с безопасностью: количество похищений, 90% которых приходились на партизанские организации, снизилось с 2282 в 2002-м до 213 в 2010-м; за тот же период вдвое, с 29 000 до 16 000, сократилось число убийств, основная часть которых совершалась «силами самообороны». Особенно впечатляющим стало сокращение доли наркоторговли в национальной экономике: она снизилась с 7% ВВП в 1990-е до 1% ВВП в 2009 году¹⁹. Вместе с тем политика «демократической безопасности» сопровождалась грубейшими и массовыми нарушениями прав человека; в частности, 6402 человека, бессудно убитых полицией и военными с 2002-го по 2008 год, были выданы за погибших в бою партизан²⁰.

Во-вторых, период правления президента Урибе стал одним из самых

19 TAPIA A. *Fuerte caída de narcotráfico y secuestros marca gestión de Uribe* // La Tercera. 2010. 19 de junio (www.latercera.com/noticia/fuerte-caida-de-narcotrafico-y-secuestros-marca-gestion-de-uribe/).

20 См.: JURISDICCIÓN PARA LA PAZ. *La JEP hace pública la estrategia de priorización dentro del Caso 03, conocido como el de falsos positivos*. Bogotá. 2021. 18 de febrero (www.jep.gov.co/Sala-de-Prensa/Paginas/La-JEP-hace-p%C3%BABlica-la-estrategia-de-priorizaci%C3%B3n-dentro-del-Caso-03,-conocido-como-el-de-falsos-positivos.aspx).

успешных в экономическом отношении: инфляция снизилась до однозначных цифр, сократилась официальная безработица (не путать с неформальной занятостью), был заключен договор о свободной торговле с США, устойчиво росли ВВП и иностранные капиталовложения, что позволило заметно снизить уровень бедности – с 53% в 2002-м до 40% в 2010-м²¹. Важнейшим фактором этих успехов стала крайне благоприятная экономическая конъюнктура 2000-х и обусловленный ею высокий уровень цен на основные товары колумбийского экспорта. Казалось, правящим и господствующим группам удалось найти выход из глубокого социального и политического кризиса – посредством либеральных преобразований в экономике и силового решения внутреннего конфликта, но без разрушения традиционной системы господства. Альваро Урибе стал главной фигурой этой трансформации и самым влиятельным политиком страны; в последующее десятилетие именно он определял, кто станет следующим президентом. По данным социологических опросов, в 2010-м и 2018 годах народная поддержка кандидатов в президенты в решающей мере зависела от того, «на кого укажет Урибе» (*el que diga Uribe*)²².

Первый деятель, «на кого указал Урибе» – президент Хуан Мануэль Сантос (2010–2018), – оказался ненадежным сторонником вождя. В ноябре 2016 года он подписал всеобъемлющее соглашение о мире с FARC, которое предусматривало полное разоружение и демобилизацию партизан в обмен на амнистию всех, кто не был замешан в массовых убийствах и бессудных казнях, а также

на создание ими собственной политической организации, которой в течение двух следующих легислатур (2018–2022 и 2022–2026) гарантировались по пять мест в палате представителей и в сенате – в том случае, если новая партизанская партия не получит необходимого минимума голосов на парламентских выборах. (Кстати, соглашение 2016 года стало далеко не первым договором подобного типа в истории Колумбии. В 1980-е – начале 1990-х соглашения о мире и демобилизации между властями и повстанцами заключались неоднократно; однако всякий раз после их подписания и политической легализации партизан неизбежно начинались массовые убийства их бывших лидеров и рядовых бойцов. Так, почти 6000 членов Патриотического союза – партии, созданной FARC после мирного соглашения 1984 года, – были убиты, похищены или бесследно исчезли.) Перед подписанием документа 2016 года согласованный правительством и FARC текст был вынесен на референдум. Урибе выступил решительным противником мирного соглашения и главным организатором кампании «Нет», сторонникам которой удалось победить с минимальным перевесом: 50,21% против 49,78%. Тем не менее после внесения изменений, связанных с усилением юридической ответственности партизан за прежние преступления, соглашение все-таки было подписано и затем ратифицировано конгрессом. В 2017 году FARC демобилизовали основную часть своих бойцов (13 500), за исключением небольшой части диссидентов, которые решили продолжать вооруженную борьбу. Президент Сантос в связи с этими

21 CEPAL. *Op. cit.*

22 TORRADO S. *El uribismo encara la campaña presidencial en sus horas más bajas* // El País. 2022. 17 de enero (<https://elpais.com/internacional/2022-01-16/el-uribismo-encara-la-campana-presidencial-en-colombia-en-sus-horas-mas-bajas.html>).

событиями в 2016 году получил Нобелевскую премию мира.

Следующий, «на кого указал Урибе» – президент Иван Дуке (2018–2022), – напротив, был его верным учеником и стремился следовать принципам своего наставника в политике и экономике, саботируя при этом выполнение мирных соглашений. Однако именно в его президентство происходит необратимый, похоже, закат урибизма, «превращение его из локомотива правых, каким он оставался в течение последних двух десятилетий, в последний вагон»²³ – и в обузу на президентских выборах 2022 года. В этот период страна пережила невиданную в последние десятилетия волну массовых протестов. В 2018-м бастовали студенты университетов, выступавшие против урезания расходов на образование и силового подавления студенческих протестов. С ноября 2019-го до февраля 2020-го сотни тысяч колумбийцев выходили на улицы городов с требованиями социальных реформ, протестуя против экономической политики правительства, коррупции, невыполнения соглашений о мире, продолжающихся убийств общественных активистов, лидеров крестьянских и индейских общин, разоружившихся партизан. Эти протесты были прерваны пандемией COVID-19 в 2020 году, но в апреле 2021-го возобновились с новой силой, поскольку пандемия резко ухудшила экономическое положение беднейшей части населения²⁴. На этот раз предлогом стала предложенная правительством Дуке налоговая реформа, которая должна была перераспределить тяжесть налогового бремени на

средние слои. Это вызвало возмущение огромной силы: недовольные сразу же выдвинули требования отставки президента Дуке и основных гражданских, и в особенности военных, членов его правительства. Поскольку протестующие массово перекрывали шоссе и городские магистрали, правительство ввело в города войска, что еще больше обострило ситуацию. Протестная активность держалась десять месяцев, до января нынешнего года; на ее акциях 75 человек погибли, больше 2000 были ранены и несколько сотен задержаны. Основную часть протестующих составляла молодежь – поколение, которое ясно давало понять, что оно устало от урибизма.

Такой была обстановка накануне важнейших для страны президентских выборов, первый тур которых состоялся 29 мая 2022 года. Речь идет о решающей попытке разрыва с урибизмом, консервативным правым популизмом, экономической моделью, исключавшей большинство населения, – и тем самым об отказе общества от традиционной системы власти и господства. Эти надежды воплощает фигура Густаво Петро – лидера левой коалиции «Исторический пакт» («Pacto Histórico»), который имеет реальные шансы стать следующим президентом Колумбии. В отличие от недавно избранного чилийского президента Габриэля Борича, Густаво Петро – опытный политический боец, один из самых известных политиков страны. В 1977 году в возрасте семнадцати лет он вступил в движение М-19, где, будучи почитателем Габриэля Гарсии Маркеса, взял себе боевую кличку «команданте

23 Ibid.

24 Справедливости ради следует отметить, что Колумбия была на одном из первых мест среди латиноамериканских стран по объему государственной финансовой помощи предприятиям и населению. Правда, для 60% колумбийцев, занятых в неформальном секторе, соблюдение карантина означало выбор между болезнью и голодом.

программа не является социалистической: «Колумбии не нужен социализм, ей нужны демократия и мир»²⁶.

Первый тур выборов принес Петро 40,33% голосов избирателей и отрыв в десять с лишним процентных пунктов от Родолфо Эрнандеса, также прошедшего во второй тур и собравшего 28,15% голосов. Эрнандес – самый загадочный и непредсказуемый участник нынешних выборов. Богатый предприниматель, бывший алькальд города Букарманга, он устойчиво шел третьим в течение первых двух месяцев избирательной кампании с тем, чтобы в последние недели совершить рывок и обойти в первом туре лидера правой коалиции Федерико Гутьерреса, который рассматривался как основной противник Петро. Эрнандес позиционирует себя как антисистемный лидер и борец с коррупцией. Многие называют его колумбийским Трампом, с которым его действительно роднят и профессия (он городской девелопер), и непринужденный, чтобы не сказать хамский, стиль полемики, и отсутствие сколько-нибудь связанной, последовательной программы. В 2016 году он объявил себя «последователем великого немецкого мыслителя Адольфа Гитлера», правда, в 2021-м поправил себя, сказав, что оговорился: на самом деле в виду имелся Альберт Эйнштейн. Кроме того, Эрнандес прославился грубыми мизогинистскими и антииммигрантскими – направленными против венесуэльских беженцев – высказываниями. Одновременно он пред-

лагает построить дешевое жилье для всех колумбийцев, существенно сократить государственный бюджет, прекратить использование президентских самолетов и вертолетов, закрыть посольства Колумбии за рубежом, построить в необитаемом районе крепость, куда поместить всех преступников. Всю президентскую кампанию Эрнандес, которому 77 лет, провел в социальных сетях, за что и получил прозвище «старичок из TikTok»²⁷.

Так или иначе, почти 70% колумбийцев проголосовали в первом туре против истеблишмента, за изменения любой ценой. Федерико Гутьеррес, который получил 23,92% голосов, был поддержан всеми традиционными политическими силами Колумбии: и Урибе, и консервативная и либеральная партии сплотились вокруг него с тем, чтобы остановить Петро. Как только стали известны результаты, Гутьеррес немедленно призвал своих сторонников голосовать во втором туре за Эрнандеса. Возможный приход к власти Петро вызывает в политической элите такой страх, что она готова поддержать любого, лишь бы не его²⁸. Это серьезно осложняет задачу Петро во втором туре. Очевидно, что большая часть голосов Гутьерреса уйдет к Эрнандесу, поэтому для победы Петро необходимо собрать еще два миллиона голосов в дополнение к 8,5 миллиону, полученным им в первом туре. В условиях, когда избирательная борьба перешла из плоскости противостояния правых и левых в плоскость противо-

26 MARTINES AHRENS J., SANTAЕULALIA I. *Gustavo Petro: "Colombia no necesita socialismo, necesita democracia y paz"* // El País. 2021. 19 de septiembre (<https://elpais.com/internacional/2021-09-19/gustavo-petro-colombiano-necesita-socialismo-necesita-democracia-y-paz.html>).

27 OQUENDO C. *Rodolfo Hernández, un terremoto populista para la segunda vuelta presidencial* // El País. 2022. 30 de mayo (<https://elpais.com/america-colombia/elecciones-presidenciales/2022-05-29/rodolfo-herandez-un-terremoto-populista-para-la-segunda-vuelta-presidencial.html>).

28 SANTAЕULALIA I. *Gustavo Petro o Rodolfo Hernández: Colombia vota contra la tradición política* // El País. 2022. 30 de mayo (<https://elpais.com/america-colombia/elecciones-presidenciales/2022-05-30/gustavo-petro-o-rodolfo-herandez-colombia-vota-contrala-tradicion-politica.html>).

Аурелиано» – в честь персонажа, упомянутого в эпитафии. Его роль в М-19 была второстепенной, он не участвовал в вооруженных столкновениях и террористических актах. Избравшись в 1982-м муниципальным советником в родном городе Сипакира, Петро спустя два года, после заключения очередного соглашения о мире между правительством президента Белисарио Бетанкура (1982–1986) и партизанами М-19 и ELN, открыто объявил о своей принадлежности к М-19. В 1985-м, когда перемирие в очередной раз закончилось, он был задержан, подвергнут десятидневному допросу с применением пыток, после чего провел полтора года в знаменитой столичной тюрьме «La Modelo». В 1991-м М-19 прекратило вооруженную борьбу, что позволило Петро снова включиться в политическую деятельность. Он участвовал в работе Конституционной ассамблеи 1991 года, принявшей новую Конституцию Колумбии; несколько раз был депутатом палаты представителей, членом сената, алькальдом Боготы (2012–2015). В 2010 году Петро впервые выдвигает свою кандидатуру на пост президента страны – причем вопреки позиции партии «Альтернативный демократический полюс» («Polo Democrático Alternativo», PDA), одним из основателей которой он был. Переоценив свою популярность, Петро с 9% голосов занял лишь четвертое место, но это его не остановило. Выйдя из PDA, он создает новое движение «Колумбия для людей» («Colombia Humana») и вновь участвует в президентских выборах 2018 года. На них Петро проходит во второй тур и получает 42% голосов, пропустив вперед нынешнего президента Дуке²⁵. Иначе говоря, на протяжении четырех десятилетий Петро

участвовал в колумбийской политике во всех ее проявлениях – как вне системы, так и внутри нее. Его борьба, с коррупцией и *paramilitares*, разоблачение связей последних с политиками, включая бывшего президента Урибе, принесли Петро репутацию неутомимого упряма, которая составила основу его популярности.

На нынешних выборах Петро выступает как лидер антисистемной левой оппозиции, в первую очередь как противник истеблишмента, традиционной системы власти. Вокруг его кандидатуры сложилась широкая коалиция, которая олицетворяет стремление значительной части общества к обновлению. Эта коалиция включает наиболее активные социальные движения, в частности женские и афро-колумбийские. Руководительница последних, Франсия Маркес, выбрана Петро в качестве его кандидата в вице-президенты страны. Петро, несомненно, представитель современных левых, ориентированных на сохранение и развитие демократии, активную социальную и экологическую политику, защиту прав меньшинств. Он, в частности, предлагает создать национальный «антинефтяной» альянс, целью которого должен стать постепенный отказ от использования нефтепродуктов и переход к солнечной энергии. В случае прихода к власти Петро собирается провести аграрную реформу, которая была предусмотрена мирным соглашением 2016 года, но до сих пор даже не началась. Кроме того, его программа включает минимальное обеспечение интернетом социально незащищенных слоев населения, переход к государственной системе доступного для всех пенсионного обеспечения и здравоохранения. При этом Петро настаивает, что его

25 Согласно Конституции Колумбии, кандидат, собравший наибольшее число голосов после победителя президентских выборов, автоматически получает место в сенате, которое Петро и занимает в настоящее время.

стояния двух вариантов изменений, это очень тяжелая задача. Выступая на митинге своих сторонников после первого тура, Петро охарактеризовал ситуацию следующим образом: «Есть изменения, которые являются не изменениями, а самоубийством. Так чего мы хотим: изменений или самоубийства?»

Таким образом, второй тур президентских выборов в Колумбии, назначенный на 19 июня 2022 года, превращается в фактический референдум о самой возможности иметь первое в истории страны левое правительство и тем самым окончательно вывести общественный конфликт из проклятого колумбийского уравнения, где «левые = партизаны и террористы», а «правые = Урибе и *paramilitares*». Закончить, наконец, гражданскую войну и бесконечную историю, которая в Колумбии всегда повторялась как трагедия.

P.S.

Согласно результатам второго тура, Густаво Петро получил поддержку 50,44% избирателей и стал первым в истории Колумбии избранным президентом, представляющим широкую левую и левоцентристскую коалицию. Не менее важно, что новым вице-президентом стала женщина, чернокожая колумбийка Франсиа Маркес. Это без преувеличения исторический поворот для страны, которой всегда управляли традиционные элиты. Они сделали все, чтобы не допустить прихода левого политика на президентский пост: значительное большинство тех, кто в первом туре проголосовал за кандидата «стабильности и порядка» Федерико Гутьерреса, послушно поддержало во втором туре «бескомпромиссного борца с коррупцией и системой» Родолфо Эрнандеса.

Но этого оказалось мало. Петро удалось невозможное: он смог мобилизовать дополнительные 2,7 миллиона голосов, выиграв, в частности, четыре из пяти крупнейших городов Колумбии, за исключением Медельина, традиционного оплота правого консерватизма. Важнейшим условием для победы Петро (а это была его третья президентская кампания) стало соглашение о мире 2016 года и разоружение FARC. Тем самым с левых было снято проклятие насилия, более полувека лишавшее их демократической легитимности. Петро четвертый и, видимо, последний выходец из партизанского движения 1960–1980-х, ставший латиноамериканским президентом после Даниэля Ортеги (Никарагуа), Хосе Мухики (Уругвай) и Дилмы Русеф (Бразилия). Вместе с тем отрыв Петро от Эрнандеса во втором туре составил всего 700 тысяч голосов. Конечно, этого оказалось достаточно, чтобы не оставить сомнения в его победе; противники – Урибе, Дуке и Эрнандес, не дожидаясь окончательных результатов, публично признали Петро новым главой государства, что делает честь колумбийской элите. Но для 50-миллионной страны такой отрыв очень мал, что говорит о глубочайшем внутреннем расколе. В таких условиях Петро, подобно недавно избранному президентом Чили Габриэлю Боричу, будет крайне тяжело осуществлять преобразование, направленные на «демократическое развитие капитализма», о которых он говорил на протяжении избирательной кампании. Перед ним стоит задача несравненно более трудная, чем завоевание президентского поста: ему надо изменить саму социально-экономическую модель, не обманув ожиданий сторонников и не спровоцировав противников на разрушение демократических институтов. И все это – за четыре года без права переизбрания.

МАЙКЛ
МАРДЕР

Лес и выживание¹

I

Майкл Мардер (р. 1980) – философ, профессор философии Университета Страны Басков, старший научный сотрудник Икербаск – Научного фонда Страны Басков.

Прежде, чем отыскать тропу (одну из многих), которая приведет нас в лес, стоит задаться вопросом о смысле выживания. Что значит выжить – для человеческих и нечеловеческих существ, индивидов и сообществ, природ и культур? Означает ли это продолжать дышать, питаться и удовлетворять прочие базовые физиологические потребности, невзирая на постоянные угрозы или уже случившуюся катастрофу? Значит ли это жить после смерти других? Пережить саму жизнь?

По меньшей мере со времен Аристотеля западная философия проводит четкую границу между двумя видами жизни: с одной стороны, физической витальностью *zōē*, которую люди разделяют с прочими организмами, и, с другой стороны, духовной витальностью *bios*, жизнью разума и социального существования. Исходя из этого различия мы видим, что выживание, как и жизнь, разделено на две части. Жизнь против жизни; выживание против выживания. Таким образом, физиологическая жизнь была обесценена и признана незначительной по сравнению с духовным существованием. Метафизическая традиция Запада без колебаний жертвует обесцененной долей витальности ради жизни духа. И будучи исключенными из высших

1 Текст написан специально для этого номера «НЗ».

**ПОЛИТИКИ
ЛЕСА: СЛЕДУЯ
ЗА РАСТЕНИЯМИ**

042

сфер бытия, нечеловеческие существа и формируемые ими экосистемы служат подходящим материалом для этой жертвы.

Картина, которую я только что набросал очень широкими мазками, является идеологической предысторией нашей нынешней ситуации. Более того, эта идеология доказала свою несостоятельность – полную несовместимость с продолжением существования, с каким-либо видом жизни или выживания: тысячелетняя идеология выживания мешает динамике выживания в настоящем и в будущем. Отнюдь не абстрактная, эта идеология формирует более или менее скрытую инфраструктуру наших экономических практик и расчетов. Но, даже если в бухгалтерских книгах все подсчитано, мы просчитались в главном: оказывается, что так называемая высшая жизнь разума и культуры не может продлиться и секунды без витальности пищеварения и обмена веществ, свежего воздуха и воды, диапазона комфортных температур и здорового питания. Духовное выживание – искусства, мышления, культуры и даже технологий – зависит от выживания физического и физиологического. Устойчивость, в первую и последнюю очередь, является вегетативной: не мы, благодаря тщательно выверенным коллективным практикам, удерживаем мир, подобно мифическому Атланту, а растения, обеспечивающие ингредиенты для жизни и выживания, необходимые для всех прочих видов витальности.

Модус или модель выживания, задаваемые растительным миром, теперь очевидны: необходимо инвертировать систему ценностей и порядок бытия, диктуемые западной метафизикой. Поступая так, мы поставили бы на ноги перевернутую вверх дном, стоящую на голове реальность, где эфирные, иномирные, духовные основы понимались как нечто более важное и непреложное, чем жизнь в ее невыразимом разнообразии. Именно этот порядок отвлек нас от простого факта, что без растений нет ни жизни, ни выживания – без воздуха, который они регенерируют, без почвы, которую они обогащают, без питания, которое они обеспечивают. Но так же важно помнить, что инверсия не оставляет нетронутыми общие очертания структуры: теперь мы понимаем, что живые (но также развивающиеся, умирающие, разлагающиеся и, быть может, возрождающиеся) основы не вечны, а хрупки, что нет никаких гарантий их будущего сохранения.

Тем не менее, сколь бы радикальным это ни казалось, переворачивания перевернутых и извращенных систем ценностей недостаточно. Мы делаем еще один шаг, когда осознаем, что жизни животных и растений несводимы к простой витальности, к *zōē* лишенной *bios*, но что у них к тому же есть свои способы мышления, интеллект и социальность. После инверсии нужна реинтеграция двух видов жизни и выживания: интеграция, где каждый из них был бы проникнут другим, а не сохранялся во

взаимоисключающем состоянии. Жизнь разума не может быть отделена от жизни тела, как это было, скажем, в трудах Декарта. Точно так же жизнь ассамбляжа «разум-тело» (человеческих и нечеловеческих видов) не может быть отделена от среды. Выживание означает выживание организма и его мира: без пригодной для жизни и живой среды никто не выживет.

Не мы, благодаря тщательно выверенным коллективным практикам, удерживаем мир, подобно мифическому Атланту, а растения, обеспечивающие ингредиенты для жизни и выживания, необходимые для всех прочих видов витальности.

II

Можно ли выжить в лесу? Можно ли выжить без леса? Исторически сложилось так, что, когда речь заходит об этой экосистеме, в сознании европейских народов она ассоциируется с местом крайней опасности, грозящей индивидуальному и коллективному выживанию. Пространство для существования (на самом же деле для общества и цивилизации) должно было быть отвоено у нее в напряженной борьбе. В европейском фольклоре леса были густыми, непроходимыми, темными – все эти качества они разделяли с материей. Леса также были населены множеством духов. Римский *Silvanus* и этрусский *Selvans*, русский *лешуй*, польский *leszy* или сербохорватский *lešij*, а также германские «люди мха», или «лесной народ» (*Moosleute, Waldleute, Holzleute*), были одними из главных хранителей леса, которым помогали нимфы, эльфы, гномы и другие его невиданные обитатели. Сказки об этих (и связанных с ними) богах и полубожественных существах были наполнены ужасом перед неизвестным, перед тем, что казалось одновременно бесконечным и клаустрофобически замкнутым, лишенным горизонта (*horizonless*). То были рассказы культур, возникающих «на пределе» беспокойных, расположенных на краю огромных лесов, рассказы о неукротимой, дико разрастающейся материи как о том, что не вписывается в узкие ограничения (также зарождающегося) деспотического разума.

Культуры, которые в бесспорно суровых условиях возникли, как бы вытащив себя за волосы из болота, возникли из сопротивления лесу, – культуры, которые, таким образом, поднялись против леса, – оказались в трудном, самоподрывном положении. Согласно силлогизму, если (1) некоторые культуры поднимаются против леса, но (2) без леса нет жизни, то (3) эти

культуры поднимаются против жизни². Вызов, с которым столкнулись такие культуры, по своим масштабам и последствиям стал глобальным. Пустыни, растущие по всему миру в результате вырубки лесов, суть среды, которые наилучшим образом соответствуют сухой абстракции глобальности, унаследованной от «опустынивания» и дематериализации разума.

До этого не должно было дойти: дух мог бы быть восприимчивым к материи, быть в лесу как дома, в то время как культура могла бы означать заботу и культивирование жизни. По сути, индийский писатель Рабиндранат Тагор в «Религии леса» сообщает, как духовная полнота тех, кто «входит во все сущее» (*sarvam evā viśanti*), переживается в лесу: «идеал совершенства, проповедуемый лесными жителями древней Индии, проходит через сердце нашей классической литературы и продолжает доминировать у нас в разуме»³. Они входят (*viśanti*) во все сущее в лесу, позволяя темно-зеленым вратам, открывающим путь к совершенству и единству с миром (который не является и никогда не может быть *глобальным*), сам этот мир выражать. Благодаря этому они находят прибежище (*praviśanti*) во всем. Лес и те, кого он укрывает, становятся неотличимыми от бога Кришны, который, заявляет Арджуне в «Бхагавадгите»:

Всех существ Я душа [*ātmā*], Гудакеша,
в самом сердце Я их пребываю [*sarvabhūtāsāyasthitah*];
Я – начало их, Я – середина,
и конец всех существ я также⁴.

«Пребывающий в самом сердце всех существ» Кришна, лес и древнеиндийские лесные обитатели суть дыхание всего; они сходятся в *атмане*, или в *брахмане*, который является «чувством единства высшей реальности»⁵. Не только выживание, но и высочайший уровень витальности неразрывно связаны с пребыванием в лесу.

Говоря о лесе, Тагор делится с читателями любопытным, пускай и сомнительным с антропологической точки зрения, наблюдением. Его слова стоит привести полностью:

«История европейских северян созвучна музыке моря... В море природа предстала перед этими людьми в образе опасности, преграды, которая, казалось, пребывала в постоянной войне с землей и ее детьми. Море было вызовом дикой природы непокорной

- 2 Вместе с Люс Иригарей я обрисовал это затруднительное положение в книге «Через растительное бытие: две философские перспективы» (IRIGARAY L., MARDER M. *Through Vegetal Being: Two Philosophical Perspectives*. New York: Columbia University Press, 2016). См., в частности, главу 2 «Культура, пренебрегающая жизнью».
- 3 TAGORE R. *Creative Unity*. London: Macmillan & Co., 1922. P. 46.
- 4 *Бхагавадгита* / Перев. с санскрита, иссл. и примеч. В.С. СЕМЕНЦОВА. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 58.
- 5 DONIGER W. *On Hinduism*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2014. P. 129.

человеческой душе... Но в равнинных лесных районах Северной Индии люди не находили преграды между своей жизнью и великой жизнью, которая пронизывает Вселенную. Лес вступил в тесную живую связь с их трудом и досугом, с их повседневными потребностями и размышлениями. Они не могли мыслить другие среды как отделенные или враждебные»⁶.

История, которую Тагор рассказывает о лесах Северной Индии, противопоставляя их морям Европы, будет рассказана, *mutatis mutandis*, более, чем двадцать лет спустя, Карлом Шмиттом в «Земле и море» и «Номосе Земли»⁷. Но история о лесе есть также история леса: для Тагора это место имманентности, а стало быть, и мира, тогда как столкновение суши и моря есть зона трансцендентности – разделения и войны. С философской точки зрения, стихийное противостояние, формирующее Европу, достигает пика в судьбоносном разрыве между материей и духом, в то время как отсутствие экологических барьеров в Северной Индии благоприятствует гилеморфическому развитию – духу, прорастающему из материи, и материи, внутренне сформированной духом. В рамках этой грандиозной схемы вряд ли учитывается, что в более глубоких «континентальных» частях Европы (Германия, Польша, Украина, Россия...) лес кажется всеохватывающим, а море находится вовсе не на авансцене стихий. Рожденная из опыта критского (минойского) существования на острове и, позднее, эллинского существования на архипелаге европейская мысль на протяжении всей своей истории испытывала влияние этого морского опыта.

Выживание с лесом или против леса в различных культурных традициях обусловлено – до и вне характерных для них господствующих метафизических систем – специфическими конфигурациями стихий, задающими векторы развития этих культур. Фундаментальные определения метафизики являются экологическими. В частности, хотя, согласно логике, очерченной Тагором, лес принадлежит к земной стихии, он не отделен от остальных стихий, собранных в имманентное целое; земля уже включает в себя четверицу земли, воды, воздуха и огня. Именно в этом смысле быть в лесу означает «пребывать в самом сердце всех существ»: лес – это синекдоха (часть, обозначающая целое) точно так же, как растение – синекдоха природы, а деревянная или древесная материя в греческом обозначении *hylē* – синекдоха материальности как таковой. Вот почему жизнь больше не противопоставляется жизни там и выживание не ставится выше выживания и против него. Эффективная синекдоха благоприятствует симбиозу – и не в последнюю очередь симбиозу *bios* и *zōē*.

6 TAGORE R. *Op. cit.* P. 46–47.

7 ШМИТТ К. *Номос Земли в праве народов jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008.

Согласно отчету Международного совета ботанических садов по охране растений (*Botanic Gardens Conservation International, BGCI*), опубликованному в начале сентября 2021 года, более 30% видов деревьев во всем мире находятся под угрозой вымирания. Если быть точным, это 17 500 видов деревьев, что превышает число всех находящихся под угрозой вымирания видов птиц, рептилий, амфибий и млекопитающих вместе взятых⁸. Три главные причины нынешней катастрофической ситуации в действительности связаны не с климатическим изменением, а с агрокультурой (вырубка деревьев ради производства зерновых), лесозаготовкой и животноводством (вырубка для сельского хозяйства или выпаса скота). То, что некогда содействовало человеческому выживанию в некоторых частях мира, теперь работает против выживания видов растений и животных, человеческих сообществ и пригодной для жизни планеты в целом. А значит, возвращаясь к моим вступительным замечаниям, нам надо обратить внимание на динамику выживания, зачастую весьма неоднозначную, и, прежде всего, извлечь ее глубинный смысл из леса, из самих растений.

Как мы уже видели, выживание не обязательно подразумевает противопоставление одной жизни другой, одного вида жизни другому или утверждение жизни за счет смерти. Для выживания и процветания крайне важно выковать хорошее отношение к смерти, к компосту природы и культуры, из которого может возникнуть новая жизнь и от которого жизнь неизменно подпитывается. Растения развенчивают многие наши предубеждения, касающиеся оппозиционных сочетаний, одним из которых является жизнь и смерть. Растения не только поддерживают связь с царством распада через корни, но и могут жить и умирать одновременно – расцвести в одних частях и разлагаться в других. Как пишет Авраам Б. Иегошуа в рассказе под названием «Лицом к лицу с лесом»: «Невесомая, [хвоя] беспрестанно сыплется сверху; строгий игольчатый наряд сплетен из неразделимых нитей жизни и смерти»⁹.

Выживание одного дерева, питающегося еще и собственными гниющими опавшими листьями и плодами, зависит от метаморфоз компоста, которым способствуют хрупкие сообщества микроорганизмов, грибков и бактерий, «переваривающих» органическую материю. Не существует леса без этого непрерывного переваривания древесной материи в свежий гумус. Выживание отдельного человека в равной степени обязано трудам, которые растворились в недрах существования, в том числе и

⁸ См.: www.bgci.org/news-events/bgci-launches-the-state-of-the-worlds-trees-report/.

⁹ Иегошуа А. Б. *Лицом к лицу с лесом* // Он же. *Сборник рассказов*. М.: Гешарим; Мосты культуры, 2001.

в недрах языка, трудам, которые продолжают питать будущий рост. Не бывает культуры без этого упорного впитывания продуктов человеческой деятельности, утративших исходную идентичность и узнаваемую форму, в непрозрачные основы того, что составляет живую культуру.

Еще один урок, который мы можем извлечь из выживания растений и лесов, касается разделяемой природы этого феномена. Выживание неизменно является результатом жизни, проживаемой с другими (даже с теми, кого уже нет в живых, и уж точно с иными-чем-людьми); по-испански мы могли бы сказать: *supervivencia es convivencia*. Растения выживают с другими растениями, с которыми у них общие корни или биохимические системы связи, с микроорганизмами в переходных зонах кроны и органическим веществом, которое эти микроорганизмы помогают разлагать, с животными и людьми, повсюду разносящими свои генетические материалы. Что бы теории выживания наиболее приспособленных нам ни говорили, в их исходном биологическом смысле или в прикладном социокультурном, выживание происходит с другими, в их компании, а не ценой их жизни. Уничтожение леса – это не только лишение нас самих и бесчисленных других видов растений и животных шанса на выживание; оно по тому же принципу наносит ущерб выживанию выживания, его базовой логике или артикуляции.

Коллективная природа выживания, воплощаемая в лесу, делает выбор между типами жизни – *zōē* или *bios*, биологией или культурой-духом – устаревшим. Также устарело предпочтение, отдаваемое экологии или экономике, предпочтение, которое традиционно опиралось на то же различие между типами жизни. «Зеленые» экономики, необходимые в наши дни, упустят главное, если метафорически окрасят экономическое здание в зеленый цвет, ограничив изменения уровнем красочной поверхностности. Глубокая интеграция двух областей начнется с осознания, что экономика и экология вращаются вокруг одного и того же, что отражено в общей первой части двух слов: *эко-*, от греческого *oikos*, жилище. И то и другое изначально мотивировано беспокойством и заботой о жилище, что несводимо к застройке сред или требующимся для этого строительным материалам, а включает в себя – в самом широком смысле – весь живой и пригодный для жизни мир. Лес – оплот жилища и множество жителей. Без него нет ни экологии, ни экономики; нет *oikos*. Таким образом, нет задачи, более важной, чем обеспечение его выживания.

Перевод с английского Дениса Шалагинова

В растительном мире происходит нечто иное, возможно, нечто, что следовало бы назвать искусством.

Донна ХАРАУЭЙ. «Оставаясь со смутой»¹

Необходимость оперировать различными режимами видимости и видения как в теоретическом поле, так и в жизненной практике играет важную роль в экологических отношениях. Это подводит нас к вопросу об экологиях внимания, концептуализировать которые можно и как техники фокусировки социализированного человеческого взгляда, и как зоны интенсивности нечеловеческого восприятия. Четкое видение и стремление к полной видимости не всегда оказываются дефолтным или желанным модусом восприятия: скажем, наше внимание может быть захвачено алгоритмическим режимом зрелища при погружении в технологические среды, а внимание животных работает избирательно, в соответствии с их «срезом окружающего мира», или умвельтом². Взаимодействие с растительным миром тоже предлагает нам богатый материал для размышлений о техниках и способах видения, и этот сюжет в последнее время часто вдохновляет художественные, теоретические и полидисциплинарные проекты. Если прежде заросли растений, поля и леса часто выступали в качестве «задника» – пейзажа, на фоне которого прокладывались дороги, разворачивалось то или иное событие социальной жизни или раскрывался центральный сюжет живописного полотна, – то сегодня, остро ощущая свою вовлеченность в экологические отношения, мы критически относимся к этой склонности воспринимать нечеловеческое (растения, технику и так далее) как фон. Как нащупать способы изменить это восприятие?

Задаваясь этим вопросом, следует рассматривать восприятие и познание видимого (а также восприятие и познание в целом)

- 1 ХАРАУЭЙ Д. *Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в Хтулуцене*. Пермь: Hyle Press, 2020. С. 161.
- 2 Вспомним исследования зрения лягушки, предпринятые Джеромом Леттвиным, Умберто Матураной, а также их коллегами и давшие импульс тем интуициям, которые Матурана впоследствии развил в рамках теории аутопоззиса; техники видения лягушки включают в себя определенную меру абстрагирования, и весьма значительные физиологические способности ее глаза к восприятию используются избирательно – в тех случаях, когда в поле зрения появляется движущийся темный объект небольшого размера, занимающий лишь малую часть поля зрения (подробнее см.: LETTVIN J.Y., MATURANA H.R., MCCULLOCH W.S., PITTS W.H. *What the Frog's Eye Tells the Frog's Brain* // *Proceedings of the Institute of Radio Engineers*. 1959. Vol. 47. № 11. P. 1940–1951).

Александра Владимировна Володина (р. 1988) – философ, преподаватель, научный сотрудник сектора эстетики Института философии РАН.

как процессы, возникающие только во взаимодействии человека со средой. В когнитивных науках этот подход получает свое обоснование в теории воплощенного познания, согласно которой материальность тела и его взаимодействия с окружающей средой не только обуславливают, но и конституируют познание. Лишь в окружающей среде и благодаря ей формируются навыки сонастройки среде – с пронизывающими ее отношениями, населяющими ее людьми и другими существами. В данном случае компоненты среды выступают не в качестве совокупности разнородных элементов, а как многослойное материально-семиотическое поле – поле сил, отношений, ограничений и возможностей. В одном из своих текстов антрополог Тим Ингольд формулирует близкий по духу тезис: чтобы вещи и существа могли взаимодействовать, «они должны быть погружены в своего рода силовое поле, создаваемое потоками окружающей их материальной среды»³.

Если прежде заросли растений, поля и леса часто выступали в качестве «задника», то сегодня, остро ощущая свою вовлеченность в экологические отношения, мы критически относимся к этой склонности воспринимать нечеловеческое как фон.

Стремление к (со)настройке со средой предполагает разную меру управления вниманием, более того – саму возможность задаваться вопросами о его мерах и режимах. Представляется, что именно с этим – как с возможностью исследовать другие, еще не освоенные, не закодированные и не размеченные способы внимания и восприятия – во многом связан сегодняшний интерес к процессам растительной жизни, биосемиотическим контекстам и формам сосуществования с растениями⁴. Темпоральность практик растительной жизни привлекает биологов, экологов, философов, антропологов, художников и прочих своей инаковостью: медленный, едва заметный растительный ритм обладает, что важно, способностью перспективно разворачиваться, о чем свидетельствуют исследования коммуникации растений, а также их предсказывающей активности. Биологи и биосемиотики в своих исследованиях обнаруживают, что растения могут не только системно реагировать на

3 См.: INGOLD T. *When ANT Meets SPIDER: Social Theory for Arthropods* // KNAPPETT C., MALAFOURIS L. (Eds.). *Material Agency. Towards a Non-Anthropocentric Approach*. New York: Springer, 2008. P. 213.

4 К примеру, в 2021 году состоялись не менее семи международных конференций, посвященных *plant studies*, и вышло в свет множество тематических научных публикаций. В арт-сфере в последние годы тоже можно обнаружить похожий всплеск интереса к этой теме.

неблагоприятные изменения среды, но и вступать в своего рода общение друг с другом, с помощью летучих органических соединений сигнализируя об опасности (при отсутствии очевидной выгоды для самого сигнализирующего растения)⁵. Но интересно, что, помимо системного реагирования, растения обладают способностью и к предсказывающей активности. Конечно, она отличается от соответствующих способностей человеческого сознания, которое создает максимально достоверные модели мира, позволяющие предсказывать будущее и минимизировать ошибки и излишние затраты ресурсов организма. Однако схожий механизм обнаруживается и в растительных организмах, где посредством электрохимических процессов передается исходящая (предсказывающая) информация и корректирующая ее входящая информация от среды, и оба эти процесса совершенствуют предсказательную способность и восприятие. Какие-либо репрезентирующие модели здесь, по всей видимости, отсутствуют: ползучее растение не обладает визуальным или иным образом скалы, по которой оно движется, его действия суть процесс и результат пластичной и настраиваемой сборки тела и среды:

«Их способность ориентироваться в незнакомых пространствах, таким образом, может зависеть от каскада предсказаний, предугадывающих входящие сигналы. [...] Предсказывающее поведение чрезвычайно важно для успешной адаптации и для того, чтобы избежать неожиданностей»⁶.

Растение в этом отношении функционирует как своего рода генеративная модель, которая распознает предоставляемые средой возможности и отвечает на них, в свою очередь принося в среду изменения. В самом деле, растения, пожалуй, и не могли бы позволить себе жить иначе: ошибки дорого им обходятся, ведь рост необратим, поэтому каждое действие совершается в процессе нахождения баланса со средой.

Растительная жизнь, таким образом, предполагает особые практики внимания – замедленного и допускающего неполноту восприятия. Росток дерева медленно и избирательно воспринимает среду, к которой адаптируется, и готов быть захваченным более быстрыми ситуативными процессами, вызванными стихией, животным или человеком. Такого рода внимание, с одной стороны, указывает на то, что активность отдельного растительного организма по преобразованию среды очень ограничена, а с другой, – свидетельствует о его способ-

5 См., например: HEIL M., KARBAN R. *Explaining Evolution of Plant Communication by Airborne Signals* // Trends in Ecology and Evolution. 2010. Vol. 25. № 3. P. 137–144.

6 См.: CALVO P., FRISTON K. *Predicting Green: Really Radical (Plant) Predictive Processing* // Journal of the Royal Society Interface. 2017. Vol. 14. № 131 (<https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rsif.2017.0096>).

ности к устойчивости и «тихому» сопротивлению, экономящему силы. Внимание растения, не пристальное, но в то же время и не пассивное, приглашает нас к экспериментам с режимами внимания; эти эксперименты могут обретать форму теоретических и художественных исследований. Список художников, работающих с растениями в этом ключе, мог бы занять не одну страницу – от проектов Агнес Мейер-Брандис, Селесты Бурсье-Мужено и Ольги Киселевой до идей, возникших на российском материале: «Лесная газета» и другие проекты Ильи Долгова или выставка-исследование «Природа в городе. Нечеловеческие гетеротопии» (2021) под кураторством Дарьи Болдыревой⁷. Кроме того, растительная жизнь, пожалуй, способна воодушевить на выработку тактик сопротивления – к примеру, пробуждая в памяти мощный культурный образ партизанской борьбы, которая разворачивается под укрытием леса, в сообщничестве с растительными зарослями, которые придают ей характер мерцающей (не)видимости⁸.

Растение функционирует как своего рода генеративная модель, которая распознает предоставляемые средой возможности и отвечает на них, привнося в среду изменения. Растения и не могли бы жить иначе: ведь рост необратим, поэтому каждое действие совершается в процессе нахождения баланса со средой.

В какой момент растения становятся видимыми или невидимыми для нас? В какой момент мы замечаем растительные среды (скажем, лес или заросли кустарника) и в какой мере присутствующий участвует в разворачивании зарослей как среды? Здесь стоило бы остановиться на феномене «растительной слепоты» (*plant blindness*). Этот термин был предложен Джеймсом Вандерзее и Элизабет Шусслер для характеристики человеческой неспособности замечать растения вокруг себя и осознавать их значимость – по причине недостатка знаний об их биологической ценности и специфике, в силу их визуальной однородности, их безопасности и малоподвижности⁹.

7 См.: MEYER-BRANDIS A. *One Tree ID – How to Become a Tree for Another Tree* (www.blubbblubb.net/OneTreeID/index.html); BOURSIER-MOUGENOT C. *Révolutions* (<https://varenne.art/exhibitions/23-celeste-boursier-mougenot-revolutions-french-pavilion-at-the-56th-venice-biennale-mona-exceptional/>); KISSELEVA O. *EDEN – Ethical Durable Ecology Nature* (www.kisseleva.org/); Долгов И. *Лесная газета* (<http://forestjournal.org/>); проект «Природа в городе. Нечеловеческие гетеротопии» (<https://readymag.com/nonhuman/nonhuman/>).

8 О растительном сопротивлении см., например: ТИМОФЕЕВА О. *Родина*. М.: Сигма, 2020. С. 54–55.

9 WANDERSEE J.H., SCHUSSLER E.E. *Preventing Plant Blindness // The American Biology Teacher*. 1999. Vol. 61. № 2. P. 85.

Проезжая на поезде по равнине, мы не вглядываемся в отдельные деревья за окном, в кажущийся однородным «плантшафт» (*plantscape*). Несмотря на то, что в некоторых культурах отношения между людьми и растениями обладали и продолжают обладать большой значимостью, стоит предположить, что человек склонен быстрее воспринимать и более чутко реагировать на животных, а не на «зеленый фон» вокруг. Лес кажется нам гомогенным, он подобен фоновому шуму. Отсылая к гегелевской «Энциклопедии философских наук», философ Майкл Мардер замечает, что в силу «линейности растительного роста и конститутивной неспособности растений к самообращению [*failure to return to itself*]¹⁰ кажется, будто они лишены души – внутреннего. У растения нет внутренней дистанции как способности посмотреть на себя со стороны (доступной, вероятно, только человеческому сознанию), однако мы понимаем, что если взглянуть на лес изнутри, оказавшись в нем и наблюдая за его изменениями, то дистанция неизбежно прояснится. Лес как неструктурированное целое растений, а также теней, укрытий и пустот между ними, несомненно, больше, чем просто совокупность растительных организмов; он полон внутренних взаимосвязей и отношений, и, очутившись в лесу, мы ощущаем их присутствие, хотя и не способны их распознать и представить себе во всей полноте. Находясь в лесу, трудно его «развернуть» и картографировать, описать объективно, через пристальное внимание, но можно отдать предпочтение избирательной чуткости к происходящему. Похоже, упомянутая «растительная слепота» столь устойчива (равно, как и наша способность к удержанию внимания в фоновом режиме), потому что она освобождает нас от необходимости чуткого включения в неосвоенные среды и принятия ответственности за это близкое взаимодействие – рискованное и непривычное. Ответственно и включенно взаимодействовать с растительными средами означает допускать частичную или полную невозможность их кодирования и картирования с помощью существующих культурных языков. Кажется, это одна из причин, по которым понятия обязательства и ответственности, в том числе перед нечеловеческими агентами и средами, играют важную роль в ряде современных философских концепций (в частности у Карен Барад¹¹).

Режим «растительной слепоты», похоже, не только обусловлен эволюционно, но и сопряжен с экономией зрительного

10 MARDER M. *Plant-Thinking: A Philosophy of Vegetal Life*. New York: Columbia University Press, 2013. P. 24.

11 Размышляя об этико-онто-эпистемологической проблематике в материалистической перспективе, Барад концептуализирует операции различения в человеческих и нечеловеческих, органических и неорганических сцеплениях, подчеркивая, что этика различения «состоит не в том, чтобы выбрать правильный ответ, а в ответственности (*responsibility and accountability*) в живых взаимоотношениях» (BARAD K. *Invertebrate Visions: Diffractions of the Brittlestar. Multispecies Salon*. Durham: Duke University Press, 2014. P. 234).

восприятия (или экономией энергии и предсказания). Разумеется, характер зрительного восприятия в природном ландшафте отличается от восприятия в ландшафте городском: в первом случае «время фиксации взгляда сокращается», поскольку он скользит среди вещей так, будто мы «беззаботно смещаем внимание с одного предмета на другой, не задерживаясь на мелких деталях, как это обычно происходит в городской среде»¹². В этих рассуждениях Колин Эллард опирается на исследования психологов Стивена и Рэйчел Каплан¹³, которые полагают, что, в отличие от нашего повседневного «городского» внимания и видения, которые требуют постоянных усилий по концентрации и настройке, в неантропогенных средах внимание «становится произвольным и легко переключаемым», благодаря чему и возникает эффект «перезагрузки». Кажется, здесь мы рискуем прийти к бинарной схеме пассивного и активного внимания, однако хотелось бы избежать такого соблазна. Режим скользящего, не пристального внимания вовсе не обязательно должен быть сопряжен с пассивностью и расслабленностью и тоже может обладать мерой деятельной и чуткой ответственности. Каким могло бы быть это ответственное внимание? Стивен и Рэйчел Каплан вводят понятие «слабой очарованности» (*soft fascination*), и, развивая этот мотив слабости и мягкости, здесь я хочу описать режим чуткого и ответственного восприятия растительных сред в терминах *слабого внимания*. Внимание такого рода не определяется пристальным и последовательным всматриванием; оно открыто для свободного схватывания (и для бытия схваченным), способно к разворачиванию в разных направлениях и к продолжительному самоподдержанию.

Погрузившись в среду в режиме слабого внимания, мы слышим лесной шум: лес – это не только растения, но и следы живых существ, меняющие окружающее пространство. Эта «зашумленная» среда сопротивляется точному переводу (поскольку перевод выводит нас в другой режим – сконцентрированного всматривания, и лес рискует потерять свою внутреннюю дистанцию и вновь стать либо «плоским» и невидимым, либо, напротив, чересчур зримым, разделенным на дискретные элементы). Перевод в знаковую систему культурных языков предполагает определенный уровень абстрагирования, определенное расстояние между говорящим и пространством, в котором и о котором он говорит, а выход из леса влечет за собой утрату внимания и смещает лес в область фона. Поэтому

12 Эллард К. *Среда обитания: Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие*. М.: Альпина Паблицер, 2021. С. 150.

13 См.: KAPLAN R., KAPLAN S. *The Experience of Nature: A Psychological Perspective*. New York: Cambridge University Press, 1989.

авторы художественных проектов, связанных с растительной проблематикой, зачастую работают с мотивом следа: обращая внимание на растительные следы или на растения как свидетелей следов чего-то иного, дабы сохранять временную и пространственную дистанцию и возможность активации слабого внимания. Характерный пример – недавняя выставка, организованная по итогам работы лаборатории «Vauhausa Lab» в музее Баухауса. Работая с гербарием 1930-х, собранным в лесах той же местности, где расположен сам Баухаус, участники выставки задались вопросами о том, может ли гербарий служить свидетелем индустриального загрязнения среды, которое оказывало формообразующее влияние на этот регион начиная с XIX века (учитывая, что и сам Баухаус не остался в стороне от этих процессов), а также о том, что могла бы представлять собой забота о постиндустриальных ландшафтах и о тех, что мы безвозвратно утратили? Другой пример куда более пронзителен: речь о совместном проекте Майкла Мардера и Анаис Тондер под названием «Чернобыльский гербарий». В этом альбоме наряду с текстами представлены фотографии – отпечатки, оставленные на чувствительной фотобумаге радиоактивными растениями, которые были выращены в зоне отчуждения. Эти эстетически притягательные изображения, не несущие в себе никакого – скрытого или явного – дополнительного кода, кроме физического следа катастрофы, пробуждают наше слабое внимание и в то же время порождают все новые и новые смыслы (безусловно, в 2016-м, то есть в год создания проекта, эти смыслы отличались от тех, что неумолимо возникают перед нами сегодня, в марте 2022 года). В предисловии авторы пишут:

«Как и всегда, [здесь] растения станут нашими проводниками, вновь соединяя нас с (безнадёжно загрязненной) почвой, возвращая значение останкам и следам и помогая нам представить себе такое свидетельство, которое уважает абсолютное молчание. Образы, мысли и опыты, нашедшие место в этой книге, колеблются в серой зоне между единичным и замкнутым в себе, с одной стороны, и общеприменимым и универсальным, с другой»¹⁴.

Эти размышления обращают нас к широкой семиотической проблеме неразличимости знака и материи, для исследования и работы с которой сегодня ищутся концептуальные языки в разных областях знания и художественной практики.

Но ведь лес не только полон следов, но и динамичен, и эту динамику мы можем наблюдать только изнутри лесного пространства. Погрузившись в него и отказавшись от присталь-

14 MARDER M., TONDEUR A. *The Chernobyl Herbarium: Fragments of an Exploded Consciousness*. London: Open Humanities Press, 2016. P. 11.

ного всматривания, мы сталкиваемся с непрямой линией действительности, которая не очевидна в открытом, обозримом или упорядоченном пространстве. В своих лекциях Владимир Бибахин описывал это как выход из метрического пространства, который становится возможным благодаря лесу:

«Кажется, видение леса иначе, чем хозяйственно и эстетически, не требует подготовки, хотя *заслонено* тем “привычным” и бывает редко. [...] Похоже, что то объяснение этого, что в лесу плохая видимость и не видны привычные ориентиры, все-таки уже рационализация того опыта, который в разной форме есть, наверное, у многих, что лес выводит из метрического пространства, то есть присутствие деревьев, нахождение среди деревьев, как это говорится, внушает, или навевает, или усыпляет, лексика тут может быть разная, но она и должна быть такая из-за странности опыта, который именно не дается описанию»¹⁵.

В приведенной цитате можно увидеть неявное указание на то, что ощущение «непривычности» соприсутствия с лесом, нечто «внушающим» или «навевающим», вызывает не только сама недешифруемая его сплетенность, но и особым образом настроенное внимание. Это ощущение непривычности стирается, когда размышление о растениях возникает в специально созданных или размеченных средах городских проспектов и выставочных пространств. Ведь здесь существенно, что, распознавая нечто как специфическую среду или систему (скажем, биологическую или экологическую), мы тем самым уже размечаем ее с помощью того или иного языкового кода. Кодирование неизбежно сопутствует производству смысла (не только в сознательном восприятии и коммуникации, но даже на межклеточном уровне биохимических взаимодействий¹⁶). Но удерживание его в неполном режиме может создать условия для слабого внимания. Таким образом, мы подходим к идее внимательного поддержания баланса между слабостью и скольжением и чутким видением, запускающим процесс означивания и дешифровки, но удерживающим его в слабой позиции.

Возможно ли создание зон и сред, приглашающих к слабому, но ответственному вниманию? Или слабое внимание активно участвует в производстве таких сред, внезапно заявляя о себе в располагающем к тому пространстве? Коль скоро из осмысленного таким образом леса нельзя выйти без того, чтобы перестать его понимать, тогда создание леса как произведения искусства или как технического проекта едва ли возможно, ведь

15 Бибахин В. В. *Лес (hyle)*. СПб.: Наука, 2011. С. 21.

16 Подробнее см., например: HOFFMEYER J. *Some Semiotic Aspects of the Psycho-Physical Relation: The Endo-Exosemiotic Boundary* // SEBEOK T. A., UMIKER-SEBEOK J. (Eds.). *Biosemiotics: The Semiotic Web*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992. P. 101–123.

такой акт по необходимости подразумевает дистанцию. Участие в создании «диких», искаженных, «лесных» сред в таком случае должно представлять собой не перевод понятий, идей или образов на тот или иной язык культуры, а скорее перевод неотделимых от жизненной материи отношений, управляемый слабым вниманием, то есть перевод заведомо неточный. «Дикое» здесь указывает на неосвоенность и непривычность не только в растительных, но и в культурных средах: на стихийно возникающие, неконвенциональные художественные (или околохудожественные) практики. Избегая институционализации, а также дискурсов, принятых в сфере современного искусства, и оставаясь в поле искусства «любительского», такие практики могут порождать разнообразие эстетических объектов или сред (например пространственные композиции или конструкции, создаваемые художниками-самоучками в собственных дворах или просто под открытым небом; среди знаменитых построек и сред такого рода – «Идеальный дворец» Фердинанда Шеваля). Попытки их интерпретации в большинстве случаев затруднены как в искусствоведческой перспективе, так и с позиции простого зрителя, что указывает на способность этих сред к сдерживанию культурного кодирования и, как следствие, удерживанию неразмеченных пространств. Условия эстетического восприятия этих «диких» арт-сред можно было бы, как и в случае с растительной средой, усмотреть в слабом внимании. Интересный взгляд на появление арт-сред предлагает самарский художник-самоучка Александр Емельянов – живописец и создатель любительского музея. В комментариях к собственным работам он формулирует «закон» возникновения художественных сред следующим образом:

«На социальной территории, где обнаружена сформированная непрофессиональная арт-среда, в округе должно быть как минимум два или более мелких “художественных” объекта, которые обычно не попадают в поле исследования из-за их “мелкости” (незначительности)»¹⁷.

Его идею можно интерпретировать, развернув ее в отношении процессов восприятия: для выявления «дикой» художественной среды наше слабое внимание должно обратить на себя два–три незначительных (едва размеченных) искажения. Почти незаметные, но ощутимые импульсы приглашают к вниманию и тем самым позволяют обнаружить целую среду, малозаметную и неясную, но доступную для взгляда и участия (а может быть, и творческого расширения). Хотя сегодня креативность и создание сред (например в рамках урбанистических

17 Емельянов А.В. *Закон 1+2 для НАС (народных арт-сред)* // Syg.ma. 2018. 12 мая (<https://syg.ma/@alieksandr-iemielianov/zakon-1-plus-2-dlia-nas-narodnykh-art-sried>).

проектов) зачастую воспринимается как привилегия «креативного класса» и курируется в специально созданных творческих пространствах, вернакулярное, любительское, «дикое» в культуре и искусстве способно преобразовывать повседневность, «выявляя и высвечивая обыденное как зону утверждения, сопротивления, аффекта и потенциальности»¹⁸.

Лес не только полон следов, но и динамичен, и эту динамику мы можем наблюдать только изнутри лесного пространства. Погрузившись в него и отказавшись от пристального всматривания, мы сталкиваемся с непрямолинейностью действительности, которая не очевидна в открытом, обозримом или упорядоченном пространстве.

Практики обживания и наблюдения *изнутри* (в большей степени, чем разметки и кодирования) «диких» сред таят в себе политический заряд. Мягкость слабого внимания создает условия для заботы – ответственной вовлеченности, избегающей насильственного перевода, кодирования и декодирования. Забота направлена на сопричастие в ситуациях неясности и абсурдности, невозможности абстрагироваться – в ситуациях, где затруднены целенаправленное действие и возможность объективного взгляда. «Лесные» среды могут оставаться свернутыми, избегая целенаправленности и выпрямления, а забота, скрытая в этих складках, поддерживает наши силы в скомканные, безнадежные времена.

18 EDENSOR T., LESLIE D., MILLINGTON S., RANTISI N.M. *Introduction: Rethinking Creativity: Critiquing the Creative Class Thesis* // IDEM (Eds.). *Spaces of Vernacular Creativity: Rethinking the Cultural Economy*. New York: Routledge, 2010. P. 10.

О моделях и примерах: инженеры и бриколеры в антропоцене¹

ЭДУАРДУ
ВИВЕЙРУШ
ДЕ КАСТРУ

Только дикари, крестьяне и жители провинции способны так хитро и всесторонне обдумать свои дела; поэтому, когда они от мысли переходят к делу, они действуют наверняка.

ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК. «Музей древностей»²

МИЗАНТРОПОЦЕН

Об антропоцене написано уже много – а мы едва начали, – и все же удивительно, сколь мало существенного было сказано о том, «что делать» (и чего не делать), не говоря уже о том малом, что делается. Этот специальный выпуск³ – разговор между представителями естественных и общественных наук; думаю, его можно считать научной встречей, проводящей линию «новых дисциплинарных альянсов в антропоцене»⁴. Тем не менее я не могу не заметить, что, хотя науки о системе Земли (*Earth System Sciences*)⁵ способны дать нам очень хорошее представление о том, что происходит на нашей планете и что нужно (многое) или можно (немногое) сделать, чтобы справиться с надвигающейся катастрофой, ни традиции естественных, ни традиции общественных наук на самом деле не могут сказать нам, как это сделать. Переход от знания к действию чреват неизвестностью, и в данном случае он, похоже, требует мобилизации иных способностей, нежели *epistémé* или, если уж на то пошло, *techné*. Я имею в виду нечто вроде хитрости (*mêtis*): осмотрительную смелость, гибкое упорство, много политического (и немного физического) мужества, определенный радостный пессимизм и хорошо отточенные риторические навыки, в частности, навыки рассказчика⁶.

Эдуарду Вивейруш де Кастру (р. 1951) – антрополог, профессор Национального музея Бразилии при Федеральном университете Рио-де-Жанейро.

- 1 Перевод выполнен по изданию: VIVEIROS DE CASTRO E. *On Models and Examples: Engineers and Bricoleurs in the Anthropocene* // *Current Anthropology*. 2019. Vol. 60. № 20. P. S296–S308.
- 2 Перев. по: БАЛЬЗАК О. ДЕ. *Музей древностей* // Он же. *Собрание сочинений: В 24 т.* М.: Правда, 1960. Т. 6. С. 442. Этот отрывок служит эпиграфом к книге Леви-Стросса «La pensée sauvage» (1962). Очевидно, он был опущен в английском издании этой книги 1966 года.
- 3 См.: www.journals.uchicago.edu/toc/ca/2019/60/S20. – Примеч. перев.
- 4 JENSEN C.B. *Thinking the Earth: New Disciplinary Alliances in the Anthropocene* [2021] (www.academia.edu/28962338/).
- 5 LENTON T. *Earth System Science: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- 6 О «радостном пессимизме» Делёза, в отличие от «разочарованного оптимизма» Негри, см.: ZOURAVICH-VILLI F. *Les deux pensées de Deleuze et de Negri: une richesse et une chance* // *Multitudes*. 2002. № 9 (www).

Как бы то ни было, независимо от того, решат ли научные комитеты сделать название «антропоцен» официальным, сам этот концепт определен в геологических терминах, а время его возникновения четко зафиксировано. Что бы ни заявляли, обещали и выдумывали власть имущие, сколь бы яростными ни были манифесты и протесты эколополитических активистов, сколь более жутким ни оказывался бы каждый последующий отчет МГЭИК⁷, вероятно, лишь одно выходит за пределы обособленного сомнения (с антропологической точки зрения): мы вступили в новое «осевое» историко-метафизическое время, новый «климат истории». Этот климат порождает то, что все больше походит на смену космологической парадигмы, – новое мировоззрение, в котором сами значения слов «мир» и «воззрение», а также идентичность «взирающего» оказываются под вопросом⁸. Это время, когда новые призраки, новые монстры, новые страхи, новые надежды преследуют попытки вообразить то, что мы привыкли называть «будущим», но что на деле является «настоящим» для общностей всех видов живых существ и других земных сущностей (*peoples of all living species and other Terran entities*), которые сейчас выживают в значительной части мира. Мыслитель-фантаст Уильям Гибсон, как известно, заметил: «Будущее уже здесь – просто оно распределено неравномерно»⁹. Я предполагаю, что он имел в виду «наше» гипертехнологическое будущее, которое уже присутствует «здесь» и, надеюсь, будет равномерно распределено когда-нибудь в будущем будущего. Но, конечно, есть

multitudes.net/Les-deux-pensees-de-Deleuze-et-de/). По поводу теоретического и политического обоснования рассказывания историй см.: HARAWAY D. *Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene*. Durham: Duke University Press, 2016; TSING A. *The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins*. Princeton: Princeton University Press, 2015 (рус. перев.: ХАРАУЭЙ Д. *Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в Хтулуцене*. Пермь: Hyle Press, 2020; Цзин А.Л. *Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма*. М.: Ad Marginem, 2017. – Примеч. перев.); TSING A., SWANSON H., GAN E., VUBANDT N. (Eds.). *Arts of Living on a Damaged Planet: Ghosts and Monsters of the Anthropocene*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2017; а также доклады с этого симпозиума, где есть отличные примеры таких навыков. Растущее в исследовательской литературе об антропоцене число референций, мотивов и авторов, относящихся к области научной фантастики (жанра рассказывания историй *par excellence*), свидетельствует о наднаучном, спекулятивном статусе этого концепта (SWANSON H., VUBANDT N., TSING A. *Less Than One But More Than Many: Anthropocene as Science Fiction and Scholarship-in-the-Making // Environment and Society: Advances in Research*. 2015. № 6. P. 149–166) – другими словами, о его статусе одновременно физического и метафизического «объекта».

7 Межправительственная группа экспертов по изменению климата (Intergovernmental Panel on Climate Change, IPCC). – Примеч. перев.

8 О новом «осевом» времени см.: SZERSZYNSKI B. *From the Anthropocene Epoch to a New Axial Age: Using Theory Fictions to Explore Geo-Spiritual Futures // DEANE-DRUMMOND C., BERGMANN S., VOGT M. (Eds.). Religion in the Anthropocene*. Eugene: Wipf & Stock, 2017. P. 35–52; о новом «климате истории» см. уже классическую статью: ШАКРАВАРТИ D. *The Climate of History: Four Theses // Critical Inquiry*. 2009. № 35. P. 197–222 (рус. перев.: ЧАКРАВАРТИ Д. *Климат истории: четыре тезиса // Он же. Об антропоцене*. М.: V-A-C Press, 2020. С. 4–73. – Примеч. перев.); об идее смены «культурной» (космополитической) парадигмы, связанной с концептом антропоцена, см.: LATOUR B., LENTON T. *Extending the Domain of Freedom, or Why Gaia Is So Hard to Understand // Critical Inquiry*. 2019. № 45. P. 659–680.

9 The Economist. 2003. № 4.

и совсем другое, обремененное будущим настоящее, которое, коррелируя с гибсоновским будущим, ему противоположно; оно тоже уже здесь и так же распределено неравномерно: «лоскутный антропоцен», давший название этому специальному выпуску.

ЭДУАРДУ ВИВЕЙРУШ
ДЕ КАСТРУ

О МОДЕЛЯХ И ПРИМЕРАХ:
ИНЖЕНЕРЫ И БРИКОЛЕРЫ
В АНТРОПОЦЕНЕ

Что бы ни заявляли, обещали и выдумывали власть имущие, сколь бы яростными ни были манифесты и протесты экополитических активистов, вероятно, лишь одно выходит за пределы обоснованного сомнения: мы вступили в новое «осевое» историко-метафизическое время, новый «климат истории».

Однако с другой (временной) точки зрения, это почти как если бы у *physiologoi* – философов природы из далекого досократического прошлого – уже были все четыре необходимых элемента для диагностики происходящего (Воздух, Огонь, Земля и Вода, из которых состоит наша подлунная сфера) и они бы пришли сегодня в катастрофический беспорядок. Точно так же неуклонно растущий дефицит времени (ускорение) и пространства (сжатие) превращает эти обуславливающие формы нашей чувственности¹⁰ в поврежденные рамки, обусловленные нашей бесчувственностью, если не сказать безумием¹¹. Люди вернулись к «естественному состоянию», хотя и в совершенно новом смысле. То есть не как всего лишь одна из млекопитающих биоформ с ограниченными способностями к модификации своих экологических ниш, а, согласно замечательной формулировке Чакрабарти¹², в обличье макрофизической планетарной силы, сдвигающей, трансформирующей, дезагрегирующей и рассеивающей материю и энергию в беспрецедентных масштабах. Усиленные энтропийные способности нашего вида парадоксальным образом делают его еще более подверженным капризам всемогущей и стремительно изменяющейся Земли. Если учесть эмпирическую и трансцендентальную неопределенность, которая пронизывает практически все оценки «великого беспорядка»¹³, не будет слишком надуманным утверждать, что антропоцен столкнул «технологически современных

10 KANT E. *The Critique of Pure Reason*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999 [1787] (рус. перев.: КАНТ И. *Критика чистого разума* // Он же. *Сочинения: В 8 т.* М.: Чоро, 1994. Т. 3. – *Примеч. перев.*).

11 ANDERS G. *Le temps de la fin*. Paris: L'Herne, 2007; DANOWSKI D., VIVEIROS DE CASTRO E. *The Ends of the World*. Cambridge: Polity, 2017.

12 ЧАКРАБАРТЫ Д. *Op. cit.*

13 GHOSE A. *The Great Derangement: Climate Change and the Unthinkable*. Chicago: University of Chicago Press, 2016.

людей» со сверхъестественным, или, точнее, иноприродным, измерением, «комплексной и неоднородной геодуховной формацией»¹⁴, также известной как Гея¹⁵, и наша задача состоит в том, чтобы теоретически исследовать ее и найти внутри нее подходящий путь¹⁶.

«Антропоцен» – геофилософский концепт, описывающий новую конфигурацию подлунного пространства-времени; он возник из нового «плана имманенции»¹⁷, который прочерчивается сквозь хаос интенсивных и экстенсивных изменений, происходящих неравномерно по всему земному шару. Все формы жизни на Земле теперь проецируются на этот план – актуальный план, а не земной шар, поскольку «Гея – это вовсе не земной шар, а тонкая биопленка, поверхность, кожица толщиной не более нескольких километров, не проникающая ни слишком высоко в атмосферу, ни слишком глубоко в земные недра, сколь бы долгий отрезок истории форм жизни вы ни рассматривали»¹⁸. Согласно авторам «Что такое философия?», у пла-

14 SZERSZYNSKI B. *Gods of the Anthropocene: Geo-spiritual Formations in the Earth's New Epoch* // *Theory, Culture and Society*. 2017. Vol. 34. № 2–3. P. 253–275.

15 О «сверхъестественном», или «иноприродном», измерении Земли как Геи см.: LATOUR B. *Facing Gaia: Eight Lectures on the New Climatic Regime*. Cambridge: Harvard University Press, 2017; IDEM. *Why Gaia Is Not a God of Totality* // *Theory, Culture and Society*. 2017. Vol. 34. № 2–3. P. 61–82; STENGERS I. In *Catastrophic Times: Resisting the Coming Barbarism*. London: Open Humanities, 2016. Неологизм «иноприродный» (*alternatural*) указывает на необходимость распаковки и упряднения старого понятия «природа», которое функционировало как универсальный фон непреложной необходимости в противовес исключительно человеческому атрибуту свободы. Галилеева Земля – это не Гея Лавлока/Маргулис; не та же самая «Природа» заставляет ее возвращаться (LATOUR B., LENTON T. *Op. cit.*).

16 Поскольку симпозиум, по результатам которого составлен этот специальный выпуск, проходил в Синтре (Португалия), возможно, будет уместно вспомнить Великое лиссабонское землетрясение 1755 года, «акт Божий», который ознаменовал кульминационный момент ранних современных теолого-философских спекуляций (TAVARES R. *O pequeno livro do Grande Terramoto: ensaio sobre 1755*. Lisboa: Tinta da China, 2005). Оно вдохновило Вольтера написание повести «Кандид» (VOLTAIRE F.-M.A. *Candide; or, Optimism*. London: Penguin Group, 2005 [1759]; рус. перев.: ВОЛЬТЕР. *Кандид, или Оптимизм* // Он же. *Философские повести и рассказы, мемуары и диалоги*. М.; СПб.: Academia, 1931. С. 133–266), едкой сатиры на трактат Лейбница «Теодицея» (LEIBNIZ G.W. *Theodicy: Essays on the Goodness of God, the Freedom of Man, and the Origin of Evil*. [1709] (<https://archive.org/stream/theodicy17147gut/17147.txt>); рус. перев.: Лейбниц Г.В. *Опыты теодицеи о благодати Божьей, свободе человека и начале зла* // Он же. *Сочинения: В 4 т.* М.: Мысль, 1989. Т. 4), где немецкий философ отстаивал сущностную справедливость Божьей воли в соответствии со своей теорией наилучшего из возможных миров (по поводу интерпретации оптимизма Лейбница в контексте антропоцена см.: DANOWSKI D. *Ordem e desordem na Teodicéia de Leibniz* // *Revista Índice*. 2011. Vol. 3. № 1. P. 41–55). Опасные времена и катастрофические события, как правило, вызывают спекулятивные размышления о проблеме зла – в XXI веке так же, как и в XVIII. В наши антропоценовые времена задача, конечно, будет состоять в том, чтобы написать антроподицею. Пока то, что можно считать попытками, предпринимаемыми в этом направлении, бывает двух типов: (1) аргументы «частичного оправдания», которые состоят в утверждении, что в продолжающейся катастрофе виноват не человеческий вид как таковой, а его модерная, созданная на Западе этограмма, – теории капиталоцена; (2) аргументы, которые рассматривают ее как неизбежные родовые муки безопасного будущего общечеловеческого процветания, выстраданное достижение видового гения, – теории «хорошего антропоцена» (см.: DANOWSKI D., VIVEIROS DE CASTRO E. *Op. cit.*; HAMILTON C. *The Theodicy of the "Good Anthropocene"* // *Environmental Humanities*. 2016. Vol. 7. № 1. P. 233–238).

17 DELEUZE G., GUATTARI F. *What is Philosophy?* New York: Columbia University Press, 1996 (рус. перев.: ДЕЛЁЗ Ж., ГВАТТАРИ Ф. *Что такое философия?* М.: Академический проект, 2009. – *Примеч. перев.*)

18 LATOUR B., LENTON T. *Op. cit.* P. 19.

на имманенции два лика: «план Природы» и «план Мысли». Я предпочитаю представлять эти два плана как то, что образует ленту Мёбиуса, единую неориентируемую поверхность, которая замыкается на себе скручиванием. Тем более, что Мысль, понятая как различные степени «сознания» или модусы «разумности», наконец-то, признана атрибутом многих (если не всех) более-чем-человеческих¹⁹ биоформ, а в своем человеческом техноэкономическом модусе проникла в «физическую» природу с катастрофическими последствиями – весьма материальный пример «корреляционизма»²⁰. Этот новый план агентной, историчной природы (природы, постигающей себя) населен богами и духами, а также графиками и уравнениями; священными реками и экстремофильными формами жизни, а также спутниками и компьютерами; земными существами²¹ и мыслящими лесами²², а также обсерваториями критической зоны и местами захоронения радиоактивных отходов; викканами, папами и шаманами, а также исследователями системы Земли, антропологами, экополитическими активистами, оккупирующими «зоны защиты»²³, и коренными народами, борющимися против лесопромышленных компаний и газопроводов. Гея должна предоставить место различным способам жизни (внутри) антропоцена, ведь общая конфигурация земных пространства-времени-энергии, названная так, преломляется и рассеивается во многих направлениях (она не изотропна или изохронна в любом масштабе), и в этом состоит один из смыслов ее «лоскутности». Она лоскутна, во-первых, потому, что выражает и предполагает различные модусы существования, некоторые из которых не опознаются современной онтологической вульгатой, но решаяще важны для тысяч немодерных народов, и, во-вторых, потому, что, как отмечают Арен, Латур, и Гайярде в своей недавней статье о «гея-графии» – анаморф-

ЭДУАРДУ ВИВЕЙРУШ
ДЕ КАСТРУ

О МОДЕЛЯХ И ПРИМЕРАХ:
ИНЖЕНЕРЫ И БРИКОЛЕРЫ
В АНТРОПОЦЕНЕ

- 19** Выражение «более-чем-человеческий мир» (*more-than-human world*) предложено американским экологом и философом Дэвидом Абрамом в качестве альтернативы понятию «природа», которое предполагает второй термин («культура») и, соответственно, операцию разделения между двумя, тогда как «более-чем-человеческий мир» призван обозначить неразделимую совокупность земных (био)форм, которая включает в себя и человеческую культуру, но необходимо превосходит последнюю. Более-чем-человеческий мир – это «матрица ощущений и чувств», концептуализация которой зиждется на переосмыслении анимизма через экофеноменологию. Подробнее см.: АБРАМ D. *The Spell of the Sensuous: Perception and Language in a More-Than-Human World*. New York: Vintage Books, 1996. – *Примеч. перев.*
- 20** MEILLASSOUX Q. *After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingence*. London: Bloomsbury, 2009 (рус. перев.: МЕЙЯСУ К. *После конечности. Эссе о необходимости контингентности*. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. – *Примеч. перев.*).
- 21** CADENA M. DE LA. *Earthbeings: Ecologies of Practice across Andean Worlds*. Durham: Duke University Press, 2015.
- 22** КОНН E. *How Forests Think: Towards an Anthropology beyond the Human*. Berkeley: University of California Press, 2013 (рус. перев.: Кон Э. *Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека*. М.: Ad Marginem, 2018. – *Примеч. перев.*).
- 23** От французского *zone à défendre*; речь идет о практиках захвата экологическими активистами территорий, выделенных под крупные инфраструктурные проекты. – *Примеч. перев.*

ной реконфигурации планеты, увиденной «изнутри», а не из космоса, как принято, – сама Земля «куда более конкретна, динамична, комплексна, гетерогенна и реактивна, чем то, что ухватывается картографическим воображением точек, определяемых на карте долготой и широтой»²⁴. К этому можно добавить макротемпоральную гетерогенность Земли, ее геологически непрерывное становление-другой²⁵. Соединить эти два смысла лоскутности антропоцена/Теи – задача, касающаяся антропологии больше, чем любой другой дисциплины.

Для мышления-антропоцена требуется практика радикальной формы онтологического плюрализма как со стороны антропологии, так и со стороны экологических, биологических и геофизических наук.

Короче говоря, для мышления-антропоцена требуется практика радикальной формы онтологического плюрализма как со стороны антропологии (внимание ко многим способам жить и мыслить антропоцен разными народами в разных местах, поразному затронутых капиталистическими процессами экстракции материальных ресурсов и духовного колдовства), так и со стороны экологических, биологических и геофизических наук (раскапывание «разных Земель»; картография разных зон экологической симплификации; учет подчас неожиданных, непреднамеренных эффектов био-, социо- и геоинженерных действий со стороны государств и корпораций; развитие новых знаний о многоплановой симбиотической взаимозависимости всех форм жизни)²⁶.

Впрочем, нельзя ли рискнуть выйти за рамки понятия «онтологический плюрализм» и предложить выражение «онтологи-

24 ARÈNES A., LATOUR B., GAILLARDET J. *Giving Depth to the Surface: An Exercise in the Gaia-graphy of Critical Zones* // *Anthropocene Review*. 2018. Vol. 5. № 2. P. 120–135.

25 «[Пока] некоторые теоретики спешат взять на себя ответственность за множественность, гетерогенность, несамостоятельность человека, другие начинают задаваться вопросом, какую роль в нашем мышлении о “человеке” играет то, что сама Земля все чаще предстает множественной, разделенной, не равной себе. Ибо, как недавно выразился стратиграф – и председатель Рабочей группы по антропоцену – Ян Заласевич: “Земля, похоже, представляет собой не одну планету, а ряд разных Земель, сменявших друг друга во времени, причем каждая характеризовалась очень разными химическими, физическими и биологическими состояниями”» (CLARK N., YUSSOFF K. *Geosocial Formations and the Anthropocene* // *Theory, Culture and Society*. 2017. Vol. 34. № 2–3. P. 5).

26 Об «онтологическом плюрализме» см.: MANIGLIERE P. *How Many Earths? The Geological Turn in Anthropology*. Invited paper presented at the meeting of the American Anthropological Association, Washington, DC, December 6, 2014. О «капиталистическом колдовстве» см.: PIGNARRE PH., STENGERS I. *Capitalist Sorcery: Breaking the Spell*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. Об этнографически обоснованном онтологическом плюрализме см. «Плюриверсум» Блазера и де ла Кадены (BLASER M., CADENA M. DE LA. *Pluriverse: Proposals for a World of Many Worlds* // ИДЕМ (Eds.). *A World of Many Worlds*. Durham: Duke University Press, 2018. P. 1–22). О геанской переработке понятия «Земля» (к которой мы вернемся ниже) см.: LATOUR B., LENTON T. *Op. cit.*

ческий анархизм», чтобы охарактеризовать подходящий метамодус существования антропоцена, или скорее Геи, возникшей на горизонте нашего мышления благодаря событию антропоцена, – Геи как неизменно нестабильного сосуществования различных модусов существования?²⁷ Онтологический анархизм тогда будет политико-философским переводом симпозиальной, симбиогенной структуры и функции жизни в ее абсолютной материальной имманентности²⁸; он также включит в себя поствиталистическое признание агентности «неорганической жизни» (Делёз) – от камней до ураганов, от протонов до вымышленных персонажей.

Если фраза «все [*anything*] дозволено» была девизом эпистемологического анархизма Фейерабенда – и не будем забывать, что девиз этот является не принципом метода, а историческим выводом, – можно сказать, что «все [*everything*] сгодится»²⁹ есть девиз онтологического анархизма. Но «все сгодится» в соответствии с требованиями конкретного модуса существования, к которому относится всякая «вещь» – река, дух, закон, чувство. Получается, что есть определенные модусы существования, разделяемые реками и духами. Есть и некоторые другие, где реки встречаются с законодательством, но также и такие, где реки встречаются с чувствами, и так далее. В антропоцене ни один модус существования не может быть признан незаконным и исключен, потому что «нововременная конституция»³⁰ должна быть радикально переформулирована. Прежде всего меняются ее составляющие: заставляет себя услышать совсем новое и давно забытое. Научная практика и секулярная поли-

ЭДУАРДУ ВИВЕЙРУШ
ДЕ КАСТРУ

О МОДЕЛЯХ И ПРИМЕРАХ:
ИНЖЕНЕРЫ И БРИКОЛЕРЫ
В АНТРОПОЦЕНЕ

27 О соотношении концептов Геи и антропоцена см.: LATOUR B., LENTON T. *Op. cit.* Понятие «модус существования» латурианское (LATOUR B. *An Enquiry into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns*. Cambridge: Harvard University Press, 2013). Оно уходит корнями в работу Этьена Сурио (SOURIAU E. *Les différents modes d'existence*. Paris: Presses Universitaires de France, 2009), но Латур развил это понятие в несколько ином, собственном направлении. Изабель Стенгерс выступила важным посредником между развитыми Сурио и Латуром концептами модусов существования (см. введение к книге «Les différents modes d'existence», подписанное именами Стенгерс и Латура). Своим концептом Сурио и Латур провозглашают экзистенциальный плюрализм – идею о том, что «все формы существования равны в своей автономной способности к производству» (NOSKE C. *Towards an Existential Pluralism: The Philosophy of Etienne Souriau // Cultural Studies Review*. 2015. Vol. 21. № 1. P. 37). Речь идет о модальной и перспективной онтологии различных форм оккупации пространства-времени или скорее разных пространств-времен, созданных разными способами существования (LAROUIJADE D. *Les existences moindres*. Paris: Minuit, 2017. P. 17). Так же определяется и Гея Лавлока-Маргулис в ее отличии от Земли небесной механики.

28 HARAWAY D. *Op. cit.*

29 Для проведения различия между обыгрываемыми здесь формулами «*anything goes*» и «*everything goes*» решено сосредоточиться на втором термине; это позволяет вплести в понятие онтологического анархизма контраст модусов инженера и бриколера, лежащий в основе авторской аргументации. По Леви-Строссу, материалы бриколера не определяются проектом, а собираются по принципу «это всегда может сгодиться» (ЛЕВИ-СТРОСС К. *Неприрученная мысль // Он же. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль*. М.: Академический проект, 2008. С. 169). – *Примеч. перев.*

30 LATOUR B. *We Have Never Been Modern*. Cambridge: Harvard University Press, 1993 (рус. перев.: ЛАТУР Б. *Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. – *Примеч. перев.*).

тика остаются жизненно необходимыми, но их уже недостаточно, чтобы справиться с тем, что ждет нас впереди.

Растерянность (*perplexity*) перед сложным (*complex*) переплетением бесчисленных встречных сил и влияний, соединяющих физику с метафизикой, науку с фантастикой, геонтологию³¹ с биополитикой, не говоря уже о сплетении всех форм жизни друг с другом, а также с так называемыми неорганическими материалами и процессами, – такая «сложрастерянность» (*comperplexity*) представляет собой серьезный вызов нашему нынешнему антропологическому воображению, которое сейчас, похоже, колеблется между двумя различными «мизантропологиями».

С одной стороны, растет осознание, что онтологическое чрезвычайное положение (в смысле Шмитта/Агамбена), в котором оказался *anthrōpos*, Человек, в нашей интеллектуальной традиции стало окончательным оправданием или космологической предпосылкой, антропоцена; это осознание не может не породить глубокого чувства стыда³². Этот стыд за то, что мы люди – если вспомнить мрачные слова Примо Леви, – в одно и то же время есть стыд перед самими собой (и я имею в виду самопровозглашенный эталон *anthrōpos*, а именно – «Западного Человека») и перед всеми «существами» (*critters*), которые делят с нами Землю, включая, разумеется, и менее-чем-человеческие народы, несущие на себе всю тяжесть мирового экополитического беспорядка. Этот стыд может привести разве что к *мизантропо*-логии: антропологии, опасющейся как своего собственного имени, так и говорения от имени своего эпонима.

С другой стороны, наша дисциплина почти всегда была *мизантропологией*, поскольку она, во-первых, думала, что может мыслить *anthrōpos* как метафизическую субстанцию, самодостаточную *imperium in imperio*, в то время как это сущее, которое, как и все сущие, собирается и разбирается при посредстве прочих сущих и вместе с ними³³, и, во-вторых, поскольку она была склонна систематически неверно представлять контрантропологию ино-разумных (*other(wise)*) человеческих народов

31 Концепт геонтологии введен Элизабет Повинелли в 2013 году и призван, с одной стороны, подчеркнуть «бионтологическую замкнутость существования», то есть характеристику всех сущих через качества, связанные с жизнью, с другой, – глобальное распространение режима власти, свойственного позднему либерализму. См.: POVINELLI E. *Between Gaia and Ground: Four Axioms of Existence and the Ancestral Catastrophe of Late Liberalism*. Durham: Duke University Press, 2021. P. 138. – *Примеч. перев.*

32 *Anthrōpos* воспринимается не только как особенное животное – все виды особенны, – но и как исключительное: то, которое, зная о своей животности, перестает быть «просто» животным. Западная антропология всегда поддерживала полулегальные отношения с ангелологией.

33 COLLEN A. *10% Human: How Your Body's Microbes Hold the Key to Health and Happiness*. New York: Harper, 2015; MARGULIS L. *Symbiotic Planet: A New Look at Evolution*. Amherst: Basic Books, 1999; HARAWAY D. *Op. cit.*; обсуждение темы «микробиома человека» см. в работе: HELMREICH S. *Homo Microbis: Species, Race, Sex, and the Human Microbiome* // ИДЕМ (Ed.). *Sounding the Limits of Life: Essays in the Anthropology of Biology and Beyond*. Princeton: Princeton University Press, 2015. Ch. 6.

в таких терминах, как культурное «верование», техноэкономическая «отсталость», «примитивная» психология и так далее, тем самым упуская решающий момент, заключающийся в том, что у этих внемодерных народов всегда были более-чем-человеческие антропологии, находящиеся на том же эпистемическом уровне, что и наша собственная академическая дисциплина, – антропологии, которые, следовательно, концептуализируют антропоцен в терминах, отличающихся от западных.

Как видно из названия, эта статья есть своего рода оммаж Клоду Леви-Строссу, автору, который на последних страницах «*Tristes tropiques*» (1955) пророчески предположил, что нам следует переименовать свою дисциплину в «энтропологию» исходя из аргументов, предвосхитивших многое из нашего сегодняшнего антропоценового состояния ума. Он утверждал, что человечество с самого своего зарождения является машиной – «быть может, более совершенной, чем другие, – работающей над разложением первичного порядка и подталкивающей хорошо организованную материю к постоянно возрастающей инертности, которая когда-нибудь станет окончательной»³⁴. И, продолжая свою антиантроподицею, он фокусируется теперь уже на цивилизованном человечестве:

«Цивилизация, рассматриваемая как целое, может восприниматься как необычайно сложный механизм, в котором мы хотели бы видеть шанс для выживания нашего мира, если бы функцией этого механизма не было создание того, что физики называют энтропией, то есть инертностью. [...] Вместо “антропология” следовало бы писать “энтропология”, то есть дисциплина, изучающая процесс дезинтеграции в его наиболее значительных проявлениях»³⁵.

Как заметил Марку Антониу Валентим³⁶ в пронизательном философском прочтении энтропологии Леви-Стросса, для автора «*Tristes tropiques*» всенаправленная антропизация Земли была бы принципиально несовместима с биоразнообразием. Антропоцен равен энтропоцену. Таким образом, «энтропология» будет другим названием для первой из двух моих «мизантропологий». Первой потому, что, хотя Леви-Стросс обвиняет целый вид, вполне ясно, что его пренебрежение негэнтропийным потенциалом жизни не уменьшило его восхищения другими антропологиями, вытекающими из других форм человеческой жизни, – теми внемодерными народами, которые не погрязли в вере в исключительность человеческого вида, а, напротив,

ЭДУАРДУ ВИВЕЙРУШ
ДЕ КАСТРУ

О МОДЕЛЯХ И ПРИМЕРАХ:
ИНЖЕНЕРЫ И БРИКОЛЕРЫ
В АНТРОПОЦЕНЕ

34 LÉVI-STRAUSS C. *Tristes tropiques*. New York: Criterion, 1961 (цит. по: ЛЕВИ-СТРОСС К. *Печальные тропики*. Львов: Инициатива; М.: АСТ, 1999. С. 542. – *Примеч. перев.*).

35 Ibid (цит. по: Там же. С. 543).

36 VALENTIM M.A. *Extramundandidade e sobrenatureza: ensaios de ontologia fundamental*. Desterro: Cultura e Barbárie, 2018.

воспринимают себя впутанными в космическую паутину и поэтому крайне опасаются последствий своих действий.

Для тех читателей, что предпочли бы более современную ремарку о связи западной цивилизации (колониального технокапитализма плюс «человеческой» исключительности) с антропоценом, процитируем «Капиталистическое колдовство» Пиньяра и Стенгерс:

«Мы привыкли сожалеть о преступлениях колонизации, и признание вины стало обычным делом. Теперь все знают: то была не цивилизация, а чудовищная эксплуатация. Но нам не хватает чувства страха, когда мы спокойно относимся к этому знанию и не удивляемся этому “цивилизирующему” предприятию, которым, как нам известно, колонизация не была. Страх перед фактом, что не так-то просто перестать считать себя мозгами человечества и что с самыми благими намерениями мы вполне можем продолжать это делать. И, что примечательно, это происходит всякий раз, когда мы устанавливаем различие между “другими”, которые так или иначе определяются своими верованиями и иллюзиями, и нами, видящими вещи в истинном свете благодаря своему здравому смыслу»³⁷.

Авторы завершают это размышление вопросом «*Как нам оставить место для других?*» (*курсив мой*. – Э.В.К.)³⁸. Действительно, вот в чем вопрос. Он выходит за рамки обычной антропологии, изучающей «других» людей, или скорее всех людей как других, если мы включаем в число этих других, что и надо сделать, легион более-чем-человеческих народов, которые отстают под постоянно растущим давлением «нас».

Для меня вопрос «Как нам оставить место для других?» совпадает с вопросом «Что делать [с антропоценом]?» – вопросом, который я упоминал в начале этой статьи. И я полагаю, что один из возможных ответов на него заключается в том, чтобы относиться к этим другим абсолютно серьезно, видя в них примеры «искусства жизни на поврежденной планете»³⁹. Этот ответ трактует вопрос(ы) в высшей мере политически, а не технически⁴⁰. Итак, что собой представляет пример?

МОДЕЛИ И ПРИМЕРЫ

Я не буду повторять здесь то, что мы с Деборой Дановски написали в нашей недавней книге «Концы света»⁴¹ о «земных

37 PIGNARRE PH., STENGERS I. *Op. cit.* P. 63.

38 Ibid.

39 TSING A., SWANSON H., GAN E., BUBANDT N. *Op. cit.*

40 Допуская, что полезно различать эти два модуса существования (о технике и политике как о двух особых модусах существования см.: LATOUR B. *An Enquiry into Modes of Existence*).

41 DANOWSKI D., VIVEIROS DE CASTRO E. *Op.cit.*

технологиях» как способах сопротивления антропоцену. Вместо этого, я набросаю несколько заметок о тонком, но глубоком различии между понятиями модели и примера. Проведение различия между этими формами миро-созидания (-осмысления, -проживания) имеет геополитическое и антропологическое диакритическое значение, поскольку оно позволяет нам оценить альтернативные способы противостояния антропоцену, особенно когда понятие «хорошего антропоцена» рекламируется в качестве противоядия от «апокалиптических» и «катастрофических» взглядов, которых придерживаются многие ученые и климатические активисты и которые все большее число людей воспринимают как реальность, в которой мы живем. Наступление хорошего антропоцена рекламируется экоканистическими мыслителями – такими, как сотрудники Института прорыва (Breakthrough Institute) или их попутчики из Кремниевой долины, сторонники идеи сингулярности, и более или менее прямо подразумевается их левыми «акселерационистскими» европейскими коллегами⁴². Такой антропоцен основывается на реализации крупномасштабных геоинженерных проектов, в которых – с учетом «новых нормальных» (то есть постоянно ухудшающихся) климатических условий – видят ключ к непрерывной экспансии доминирующей социо- и биоинженерной деятельности, присущей модернистским практикам «обобщенного одомашнивания»⁴³.

Геоинженерия – привилегированный случай модельного мышления как инструмента политического господства над всей жизнью. Пожалуйста, заметьте, что я включаю в этот термин не только антропоценовые проекты планетарной геоинженерии, но также старые и новые «насильственные симплификации» ландшафтов и человеческого/нечеловеческого образа жизни. Контраст между «моделью» и «примером» может пригодиться, чтобы сделать нас внимательными к текущим и, надеюсь, будущим модусам сопротивления и под-держания (после жизни перед лицом «над-жизненной»⁴⁴ техномодернистской ментальности с ее грубой гомогенизацией имманентной сверхсложности земной жизни.

В «*La pensée sauvage*»⁴⁵ вводится знаменитое различие между двумя идеальными типами мирозидания: бриколером и инженером. Хотя метафорический словарь заимствован из технологии (мастер-на-все-руки или изобретатель-самоучка *versus* квалифицированный инженер-конструктор), Леви-Стросса по

ЭДУАРДУ ВИВЕЙРУШ
ДЕ КАСТРУ

О МОДЕЛЯХ И ПРИМЕРАХ:
ИНЖЕНЕРЫ И БРИКОЛЕРЫ
В АНТРОПОЦЕНЕ

42 Об Институте прорыва, сторонниках идеи сингулярности и акселерационистском течении см. в вышеупомянутой книге.

43 HAGE G. *Is Racism an Environmental Threat?* London: Polity, 2017.

44 Игра с префиксами: *sub-sistence* (жизнь, жизнеобеспечение) и *super-sistent*. – Примеч. перев.

45 LÉVI-STRAUSS C. *La pensée sauvage*. Paris: Plon, 1962 (Леви-Стросс К. *Неприрученная мысль*. С. 145–187).

большой части интересовал контраст между мифическим воображением и современной наукой. Но общий смысл дистинкции состоит в различии между модусом креативности, который опирается на подручные гетерогенные материалы (например энциклопедические знания, которые накоплены в культуре и языке мифотворца), изначально не предназначенные для контингентного проекта бриколера, и тем модусом, который начинается с проекта, разработки концептуального плана, заказа оборудования и проработки конкретных материалов для выполнения проекта инженера. Короче говоря, бриколер вдохновляется прежними примерами той работы, которой он/она занимается; инженер следует модели собственного проекта.

Не будем упрощать контраст, а тем более очернять инженера. Мысль Леви-Стросса была как нельзя более далека от пренебрежительного взгляда на естественные и/или математические науки как таковые, на которые он неоднократно ссылался с восхищением (куда менее оптимистичен он был в отношении технологической цивилизации модерна); и если когда-то и существовал антрополог, увлекающийся моделированием, то им был отец структурализма. Эта дистинкция не может не быть относительной, она пролегает вдоль континуума, а не является строгой дихотомией. Ибо единственным инженером в чистом, абсолютном смысле будет Бог, в котором модель-концепт и материальная реализация непосредственно совпадают; люди-инженеры должны обходиться подручными идеями и материалами и поэтому являются бриколерами, особенно когда покидают мир (мировоззрение) моделей и пытаются заставить вещи работать в феноменальном мире. В свою очередь каждый рядовой бриколер рассчитывает, предвосхищает результаты и изменяет состояние мира в соответствии с определенным намерением, то есть моделью; в конце концов, он/она является «ученым конкретного».

Тем не менее в бриколаже есть важнейший элемент того, что Рой Вагнер⁴⁶ определил как стремление «распредсказать [*unpredict*] мир», которое он обнаружил в антропологии коренных народов Меланезии, – действовать так, чтобы подорвать конвенциональное понимание мира, изобретать постфактум, так сказать. Я считаю, что эта идея важна в наши времена. Сейчас мы сталкиваемся с ужасающими предсказаниями о мире. Что надо сделать, чтобы распредсказать их? И что можно узнать у меланезийцев и прочих внёмодерных народов о том, как это сделать?

Давайте с предельной ясностью отличим понятие модели как норматива от модели как эвристического или научного

46 WAGNER R. *The Invention of Culture*. Chicago: University of Chicago Press, 1981.

конструкта – «модели для» от «модели чего-то», адаптируя хорошо известное различие Гирца. Например, научные модели (в значении, раскрытом в статье Хэдфилда и Харауэй⁴⁷) являются инструментами, бесценными для понимания мира; они все более необходимы для осмысления сложного переплетения существ и процессов, качеств и количеств, одновременно раскрываемых и разрушаемых антропоценом⁴⁸. Рассказ Хэдфилда о его работе с улитками – буквально с ними, а не только «о них» – прекрасно показывает, сколь много бриколажа входит в реальную научную деятельность через изъятия (из привычной среды обитания. – *Примеч. перев.*), приспособления для поддержания жизни улиток в лабораторных условиях и усилия по реинтродукции видов улиток в экосистему, не говоря уже о геополитических переговорах с вооруженными силами, представляющими собой саму модель инженерного мышления. Еще один пример моделирования, меняющего наш взгляд на мир антропоцена (от структур к событиям) и, следовательно, воздействие на этот мир, читатели могут найти в статье «Гейя-графия» Арэн, Латура и Гайярде [«Giving Depth to the Surface: An Exercise in the Gaia-graphy of Critical Zones»]⁴⁹.

Впредь, говоря о моделях, я буду иметь в виду исключительно нормативные модели, «модели для», даже если они часто предполагают, что их совпадение с Истиной основано на научных «моделях чего-то» и апеллируют к Науке (в единственном числе с большой буквы) как к «руководству для общества»⁵⁰. Так и обстоят дела, например, со всеми геоинженерными проектами или пресловутыми моделями экономического развития, навязанными Международным валютным фондом и прочими инструментами глобального капиталистического «управления», – если экономику считать добросовестной наукой, а развитие само-

ЭДУАРДУ ВИВЕЙРУШ

ДЕ КАСТРУ

О МОДЕЛЯХ И ПРИМЕРАХ:
ИНЖЕНЕРЫ И БРИКОЛЕРЫ
В АНТРОПОЦЕНЕ

47 HADFIELD M.G., HARAWAY D.J. *The Tree Snail Manifesto* // *Current Anthropology*. 2019. Vol. 60. № 20. P. S209–S235.

48 См. введение Анны Цзин, Эндрю Мэтьюса и Нильса Бубандта (TSING A.L., MATHEWS A.S., BUBANDT N. *Patchy Anthropocene: Landscape, Structure, Multispecies History, and the Retooling of Anthropology* // *Current Anthropology*. 2019. Vol. 60. № 20. P. S186–S197).

49 ARÈNES A., LATOUR B., GAILLARDET J. *Op. cit.* Этот контраст между моделью и примером есть пример эвристической модели. «Модель» – многозначное слово, равно которому не найти: оно встречается в математике, политике и так далее. В некотором смысле все мышление – это мышление моделями. Кроме того, (эвристические) модели не только упрощают реальность, но и допускают аналогические расширения и, следовательно, семиотико-практические открытия и изобретения. Но контраст существует постольку, поскольку имеется «момент модели», который представляет собой момент мышления/планирования, и «момент примера» – момент созидания/делания. Никакое действие не может быть полностью представлено мыслью. И – такова моя точка зрения – одно дело мыслить с помощью моделей («моделей чего-то»), совсем другое – заставлять других мыслить и действовать в соответствии с собственными моделями («моделями для»).

50 «В эпоху антропоцена перед учеными и инженерами стоит непростая задача направить общество к экологически устойчивому управлению. Это потребует соответствующих человеческих действий во всех масштабах и вполне может предполагать международное принятие крупномасштабных геоинженерных проектов, например, для «оптимизации» климата» (CRUTZEN P. *Geology of Mankind* // *Nature*. 2002. № 415. P. 23).

ЭДУАРДУ ВИВЕЙРУШ
ДЕ КАСТРУ

О МОДЕЛЯХ И ПРИМЕРАХ:
ИНЖЕНЕРЫ И БРИКОЛЕРЫ
В АНТРОПОЦЕНЕ

очевидным концептом, в чем я серьезно сомневаюсь. В своем нормативном смысле модель – это прежде всего политический инструмент, предполагающий асимметричное соотношение сил, которое увеличивает дистанцию между моделирующей властью и моделируемыми субъектами (человеческими и нечеловеческими народами, ландшафтами, атмосферой).

Инженерное мировоззрение технократического типа (макроэкономическое, геополитическое, инфраструктурное и так далее) предполагает опору на модели, то есть платонические идеи, которые, как правило, навязываются менее-чем-модерным народам, коим предписано копировать их, или иным-чем-человеческим существам и экосистемам, которые, как ожидается, будут вести себя так, как предсказано. Конечно, целевые народы никогда не добиваются успеха, что обычно объясняется тем, что они примитивны, суеверны, ленивы, невежественны или политически коррумпированы. Но, если модель не убьет эти народы, они могут, в конечном счете, произвести симулякры: изобретательные, творческие искажения, которые подрывают навязанную им идеальную модель, тем самым открывая пространства автономии или неуправляемости⁵¹ изнутри этого гетерономного управления. Что касается иных-чем-человеческих объектов, то они всегда склонны реагировать удивительным образом, искусно распредсказывая идеальный мир моделей.

В своем нормативном смысле модель – это прежде всего политический инструмент, предполагающий асимметричное соотношение сил, которое увеличивает дистанцию между моделирующей властью и моделируемыми субъектами.

Модели, по определению, суть упрощения реальности, но их можно использовать для ее понимания (модели как эвристика) или навязывать ей (модели как нормы), чтобы, так сказать, запугать реальность и заставить ее подчиняться им. В этом последнем смысле они всегда стояли за (или над) модернистским проектом по сплющиванию множества миров обитателей Геи в единый глобальный номос. Примеры, с другой стороны, суть идеи (техники, институции и так далее), которые чаруют, предлагая сделать что-то «по-другому похожее» на вдохновляющий пример, который сам по себе всегда является версией или трансформацией еще одного примера, точно так же, как

51 HAGE G. *Alter-politics: Critical Anthropology and the Radical Imagination*. Carlton: Melbourne University Publishing, 2015.

мифы – всего лишь версии друг друга без исходной модели или шаблона⁵². Примеры заимствуются горизонтально – они рассеиваются, – тогда как модели навязываются вертикально: они эмануруют. Модели отдают приказы и принуждают к порядку; примеры дают подсказки, вдохновляя на изобретение и подрыв. Модель модели – это Бытие, тогда как пример относится к сфере Делания. Первое от природы идеалистично и рационалистично, второе – прагматично и эмпирично.

Хорошо известно, что эволюция (и ее экзозведево-расширение⁵³) идет путем эмпирического бриколажа, а не идеально-го проекта. Формы жизни являются изменчивым, временным результатом трансформации доступных материалов, то есть предшествующих форм жизни и эпигенетических случайностей: в то же время они ограничены тем, что им дано, и используют эти ограничения для поиска неожиданных аффордансов, новых возможностей для изобретения решений распределенных проблем. Анатомическое и физиологическое строение организмов верно духу бриколера: «Достаточно хорошо», «Подойдет», «Не идеально, но с этим приходится жить» (подумайте о биомеханических переговорах, которые дали людям их позвоночный столб). В ДНК следует усматривать не столько копируемую модель-шаблон, сколько пример, который выманивает модификации, – сам по себе он является бриколажем человеческих и нечеловеческих внедрений (так называемых эндогенных ретровирусов). Организм – биобриколаж, который адаптируется к другим организмам и принимает их, формируя симбионты, которые ко-адаптируются (то есть онтологически сопереживают) в метасимбиогенной среде. То же самое применимо и к уровню видов, а также за его пределами: каждый отдельный «вид» есть общество видов, а всякая экосистема – общество обществ, из чего исходил Габриэль Тард, когда возражал против романтической (и дюркгеймианской) модели общества как организма, утверждая, что все как раз наоборот: всякий организм есть общество – на деле каждая сущность есть общество других сущностей-обществ, и так до бесконечно

ЭДУАРДУ ВИВЕЙРУШ
ДЕ КАСТРУ

О МОДЕЛЯХ И ПРИМЕРАХ:
ИНЖЕНЕРЫ И БРИКОЛЕРЫ
В АНТРОПОЦЕНЕ

52 Мифопоэтическое воображение, включая шаманские космологические и онейрические спекуляции, эстетические традиции, ритуальные инновации и так далее, действует путем структурной трансформации в строгом леви-стросссовском смысле – другими словами, по примеру. Все исторически и этнографически зафиксированные модели космоса подчиняются «тардианскому» режиму творческой внутри- и межкультурной вариации, который подробно анализируется, например, в «Мифологиках» Леви-Стросса (см. его идею, что каждый миф есть точка зрения на другой миф, который рассматривается скорее как пример, нежели как модель).

53 Аббревиатура от *ecological evolutionary developmental biology*. Имеется в виду экологическая эволюционная биология развития – дисциплина, нацеленная на раскрытие правил, лежащих в основе взаимодействия между средой, организмом, генами и развитием, и включение этих правил в эволюционную теорию. Понятие экологической биологии развития было введено Скоттом Гилбертом в 2001 году, см.: GILBERT S.F. *Ecological Developmental Biology: Developmental Biology Meets the Real World // Developmental Biology*. 2001. Vol. 233. № 1. P. 1–12. – *Примеч. перев.*

малых⁵⁴. Виталистическая и панпсихическая космическая социология Тарда – это хороший пример симбиогенной метафизики взаимосхватывающей(ся) множественности. «Что такое общество? С нашей точки зрения, можно было бы определить его так: общество – это взаимное владение каждого всеми, принимающее самые разнообразные формы»⁵⁵.

Человеческие и нечеловеческие мирозидания всегда были геобриколажами, так как брали из Земли материалы (всех оттенков материальности), необходимые для обеспечения жизнедеятельности. Бальзак был не совсем прав, заявляя, что «дикари, крестьяне и жители провинции» действительно способны «всесторонне обдумать свои дела» перед тем, как перейдут от мысли к действию; в этом сверхсложном мире всякое действие чревато непреднамеренными последствиями⁵⁶. Но факт остается фактом: многие из непреднамеренных последствий прошлой геобриколажной деятельности «дикарей и так далее» не нанесли ущерба земным экосистемам. Одним из лучших примеров позитивного сочетания прямого и полупрямого (*semidirect*) крупномасштабного эcobриколажа является нынешний состав биома амазонских дождевых лесов, который в значительной

- 54** Идеи Тарда – ультралейбнизианского мыслителя, который был величайшим метафизическим противником Дюркгейма (благочестивой кантианской души), – вызволены из Страны Потерянных Теорий Делёзом: DELEUZE G. *Difference and Repetition*. New York: Columbia University Press, 1995; IDEM. *The Fold: Leibniz and the Baroque*. London: Continuum, 2006; DELEUZE G., GUATTARI F. *A Thousand Plateaus*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987 (рус. перев.: ДЕЛЁЗ Ж. *Различие и повторение*. СПб.: Петрополис, 1998; Он же. *Складка. Лейбниц и барокко*. М.: Логос, 1997; ДЕЛЁЗ Ж., ГВАТТАРИ Ф. *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010). Недавно к ним вновь обратились Латур и Лацарато среди многих других (см.: CANDEA M. (Ed.). *The Social after Gabriel Tarde: Debates and Assessments*. London: Routledge, 2012). Ква отметил «фундаментальное различие между романтической концепцией общества как организма и барочной концепцией организма как общества» (KWA SN. *Romantic and Baroque Conceptions of Complex Wholes in the Sciences* // LAW J., MOU A. (Eds.). *Complexities: Social Studies of Knowledge Practices*. Durham: Duke University Press, 2002. P. 26). Это точное описание различия между социологиями Дюркгейма и Тарда. Оспаривая характер *sui generis* социальных фактов первого, «универсальная социологическая точка зрения» второго утверждает, что «всякая вещь – это общество, что всякий феномен – это общественный факт» (TARDE G. *Monadology and Sociology*. Melbourne: re-press, 2012 [1895] (цит. по: ТАРД Г. *Монадология и социология*. Пермь: Hyle Press, 2016. С. 34)).
- 55** TARDE G. *Op. cit.* (цит. по: ТАРД Г. *Указ. соч.* С. 60). Тардовский «закон подражания» на деле включает в себя два других фундаментальных элемента: изобретение → [подражание] → противопоставление, круговой процесс, в котором всякое изобретение возникает из противопоставления предыдущему подражанию. Все три элемента вместе следуют принципу примера, а не модели, поскольку то, что он называет «противопоставлением», можно менее диалектически представить как «модификацию» или «адаптацию». Бриколер в некотором смысле «противопоставляет» собственное использование доступных материалов первоначальной цели или назначению последних. Пример – это всегда частный случай, который по мере распространения должен быть «подделан», то есть модифицирован в соответствии с другим конкретным случаем, тогда как модель, по определению, является общей – именно детали должны быть переделаны, чтобы вписаться в прокрустово ложе общности.
- 56** Порой все мы прекрасно знаем, что делаем; но мы никогда не знаем прекрасно – отнюдь нет – всего, что будет сделано, из того, что мы можем сделать. Это затруднение не могло не касаться «дикарей, крестьян и жителей провинции» с той важной оговоркой, что их действия, по сути, локальны и, стало быть, не выходят за пределы масштаба их дел (*affaires*), что серьезно сокращает разрыв между преднамеренными и непреднамеренными последствиями их поступков. К сожалению, это не относится к городским гражданам-потребителям и их современным национальным государствам, а тем более – к глобальным корпорациям, которые формируют первых, а вторых используют в качестве своей полиции.

степени имеет так называемое антропогенное происхождение, как недавно было описано в многочисленных археологических и этноботанических исследованиях⁵⁷. Огородничество/агролесничество коренных народов Амазонии произвело изобилие съедобных и в иных отношениях полезных (для людей и других видов животных и грибов) растений, не нарушив великие экологические циклы леса, создав лоскуты обитаемости, которые не привели к деградации нечеловеческой биосферы, – совсем наоборот⁵⁸. Таким образом, коренные народы создали «антропогенные леса», в свою очередь создавшие их как «фитогенные народы» – народы и леса, одновременно конституирующие и превосходящие друг друга⁵⁹. Этим огромным лоскутам обитаемости сейчас угрожает беспощадная ультрасимплификация, навязанная региону хищнической экспансией модели экономического развития, которая основана на политических убийствах, «непреднамеренном» этноциде, законной и незаконной вырубке, экстенсивном скотоводстве, крупномасштабной добыче ископаемых и строительстве дамб на реках, усиленно субсидируемом в монокультурном агробизнесе, зависящем от ядовитых химикатов, и принудительной урбанизации – или скорее

ЭДУАРДУ ВИВЕЙРУШ
ДЕ КАСТРУ

О МОДЕЛЯХ И ПРИМЕРАХ:
ИНЖЕНЕРЫ И БРИКОЛЕРЫ
В АНТРОПОЦЕНЕ

- 57** См. недавний анализ: LEVIS C., COSTA F.R.C., BONGERS F., CLAROS P.M., CLEMENT CH.R., JUNQUEIRA A.B., NEVES E.G. ET AL. *Persistent Effects of Pre-Columbian Plant Domestication on Amazonian Forest Composition* // Science. 2017. № 355. P. 925–931.
- 58** BALÉE W. *Footprints of the Forest: Ka'apor Ethnobotany; the Historical Ecology of Plant Utilization by an Amazonian People*. New York: Columbia University Press, 1994; IDEM. *Introduction* // IDEM (Ed.). *Advances in Historical Ecology*. New York: Columbia University Press, 1998. P. 1–29. «В некоторых регионах неолитического мира одомашнивание видов растений и животных, возможно, привело к чистому росту общего числа существующих на сегодняшний день видов, если предположить, что в отдельных случаях дикие предки не вымерли. Новый Свет внес более ста видов в мировой реестр одомашненных растений; в отсутствие доказательств локального вымирания предков этих растений и родственных им видов этот вклад представляется приростом растительного биоразнообразия. Ранние аграрные общества и те из современных, что сохранили или вынуждены были принять эгалитарную, по сути, политическую систему и экономическую взаимности, могут часто ассоциироваться с чистым региональным ростом биоэкологического разнообразия» (Ibid. P. 19. Курсив мой. – Э.В.К.). О большем биоразнообразии старых индигенных земель по сравнению с первичным лесом см.: IDEM. *Indigenous Transformations of Amazonian Forests: an Example from Maranhão, Brazil* // L'Homme. 1993. Vol. 33. № 2–4. P. 231–254.
- 59** Техники приручения и антидоместикации, все еще широко практикуемые в коренных и традиционных общинах Амазонии, обеспечивают сохранность экосистемы и повышают агробиоразнообразие (CARNEIRO DA CUNHA M. *Traditional People, Collectors of Diversity* // BRIGHTMAN M., LEWIS J. (Eds.). *The Anthropology of Sustainability: Beyond Development and Progress*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2017. P. 257–272; CARNEIRO DA CUNHA M., MORIM DE LIMA A.G. *How Amazonian Indigenous Peoples Contribute to Biodiversity* // BAPTISTE V., PASNECO D., CARNEIRO DA CUNHA M., DÍAZ S. (Eds.). *Knowing Our Land and Resources: Indigenous and Local Knowledge of Biodiversity and Ecosystem Services in the Americas*. Paris: UNESCO, 2017. P. 62–80; CARNEIRO DA CUNHA M. *Anti-domestication in Amazonia: Swidden and Its Foes* (неопубликованная рукопись). Как показывают недавние исследования, эволюционистское различие между кочевым собирательством, сезонным переселением и полностью оседлым растениеводством не отражает сложности коадаптации амазонских народов и их сред. Индигенные социотехнические системы демонстрируют гибкое и изменчивое сочетание этих трех стратегий – своеобразный экологический аналог знаменитой социально-политической осцилляции *гумса/гумлао*. Интерес к дикорастущим видам и положительная оценка разнообразия сортов, вполне возможно, являются общей чертой традиционных агрокультурных систем, но амазонский пример особенно поразителен (EMPERAIRE L. *Saberes tradicionais e plantas cultivadas na Amazônia* // BAPTISTE V., PASNECO D., CARNEIRO DA CUNHA M., DÍAZ S. S. (Eds.). *Op. cit.* P. 40–61).

трущобизации – лесных обитателей (рыбаков, крестьян, коренных народов): модельное мышление и геоинженерия в их самом неприкрытом и мрачном выражении.

Позвольте мне привести еще один пример из Бразилии – на этот раз изобретательного восстановления / повторного заселения ландшафта, который стал местом крайне жестокой симплификации⁶⁰. Полузасушливый регион в северо-восточной Бразилии, занимающий около 12% территории страны, площадью в 8,5 миллиона квадратных километров, наделен весьма характерными чертами: жаркий и сухой климат, очень неравномерное количество осадков – как локально, так и по сезонам, – но в целом в низком диапазоне (в среднем 700 мм/год, менее 400 мм во многих районах). В основном осадки выпадают в течение трех месяцев в году. Периодически случаются сильные засухи. Полузасушливый регион был родиной нескольких коренных народов, истребленных между 1650-м и 1720 годами в Войне варваров, развязанной южными бандейрантами (охотниками за удачей, работорговцами и этнически чистильщиками, происходящими в основном из штата Сан-Паулу) при поддержке колониальных властей. Крестьянство, которому перешел этот регион, обладает сильной культурной и генетической индейской наследственностью. В основном оно было рабочей силой в крупных поместьях, занимавшихся экстенсивным скотоводством, а позднее плантационным хозяйством (хлопок), управляемых из столиц северо-восточных штатов, расположенных на роскошном атлантическом побережье. В то же время эти крестьяне практиковали натуральное хозяйство внутри плантаций / скотоводческих владений или в более сухих и труднодоступных районах. Однако вопреки национальному стереотипу об обреченном на засуху регионе, который населен несчастным менее-чем-человеческим народом, северо-восточным крестьянам удавалось жить, сосуществовать и справляться со сложными экологическими условиями. Эти крестьяне всегда умудрялись подстраиваться под особые биологические и сезонные ритмы – за исключением случаев, когда их прогоняли крупные землевладельцы (а также правительства штатов и федеральные правительства), контролировавшие региональную политику. Последняя была и остается по сути гидрополитикой; крестьяне создали самобытную цивилизацию, устойчивую в техническом отношении и оригинальную

60 Нижеследующие абзацы основаны на исследованиях и еще не опубликованных работах Рондинелли Го-меса Медейруша (MEDEIROS R.G. *Mundo quase-árido. Paper Presented at the Conference the Thousand Names of Gaia: From the Anthropocene to the Age of the Earth*. Rio de Janeiro: Fundação Casa de Ruy Barbosa, 2014) и Габриэля Холливера (HOLLIVER G. *O Semiárido Brasileiro Descolonizador: Agricultores Experimentadores Com-pondo com Gaia, Resistindo ao Antropoceno*. 2014 (неопубликованная рукопись)). Я не могу в достаточной мере отблагодарить Рондинелли Медейруша за то, что он научил меня многому об удивительной истории и экологии полузасушливого северо-востока, совершенно нового мира для амазонского этнографа.

в культурном; их вклад в национальную культуру (особенно в музыку, литературу и кухню) куда более важен, чем, скажем, вклад богатых южных штатов страны.

После трех столетий обезлесения⁶¹, перевыпаса скота⁶² и выращивания хлопковой монокультуры ползасушливый северо-восток стал походить на пустыню, почвы крайне деградировали, превратились в стерильный песок, сильно засолились⁶³. В середине XX века федеральные правительства, правительства штатов, а также крупные промышленные круги начали поддерживать типичную геоинженерную идею, что сельское хозяйство в ползасушливых районах возможно только благодаря применению классического рецепта – больших доз пестицидов и химических удобрений⁶⁴. Однако многие крестьяне – те бедные арендаторы хлопковых и скотоводческих угодий, чьи семьи не эмигрировали в Амазонию во время великой засухи конца 1870-х или в юго-восточные столицы со второй половины XX века до настоящего времени, – после отказа от так называемых пакетов технической поддержки и проектов развития сельских районов заново открыли или изобрели низкотехнологичные, экологически продвинутые методы культивации, в том числе хитроумные системы управления водными ресурсами (хранение, орошение). Все эти изобретения – подлинники шедевры геобриколажа. Эти разрозненные сообщества свободных мелких землевладельцев объединены в сеть: на подчас огромных расстояниях в ползасушливом ландшафте они обмениваются техниками, семенами, информацией о биодоброудобрениях, органических средствах против вредителей, восстановлении почвы, весеннем восстановлении и агролесомелиорации, а также перепроектируют свои территориальности с помощью «народной» картографии и интеллектуально-поли-

ЭДУАРДУ ВИВЕЙРУШ
ДЕ КАСТРУ

О МОДЕЛЯХ И ПРИМЕРАХ:
ИНЖЕНЕРЫ И БРИКОЛЕРЫ
В АНТРОПОЦЕНЕ

- 61** Бразильский ползасушливый регион характеризуется ксерофильной растительностью *каатингу* (которая дает название северо-восточному биому [на языке индейцев тупи *caa* – «белый, светлый», *tinga* – «лес», то есть «лес без тени». – *Примеч. перев.*]) с множеством экологически и экономически важных деревьев, кактусов и бромелиевых, а также довольно разнообразной фауной.
- 62** Чрезмерный выпас домашнего скота в количествах, превышающих реальный уровень биологической кормности данной местности. К отрицательным последствиям перевыпаса относятся опустынивание, эрозия почвы, обезлесение, деградация богатства растительного и животного мира, снижение продуктивности самого скота и, в конечном счете, снижение уровня продовольственной безопасности человека. – *Примеч. перев.*
- 63** Хлопковые плантации были уничтожены долгоносиком (*Anthonomus grandis*) в последние два десятилетия XX века. Они оставили огромные обезлесенные территории и крайне деградировавшие почвы, которые, вдобавок ко всему, пострадали от эрозии (из-за сильных нерегулярных дождей) после исчезновения плантаций. Вредитель-долгоносик был благом для крестьян, которые жили в режиме сверхэксплуатации; его дикое распространение (он прибыл на юг из Соединенных Штатов, добравшись до Бразилии в начале 1980-х) устранило другого вредителя – хлопок как «агента» насильственной симплификации – и тем самым освободило крестьян для переизобретения собственных модусов обитания в каатинге (модусов, которые, разумеется, не лишены тягот).
- 64** То же, кстати говоря, применяется и в тропической саванне (Серра́ду) Центральной Бразилии, сердце агропромышленной монокультуры сои и экстенсивного скотоводства, которое сейчас распространяется на южную Амазонию.

тических альянсов с научными институтами и исследователями⁶⁵. Непреднамеренный эффект вековых упрощений биома каатинги заключался в восстановлении – хотя и в другом историческом контексте – многообещающего ассамбляжа методов совместного обитания людей и более-чем-людей на земле, опустошенной экстрактивным колониализмом. Все это – подытожим – делается перед лицом грядущих климатических изменений, которые уже отчетливо воспринимаются, осмысляются и преодолеваются этими сообществами «земледельцев-экспериментаторов», как называют себя эти мелкие землевладельцы⁶⁶. Продолжительные засушливые периоды бывают все чаще; дожди становятся проливными и разрушительными; температура повышается. Но они, говоря словами Харауэй, остаются со смутой.

Итак, не будем усматривать сущность модельного мышления в мышлении «западном», а тем более – в науке как таковой. Мышление моделями – всегда в нормативном смысле слова «модель» – это имперское мышление, будь то западное или восточное. Геоинженерия – как первая практическая актуализация модельного мышления – внутренне присуща форме-государству, особенно имперскому и колониальному государству: от гидравлического деспотизма Виттфогеля до крупномасштабных операций по добыче полезных ископаемых и гигантских проектов строительства дамб и дорог по всему современному миру⁶⁷. Имперские геоинженерные модели необходимо предполагают разрушение геобриколажных ассамбляжей на мес-

65 См.: MEDEIROS R.G. *Op. cit.*; откуда были адаптированы, если попросту не скопированы, предыдущие абзацы. См. также: *Programa Semear. Semeando saberes, inspirando soluções*. Brasília: IICA, 2017; где представлен обзор различных сельскохозяйственных геобриколажных инициатив в каатинге.

66 На португальском языке: *agricultores experimentadores*.

67 См. в этой связи хорошо известные работы Джеймса Скотта, например: SCOTT J. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press, 1999 (рус. перев.: СКОТТ ДЖ. *Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни*. М.: Университетская книга, 2005. – Примеч. перев.). Модельное мышление присуще тому, что Делёз и Гваттари, следуя примеру Мишеля Серра, назвали «королевской или государственной наукой», теорематической наукой, в отличие от «малой» или проблематической науки. По многим причинам, как политическим, так и эпистемическим, наука о климате и связанные с ней познавательные практики – не говоря уже об антропологии – окажутся на стороне делёзо-гваттарианской «малой науки», особенно с того момента, как они наткнулись на концепт антропоцена. «Малая наука» – это не «деконструктивная», сугубо критическая наука, а практико- и проблемно-ориентированная наука, наука о разнообразных материалах, а не о чистой абстрактной Материи, о метаморфозах, а не о фиксированных сущностях, о маргинальных или миноритарных, а не центральных или мажоритарных феноменах: «В своей недавней книге Мишель Серр указал на [ее] следы как в атомистической физике Демокрита и Лукреция, так и в геометрии Архимеда. Характеристики этой эксцентричной науки могли бы быть следующими. 1) Прежде всего она использует гидравлическую модель, а не теорию твердых тел, рассматривающую жидкости лишь как частный случай; действительно, античный атомизм неотделим от потоков, поток и есть сама реальность, или консистенция. 2) Это модель становления и неоднородности, она противоположна устойчивому, вечному, тождественному, постоянному. Такой “парадокс” превращает само становление в модель, становление перестает быть вторичной характеристикой, копией; Платон в “Тимее” упоминал о подобной возможности, но лишь для того, чтобы исключить и отбросить ее от имени королевской науки» (цит. по: ДЕЛЁЗ Ж., ГВАТТАРИ Ф. *Тысяча плато...* С. 604–605).

тах – начиная с выселения или истребления человеческих и нечеловеческих популяций. Как утверждал Амитав Гош, капитализма «самого по себе» не достаточно для объяснения антропоцена; нужно добавить империю: определенная технополитическая экономия + геополитика мирового господства:

ЭДУАРДУ ВИВЕЙРУШ
ДЕ КАСТРУ

О МОДЕЛЯХ И ПРИМЕРАХ:
ИНЖЕНЕРЫ И БРИКОЛЕРЫ
В АНТРОПОЦЕНЕ

«Я не согласен с теми, кто видит в капитализме главную линию разлома в ландшафте изменения климата. Мне кажется, что этот ландшафт разделен двумя взаимосвязанными, но одинаково важными разломами, каждый из которых следует собственной траектории: это капитализм и империя (где под последней понимается стремление к господству со стороны важнейших структур самых могущественных государств мира). Короче говоря, даже если завтра капитализм волшебным образом трансформируется, императивы политического и военного господства останутся серьезным препятствием для прогресса в смягчении мер»⁶⁸.

Проблема здесь в том, что у нас может быть (и была на протяжении тысячелетий) империя без капитализма, но пока не известно, будет ли у нас капитализм без империи. Это было бы и правда волшебно. Потому что империя в своем экономико-капиталистическом обличье означает, по сути, «так называемое первоначальное накопление» – вечную, необходимую черту капитализма, как некогда утверждала Роза Люксембург. В некотором смысле антропоцен (таково мое понимание аргумента Джейсона Мура о «капиталоцене») – результат постоянно уменьшающихся возможностей первоначального накопления в нынешних планетарных условиях, где исчерпаны четыре «дешевых природы» (рабочая сила, продовольствие, энергия и сырье)⁶⁹. Если дело обстоит так, то, вероятно, слабое звено, трещины, линии разлома, промежуточные зоны пригодности для жизни в нашем антропокапиталоцене лежат именно там, где капитализм и его биосоциогеоинженерный проект всеобщего одомашнивания «соединяются» с тем, что остается в его социальном, биологическом и физическом экстерьере. Не с тем, что является внешним по отношению к капитализму (ибо для него нет абсолютного внешнего), а с экстерьером капитализма, экстериорностью (и экстернальностью), которую он должен контрпроизвести как собственное материальное условие воспроизводства. Короче говоря, вместо того, чтобы быть пережитками (в смысле Эдварда Тайлора) прошлых веков, бальзаковские «дикари, крестьяне и жители провинции»

68 GHOSH A. *Op. cit.* P. 146.

69 MOORE J.W. *The Origins of Cheap Nature: From Use-value to Abstract Social Nature*. 2014 (<https://jasonwmoore.wordpress.com/2014/04/07/the-origins-of-cheap-nature-from-use-value-to-abstract-social-nature/>); PATEL R., MOORE J.W. *A History of the World in Seven Cheap Things: A Guide to Capitalism, Nature, and the Future of the Planet*. Oakland: University of California Press, 2017.

ЭДУАРДУ ВИВЕЙРУШ
ДЕ КАСТРУ

О МОДЕЛЯХ И ПРИМЕРАХ:
ИНЖЕНЕРЫ И БРИКОЛЕРЫ
В АНТРОПОЦЕНЕ

могут представлять собой лучшие примеры (но не модели) стратегий будущего выживания на поврежденной планете, поскольку без них – едва их ряды пополнятся миллионами народов, человеческих и/или иных, которые в(ос)стают из и рождаются в ширящихся трещинах неустойчивого модуса (модели) жизни, – капитализм обойтись не может. Таким образом, как ни парадоксально, они должны продолжать существовать.

У нас может быть империя без капитализма, но пока не известно, будет ли у нас капитализм без империи, потому что империя в своем экономико-капиталистическом обличье означает, по сути, первоначальное накопление – вечную, необходимую черту капитализма.

ВНЕМОДЕРНЫЕ В АНТРОПОЦЕНЕ

Все земные народы, за исключением небольшого, но могущественного западного племени климатических негационистов, осознают, что происходит: климат, вода, температура, ритмы и циклы их окружающей среды меняются к худшему. Они также замечают вымирание, миграцию или тератологические мутации различных видов живых существ. У разных народов есть разные объяснения всему этому, но они не «верят» в антропоцен – они его переживают⁷⁰. У других народов, не таких информированных «граждан мира», как мы, и теории отличаются от наших, но они единодушно согласны в одном: ваш народ делает что-то очень плохое с местами, где мы живем. Вы лезете, куда не надо. Вы можете, скажем, копать Землю в поисках нефти или металла и тем самым разрушать ее основы; вы можете выбрасывать ядовитые пары в небо, и это приведет к тому, что оно упадет на нас; вы вырубаете леса, и земля становится горячей, бесплодной и безжизненной. И на этом уровне все это совершенно истинно. Дело вовсе не в вере.

Тогда возникает вопрос: какое отношение другие народы Геи – те, для кого мы должны «оставить место», но, как утверждают Пиньяр и Стенгерс⁷¹, точно не знаем как, – какое отношение эти люди, которых я называю внемодерными, имеют ко всему этому? В каком-то смысле они не имеют к этому никакого отношения – то была не их вина. Они принадлежат к той огромной части человечества и прочих земных обитателей,

70 Единственные люди, которые «верят» в антропоцен, суть те, кто «не верит» в него, то есть денайалисты.

71 PIGNARRE Ph., STENGERS I. *Op. cit.*

чья форма жизни была преступно изуродована техническим, экономическим, политическим и духовным вторжением европейцев, которое началось около пяти или шести веков назад. В другом смысле они имеют к этому самое непосредственное отношение, поскольку выступают за мир, который исчезает, и многие из них исчезают вместе с ним. Но многие из этих внемодерных народов сумели выжить в мире, трагически трансформированном непонятым (поначалу) чужеземным народом. Как мы утверждали в другом месте⁷², например, у индейских народов (но также африканских, океанских, сибирских) был – и есть – опыт продолжения жизни после конца их мира. Они являются образцом видовой способности жить в трудные времена. Их опыт может пригодиться нам самим в не столь отдаленном будущем. Настоящее внемодерных народов может быть прообразом будущего каждого.

Совершенно очевидно, что практические и теоретические способы взаимодействия внемодерных народов с Геей и ее иными-чем-человеческими народами гораздо менее суицидальны – менее энтропийны, – чем наш, без которого мы, по видимому, не можем жить, потому что жить без него уже невозможно, исторически и эмпирически, о чем бы мы ни мечтали. Значит, эти другие способы все еще здесь только для того, чтобы напомнить нам, что «давным-давно» существовала жизнь вне капитализма со всем хорошим и плохим, что с ней сопряжено? Неужели это все, на что способна антропология?

Моя собственная полевая работа, которая осталась далеко позади и во времени, и в пространстве, была сосредоточена на совершенно других темах. По крайней мере я так думал, пока не понял, что амазонские космологии и, если брать шире, космологии коренных американцев (мое направление исследований) на деле могут внести свой вклад в дебаты об антропоцене. Это осознание пришло ко мне, когда я прочитал первые наброски того, что впоследствии стало книгой «Падающее небо», написанной шаманом-яномами Дави Копенавой и французским антропологом Брюсом Альбертом⁷³. «Падающее небо» – удивительное произведение, мощное контрантропологическое исследование культуры Белых и пророческий дискурс об антропоцене – о том, что скоро случится с *urihî a* (лесом); этот термин Копенава использует для перевода португальского *mundo* (мир)⁷⁴. Как и в языке атшиян Ле Гуин, у яномами слово

ЭДУАРДУ ВИВЕЙРУШ
ДЕ КАСТРУ

О МОДЕЛЯХ И ПРИМЕРАХ:
ИНЖЕНЕРЫ И БРИКОЛЕРЫ
В АНТРОПОЦЕНЕ

72 DANOWSKI D., VIVEIROS DE CASTRO E. *Op. cit.*

73 KOPENAWA D., ALBERT B. *The Falling Sky: Words of a Yanomami Shaman*. Cambridge: Harvard University Press, 2010.

74 Слово «Белые» в португальском языке яномами, как и во многих других языках коренных народов Бразилии, не имеет непосредственного хроматического или расового значения. Оно обозначает всех лиц неиндейского происхождения или, шире, всех лиц неиндейской культуры. Это слово представляет собой «перевод» десятков, а возможно, и сотен местных слов, основное значение которых – враг (например

для «леса» и «мира» одно. И, как написал Ричард Пауэрс в своей недавней антропоценовой книге «Сверхистория», «в лесу все – лес». В мире все – мир⁷⁵.

Я могу лишь предложить вам прочитать «Падающее небо» и попытаться перевести его на язык западного научного и философского дискурса⁷⁶. Образ мысли южноамериканских индейцев (тех представителей немодерного человечества, с которыми я чуть лучше знаком), независимо от количества и качества «объективных истин», к которым он открывает доступ, позволяет как минимум поддерживать с реальностью связь, менее высокомерную, имперскую и деструктивную, чем продвигаемая, если не сказать навязываемая, нашей космологической вульгатой. Нам давно пора серьезно заняться переводом индигенных идей в концептуальный словарь, который имеет для нас полный смысл, – словарь, который не инфантилизирует и не банализирует слова (концепты) этих чужеземных языков. Такой словарь не может реплицировать исходные метафизические языки немодерных народов. Все мы «Белые» (в этнополитическом смысле Копенавы); бесполезно настаивать на том, чтобы мы коверкали свои языки, говоря о духах-хозяевах животных, деревьях со стволами, покрытыми поющими ртами, падающем на нас небесном своде: «плюриверсум»⁷⁷ требует внимания – уважения – к различиям. Мы должны прибегнуть к антропологическому методу «подконтрольной эквивокации» и найти продуктивное различие между нашими концептами и их концептами – различие, способное генерировать новые концепты, расположенные в межязыковом зазоре, который, как мне кажется, является единственным местом, где мы можем должным образом подступить к миру антропоцена. Речь идет не о том, чтобы изменить наши верования или, если уж на то пошло, их верования⁷⁸. Как сказала Навида Хан в какой-то момент во время дискуссий на симпозиуме: «Вопрос не в том, верите вы или нет; вопрос в эффективности»⁷⁹. Эффективность в этом смысле не вопрос технического совершенства или мате-

kuben каяпо, *parë* яномами, *awin* аравете). Эти слова изначально использовались с детерминативами, специфицирующими различные индигенные вражеские народы («красные враги», «враги с дубинками» и так далее). Когда прибыли европейцы, они стали прототипическим, безоговорочным Врагом. Тот факт, что эти многоцветные неиндигенные враги зовутся «Белыми», конечно, не лишен морального и исторического значения.

75 LE GUIN U. *The Word for World is Forest*. New York: Tor, 2010 [1972] (рус. перев.: Ле Гуин У. *Слово для «леса» и «мира» одно*. М.: АСТ, 1992. – *Примеч. перев.*); POWERS R. *The Overstory*. New York: Norton, 2018.

76 Новаторский философский перевод слов Копенавы см., опять же: VALENTIM M.A. *Op. cit.*

77 BLASER M., CADENA M. DE LA. *Op. cit.*

78 О подконтрольной эквивокации см.: VIVEIROS DE CASTRO E. *Perspectival Anthropology and the Method of Controlled Equivocation* // *Tipiti* – Journal of Society for Anthropology of Lowland South America. 2004. Vol. 2. № 1. P. 3–22.

79 KHAN N. *At Play with the Giants: Between the Patchy Anthropocene and Romantic Geology* // *Current Anthropology*. 2019. Vol. 60. № 20. P. S333–S341.

матической точности, а мера экзистенциальной истины. И одна из экзистенциальных истин, которые мы должны учесть, – это истина о множественных модусах существования: заполняющем «плюриверсум» множестве миров (этнографически разнообразных и многовидовых), пересекающихся друг с другом в Гея, которая конституирована запутанной и диссонирующей агентностью бесчисленных форм жизни.

«Оставить место для других», как предложили Пиньяр и Стенгерс, разумеется, не означает увидеть в них модели для нашего будущего, превратив из наших жертв в наших спасителей. Подлинная цель антропологии заключается в том, чтобы прояснить условия онтологического самоопределения других народов, что означает прежде всего признание за ними собственной социально-политической консистенции, которая не может быть как таковая перенесена в наш мир, как если бы она была давно утраченным рецептом земного блаженства. Но это также означает наделение онтологического воображения других людей (и других других) и нашего собственного равным статусом. Лоскутный антропоцен – это почва, где встречаются онтологии, именно потому, что он лоскутен онтологически.

Таким образом, речь не о том, чтобы по старинке противопоставлять «множество человеческих (и нечеловеческих) миров, но одну-единственную планету», что будет вариантом западной современной вульгаты мультикультурализма-с-монастурализмом. Конечно, «нет планеты Б», в то время как на Земле есть *N* миров, – если предположить, что слово «мир» – это и правда имя для чего-то исчисляемого; ибо когда дело доходит до миров, мы, вероятно, должны говорить не об исчисляемом, а о неисчислимом. Но планета Земля не та же сущность, что и Гея, открытие антропоцена. Гея – это «не только новое сущее; это новый *вид сущего*»⁸⁰. Гея уникальна, но не обладает целостностью и интегральностью, которые предполагаются обычными образами Земли как механизма или организма:

«Гея – это скорее лоскутное одеяло, а не единая область, сфера, регион или сущность. [...] Гея – ретикулярная, лакунарная, пестрая, распределенная сущность, у которой нет прецедентов, ее не с чем сравнивать. [...] Гея единственна, но не едина»⁸¹.

«Новизна, привнесенная в понятие Земли совместными усилиями Лавлока и Маргулис, состоит в наделении всех форм жизни историчностью и агентностью, то есть в приписывании самим формам жизни задачи создания условий для сохранения во времени и расширения в пространстве. Именно в этом смысле они, можно сказать, живут по собственным законам»⁸².

80 MANIGLIERE P. *Op. cit.*

81 LATOUR B., LENTON T. *Op. cit.* P. 670–675.

82 *Ibid.* P. 664.

Теория Геи, таким образом, кажется намного ближе к тому, что антропологи привыкли называть «анимистическим» и «плюриверсальным» мировоззрением, чем к точке зрения натуралистической или механистической, как в случае Земли Галилеевой «бесконечной вселенной»⁸³ – и геоинженерии. Анимизм внезапно предстает самой разумной версией материализма: модусом внимания к реальности, в котором «всё» видится обладающим вариативно актуализируемой виртуальной агентностью. Перевод между *uríhi a* Копенавы и Альберта и западной наукой о Гее (ибо это наука) становится возможным без избытка герменевтической анагогии. Как заметил Маниглие (называющий Гею «Землей»):

«Земля – это не трансцендентное тождество; это динамика расходящихся версий ее самой. Стало быть, Земля существует только потому, что имеет смысл высказывание: сущность, раскрытая в отчетах МГЭИК, и “великий зем-лес” [*great earth-forest*], представленный амазонским шаманом Дави Копенавой, действительно продлеваются друг в друге, а это значит, что мы должны понять, как одно становится другим, не будучи метафорой или всего лишь репрезентацией другого»⁸⁴.

Так уж вышло, что многие немодерные народы тоже приписывают жизнь (и, стало быть, «историчность и агентность») формам существования, которые мы не признаем живыми. Антрополог должен выяснить, какие индигенные концепты мы переводим посредством слова «жизнь», прежде чем говорить, что эти народы «заблуждаются» в этом конкретном отношении⁸⁵. Они населяют свои миры агентами, устроенными иначе, чем те, что обитают в нашем – наш мир и их миры являются структурными трансформациями друг друга, – и эти разные агенты по большей части пересекаются на уровне воздействий, которые они оказывают на феноменальный мир. И самое главное, мы должны спросить, какое значение имеют эти различия, когда речь заходит о жизни в антропоцене, учитывая пересечение, если не разумное сближение, соответствующих воздействий.

83 КОУРÉ А. *From the Closed World to the Infinite Universe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1968 (рус. перев.: Койре А. *От замкнутого мира к бесконечной вселенной*. М.: Логос, 2001. – Примеч. перев.).

84 MANIGLIÈRE P. *Op. cit.*

85 О концептуальном переводе см.: VIVEIROS DE CASTRO E. *The Relative Native // IDEM. The Relative Native: Essays on Indigenous Conceptual Worlds*. Chicago: HAU Books, 2015. P. 3–37. Также см.: «Наше предложение “плюриверсума” в качестве аналитической рамки – это не просто абстракция: будучи этнографическим, оно вытекает из нашего по-разному опосредованного (но воплощенного) опыта мирений [*worldings*], с которыми мы столкнулись в ходе полевой работы, и это пробудило в нас внимательность к практикам, которые создают миры, даже если они не удовлетворяют нашему требованию (требованию современной эпистемологии) реальности (поскольку не оставляют исторических свидетельств, не говоря уже о научных)» (BLASER M., CADENA M. DE LA. *Op. cit.* P. 4).

ПОСТСКРИПТУМ ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКОМ АНАРХИЗМЕ

ЭДУАРДУ ВИВЕЙРУШ

ДЕ КАСТРУ

О МОДЕЛЯХ И ПРИМЕРАХ:
ИНЖЕНЕРЫ И БРИКОЛЕРЫ
В АНТРОПОЦЕНЕ

То, что я имел неосторожность назвать «онтологическим анархизмом», не следует воспринимать как синоним «онтологической энтропии». В некотором смысле это понятие контринтуитивно, потому что контронтологично, поскольку концепт «онтологии» в нашей традиции, похоже, отвергает любую плюрализацию. Должна быть только одна истинная онтология, так как онтологический дискурс – это монологический голос Бытия, которое является Прекрасным, Благим и Истинным.

Подлинная цель антропологии заключается в том, чтобы прояснить условия онтологического самоопределения других народов, что означает прежде всего признание за ними собственной социально-политической консистенции, которая не может быть как таковая перенесена в наш мир.

Я хотел бы завершить эти замечания об онтологической анархии этнографическим примером, по-видимому, незначительной деталью индейских онтологий, которая поможет прояснить, что скрывается за всей этой напыщенной речью об онтологии. Эта деталь демонстрирует эстетико-метафизическую характеристику мышления индейцев, которую я называю «некоторостью» (*someness*), другими словами, показательно малозначительную роль, которую в индигенной логике играет квантор всеобщности.

Я полагаю, что нижеследующий диалог с собеседником из числа коренного населения – обычная ситуация при работе в поле, скажем, в Амазонии. После того, как он или она заявляют, что, например, «все лесные существа – это люди, у них есть душа», этнограф спрашивает:

– О, вы имеете в виду *всех* существ?

– Да, *всех*.

– У ягуаров есть душа, они люди?

– Да, это так.

– А как насчет аллигаторов?

– То же самое.

– Тапиров?

– О, да.

– Муравьев?

– То же самое.

– Птиц?

- Да.
- Гуанов?
- Нет, гуаны – просто птицы. У них нет души.

Эти любопытные исключения более или менее случайны и варьируются в зависимости от собеседников в одной и той же культуре или в разных культурных традициях. Прекрасный мифический пример того же качества «некоторости» встречается у айкевара – тупийского народа из восточной Амазонии. Этнограф айкевара начинает повествование об их мифе о происхождении словами: «Когда земля и небо были близки друг к другу, в мире не было ничего, кроме людей – и черепаха»⁸⁶.

Эти анекдоты сразу воскрешают в памяти отрывок из знаменитой статьи Ирвинга Халлоуэлла «Онтология, поведение и мировоззрение оджибва»⁸⁷. В языке оджибва есть классы одушевленных/неодушевленных существительных. Этнограф отмечает:

«То, что мы рассматриваем как материальные неодушевленные объекты – такие, как раковины и камни, – помещается в категорию “одушевленных” наряду с “личностями”, не имеющими физическое существование в нашем мировоззрении. [...]

Поскольку камни одушевлены грамматически, однажды я спросил старика: *все ли камни, которые мы видим здесь вокруг себя, живые?* Он долго размышлял, а потом ответил: *“Нет! Но некоторые живы”*. Этот ответ с оговоркой произвел на меня неизгладимое впечатление. [...] Гипотеза, которая напрашивается сама собой, заключается в том, что отнесение камней к грамматической категории одушевленности [...] не предполагает сознательно сформулированной теории о природе камней. *Это оставляет открытой дверь, которую наша ориентация на догматические основания держит плотно запертой*. Несмотря на то, что нам никогда не следует ожидать от камня проявления одушевленных свойств любого рода при каких угодно обстоятельствах, оджибва априори признают потенциальную одушевленность за определенными классами объектов при определенных обстоятельствах. [...] Вообще оджибва воспринимают камни как одушевленные не больше, чем мы. *Решающую роль играет опыт. Есть ли какие-то личные свидетельства?* Отвечая на этот вопрос, можно привести заявления информантов, что камни видели движущимися, а некоторые камни проявляли другие характеристики одушевленности, и, как мы увидим, в их мифологии Кремень представляется живым персонажем»⁸⁸ (курсив мой. – Э.В.К.).

86 CALHEIROS O. *Aikewara: esboços de uma sociocosmologia Tupi-Guarani*. Ph.D. dissertation. National Museum of Rio de Janeiro, 2014. P. 41. Аравете, другие представители восточно-амазонских тупи, также говорят, что «черепахи очень древние, они появились здесь раньше всего/всех остальных».

87 HALLOWELL A.I. *Ojibwa Ontology Behaviour, and World View* // DIAMOND S. (Ed.). *Culture in History: Essays in Honour of Paul Radin*. New York: Columbia University Press, 1960. P. 19–52.

88 Ibid. P. 24.

Итак, независимо от лингвокогнитивных интересов Халлоуэлла и с должным вниманием к его пронизательному замечанию о наших собственных догматических онтологических принципах, на мой взгляд, интересным этот отрывок делает, во-первых, проявление феномена «некоторости»: все камни грамматически одушевленные; живые существа грамматически одушевленные; не все камни живые, но некоторые живые. Во-вторых, связь ответов типа «некоторые – да / некоторые – нет» с радикальным прагматизмом, выявленным Халлоуэллом. Не существует твердого правила (возможно, даже правила о том, что всегда есть исключение из правила), устанавливающего, что является тем или иным во веки веков в каждом конкретном случае: живым или неживым, человеком или не-человеком и так далее. Решающий фактор – опыт, заключает Халлоуэлл. А опыт учит нас, что мы не можем обобщать – потому что нет догмы, навязанной трансцендентным кодексом, таксономическим *номосом*, который раз и навсегда определяет бытие всякого сущего. Короче говоря, эти исключения указывают на что-то вроде «невозможности» предполагать Целое, включение в замкнутый набор всех лексем концептуального «типа». Нет никакой тотальности; кажется, всеобщая квантификация («для всех», «для любого») злостно нарушается или отвергается. Для меня это признак онтологического анархизма – нет Всего, нет Единого, нет Целого. Никаких силлогизмов типа «все X – это...»⁸⁹. Дело не в том, что Многое должно занять место Единого, просто нам следует приглядеться к не-единому, не-всему – к некоторым. Онтологическая анархия – это напоминание о том, что всегда следует оставлять какую-то дверь открытой, хотя бы одну – ту, что становится дырой в Едином. И, вдохновившись «некоторостью», я приведу ее в пример стиля мышления, который мог бы изменить наши познавательные практики; пример, который, пожалуй, сгодится для устранения неразрешимого (ибо метафизически ущербного) напряжения между единым и многим, преследующего времена/пространства антропоцена. «Некоторость» есть форма распредсказывания мира.

Перевод с английского Дениса Шалагинова

89 Вспомним пресловутый опыт Александра Лурии с узбекскими крестьянами, которых он считал «неспособными» к силлогистической дедукции. «Когда Лурия говорил им: “На Крайнем Севере, где круглый год снег, все медведи белые. Новая Земля находится на Крайнем Севере, и там всегда лежит снег. Белые там медведи или нет?” – ответом часто было возражение примерно следующего толка: “Вы их видели, вы знаете. Я их не видел, так откуда же мне знать?”» (HARRIS P. *Hard Work for the Imagination* // GÖNCÜ A., GASKINS S. (Eds.). *Play and Development: Evolutionary, Sociocultural, and Functional Perspectives*. New York: Taylor & Francis, 2007. P. 209).

ЭДУАРДУ ВИВЕЙРУШ
ДЕ КАСТРУ

О МОДЕЛЯХ И ПРИМЕРАХ:
ИНЖЕНЕРЫ И БРИКОЛЕРЫ
В АНТРОПОЦЕНЕ

Отрицание науки и пост- правда: новые темные века

Беседа Ричарда Маршалла с философом
Ли Макинтайром

*Ричард Маршалл
(р. 1959) – философ,
писатель, основатель и
редактор философского
онлайн-проекта «3:16».*

*Ли Макинтайр – науч-
ный сотрудник Центра
философии и общест-
венных наук Бостонско-
го университета, автор
детективной прозы.*

Ричард Маршалл: Что подтолкнуло вас к тому, чтобы стать философом?
Ли Макинтайр: Этому способствовали два фактора, оба из детства. Я обожал читать энциклопедию «World Book». У моих родителей не было высшего образования, но они хотели, чтобы я поступил в университет, поэтому дома было много книг, а венчала все энциклопедия, в которой рассказывалось «обо всем». Я обожал читать статьи о мыслителях – ученых, философах, писателях. И однажды вдруг понял, что это люди, о которых все помнят. Они попали в энциклопедию. Позже, когда мне было лет десять, я спросил у мамы (это был разгар войны во Вьетнаме), почему мир так ужасен. Она ответила, что многих проблем никто пока не может решить, но в каком-нибудь хорошем университете над этим наверняка бьются. И сразу стало ясно, кем надо быть. У кого, как не у профессоров, есть время сидеть и размышлять, как сделать мир лучше? До философии оставался один шаг, хотя сделал я его гораздо позже. В детстве меня больше занимали проблемы бесконечности пространства, вопрос, почему я родился на Земле в это время, а не какое-

ИНТЕРВЬЮ
«НЗ»

нибудь другое. Уже в колледже я понял, что это философские проблемы. И тут же почувствовал себя как дома.

**РИЧАРД МАРШАЛЛ –
ЛИ МАКИНТАЙР**

ОТРИЦАНИЕ НАУКИ
И ПОСТПРАВДА: НОВЫЕ
ТЕМНЫЕ ВЕКА

Р.М.: Сейчас растет число отрицателей науки, а вы как раз изучаете этот феномен¹. Кто-то считает, что Земля плоская, кто-то не верит в прививки, кто-то разделяет конспирологические теории о коронавирусе – одним словом, опирается на идеологию, а не факты. Есть ли у этих направлений общий корень или это разные вещи? Связаны они с отрицанием науки вообще или людям просто кажется, что науку выборочно используют для неподходящих политических задач?

Л.М.: Думаю, у всех форм отрицательства есть общий корень и единая логика. Несколько лет назад братья Хуфнагели² выделили пять ее отличительных черт: (1) тенденциозность в подборе фактов; (2) склонность к теории заговора; (3) непоследовательность в доказательствах; (4) ссылки на лжеэкспертов; (5) уверенность, что в науке не бывает противоречий. Этой извращенной логике следуют и сторонники теории плоской Земли, и антиваксеры, и отрицатели эволюции, изменения климата или ГМО, разоблачители коронавируса и так далее. Не думаю, что все эти виды отрицательства основаны на одной и той же идеологии, но вы правы: в основе своей они идеологичны. Иногда это политическая идеология, иногда экономическая или религиозная. Люди слишком сильно привязаны к какой-то своей вере, и, если она противоречит науке, они предпочитают отказаться именно от науки. Но они не против науки как таковой, а только против той ее части, которая посягает на их святую веру. Однако нельзя забывать, что отрицание науки касается не отдельных фактов, а процесса научного поиска истины. Ссылки на теорию заговора, двойные стандарты и тенденциозность в отношении фактов – в науке это табу.

Р.М.: В чем, на ваш взгляд, важность такого явления, как отрицательство? В конце концов, большинство людей на Земле понятия не имеют, что такое наука, и верят в странные вещи, даже если сами при этом ученые – ведь и среди ученых немало людей верующих. Тот же Ньютон – величайший ум всех времен – был глубоко религиозен. Похоже, людей такие противоречия не пугают.

Л.М.: Опасность отрицания науки в том, что мы считаем возможным отвергать то, что нам кажется неправдой, не утруждая себя поиском доказательств. А это заразно. Для тех, кто верит в теории заговора, например, характерно, что они верят сра-

1 См.: McINTYRE L. *Respecting Truth: Willful Ignorance in the Internet Age*. London: Routledge, 2015.

2 Марк и Крис Хуфнагели, ученый-физиолог и юрист из США, авторы платформы *scienceblogs.com*, где они и предложили эти пять критериев.

зу в несколько. Пусть какие-то из них безобидны, но другие могут оказаться весьма опасными. Поэтому важно держаться веры в рациональность – особенно когда речь заходит об эмпирических предметах. Зачем позволять человеку выбирать, что правда, а что нет, не основываясь ни на чем, как будто наука – это буфет, где выбираешь то, что тебе нравится? Я таких людей называю «буфетными скептиками», потому что для них наука – это способ обоснования того, во что они и так уже верят, и их совершенно не интересует наука, которая будет противоречить тому, что они считают истиной. С учеными подобное, разумеется, тоже бывает, но – хочется верить – значительно реже. Я со всей серьезностью отношусь к отрицанию науки, потому что в последнее время оно стало повсеместным: мы рискуем погрузиться в культуру отрицательства, где истиной может быть объявлено все что угодно. Не верите – послушайте Трампа и еще 75 миллионов республиканцев, утверждающих, что выборы 2020 года были якобы сфальсифицированы.

Р.М.: Вы писали, как бороться с теми, кто отрицает науку и верит в теории заговора³. Не могли бы вы рассказать поподробней, что нужно делать и почему нельзя просто подождать в сторонке, пока все само не рассосется?

Л.М.: Не рассосется. Отрицание науки только ширится. Нельзя думать, что если не обращать внимания, то проблема исчезнет сама собой. Сейчас происходит следующее: если человек верит в какую-нибудь абсурдную идею, у него тут же находятся единомышленники, которые постят все это в свои группы в соцсетях. Это путь в пропасть. Если человек верит в какую-нибудь белиберду в одиночку, он может передумать. Но если собирается целое сообщество, то переубедить их будет гораздо сложнее. Когда разговариваешь с человеком, который верит в теорию заговора, важно понимать, что факты тут бессильны. Как такое возможно? Факты, которые согласуются с их теорией, они и так приведут. А если фактов нет или есть факты, свидетельствующие об обратном, они скажут, что это только доказывает хитроумие заговорщиков! Как можно опровергнуть такую теорию? Да никак! Когда разговариваешь с конспирологом, важно помнить, что у него разрушено чувство доверия. Если говорить с ним спокойно и терпеливо, даже попросить что-то пояснить, он порой сам вдруг поймет всю абсурдность того, что излагает. Об этом есть прекрасная книга Мика Уэста «Вылезая из кроличьей норы»⁴. Есть еще отличная работа по

3 См.: MCINTYRE L. *How to Talk to a Science Denier: Conversations with Flat Earthers, Climate Deniers, and Others Who Defy Reason*. Cambridge: MIT Press, 2021.

4 WEST M. *Escaping the Rabbit Hole. How to Debunk Conspiracy Theories Using Facts, Logic, and Respect*. New York: Skyhorse Publishing, 2018.

логике теорий заговора – «Конспирологические теории» Кассима Кассамы⁵.

**РИЧАРД МАРШАЛЛ –
ЛИ МАКИНТАЙР**

ОТРИЦАНИЕ НАУКИ
И ПОСТПРАВДА: НОВЫЕ
ТЕМНЫЕ ВЕКА

Р.М.: Многие считают, что к верованиям другого человека нужно проявлять терпимость, даже если ты их не разделяешь. Брайан Лейтер, например, выступает за веротерпимость⁶, хотя к религии относится негативно. Вы же, соответственно, против терпимости?

Л.М.: Нет, не против, если то, во что человек верит, затрагивает только его самого. А если это причиняет вред всем остальным, то тут должны действовать определенные нормы. Например, мы пошли на лодке удить рыбу, а вы не взяли спасательный жилет, потому что считаете, что на все Божья воля, – это одно. Но если начался шторм, а вы хотите сломать рацию, потому что «Бог нас и так спасет», то вы ставите под угрозу и мою жизнь. Мне кажется, что большинство отрицателей науки поступают именно так. Если ты веришь, что Земля плоская, то тебе же и хуже (хотя ты тем самым все равно поддерживаешь культуру отрицательства, которая вредит обществу). А что делать с теми, кто не верит в изменение климата или вакцину от коронавируса? В данном случае, мне кажется, я имею право проявить нетерпимость, потому что эти иррациональные и ложные представления угрожают окружающим. Я не говорю, что это дает мне право запретить им топить печь углем или насильно сделать им прививку, но я вправе отвергнуть их убеждения и указать на их ошибочность. То, что они делают, не только иррационально, но и аморально.

Р.М.: Все это приводит к вопросу о демаркации: что отличает науку?⁷ Имеется более-менее всеобщий консенсус о том, что научного метода не существует, а значит, демаркация – это вопрос идеологии и вкуса, утверждение же непогрешимости науки – скорее махровый сциентизм, а не разумное утверждение. Не могли бы вы описать принципы демаркации? Считаете ли вы, что все они работают? Позитивизм постепенно пришел к самоотрицанию – может, и наука в итоге придет к тому, что она несостоятельна?

Л.М.: Философы науки на протяжении последних ста лет – по сути, с момента появления самой этой дисциплины – искали критерий, позволяющий надежно отличить науку от ненауки

5 CASSAM Q. *Conspiracy Theories*. Oxford: Polity Press, 2019. Интервью Ричарда Маршалла с Кассимом Кассамом публиковалось в «НЗ»: *Пороки разума: фейк-ньюс, теории заговоров, брежня и прочее. Ричард Маршалл беседует с философом Кассимом Кассамом* // Неприкосновенный запас. 2020. № 1(129). С. 3–12.

6 LEITER B. *Why Tolerate Religion?* Princeton: Princeton University Press, 2012.

7 См.: MCINTYRE L. *The Scientific Attitude: Defending Science from Denial, Fraud, and Pseudoscience*. Cambridge: MIT Press, 2020.

(или псевдонауки – это уже вопрос подачи). Ничего не вышло. Лучшим критерием был один из самых первых – его предложили Альфред Айер и логические позитивисты: принцип верификации. Он гласит, что некое высказывание осмысленно, если оно каким-то эмпирическим образом влияет на ваш опыт. Но, как вы отметили, в итоге случился конфуз: сам принцип верификации оказался неверифицируемым. Причины упадка позитивизма скорее технические, но главной неудачей стало то, что они не смогли решить проблему индукции.

А потом пришел Карл Поппер и сказал, что проблему индукции решать не надо, потому что наука основана на дедукции – в частности, на фигуре *modus tollens*, – поэтому гипотезы нужно не верифицировать, а фальсифицировать. Такое основание научной логики, по его мнению, решало проблему демаркации. Поппер и сам не верил в научный метод. Но не верил он и в то, что решать, что наука, а что не наука, – дело вкуса. Он верил в разграничение. Впрочем, его теория тоже столкнулась с проблемами (опять же техническими, но, как ни странно, вполне в духе того, что случилось с позитивистами: фальсификация оказалась очень похожей на скрытую верификацию).

После этого в философии науки начался разброд и шатание. Лишь в конце XX века Ларри Лауден опубликовал статью «Конец проблемы демаркации»⁸, в которой говорит, что она в принципе неразрешима. Если бы мы могли ее решить, мы уже решили бы. И приводит вполне убедительные доводы в пользу того, что невозможно создать необходимые и достаточные условия для логического решения проблемы демаркации. Если пользоваться индукцией, то решения нет.

Но тут надо дать оценку. Если ты говоришь, что отказываешься от решения проблемы демаркации, это не значит, что ты отказываешься признавать за наукой особый характер. В своей книге «Научный подход» я говорю, что науку отличает не логика или метод, а подход к фактам. Научный подход состоит в том, что (1) ученым важны факты и (2) они готовы менять свою точку зрения в свете новых фактов. Вот и все. Это не разрешает проблему демаркации, но позволяет сохранить главную мысль Поппера: что ученые проверяют, не противоречит ли теория фактам. Мне кажется, именно это и отличает науку. Кстати, это может быть и орудием борьбы с отрицателями науки, шарлатанством и псевдонаукой. Это довольно крепкий инструмент. Наука строится на принципе, что те, кто ею занимается, проверяют исследования друг друга, не позволяя друг другу расслабиться. Это редкая, поразительная вещь. Мне бы хотелось, чтобы люди мыслили подобным образом.

8 LAUDAN L. *The Demise of the Demarcation Problem* // COHEN R.S., LAUDAN L. (Eds.). *Physics, Philosophy and Psychoanalysis: Essays in Honor of Adolf Grünbaum*. Dordrecht: D. Reidel, 1983. P. 111–127.

Р.М.: Поппер, из-за которого вы занялись философией науки, считал, что общественные науки науками не являются⁹. Как же быть с научными притязаниями, которые не сводятся к физике и законам природы? Если вопросы, которые поднимают общественные науки, никак не связаны с естествознанием, то чем философские основания биологии или химии отличаются от, например, экономики или социологии?

Л.М.: Это же тема моей диссертации! Не буду пересказывать все 400 страниц, ограничусь кратким резюме. Когда мы говорим о «редукции к физике», важно понимать, что имеется в виду. Во-первых, есть метафизический вопрос: имеется ли материальная зависимость причин или законов второго порядка от отношений первого. Второй вопрос: если такая зависимость имеется, значит ли это, что их можно полностью вывести из отношений первого порядка? Даже если говорить о материи, не обладающей сознанием и самосознанием, если верно первое, второе из него с необходимостью не следует. В химии, скажем, есть множество эмерджентных явлений – таких, как запах или прозрачность. Это не сверхъестественные явления, но их нельзя полностью объяснить физическими взаимодействиями на атомарном уровне, потому что такое дескриптивное понятие, как запах, существует только на более высоком уровне описания. Можно ли применить этот принцип к поведению человека? В полной мере.

С поведением же человека, как вы отметили, у нас довольно необычная проблема. Обладаем ли мы свободой воли? Являемся ли мы субъектами своего поведения? Или мышление следует считать «эпифеноменом», продуктом причинно-следственных отношений между мозгом и жизнедеятельностью? Поведение человека с самого начала путало ученых все карты. Как, например, застраховаться от того, чтобы объект изучения тебя не подслушал и не изменил своего поведения? Это весьма неприятный фактор. Но даже с учетом этого нельзя, как мне кажется, говорить, что человеческое поведение не подчиняется никаким законам. Они, наверное, не похожи на физические законы, но, вообще говоря, поведение человека вполне предсказуемо – причем не только в группе, но даже на индивидуальном уровне.

Р.М.: Почему, на ваш взгляд, чтобы понять уникальность науки, надо уделить основное внимание ее неудачам, а не ее успехам?

Л.М.: Одна из проблем истории науки в том, что она по большей части посвящена научным победам, пусть их и было немало. Но если мы хотим понять, почему наука устроена так, а не иначе, то, я думаю, мы узнаем много нового, обратившись к на-

⁹ См.: McINTYRE L. *Laws and Explanation in the Social Sciences*. London: Routledge, 2019.

учным провалам. Ученые постоянно ошибаются, отступают на шаг назад, меняют подход, заходят в тупик, выдвигают новые гипотезы – это и значит заниматься наукой. Если пытаться понять, что такое наука, изучая лишь достижения – скажем, как теория Эйнштейна приходит на смену ньютоновской, – взгляд будет однобоким. Это все равно, что стрелять из лука куда попало, а потом рисовать мишень вокруг воткнувшихся куда-то стрел. В науке царит неопределенность. Поэтому мы не должны забывать о тех случаях, когда она ошибалась. Чтобы понять специфику науки, лучше всего посмотреть на другие области знания, которые пытаются, но не могут стать наукой. Что с ними не так? Чтобы понять науку, надо в том числе изучить и то, что наукой не является.

Если пытаться понять, что такое наука, изучая лишь достижения, взгляд будет однобоким. Это все равно, что стрелять из лука куда попало, а потом рисовать мишень вокруг воткнувшихся куда-то стрел.

Р.М.: Тут уместно перейти к актуальной теме постправды. Что это такое и почему она так ужасна? Может, это просто новая версия *брехни*?¹⁰ Постправду часто увязывают с ультраправой, фашистской или популистской идеологией, но многие элементы постправды вполне похожи на левый постмодернизм – на какого-нибудь Деррида, конструктивистов, культурных релятивистов, приверженцев политики идентичности и так далее и тому подобное. Вам не кажется, что левацкого духа в постправде не меньше, чем консервативного? Левые популисты пользуются этой тактикой так же ловко, как и правые.

Л.М.: В книге «Постправда»¹¹ я определяю это понятие как «подчинение реальности политике». Это ужасно, потому что это во многом полная противоположность науке. Ты заранее определяешь, что есть истина, а потом пытаешься убедить в этом остальных. И это совсем не брехня. Почитайте Гарри Франкфурта: он прямо пишет, что человека, который брешет, истина не волнует. Впрочем, приверженцев концепции постправды истина очень даже волнует, потому что они хотят контролировать нарратив о том, что является правдой, а что нет. Чаще всего это авторитарные лидеры и их окружение, которые понимают, что население лучше всего контролировать через информацию, которую оно получает. Лучшее из всех это выразил историк Тимоти Снайдер: «Постправда – это протофашизм».

10 Термин Гарри Франкфурта. См.: FRANKFURT H. *On Bullshit*. Princeton: Princeton University Press, 2005.

11 См.: MCINTYRE L. *Post-Truth*. Cambridge: MIT Press, 2018.

Откуда взялась постправда – вопрос спорный: думаю, источников несколько. Главный – отрицание науки. Люди весьма успешно отрицали эволюцию или изменение климата на протяжении семидесяти лет, и это не могло не привлечь внимания политиков. Однажды они решили: «Если можно врать о научных фактах, то можно врать обо всем» – например, о результатах выборов. Я согласен, что одним из источников является постмодернизм, а это по большей части явление левого толка. Но они ведь это не специально. Постмодернисты просто игрались с концепцией о том, что объективной истины не существует, из чего, видимо, следует, что претензия на истинность – на самом деле борьба за власть. Это все прекрасно, пока ты сидишь в университете и занимаешься литературоведением, но в какой-то момент начались «научные войны» – гуманитарии начали отрицать истинность науки. А уже оттуда это все перетекло в арсенал консервативных политиков. Те просто подобрали оружие с поля боя и направили его против тех, кто его придумал. Постмодернисты иногда обижаются, когда я «обвиняю» их в отрицании реальности в духе Трампа, но я лишь хочу сказать, что, даже если намерения их были чисты, результаты оказались плачевными. Как говорил Джордж Оруэлл: «Левые в своих рассуждениях часто похожи на людей, которые играют с огнем, даже не зная, что огонь горячий».

**РИЧАРД МАРШАЛЛ –
ЛИ МАКИНТАЙР**

ОТРИЦАНИЕ НАУКИ
И ПОСТПРАВДА: НОВЫЕ
ТЕМНЫЕ ВЕКА

Р.М.: Наш разговор как будто бы подтверждает важность философии науки, потому что наука выступает за истину против лжи и отрицательства. Но почему именно философия науки, а не сама наука? Может, наука сама во всем разберется и ответит на все вопросы?

Л.М.: Ученые в большинстве своем изучают эмпирическую реальность, эпистемологические проблемы их особо не занимают, а если и занимают, то очень часто они их совершенно неверно понимают. Я вижу, как ученые защищаются от отрицателей, утверждая, что изменение климата «доказано». Это неверный подход. Они сами прекрасно знают, что это неправда. Учитывая имеющиеся данные, изменение климата очень очень правдоподобно. Но, если скажешь такое, отрицатель сразу закричит: «Ага!». Тут-то и нужна философия науки. Мы рассматриваем науку как форму знания, мы говорим о гарантиях и основаниях. Ученым было бы полезно знать такие вещи. Поэтому – да, я действительно считаю, что философия науки занимается важными вещами и в том числе защищает ученых. А они, как правило, этого не ценят. Почитайте Шелдона Глэшоу, Стивена Вайнберга, Стивена Хокинга и прочих – все они отзываются о философах весьма нелестно. А хуже всех вообще мой любимый Ричард Фейнман: он говорит, что филосо-

фия науки нужна ученым так же, как орнитология птицам. Но если это так, то почему ученым сейчас не удается отбиться от критики общества? Легко сказать: «Да не о чем с ними говорить» – и вернуться в свою лабораторию с чувством собственной правоты. А толку-то? Отрицателей науки с каждым днем все больше. Сейчас для ученых не тот момент, чтобы отказываться от помощи.

Р.М.: Есть ли в науке законы или имеются более совершенные формы научного описания? А если законы все же есть, то что они из себя представляют?

Л.М.: Законы есть, но в данном случае это не какая-то однозначная дедукция, не допускающая исключений. Законы – это хорошо доказанные закономерности, согласующиеся с наблюдаемыми фактами, но гипотетически допускающие альтернативные модели. Что это значит? Я переделал свою диссертацию в книгу «Законы и объяснение в общественных науках», в которой утверждаю, что научные законы не просто существуют, но даже и управляют поведением человека. Что это за законы? Я написал эту книгу в 1996 году, и последнее время она что-то плохо продается. Так что сохраню интригу для читателей.

Р.М.: Вы пишете, что кто-то может отрицать науку, потому что ждет от нее полной определенности, но ее не получает¹². В чем же притягательность научных моделей, нестрогих законов и вероятностей, если они не дают определенности?

Л.М.: Надо исходить из реалий эмпирического исследования. Если считать основой науки индуктивное рассуждение – а так оно и есть, на мой взгляд, – то становится понятно, что наука в принципе не может доказать что-либо с полной определенностью. Я как-то писал, что главным для науки является «научный подход», то есть внимание к фактам и готовность изменить свою позицию ввиду новых фактов. Наука не дедуктивная логика: она не может что-то решить раз и навсегда, какими бы красноречивыми ни казались факты. Всегда есть шанс, что в будущем появится факт, который обрушит всю теорию, – и это хорошо. В этом и заключается своеобразие науки. Наверное, многие неправильно это понимают. Отрицатели настаивают на доказательности и строгости в науке и нервничают, когда не находят этого. Возможно, вы правы: им недостает «доказательств» и «гарантий», и они ищут покоя и определенности где-то еще. Можно только пожелать им удачи. Если уж в науке нет гарантий, где ж ты их найдешь? Разве что во лжи и в бреде.

12 См.: ИДЕМ. *Explaining Explanation: Essays in the Philosophy of the Special Sciences*. Lanham: University Press of America, 2012.

Человеку, слепо верящему во что-то, хватает определенности. Это дает покой, но об эмпирической реальности таким способом много не узнаешь.

Ведь посмотрите, что происходит: мы отбрасываем кучу фактов – пусть даже они не являются полностью доказательными – ради гораздо менее очевидных теорий, и все только потому, что так спокойней. Тут дело не в науке. Отрицание науки – это не просто отбрасывание каких-то неудобных научных фактов, это отрицание научного подхода. Помните пятый пункт в методичке отрицателей: настаивать, что в науке не бывает противоречий? Вот откуда ноги растут.

Р.М.: Итак, научные теории – всего лишь модели. А как они работают? Не уводит ли они нас в какой-то антиреализм, ведь модель вселенной – это же упрощенная версия реальной вселенной. Как тут быть с претензией на истинность? «Это только ваша модель», «ваша интерпретация» и так далее – а как же истина? Тем более, что физика оказалась неспособна вывести из своих теорий непротиворечивую онтологию.

Л.М.: Не думаю, что антиреализма следует опасаться. Это вообще провокационный термин. Я вот что хочу сказать: куча философов считают, что единственный способ защитить науку – сказать, что она изучает реальность. Что мы собираем все больше и больше фактов и таким образом приближаемся к истине, а значит, наша вера в науку становится еще более обоснованной. Пусть так. Это реализм. Эти философы взяли на щит Хилари Патнема, который говорил, что если научные открытия не являются истиной, то почему же они так хорошо работают. Но я думаю по-другому. Вы правы: модель вселенной – это не вселенная. Теория не тождественна феномену, как схема дорог сама по себе не является дорогой. Ничего не поделаешь. Но теории бывают хорошими и плохими; их оценивают по тому, насколько они соответствуют наблюдаемым в реальности фактам. *Однако это не значит*, что когда-нибудь мы обретем полную уверенность, что мы нашли *истину*. Поэтому реализм тут не работает. Я же верю в принцип недодетерминации. (Одна из моих любимых работ по этой теме – статья Хелен Лонджино «Недодетерминация: маленький грязный секрет?»¹³.) Я считаю, что реальность соответствует различным моделям, причем некоторые дают хорошие теории, а некоторые нет. Но даже тех, что полностью соответствуют фактам, не так мало. Как можно выбрать одну и сказать, что это истина? Разве что произвольно. Реалисты, надо сказать, так и поступают: отдают предпочтение имеющимся теориям перед гипотетическими и будущими.

13 LONGINO H. *Underdetermination: A Dirty Little Secret*. London: Department of Science and Technology Studies, UCL, 2016 (www.ucl.ac.uk/sts/sites/sts/files/longino_2016_underdetermination.pdf).

**РИЧАРД МАРШАЛЛ –
ЛИ МАКИНТАЙР**

ОТРИЦАНИЕ НАУКИ
И ПОСТПРАВДА: НОВЫЕ
ТЕМНЫЕ ВЕКА

А зачем? Реальность можно описать разными способами. Причем я говорю о корректных описаниях – о тех, что работают. А значит, возможны множественные корректные описания одной и той же реальности. Это не отменяет того, что наука исследует «истину». С этим я не спорю. Но есть ли альтернатива? Никто не говорит, что индуктивная логика – путь к истине. Она позволяет отбросить ошибочные теории (подход Поппера), но она не может сказать: «Все, у нас есть стопроцентно точная теория и никакие факты ее не опровергнут». А почему, собственно? Потому что это было бы ненаучно. Поэтому я не знаю, что ответить на жалобы, что, мол, пусть наука и лучший способ познать реальность, она несовершенна. Мы снова оказываемся в платоновской пещере: видимые феномены – как тени на стене, которые как-то коррелируют с реальностью, которой мы не видим. Мы описываем тени, ищем закономерности и таким образом пытаемся поближе узнать то, что считаем истиной. Но сможем ли мы когда-нибудь сказать, что достигли ее? Нет. Ничего не поделаешь. Так работает индуктивная логика. Как в афоризме Уинстона Черчилля: «Демократия – наихудшая форма правления, если не считать всех остальных».

Р.М.: Юм описал классический парадокс индукции. А байесовская вероятность¹⁴ тут не поможет?

Л.М.: Увы, основная проблема индукции не решена. У Деборы Майо есть важный текст с критикой байесовского подхода. Для многих философов науки теорема Байеса чуть ли не священна, но с ней есть потенциальные проблемы. Иногда люди с удивлением узнают, что в философии статистики сейчас идет горячий спор о том, мешают ли начальные предположения при изучении потенциально бесконечного массива данных. Дебора Майо проливает на это свет в книге «Ошибка и рост экспериментального знания»¹⁵. Я считаю, что научный подход работает и в байесовской модели, и во фреквентистской, и где угодно еще. Единственный важный принцип – ученый смотрит на факты. Как именно он их анализирует – это его дело.

Р.М.: Вы сотрудничали с ярим натуралистом Алексом Розенбергом. Вы и сами яркий натуралист и одновременно сциентист?

Л.М.: Этот яркий натуралист – мой учитель, ставший лучшим другом. Мы начали общаться, когда я учился в колледже и написал ему письмо. Это не значит, что мы не расходимся во многих философских вопросах – например, недодетерминации. А что

14 Байесовская вероятность определяется как степень уверенности в истинности суждения, для определения которой используется теорема Байеса (названа в честь британского математика Томаса Байеса (1702–1761), доказавшего частный случай этой теоремы).

15 См.: MAYO D.G. *Error and the Growth of Experimental Knowledge*. Chicago: University of Chicago Press, 1996.

понимается под натурализмом, для меня всегда остается загадкой. Философы называли натурализмом три разных течения мысли. В прошлом я сам себя называл методическим натуралистом, потому что считаю, что у естественных и общественных наук должны быть одни и те же методы. Но вы, надо полагать, имеете в виду натурализм в более строгом смысле: как концепцию о том, что все явления второго порядка можно объяснить явлениями первого порядка. Некоторые доводят это до физикализма, опирающегося на крайне бедную онтологию. Да и вообще не так мало людей не стесняются быть редукционистами. Но я не из таких. Я считаю, что явления первого порядка (то есть атомы, клетки, нейроны) определяют явления второго порядка (камни, люди, сознание), но это не значит, что объяснять их мы можем, только сводя одно к другому в материалистических терминах. Дело не в том, что я считаю, будто существует еще какая-то призрачная нематериальная сила, а в том, что на самом деле это проблема объяснения – то есть это вопрос эпистемологический, а не онтологический. Когда мы пытаемся объяснить некие явления второго порядка, мы должны понимать, что, даже если они метафизически зависимы от отношений первого порядка, иногда их проще объяснить как независимые. Атомы, клетки, нейроны даже на физическом уровне не являются какими-то естественными элементами, они зависят от описания, они укоренены в какой-то теории. А эта теория на одном уровне может что-то объяснять, а на другом – нет.

Возьмем уже упоминавшийся пример прозрачности. В химии это эмерджентное явление, на 100% зависящее от отношений на атомарном уровне, но при этом описать его только в этих терминах невозможно. Прозрачность, запах, отчуждение, сознание, революция, жизнь, инфляция – все эти понятия существуют только на втором уровне. Соответственно, и описывать их надо на этом уровне. Значит ли это, что их невозможно объяснить научно? Едва ли. Мне кажется, наука работает на разных уровнях описания. Как я уже говорил, эмерджентные законы возможны даже в общественных науках. Значит ли это, что я сциентист? Вовсе нет, хотя я, конечно, большой любитель науки.

Р.М.: Считаете ли вы, что, если говорить о понимании поведения человека, мы до сих пор находимся в «темных веках»? И если да, то что же нам делать?

Л.М.: Одна из моих первых книг так и называлась: «Темные века: в защиту науки о поведении человека»¹⁶. Там я утверждаю, что политическая идеология делает с общественными науками

**РИЧАРД МАРШАЛЛ –
ЛИ МАКИНТАЙР**

ОТРИЦАНИЕ НАУКИ
И ПОСТПРАВДА: НОВЫЕ
ТЕМНЫЕ ВЕКА

16 См.: McINTYRE L. *Dark Ages: The Case for a Science of Human Behavior*. Cambridge: Bradford Books, 2006.

**РИЧАРД МАРШАЛЛ –
ЛИ МАКИНТАЙР**

ОТРИЦАНИЕ НАУКИ
И ПОСТПРАВДА: НОВЫЕ
ТЕМНЫЕ ВЕКА

то же, что религиозная идеология делала с естественными науками во времена Галилея. Я против любых идеологических примесей в науке. Для меня мышление «темных веков» означает желание получить ответ, ясность любой ценой, а если какие-то факты этому противоречат, то это происки дьявола. Я считаю, что это черта нелюбопытного сознания. Ученые порой ошибаются, но делают это без злого умысла. Расскажу вам грустную историю. В книге «Темные века» я писал, что естественные науки достаточно строги и мы должны основываться на них, чтобы изучать и лучше понимать поведение человека. После того, как книга вышла, стало модно отрицать науку, в том числе достижения естествознания! Тогда я написал еще одну книгу – «С уважением к истине»¹⁷, в которой поспорил с отрицателями эволюции и изменения климата, демонстрируя несурзности в их аргументации. Неужели они не понимают, что их доводы ненаучны? А потом вы сами знаете, что произошло. Дальше стало еще хуже. Безудержное отрицание науки дало метастазы в виде постправды и отрицания реальности при Трампе. Всю свою жизнь я хотел защищать науку, расширять ее, а окружающий мир выбивает у меня почву из-под ног и нападает на науку даже там, где она прекрасно работает. Все это на самом деле очень грустно. Я иногда сомневаюсь, что моя работа кому-то нужна, но сдаваться нельзя. В детстве я читал энциклопедию и расстраивался, что родился слишком поздно, когда все главные открытия уже сделаны. Кто теперь усомнится в науке и рациональности? Все отрицатели давно умерли. О, как же я ошибался!

Перевод с английского Ольги и Петра Серебряных

Лес между пустыней и городом: завязывая узлы поперек границ¹

ДЕНИС
ШАЛАГИНОВ

Дело в том, что вы даже не можете назначить отчетливый момент, где леса нет.

Жиль Делёз. «Лекции о Спинозе»²

ВЕКТОР И ГРАНИЦА

В «Тысяче плато» Жиль Делёз и Феликс Гваттари вводят дистинкцию между гладким и рифленным пространствами, которая по сути представляет собой ремейк более раннего делёзовского различения между кочевым и оседлым³. Речь идет о двух режимах познания, восприятия и существования, которые никогда не даны в чистом виде: это тенденции, а не объективные состояния, причем тенденции самого гладкого, которое «отличается от себя, обеспечивая принцип рифленного»⁴. Иначе говоря, рифленное – экстенсивное, метрическое – есть не что иное, как грубый перевод (представле-

*Денис Шалагинов
(р. 1986) – философ,
переводчик, независи-
мый исследователь.*

¹ Я хотел бы поблагодарить Евгения Кучинова и Илью Гурьянова за комментарии и поддержку.

² Делёз Ж. *Лекции о Спинозе*. М.: Ad Marginem, 2016. С. 140.

³ Он же. *Различие и повторение*. СПб.: Петрополис, 1998. С. 55–56.

⁴ См.: SOMERS-HALL H. *The Smooth and the Striated* // SOMERS-HALL H., BELL A.J., WILLIAMS J. (Eds.). *A Thousand Plateaus and Philosophy*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. P. 243, 258.

**ПОЛИТИКИ
ЛЕСА: ВПЕРЕД
В ПРОШЛОЕ**

ние) поля интенсивностей и процессов. Контраст гладкого/рифленого проще всего ухватить через различие в понимании линии: в первом случае линия – *вектор*, во втором – *граница*. Если гладкое пространство является топологическим и представляет собой открытое поле векторов, *среду внешнего*, где вещи-потоки распределяются без границ, то рифленое, напротив, характеризуется ограждением, это закрытая среда фиксированных и репрезентируемых твердых вещей⁵. Пара гладкого и рифленого используется для описания самых разных пространств – моря, пустыни, города, деревни и так далее. Вопрос, от которого я хотел бы оттолкнуться, таков: какое место в концепции Делёза и Гваттари отводится лесу?

Гладкое или рифленое?

Обсуждая гладкое и рифленое пространства, Делёз и Гваттари помещают лес во вторую категорию: лес отступает перед пустыней, и симпатии авторов, очевидно, на стороне последней. Эти симпатии коренятся в нелюбви к укоренению, а точнее, в «усталости от деревьев»: если дерево – образ мира, а корень – образ древа-мира и если эти образы замыкают нас в «органической интериорности», необходимо мышление без образа, контрнатурологическая⁶, ризоматическая мысль, возникающая в отношении с неорганической экстериорностью. Не идеальные круги, изображаемые мыслью-государством, а вихревые закругления; не Одно, которое делится на два, а множественность линий, прочерчиваемых «посреди», то есть в непосредственном контакте с внешним; реле-переключатели, а не территориализованные и центрированные средоточия. Впрочем, «дерево» – именно *образ*, за которым скрывается «духовная реальность», неотделимая от утверждения единства стержневого корня; то есть бинарная логика, сдерживающая непредсказуемую вариацию. Как оговариваются Делёз и Гваттари, «дух не поспевает за природой», ведь у стержневых корней всегда множество ответвлений, «латеральных и циркулярных, но не дихотомичных» (*курсив мой*. – Д. Ш.)⁷. Эта оговорка играет важную роль: было бы наивно ставить знак равенства между лингвистическим деревом и тем деревом, что растет в лесу;

5 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 605, 625.

6 См.: «Мысль как Вампир, у нее нет образа – ни для того, чтобы создавать модель, ни для того, чтобы делать копию» (Там же. С. 633). В этом смысле ноология – учение об образах мысли – соответствует «государственному» подходу, которого Делёз и Гваттари стремятся избежать (SOMERS-HALL Н. *Op. cit.* P. 243–244). Подробнее о понятии образа в делёзо-гваттарианстве см.: СОВАНЬЯРГ А. *Экология образов и машины искусства* // *Философский журнал*. 2016. Т. 9. № 4. С. 48–62.

7 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато...* С. 9.

более того, подобное уравнение утверждает именно стержневую логику, то есть, в конечном счете, логику подобия, где одно становится двумя в имитации мира. В результате, устав от деревьев, мы снова «укладываемся на диван», а значит, самое время впустить в ситуацию «немного свежего воздуха»⁸.

Ситуация, о которой идет речь, возникает вследствие локализации терминов «дерево» и «ризомы» по разные стороны баррикад; затем к первому прикрепляется ярлык «старое», а второе воспевается как «новое» – «середина» противопоставляется началам и концам, и мы возвращаемся на территорию той самой «духовной реальности», от которой пытались откреститься, то есть обеими ногами вращаем в наскучившую нам дихотомическую почву – перефразируя Платонова: скучно быть ризомой, если та живет на одном месте.

На эту опасность указывает Дэвид Вуд, который отмечает, что для Делёза и Гваттари деревья суть логические схемы, которые функционируют как машины, обеспечивающие редукцию множественности к обосновываемому единству⁹. Поселившись в наших телах и умах, такие машины воплощают логику власти, и в этом смысле дерево есть не что иное, как образ трансцендентности, «разображаемый» имманентными пролиферациями ризомы. И хотя Делёз и Гваттари предупреждают, что мы не должны противопоставлять дерево-корень и ризому-канал, поскольку дуализм используется только для того, чтобы «достичь процесса, который отверг бы любую модель»¹⁰, соблазнительно увидеть в этом контрасте призрак стержневой логики, против которой авторы восстают. Дабы изгнать этот призрак, следует отвлечься от абстракций: почему бы не допустить, что «кистиной» дерева является ризома?¹¹ На страницах «Тысячи плато» говорится, что дерево представляет собой модель, тогда как ризома – процесс, но если все нужно интерпретировать через интенсивность, то эта операция, несомненно, касается и дерева. «Демоделированное» дерево, то есть дерево *живое*, выворачивает наизнанку логические схемы, так как его *размещение* на деле есть *форма прогулки*: если, к примеру, «корни диких клубней “ходят”, как это делают люди и другие животные»¹², ничто не мешает признать эту способность и за деревьями, на что, в частности, указывает тот факт, что «мы сажаем некоторые деревья в отдалении от дома, потому что знаем, что их корни, в конечном счете, по-

8 Они же. *Анти-Эдип: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 14.

9 Wood D. *Thinking Plant Animal Human: Encounters with Communities of Difference*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2020. P. 42.

10 ДЕЛЁЗ Ж., ГВАТТАРИ Ф. *Тысяча плато...* С. 36–37.

11 Wood D. *Op. cit.* P. 43.

12 Ингольд Т. *Родословная, поколение, субстанция, память, земля // Этнографическое обозрение*. 2008. № 4. С. 90.

дорвут его фундамент»¹³. Здесь схема Делёза и Гваттари дает сбой: далекие от того, чтобы обосновывать форму внутренне-го¹⁴, то есть утверждать почву духовного единства, деревья ее разосновывают. Иными словами, переходя от дендрограмм к живым деревьям, мы погружаемся в стихию парадокса: корни разукореняют.

Такое разукоренение подталкивает к проблематизации границы между двумя логиками. Как мы помним, ризома *сделана из линий*, а не из точек, позиций или единиц: «она – не многое, выводимое из Одного, или к которому добавляется Одно ($n + 1$)»¹⁵, а «плоская» множественность, создаваемая через вычитание единицы ($n - 1$), – плоская в том смысле, что у такой множественности нет более высокого измерения, которое позволяет «бросить якорь» для последующей унификации/тотализации¹⁶. Конечно, роль добавляемого Одного здесь отводится именно дереву, но можно ли с уверенностью сказать, что живое дерево едино? По сути, это вопрос о пределах: если ризома ускользает от территориализации, то дерево, напротив, должно быть четко определено. Посредством локализации мы получаем «одно», о котором можем спросить – *τί ἐστίν*? Однако, задавшись вопросом, «где кончается дерево и начинается остальной мир» (*курсив мой*. – Д. Ш.)¹⁷, мы увидим, что ответить на него не так легко, как кажется, ведь дерево впутано в плотную ткань экологических отношений и в этом смысле представляет собой *множественное сплетение линий жизни* – а что такое сплетение линий жизни, если не ризома? Стало быть, дерево «предстает в своей “чистой”, дендровидной форме», только если мы конвертируем его в образ, абстрагированный от «ризоматической спутанности»¹⁸. Другое имя такой спутанности – лес.

В «Трактате о номадологии» Делёз и Гваттари утверждают, что гладкое пространство находится *между двумя* рифлеными: «пространством леса, с его вертикалями тяготения, и пространством сельского хозяйства»¹⁹. Если сельское хозяй-

13 Wood D. *Op. cit.* P. 45.

14 Дом ставит себе на службу саму идею интериорности: замораживая потоки и предотвращая разрывы, характерные для внешней среды, он отсылает к более широкой складке государства. См.: ЛАБЕЛЛЬ Б. *Акустические территории: звуковая культура и повседневная жизнь*. М.: Новое литературное обозрение, 2022. Гл. 2.

15 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато...* С. 37.

16 См.: PRZEDPEŁSKI R., WILMER S.E. *Introduction* // ИДЕМ (Eds.). *Deleuze, Guattari and the Art of Multiplicity*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020. P. 5.

17 Ингольд Т. *Погружая вещи в жизнь: творческие переплетения в мире материалов* // Неприкосновенный запас. 2021. № 2(136). С. 34.

18 Он же. *Родословная, поколение, субстанция, память, земля*. С. 90. По словам Ингольда, делёзо-гваттарианская идея дерева основана не на «реальном» дереве, а на «бюрократической органогамме или когнитивном алгоритме с его иерархией контроля» (INGOLD T. *One World Anthropology* // ИДЕМ. *Imagining for Real: Essays on Creation, Attention and Correspondence*. Abington; New York: Routledge, 2022. P. 350).

19 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато...* С. 647.

ство предполагает оседлость (что еще не является достаточным основанием для его классификации как рифленого²⁰), то «вертикали тяготения» леса вызывают вопросы. Такие вертикали отсылают к *celeritas* и *gravitas*, скорости и медленности, трактуемым не как количественные степени движения, а как два качественно разных типа движения. В этом смысле медленным будет движение, идущее от точки к точке, в то время как «быстрота, скорость говорят только о движении, которое минимально отклоняется» (*курсив мой.* – Д. Ш.)²¹. Замедление является ключевой задачей государства, которое рифлит пространство через захват и канализацию потоков, контроль циркуляций и перемещений. Исходя из этого Делёз и Гваттари заключают:

«Тяжесть, *gravitas* – вот сущность Государства. Дело не в том, что Государство игнорирует скорость; но оно нуждается в том, чтобы движение, даже самое быстрое, перестало быть абсолютным состоянием того, что движется и занимает гладкое пространство, дабы стать относительной характеристикой “того, что движимо”, и идет от одной точки до другой в рифленом пространстве»²².

Иначе говоря, государство работает как фильтр-преобразователь – процеживает скорость через устанавливаемые барьеры, которые позволяют фиксировать направления потоков, – а его политическая власть есть не что иное, как «полис, полиция»²³. Таким образом, главной силой рифления является город, и как раз город «изобретает сельское хозяйство», так как под его влиянием «крестьянин и его рифленое пространство налагаются на земледельца во все еще гладком пространстве»²⁴. Но что насчет леса? Разумеется, в лесном пространстве движение замедляется, но в каком смысле? Кроме того, разве в характеристике леса через вертикали тяготения не игнорируется различие между деревьями, городскими зданиями и так далее? Все выглядит так, будто Делёз и Гваттари, ратуя за «отмену любой метафоры» во имя «Реального»²⁵, слишком буквально восприняли метафору каменных джунглей.

Чтобы ухватить различие между городом и лесом, временно отклонимся от гладкого и рифленого и обратимся к концептуальной паре, которая артикулирует интересующий нас кон-

20 См.: «Мы не можем удовлетвориться немедленным противопоставлением гладкой почвы животноводокочевника и рифленой земли оседлого земледельца. Ясно, что крестьянин, даже оседлый, всецело причастен к пространству ветров, звуковых и тактильных качеств» (Там же. С. 817); см. также: Ингольд Т. *Воздухоплавание в гладком пространстве* // *lmnt*. 2021. № 2 (<http://lmnt.space/portfolio/ballooning/>).

21 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато...* С. 623.

22 Там же. С. 650.

23 Там же.

24 Там же. С. 817.

25 Там же. С. 116.

траст несколько иначе. По словам Тима Ингольда, есть два несовместимых порядка: вегетативный и артефактный²⁶. В то время как первый задан силой роста и превалирует в лесу, второй – силой интеллекта, способного навязывать миру свои проекты; этот порядок доминирует в городе и устанавливается посредством инжиниринга твердых поверхностей, которые сдерживают материальные потоки и, соответственно, разрастание леса. Ингольд акцентирует внимание на свойствах движения, связанного с вегетативными процессами: к примеру, линия роста самой обычной веточки не имеет конечной цели: не идет от точки к точке – а напротив, непрерывно отклоняется²⁷. Стало быть, сколь бы медленным ни было разрастание леса, здесь мы имеем дело с *celeritas*, а не с *gravitas*: в этой перспективе лес предстает гладким по преимуществу – это среда, где разворачивается вихрь «вопрошания, от которого непрерывно отступает любой ответ»²⁸. Ответ, от которого следует отступить нам, – спайка *gravitas* и вертикали. Цитируя Пауля Клее, Ингольд пишет, что «отношение к земле и атмосфере порождает способность расти» и, когда «семя пускает корни», линия роста поначалу «направлена к земле, хотя и не для того, чтобы там жить, а лишь для того, чтобы черпать оттуда энергию для выхода на воздух»²⁹. Это ставит перед нами вопрос о векторе движения – сверху вниз и(ли) снизу вверх, – и с этой точки зрения есть строгое различие между проседающим фундаментом и растущим деревом, чье укоренение чертит линию побега от *gravitas*. Впрочем, мы также не можем, используя формулировку Делёза, заявлять, что деревья «скорее *взмывают в воздух*, чем остаются погребенными в земле»³⁰. Ведь, по сути, они двигаются одновременно в обоих направлениях. Иначе говоря, деревья – это инклюзивно-дизъюнктивные сущие: не покидая землю, они вживаются в небо.

Как уже отмечалось выше, гладкое представляет собой среду внешнего и предполагает распределение в пространстве без границ и оград. Справедливо ли это в отношении леса? В статье «Деревня и лес в идеологии брахманистской Индии» Шарль Маламуд определяет лес (*āraṇya*) как «иное, чем деревня». Понятие границы в свою очередь напрямую связа-

26 Которых, однако, не следует путать с «природой» и «культурой», поскольку «мир может быть “природой” лишь для существа, которое в нем не обитает» (INGOLD T. *Hunting and Gathering as Ways of Perceiving the Environment* // ИДЕМ. *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London; New York: Routledge, 2000. P. 40). См. также: Ингольд Т. *Культура, природа, среда: на пути к экологии жизни* // Стадис. 2019. № 1. С. 111.

27 INGOLD T. *Correspondences*. Cambridge: Polity Press, 2021. P. 44–45.

28 ИДЕМ. *Whirl* // СОНЕН J.J., DUCKERT L. (Eds.). *Veer Ecology: A Companion for Environmental Thinking*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2017. P. 426.

29 Ингольд Т. *Погружая вещи в жизнь...* С. 38.

30 ДЕЛЁЗ Ж. *Что говорят дети* // Он же. *Критика и клиника*. СПб.: Machina, 2002. С. 90.

но с деревней (*grāma*), его порождающей: «нет деревни, нет и границы»³¹. Примечательно, что конфликт леса и пустыни, артикулируемый Делёзом и Гваттари («сначала кочевники поворачиваются против жителей лесов»), здесь растворяется. Маламуд пишет:

«Деревня здесь, а лес там. Точно так же лес есть то место, куда идут, когда отдаляются от деревни. Можно ли определить *аранью* иначе, чем то, что находится вне деревни? Ее постоянная характеристика состоит в том, что она является пустым промежуточным пространством. Синонимы *араньи* – это слова, первым значением которых является “дыра”, *irīna*, “пустыня” [в смысле необитаемого места. – *Примеч. перев.*], или “между-двух”, *prāntara*»³².

Между-двух деревень – *необитаемое* место, которое «может быть пустыней»³³, но смысл в другом – *другом* в отношении порядка, (пере)утверждаемого через ритуал усвоения леса, внешний характер которого отчетливо прослеживается семантически³⁴. Лес усваивается в ходе жертвоприношения, функция которого не в абсолютном отделении деревни от того, чем она не является, а скорее в *выделении* деревенского элемента», призванном показать превосходство деревни «над окружающим лесным миром» и «способность (возникающую именно благодаря жертвоприношению) охватить, поглотить лес»³⁵. Последний предстает «обширной лакуной», непроявленной и неопределенной, располагающейся одновременно ниже и выше дхармической нормы. Таким образом, *аранья вне закона*, как человек-гиена³⁶. Развернувшись между-двух очагов рифления, лес сливается с пустыней. Но не является ли такое разглаживание поспешным?

Узлы в абсолютной локальности

Гладкое пространство оккупируют, не исчисляя, тогда как рифленое исчисляют, чтобы оккупировать – но можно ли обитать в пространстве, не оккупируя его? Каким будет такое пространство – гладким или рифленным? Или, может быть, одним из

31 Маламуд Ш. *Деревня и лес в идеологии брахманистской Индии* // Он же. *Испечь мир: ритуал и мысль в древней Индии*. М.: Восточная литература, 2005. С. 121.

32 Там же. С. 121–122.

33 Делёз Ж. *Причины и резоны необитаемых островов* // Художественный журнал. 2013. № 90 (<http://moscowartmagazine.com/issue/7/article/84>).

34 Как поясняет Маламуд, «слово *āraṇya*, “в лесу”, в ведийских текстах является также антонимом *atā*, “у себя”. Прилагательное *āraṇa*, “чужой, внешний”, чье производное *āraṇya* противопоставляется *sva*, “своему”» (Маламуд Ш. *Указ. соч.* С. 121).

35 Там же. С. 125.

36 «Человек-гиена живет на краю деревни или между двумя деревнями и может наблюдать в обоих направлениях» (Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато...* С. 408) – фигура дизъюнктивного синтеза.

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ
ЛЕС МЕЖДУ ПУСТЫНЕЙ
И ГОРОДОМ...

тех «других», которые, как вскользь заметили Делёз и Гваттари, «следовало бы принять в расчет»?³⁷ И если да, то чем могло бы определяться такое другое пространство? Иначе говоря, какая операция для него конститутивна? Давайте посмотрим.

В третьей и, пожалуй, ключевой главе книги «Линии: краткая история» (2007) Ингольд вводит дистинкцию между логиками сборки (*assembly*) и прогулки (*walk*). Если в первом случае мы имеем дело с россыпью замкнутых на себя точек, заданных в четком порядке, а линия представляет собой *соединитель*, то во втором линия разворачивается, «гуляет» без привязки к предустановленным пунктам. Сборка работает в режиме пазла, части которого следует вставить в подготовленное место: мы как бы участвуем в конструировании, где каждый сегмент надо состыковать с другим, чтобы получить тотальность более высокого порядка – *дополнительное измерение*, ризоматически изгоняемое Делёзом и Гваттари. Но с прогулкой все по-другому: она развивается в петляющих *lignes d'erre* и не предполагает завершения, а значит, и сама концепция места здесь в корне иная³⁸. И как раз этот момент играет решающую роль в обсуждении различных пространств. Строго говоря, дистинкция Ингольда повторяет противопоставление системы-точки и системы-линии³⁹, но повторяет, различая – где различие проходит по линии обитания.

Дело в том, что, пока мы смотрим на пустыню и лес *извне*, они даны именно в логике рифления, как дискретные точки на карте, искусственно стабилизированные и отрезанные от потоков, которые через них протекают. В *этом* смысле лес и пустыня контурированы и схвачены экстенсивно. Но, если, как напоминает Кристоф Кокс, Делёз предлагает мыслить онтологию глаголов, а не существительных⁴⁰, речь должна идти не о лесе, а скорее о том, *как* «лесить», и не о пустыне, а о том, *как* «пустынить». Другими словами – как *обитать* посреди лесов и пустынь? Ингольд отвечает на этот вопрос так:

«Я полагаю, что странствие – самый фундаментальный модус, в котором живые существа, как человеческие, так и нечеловеческие, обитают на земле. Под обитанием я не имею в виду занятие своего места в мире, заранее подготовленном для тех, кто придет, чтобы там поселиться. Обитатель – скорее тот, кто изнутри участвует в самом процессе непрерывного рождения мира и, прокладывая жизненную тропу, вносит свой вклад в его плетение и текстуру»⁴¹.

37 Там же. С. 851.

38 INGOLD T. *Lines: A Brief History*. London; New York: Routledge, 2007. P. 72–75.

39 См.: ДЕЛЁЗ Ж., ГВАТТАРИ Ф. *Тысяча плато...* С. 482 и далее.

40 КОКС К. *Звуковой поток. Звук, искусство и метафизика*. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 59.

41 INGOLD T. *Lines...* P. 81.

Странствие отличается от *перемещения* исходя из описанной выше дистинкции прогулки и сборки. Последняя, в частности, воплощается в проведении через обитаемый мир линий *оккупации* – рубежей, одновременно соединяющих точки в сети и разделяющих занятые земли, нарезая их на территориальные блоки. Иными словами, оккупация здесь трактуется в русле рифления. На этом уровне мы остаемся внутри полярности гладкого и рифленого, но Ингольд смещает эту пару, вводя нового концептуального персонажа. Если гладкое – стихия *кочевника*, а рифленое – *оседлого*, то в мире, понятном как ретикулярная путаница троп, обитает *странник*. Различие между ними проходит по линии локальности: оседлый занимает место; кочевник – нет; странник ни размещен, ни безместен – он скорее *создает* места⁴². Но о каких местах речь? Разве место не точка на карте и не ограниченный участок?

В логике обитания место формируется как динамический узел, где сплетаются разные линии жизни. Если в «Трактате о номадологии» Делёз и Гваттари производят «спаривание места и абсолюта в бесконечной последовательности локальных операций»⁴³, то здесь мы имеем дело с закручиванием абсолютной локальности в вихревых размещениях, где места не противостоят потокам-тропам, но завязываются в узлы-паузы – нечто вроде *points clés*, приведенных в движение. Такое понимание места мы находим у охотников и собирателей, среди которых «наиболее значимыми местами являются те, где тропы различных существ пересекаются или, возможно, на время сливаются, чтобы затем разделиться вновь»⁴⁴.

Прекрасным примером может послужить амазонское племя панара (*panará*) – группа, обитающая в бразильских штатах Мату-Гросу и Пара. Для панара пойти на охоту – значит отправиться на прогулку в лесу. Как утверждает антрополог Фабиану Кампелу Бачелани, такая прогулка представляет собой способ познания леса, творческое движение, благодаря которому охотник встречается с животным; это особый режим взаимодействия со средой: практика «мирения» – плетения мультивидовых отношений и порождения мест⁴⁵. В этом смысле, как мы выразились в другом месте⁴⁶, лес – не рифленое, но и не гладкое, а скорее *плетеное* пространство.

⁴² Ibid. P. 101.

⁴³ Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато...* С. 644.

⁴⁴ Ингольд Т. *Родословная, поколение, субстанция, память, земля*. С. 90.

⁴⁵ BACHELANI F.C. *Hunting Paths in the Amazon: Technics and Ontogenesis among the Panará* // Vibrant. 2019. Vol. 16. P. 3. Автор приводит дефиницию термина, данную Марисоль де ла Каденой: «Мирение – это практика создания жизненных отношений в месте и самого места» (CADENA M. DE LA. *Earthbeings: Ecologies of Practice across Andean Worlds*. Durham: Duke University Press, 2015. P. 291).

⁴⁶ Кучинов Е., Шалагинов Д. *Дикий Прометей: стратегический примитивизм и вопрос о технике* // Логос. 2022. № 2. С. 125.

Такое пространство рождается из пластичных экологических отношений, как у панара и других амазонских племен, представители которых гуляют по лесу (*suaséri*) вдоль троп. Последние в свою очередь возникают из ритмов – сцеплений мест и времен⁴⁷, создающих условия для охоты. Ключевой момент состоит в том, что в таком модусе среда мыслится и проживается не через территорию, а через траекторию: идя вдоль тропы, охотник находит свою добычу, и здесь же происходит ее «трансформация в мясо»; сама тропа трехмерна – это «туннель» в лесу, где пересечение троп животных с охотничьими порождает «паутину движений»⁴⁸, то есть, по сути, переплетение жизненных потоков.

Как заявляет Бачелани, панара «создают свою землю в соответствующем месте, землю, которой они владеют и которая владеет ими (что сильно отличается от утверждения, что они являются ее собственниками)»⁴⁹. Мы увидели, что лес проживается как ретикулярное пространство, сплетенное из троп и мест, где последние понимаются не как контейнеры, а как реляционные узлы. Но прогулка вдоль троп проходит поперек границ, в том числе и той, что отделяет лес от пустыни. Иначе говоря, ретикулярная организация пространства, связь с землей и особое понимание места характерны не только для лесных племен – эти «режимы территориальности» мы находим и у обитателей пустыни.

«Индигенизируя антропологию с Гваттари и Делёзом», Барбара Гловчевски, к примеру, говорит о ризоматическом опыте среди австралийских аборигенов, прежде всего вальпири, имея в виду способ, которым те картографируют свое знание: их ретикулярное восприятие среды. Пересаживая делёзо-гваттарианскую ризому в этнографическое поле, Гловчевски использует ее для концептуализации процессов создания экзистенциальных территорий и прохождения через места – странствие, которое продлевается в пространстве-времени сна и мифа⁵⁰. Напрашивается вопрос: не является ли описываемая конфигурация пространства, будь то лес или пустыня, и сама чем-то вроде сна о магическом мире, мифа об Эдеме?

Иначе говоря, это вопрос о возвращении к корням: в «лес», живущий лишь в «мечтах о первобытном» и не только «всегда уже сомкнувшийся вокруг»⁵¹, но и проникший в мысль в качестве призрака райского сада, навязчивой идеи о погруже-

47 BACHELANY F.C. *Op. cit.* P. 13–14.

48 *Ibid.* P. 16–19.

49 *Ibid.* P. 20.

50 GŁOWCZEWSKI B. *Indigenising Anthropology with Guattari and Deleuze*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020. P. 36–37, 126, 286.

51 Библихин В.В. *Лес*. СПб.: Наука, 2011. С. 5.

нии в чистоту предьстории. И что важно, этот призрак – всего лишь один из аватаров призрака стержневой логики, ведь с «генеалогической» точки зрения охотники и собиратели размещаются у корней истории: они, как и Адам, считаются принадлежащими земле, в отличие от тех, кто пришел *после* и, разорвав узы «природы», вступил в эту историю⁵². И все же, обращаясь за примерами к доиндустриальным обществам, мы вовсе не стремимся вернуться *назад*, скорее наоборот.

За вопросом о возвращении кроется (ан)археологическая проблема «монументализма»: как вернуться *не* к тому, с чего мы начали, *позабыв* о началах и концах? Двигаясь в этом направлении, Делёз отличает «археологический» путь, где «все время надо углубляться», от «картографического», где, наоборот, требуется «не искать какой-то исток, а оценивать *смещения*», то есть *не воспроизводить*, а повторять траекторию⁵³. И как раз в этом, втором, смысле возвращение всегда ведет к противоположному результату.

Вперед в прошлое – такой курс намечается в поздних работах Эдуарду Вивейруша де Кастру, прежде всего тех, что написаны вместе с Деборой Дановски⁵⁴. Позабывать об истоке и сместить (на)значение истории современного Человека, укорененной в осевом времени и трактуемой как история вытеснения «магической» имманентности, значит повернуться к тем, чье вычеркивание из этой истории стало условием возможности ее (прямо)линейного развертывания. Лесным народам и экспериментальным земледельцам, или, по выражению Бальзака, «дикарям, крестьянам и жителям провинции», создающим лоскуты обитаемости в (относительно) глобальном мире «принудительной урбанизации»⁵⁵. И если, как заявляют некоторые теоретики, «город в целом является технопарком будущего»⁵⁶, линия обитания означает уход из технопарка в его экстерьер: зазоры современности, в которых упорствует прошлое. Апроприруя и модифицируя выражение Николая Федорова⁵⁷, я назвал бы этот курс *переводом города в лес* – но о каком прошлом здесь идет речь?

По сути, такое прошлое есть предьстория, но не та, что хронологически предшествует современности, а та, что ей со-

52 См.: Ингольд Т. *Родословная, поколение, субстанция, память, земля*. С. 80.

53 Делёз Ж. *Что говорят дети*. С. 90.

54 VIVEIROS DE CASTRO E., DANOWSKI D. *The Past is Yet to Come* // E-flux journal. 2020. № 114 (www.e-flux.com/journal/114/364412/the-past-is-yet-to-come/); ИДЕМ. *The Ends of the World*. Cambridge: Polity Press, 2017. См. также комментарий к последней работе: ШАЛАГИНОВ Д. *Апокалиптические митофизики и радикальный антропоморфизм* // Логос. 2019. № 3. С. 268–278.

55 См. опубликованную в этом номере «НЗ» статью Эдуарду Вивейруша де Кастру «О моделях и примерах: инженеры и бриколеры в антропоцене».

56 БРАЙДОТТИ Р. *Постчеловек*. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. С. 345.

57 У Федорова «перевод города в село», см.: ФЕДОРОВ Н. *Музей, его смысл и назначение* // Гройс Б. *Русский космизм. Антология*. М.: Ad Marginem, 2015. С. 72 и далее.

путствует, будучи онтологически первичной; с точки зрения Ингольда возвращение к так понятой предыстории – это не «темпоральная регрессия», а поворот к жизни, которая предшествовала истории и без которой последняя невозможна⁵⁸. И как раз способ жить является ключевым фактором в различении пространств. По словам Делёза и Гваттари, можно жить «гладким образом» даже в городе⁵⁹ – стало быть, ничто не мешает и «переплести» город тропами, позволив экстерьеру прорасти изнутри технопарка.

Именно такой город описывает Мишель де Серто в «Изобретении повседневности» – город, который живет *вопреки* «вторжениям современного урбанизма, разгораживающего пространство»⁶⁰. Блуждая по городу, который «превращается для многих в “пустыню”, где бессмысленное, даже ужасающее, предстает уже не в виде теней, а становится [...] светом, который повсюду создается технократической властью», обитатели прокладывают тропы внутри функционалистского порядка мест, приводя эти места в движение и таким образом отклоняя вписанное в них «буквальное значение»⁶¹. Через отклонение лес возвращается в город в виде «особых» мест, тех, что «отмечены знаком другого» и способны, по словам де Серто, «впитывать легенды, предоставляя «выходы, способы выходить и возвращаться и, следовательно, обитаемое пространство»⁶². Город удваивается избыточными анонимными силами, порождающими смещения и ускользания, и становится обитаемым, но *лишь благодаря несовпадению* с собственным образом. «Люди могут жить только в тех местах, которые населяют духи»⁶³ – изгоняемые в ходе *ритуалов рационализации* анимистические «пережитки» на деле оказываются условием жизни. Но, помимо людей, в городе есть неисчислимое множество нечеловеческих обитателей, чьи жизненные тропы проходят поперек установленных границ, разрушая и переплетая спроектированный мир⁶⁴, так из зазоров дендрообразного города упрямо прорастает лес – и даже дерево становится ризомой (не только на Западе⁶⁵).

58 INGOLD T. *Posthuman Prehistory* // ИДЕМ. *Imagining for Real...* P. 324.

59 ДЕЛЁЗ Ж., ГВАТТАРИ Ф. *Тысяча плато...* С. 819.

60 СЕРТО М. ДЕ. *Изобретение повседневности. 1. Искусство делать*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 185.

61 Там же. С. 200–204.

62 Там же. С. 205–206. Говоря об историях и легендах как «избыточных обитателях» города, де Серто напрямую связывает их с деревьями, лесами и укромными местами. С его точки зрения, прогулка и/или путешествие, открывая пространство другому, выступают субститутом таких историй.

63 Там же. С. 208.

64 См.: INGOLD T. *Lines...* P. 102–103.

65 См.: ДЕЛЁЗ Ж., ГВАТТАРИ Ф. *Тысяча плато...* С. 34.

ДЕНИС ШЛАГИНОВ
ЛЕС МЕЖДУ ПУСТЫНЕЙ
И ГОРОДОМ...

*Лес в городе. Фотография
Марии Шалагиновой.*

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ, НАУЧНЫЕ РИТУАЛЫ

Если перевод города в лес есть возвращение к *магической* имманентности⁶⁶, результатом этой операции будет повторное заколдовывание мира, то есть его *одушевление*⁶⁷. Но такой перевод не лишен трудностей, и в заключение мне хотелось бы рассмотреть одну из них, обратившись к фильму Бена Уитли «В земле» (2021). Это решение оправдано не только поставленной в фильме проблемой, но и его жанровой спецификой: «В земле» – психоделический фолк-хоррор. Вряд ли эта констатация автоматически проясняет, почему разговор

66 VIVEIROS DE CASTRO E., DANOWSKI D. *The Past is Yet to Come*.

67 См.: Кон Э. *Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека*. М.: Ad Marginem, 2018. С. 48, 121, 144–154, 310, 318–319.

о фильме уместен *здесь*, поэтому следует кратко описать, что собой представляет этот (под)жанр. Речь идет о форме культурного производства, которая появилась в конце 1960-х и возродилась в 2010-е; эта форма определяется «фольклорностью»: «коренится в темной “народной сказке”» и стремится «*воскресить [...] заколдованный мир*» (*курсив мой*. – Д. Ш.)⁶⁸. В фолк-хорроре психогеография сплетается с анимизмом: атмосферы создаются «духами места»⁶⁹; ландшафт представляет собой палимпсест: пористая земля впитывает прошлое, которое *не* является мертвым, так как всегда может быть *вызвано* к жизни. Отсюда структурирующая роль ритуала⁷⁰. Но ритуал здесь не сводится к пробуждению древних сил изолированным локальным сообществом – как правило, с искаженными моральными ценностями. Речь также может идти о ритуале инициации, что напрямую связано с конкретным сеттингом – лесом⁷¹. Ярким примером произведения, в котором ритуал «удваивается», является роман Адама Нэвилла «Ритуал»⁷². Действие фильма Уитли тоже разворачивается в лесу, но если тема романа Нэвилла – поиск в прошлом корней и идентичности, который в сочетании с патологическим нарциссизмом ведет к вырождению эстетики восстания в крайние формы стержневой логики, то «В земле» – отчетливо постпандемный фильм, где лес не место «дикой охоты», но альтернативное городу пространство научного экспериментирования.

Эксперименты начинаются в области исследования влияния микоризы на урожайность, но смещаются в сферу перевода. Именно проблема перевода является ключевой в фильме Уитли, который, по сути, «заземляет» тему первого контакта. Если благодаря «научным войнам» стало известно, что «дистанция, отделяющая религию от магии, намного больше той, что отделяет религию от науки»⁷³, то «В земле» вносит в эту ситуацию ряд поправок. На смену «войнам» приходят «спецоперации»: наука становится достаточно безумной для усвоения магических техник вызова; более того, действуя на вражеской терри-

68 KEETLEY D. *Introduction: Defining Folk Horror* // *Revenant*. 2020. № 5. P. 4–16. Обзор примеров см. здесь: INGHAM D.H., DEAR J., LACOSTE M., SMITH S., PIETERSEN D. *We Don't Go Back: A Watcher's Guide to Folk Horror*. Swansea: Room207Press.com, 2018.

69 ПАСИОРЕК А. *From the Forests, Fields, Furrows and Further: An Introduction* (<https://folkhorrorrevival.com/from-the-forests-fields-furrows-and-further-an-introduction-by-andypaciorek/>).

70 Подробнее см.: SCOVELL A. *Folk Horror: Hours Dreadful and Things Strange*. Liverpool: Liverpool University Press; Auteur Publishing, 2017.

71 Как пишет Пропп, инициация всегда проводилась в лесу, но «связь обряда посвящения с лесом настолько прочна и постоянна, что она верна и в обратном порядке. Всякое попадание героя в лес вызывает вопрос о связи данного сюжета с циклом явлений посвящения». См.: ПРОПП В. *Исторические корни волшебной сказки*. СПб.: Питер, 2021. С. 95.

72 Нэвилл А. *Ритуал*. М.: АСТ, 2018; см. также: *Interview with Adam Nevill, author of the Ritual (2011)* // *Revenant*. 2020. № 5. P. 210–225.

73 ВИВЕЙРУШ ДЕ КАСТРУ Э. *Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии*. М.: Ad Marginem, 2017. С. 124.

тории, такая наука вступает в зону неразличимости с культом лесного духа. Но о каком духе идет речь?

«Я думаю, что лес можно чувствовать, – говорит персонаж фильма, лесной рейнджер Альма. – Люди просто дали этому чувству имя», то есть *имя духа: Парнаг Фегг*. С одной стороны, местная сказка, призванная пугать детей, с другой, – простирающаяся на много километров микориза, сплетающая деревья в иноразумную ризому. Нечеловеческий мозг, способный влиять на химию человеческих тел и таким образом управлять их поведением. Микориза вселяет в голову мысль, прорастающую, «как зерно», – так Уитли обыгрывает сквозной мотив фолк-хоррора: отчуждение человеческой агентности в пользу земли⁷⁴.

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ
ЛЕС МЕЖДУ ПУСТЫНЕЙ
И ГОРОДОМ...

Помимо людей, в городе есть неисчислимое множество нечеловеческих обитателей, чьи жизненные тропы проходят поперек установленных границ, разрушая и переплетая спроектированный мир, так из зазоров дендрообразного города упрямо прорастает лес.

Комментируя концепцию Маламуда, я сказал, что жертвоприношение – это операция (пере)утверждения порядка. «В земле» позволяет уточнить этот тезис: (пере)утверждение реализуется через установление коммуникации между некоммунитивными элементами, то есть через *рифление*; в этом смысле ритуал есть не что иное, как техника перевода *леса в город*. В одном из эпизодов фильма персонажи спорят:

- Поверить не могу, что мы совершим ритуал.
- Мартин, знаю, тебе некомфортно, мне тоже некомфортно, но мы должны выслушать его [лес].
- А ты не слушаешь. Не думаю, что слушала. Что он может нам сказать?
- Альма, я думаю, теперь уже ясно, да?
- Нет, не особо.
- Мы можем жить вместе, не разрушая друг друга. Как и любое другое существо, он переживает о территории, еде, укрытии.
- Ты говоришь о нем, как о человеке. [...] Он не человек.
- Мы совершаем открытие. Может, пора научиться говорить с разными существами?..

74 По словам Дона Китли, «одной из наиболее важных характеристик фолк-хоррора является ужасающая агентность земли – ужасающая не только потому, что земля становится причастной к смерти персонажей, но и потому, что человеческие акторы, привыкшие считать себя единственной движущей силой истории, часто на глубинном уровне лишены агентности» (KEETLEY D. *Op. cit.* P. 9).

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ
ЛЕС МЕЖДУ ПУСТЫНЕЙ
И ГОРОДОМ...

Лес можно чувствовать – вопрос лишь в том, нужно ли с ним коммуницировать, особенно если допустить, что за «ясностью» экологизма, в конечном счете, скрывается менеджмент. Принесенное в жертву геометрии, дерево превращается в крест⁷⁵ – принесенный в жертву коммуникации, лес становится «парламентом» или «генеральной ассамблеей», где «белые халаты» берут на себя тяжелый труд репрезентации лесного образа мысли. В результате, вместо магической имманентности, мы получаем магический захват, конвертирующий лес в идола, изнанкой которого остается сырой материал. Как пишут Делёз и Гваттари, «мы можем переходить от магической функции к рациональной», но «все уже отрегулировано, как только форма-Государство инспирирует образ мысли»⁷⁶. Как мыслят леса? Не привить ли им немного демократии?... Куда важнее другое: как *не* превратить лес в лесопарк?

75 Wood D. *Op. cit.* P. 49.

76 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато...* С. 631.

An-arché, Xeinós, uríhi a: изначальный Другой в космополитическом лесу¹

ХИЛАН
БЕНСУСАН

Марку Антониу Валентиму

Grands bois, vous m'effrayez comme des cathédrales².

ШАРЛЬ БОДЛЕР

АРХЕОЛОГИЯ И АН-АРХЕОЛОГИЯ

Археология предана идее, что под-лежащему есть что раскрыть. Часто это изображается стратиграфически: более глубокие слои обосновывают те, что лежат поверх. То, что лежит под слоем – можно сказать, субстрат слоя, – есть сразу и то, что было до него, и то, что его породило или обусловило. *Arché* указывает одновременно на доисторическое и на обосновывающее: на то, что начинается, и то, что начальствует³. Задать археологический вопрос о чем-либо – значит спросить о его происхождении, но также о его основании или по крайней мере – о благоприятном условии. Поиск *arché*, несомненно, зачастую одержим вопросом о первичном слое: является ли он коренной породой, которая содержит в себе собственные основания – настоящим фундаментом, – или просто слоем, который не допускает дальнейших археологических изысканий? Два этих варианта также могут слиться воедино; в амазонском регионе, например, археологические работы часто приходится прекращать, потому что мало что сохраняется в условиях влажности. В любом случае, когда археология достигает предела, она вынуждена останавливаться на началах. Возможно, они представляют собой предельное изначальное – но как таковые являются ли они необоснованными?

Ан-археология, по контрасту, есть попытка разорвать связь между изначальностью и глубочайшим слоем обоснования⁴.

Хилан Бенсусан
(р. 1967) – философ,
профессор современной
философии в Универси-
тете Бразилиа.

¹ Перевод выполнен по изданию: BENSUSAN H. *An-arché, Xeinós, uríhi a: The Primordial Other in a Cosmopolitical Forest* // *Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy*. 2021. Vol. 17. № 1. P. 502–526.

² «Великие леса, вы страшны, как соборы» (перев. по: Бодлер Ш. *Наваждение* // Он же. *Цветы зла*. М.: Наука, 1970. С. 116). – *Примеч. перев.*

³ См.: AGAMBEN G. *Cos'è il commando?* Roma: Nottetempo, 2013.

⁴ BENSUSAN H. *Being up for Grabs: On Speculative Anarcheology*. London: Open Humanities, 2016.

Она может сделать это, бросив вызов порядку событий, исследовав неуправляемое или рассмотрев контингентное, случайное или иным образом недостаточно обоснованное. Три тропы ведут к расцеплению начала и начальства – они ведут к *an-arché*, началу, которое ничего не обосновывает, или основанию, которое не есть основатель. Ан-археологическое начинание изучает разъединения, отсутствия и пропасти, которых нельзя обосновать. В поисках более изначального ан-археология показывает, что мера исхождения вещей из начальной точки витает в воздухе – и, стало быть, отдана на волю случая (*up for grabs*). Ан-археологическое начало – это не то, что можно восстановить, достигнув коренной породы, поверх которой легли все слои. В некотором смысле ан-археология – то, что остается сделать, когда археология достигает своих пределов. Она не относится к метафизике – по крайней мере понятой как проект извлечения понятности вещей, который Мартин Хайдеггер отождествил с нигилизмом⁵. Не-обоснованное не может дать конечного отчета – конвергирующей интеллигибельности – о том, что есть; оно не может обеспечить никаких оснований. Нехватка опорного начала делает проект достижения *an-arché* больше похожим на прыжок в пропасть, чем жизнь в ней.

Хайдеггер внес вклад в ан-археологию своим изучением предыстории метафизики – и поиска оснований. Начало метафизики в какой-то степени начальствовало над ней и косвенно все еще определяет познавательные усилия и тот привилегированный статус, которым обладает познание, когда самим мышлением правит воля к истине. Поздняя мысль Хайдеггера – под влиянием, которое оказала на него работа с архивами Фридриха Ницше в середине 1930-х, – стремилась постичь второе начало, которое одновременно является и более изначальным, чем основополагающие элементы метафизики, и неспособным обосновать то, что лежит в метафизической основе. Он обозначает этот поиск более изначального, не обосновывающего начала как историю *бытия* (*Geschichte des Seyns*), где само *бытие* есть предшественник и более объемлющий коррелят бытия. Бытие является первым и менее изначальным началом, вытекающим из *бытия*, и метафизика происходит из бытия – и из его забвения, а не из *бытия*, поскольку из последнего ничего не следует.

Исходя из хайдеггеровского прочтения Ницше метафизической является та эпоха, в которой познание, в конечном счете, оказывается важнейшей целью, направляющей встречи людей как с человеческими, так и с нечеловеческими сущими. Познание есть своего рода отношение с другими. Важная часть по-

5 Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Он же. Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008. С. 302–367. – Примеч. перев.

рожденного метафизикой состояния проистекает из убеждения, что знание противоположно вовлеченности. В этом свете мышление кажется невинным, в то время как его последствия по всей планете и за ее пределами все более очевидны. Познанный мир становится заменимым и несущественным; пока правит воля к знанию, мышление не способно на встречу, которая потребовала бы хоть немного прислушаться к другой стороне истории. Метафизика подчиняет встречу целям познания. Хайдеггер возводит эту историю к допущению, что у сущего есть природа, *physis*. Этого допущения недостаточно, чтобы породить стремление к созданию искусственной, контролируемой и доступной копии всего – стремление, возникающее в метафизическом начинании. Но это допущение стало началом метафизики – условием, которое ей поспособствовало. Затем Хайдеггер уходит от этого начала к тому, которое считает более изначальным. От *бытия*, связанного с *physis*, он переходит к *бытию*, которое, как указывает старое написание, располагается глубже и является более древним, более исходным и в то же время не способным что-либо обосновать. Это второе начало находится под всякой возможностью обоснования. Этот переход от первого начала ко второму – движение назад, но одновременно и вглубь, к более имплицитному, – обеспечивает перспективу, исходя из которой можно увидеть, как от допущения, что у вещей есть некая природа, мы приходим к постепенному появлению среды объектов, которыми можно командовать и управлять. Эта перспектива также является погружением в бездну, поскольку второе начало находится под основанием, предлагаемым первым, и на деле предшествует всякому основанию (*Abgrund*, бездна). В событии, которое выводит на передний план *physis* и постепенно делает мир прозрачным, кроется бездна. Движение к тому, что пребывает за *physis*, есть попытка мыслить по ту сторону понятности, которая была бы присуща вещам.

Это ан-археологическое движение не является проектом, а постнигилистическая (постметафизическая) стадия, которую оно обещает, не есть нечто, чего можно достичь политически. Как мы увидим, Хайдеггер скорее предпочитает говорить о приготовлении к ней. Клэй Льюис утверждал, что связь со вторым началом, которую он описывает как «более осознанный способ обитать на Земле», не может быть представлена в качестве политической цели⁶. Я думаю, он совершенно прав, дистанцируя постнигилизм от любой обычной цели, связанной с человеческой макрополитической борьбой. Однако я полагаю, что Хайдеггер, возможно, приоткрывает (или хотя бы

ХИЛАН БЕНСУСАН

AN-ARCHÉ, XEINOS, URIHI A:
ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ДРУГОЙ
В КОСМОПОЛИТИЧЕСКОМ
ЛЕСУ

6 LEWIS C. *The Way of Nature: History and Truth in Late Heidegger's Thought* // *Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy*. 2017. Vol. 13. № 1. P. 93.

ХИЛАН БЕНСУСАН

AN-ARCHÉ, XEINOS, URINI A:
ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ДРУГОЙ
В КОСМОПОЛИТИЧЕСКОМ
ЛЕСУ

усматривает) другую политическую сферу, которая не может быть сосредоточена на человеческих решениях. Первая цель этой статьи – прояснить, как возникает эта космополитическая сфера. Вторая – поместить ее в философское поле, которое отличается от хайдеггеровского.

Фактически, я пытаюсь перенести поиск второго и более изначального начала в среду, где *другие* имеют большее значение, чем *бытие* (или *бытие*). Исходя из критики Эммануэлем Левинасом первенства существования над существующим я предлагаю отойти от видения инаковости как простого блока информации для пополнения знания и усиления контроля. Второе и более изначальное начало, которое я связываю с *Xeinós* – вероятно, более древним вариантом греческого слова для обозначения «странника, постороннего или чужака», – определяется абсолютным Другим, с которым встречаются независимо от каких-либо попыток извлечь информацию из встречи. Видение инаковости в качестве источника информации об управляемом мире отсылает к ряду проектов, генетически связанных с первым началом. Второе начало *Xeinós*, напротив, есть место, где другой прерывает мысль и обращается к ней извне. *An-arché* здесь – не просто отсутствие оснований, а скорее вмешательство других оснований, которое уводит нас в лес, понятый не в духе Хайдеггера, с его пристрастием к просветам, а скорее в духе Дави Копенавы, который пытается показать, что амазонская динамика сродни перекрестью между любым разумным основанием – любой интеллигентностью – и множеством внешних других, вторгающихся в мысль. Образ полифонической и расходящейся мысли зависит от более изначальной инаковости: пропасти понимания, слепого пятна, напоминания о хрупкости тождественного. Хайдеггеровское второе начало, однако, нельзя ни навязать, ни принять. Цель этой статьи – начать рассмотрение истории *Xeinós*, которая, подобно истории *бытия*, есть история приготовлений.

ХАЙДЕГГЕРОВСКОЕ AN-ARCHÉ

Начинание, названное Хайдеггером историей *бытия* (*Geschichte des Seyns*), одновременно космическое (и в значительной степени космополитическое⁷) и археологическое – и в таком случае оно ан-археологическое⁸. После тщательного изучения

7 Космополитическое в смысле общей конфигурации или положения дел, в которые вовлечены люди и нелюди; см.: STENGERS I. *Cosmopolitics I*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003; см. также: BENSUSAN H. *Geist and Ge-Stell: Beyond the Cyber-Nihilist Convergence of Intelligence // Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy*. 2020. Vol. 16. № 2. P. 94–117.

8 См.: BENSUSAN H. *Being up for Grabs...*

трудов Ницше Хайдеггер пришел к убеждению, что метафизическое забвение бытия и соответствующего онтологического различия бытия и сущего⁹ были следствием *arché* – начала, *Anfang*, – которое само по себе должно быть изгнано¹⁰. Это первичное начало поместило *physis* (природу процессов, но также и то, как вещи разворачиваются сами по себе, в своей силе и по собственному согласию) в центр усилия по осмыслению мира. Эта отправная точка проложила путь к смещению мышления в пользу контроля, выраженного в стремлении извлечь интеллигибельность из всего окружающего. Не вполне понятно – да, пожалуй, и не очень важно, – был ли этот курс обречен с самого начала или, наоборот, его запятнала метафизика, которую он породил и поддержал. Вероятно, в какой-то момент можно было выбрать другой маршрут. Так или иначе, начало, положенное *physis* – и связанным с *physis* понятием истины как *aletheia* (несокренности)¹¹, – подготовило эпоху метафизических попыток сделать вещи понятными¹². Этот ход развития был установлен с самого начала, несмотря на то, что его можно было избежать или отсрочить. Хайдеггер был убежден, что первое начало было опустынено¹³, низведено до проекта, который обращает мышление в усилие по обеспечению постоянного расширения среды, управляемой с помощью вычислений¹⁴. В этом начале началось отношение мысли и всего остального – или скорее мысли и мыслимого. Предприятие по наделению всего понятностью и управляемостью зародилось в начале, положенном *physis*, и у этого проекта были всевозможные последствия: для вещей, которые превратились в состоящие-в-наличии объекты; для мира, который стал контролируемым ансамблем позиций или функционирующим устройством (*Ge-Stell*), и для самого *physis*, который, в конечном счете, превратился в инстанцию разъединенной и многократно реализованной интеллигибельности¹⁵.

Изгнание первого начала приходит со вторым. *Бытие* (*Sein*) есть то, что предшествует бытию, – это слово, выбранное Хайдеггером, происходит от древнего варианта написания *Sein*. Второе начало основано не на *physis*, а на *Ereignis*, событии, которое присутствует само по себе без какой-либо под-лежащей природы, заставляющей его свершаться. Первое начало – его приход и последствия – само по себе является *Ereignis*¹⁶ и,

ХИЛАН БЕНСУСАН

AN-ARCHÉ, XEINOS, URIHI A:
ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ДРУГОЙ
В КОСМОПОЛИТИЧЕСКОМ
ЛЕСУ

9 См.: HEIDEGGER M. *History of Beyng*. Bloomington: Indiana University Press, 2015. P. 113.

10 См.: Ibid. P. 23, 31.

11 См.: Ibid. P. 147.

12 См.: Ibid. P. 115.

13 См.: IDEM. *Mindfulness*. London: Bloomsbury Academic, 2016. P. 9.

14 См.: IDEM. *History of Beyng*. P. 57.

15 См.: IDEM. *Insight into That Which Is* // IDEM. *Bremen and Freiburg Lectures. Insight into That Which Is and Basic Principles of Thinking*. Bloomington: Indiana University Press, 2012. Lecture 2.

16 См.: IDEM. *Mindfulness*. P. 14.

следовательно, происходит из более изначального источника. Этот источник лежит за обоснованием, предлагаемым *physis*. За *physis*, как первым началом, следует история метафизики, а сам он вытекает из этого второго и еще более изначального источника, который, однако, является не основой основ – или *arché archai*, – а отсутствием основы, которое Хайдеггер называет *Ab-grund* (бездной, или не-основанием, раз-основанием)¹⁷. Тот факт, что эпоха, управляемая и зачинаемая *physis*, сама по себе была событием, основанным на чистом появлении, говорит о более исконном характере второго начала, которое идет от *bytia* – более древнего бытия, которое представляет собой не раскрытие, а сам просвет (*Lichtung*), обуславливающий всякое проявление¹⁸. *Bytie* – это предшественник бытия, лежащий в его основе; аналогичным образом то, что появляется, есть предшественник того, что показывается, раскрывается. Просвет лежит в основе *aletheia*. Просвет – не раскрытие под-лежащей интеллигибельности; не то, что делает нечто постижимым или понятным, так как это не предъявление, из которого можно выделить интеллигибельное, как в случае *aletheia*, а чистое свершение. Хайдеггер понимает, что истина за истиной-как-раскрытием есть простое показывание, освещение, подобно тому, как свет приходит в лес в просвете. И наоборот, он считает, что *aletheia* превратилась в раскрытие (для кого-то), поскольку *physis* выродился в команды и расчеты; истина стала простым соответствием, *adaequatio intellectus et rei*¹⁹. *Aletheia* превратилась в достоверность, подобно тому, как *physis* превратился в *thesis*²⁰. Просвет, по контрасту, предполагает, что истина заключается в развертывании вещей, а не в их раскрытости для кого-то, носителя истины. Истина-как-просвет бежит *physis*, поскольку она ему предшествует, при этом ничего не обосновывая; истина-как-просвет на самом деле есть не что иное, как открытие, которое позволяет чему-либо являться или приходиться. *Bytie* есть бездна события, которое не раскрывает никакой скрытой интеллигибельности. Бездна разверзается в самом вопросе, который можно сформулировать в терминах поиска понятности, но он не предлагает основополагающего ответа.

История *bytia* направляется к самому изначальному, поскольку раскрывает события космической природы – такие, как поиски метафизики. Это история, которая демонстрирует более исходные начала, – это не история того, что следует (из/за) *arché*, это не история последовательностей или последст-

17 См., например: ИДЕМ. *History of Beyng*. P. 37, 52, 82.

18 См.: ИДЕМ. *Mindfulness*. P. 37.

19 См.: Ibid. P. 37.

20 См.: ИДЕМ. *Insight into That Which Is*.

вий. Это скорее история отправных точек, которые могут быть более изначальными, даже если появятся позже. В силу того, что мы часто обращаем внимание только на то, что из чего следует, мы не можем увидеть ход такой истории просто исходя из прибывающего. Она расстраивает наше представление об интеллигибельности, потому что изначальное не всегда приходит первым. Более того, это не история мысли, отделенная от ее последствий, как и не история того, что существует независимо от мышления. История *bytiā* отчасти связана с влиянием мышления (а также вычисления, махинации, почитания *Ge-Stell*²¹) на мир и на мысль. Появление метафизики выводит на передний план историю, которая сама по себе не может быть осмыслена самой метафизикой²² – с метафизической точки зрения ничего не происходит ни с бытием, ни с чем-либо более изначальным. В этой перспективе у *bytiā* не может быть истории, ведь оно едва ли постижимо наряду с сущим. Метафизика, замечает Хайдеггер, не способна ни к прощаниям, ни к началам²³, а *bytie*, по сути, есть начало²⁴ – а значит, и прощание²⁵. Но история, раскрытая метафизикой, порождает удаль *arché*, которое в пределе отступает к не-обоснованному чистому началу²⁶. Космический характер истории бытия заключается в дистанции, удерживаемой ею в отношении хронологии того, что за чем следует (*Historie* Хайдеггера); это история начал, в которую мысль вовлекается, сосредотачиваясь на моменте обоснования. Мысль, не следующая линии последствий, отступает к тому, что может предшествовать, но не обладает властью и не начальствует над *arché*. Мысль, принимающая то, что могло бы быть вторым началом – *Ereignis*, – раскрывает почву, где мысль может покоиться в эпоху метафизики. Возможность этой раскапывающей мысли – это возможность истории, которая не просто схватывает интеллигибельность времени, – истории, которая сталкивается с не-обоснованным во времени. Мышление по ту сторону сцепки бытия и мысли (а также времени и истории), делающей возможным обоснование, является ан-археологическим.

Размышлять об основании – значит продумывать то, что само по себе обосновывать не способно; Хайдеггер находит

ХИЛАН БЕНСУСАН

AN-ARCHÉ, XEINOS, URIHI A:
ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ДРУГОЙ
В КОСМОПОЛИТИЧЕСКОМ
ЛЕСУ

21 См.: Ibid.

22 См.: ХАЙДЕГГЕР М. *Слова Ницше...*

23 См.: HEIDEGGER M. *On Inception // Heidegger's Poietic Writings*. Bloomington: Indiana University Press, 2018. P. 7.

24 Ibid. P. 7, 25.

25 Во «Времени прощаний» Деррида утверждает, что прощания, которые всегда могут означать «до скорой встречи», ускользают от языка метафизики (DERRIDA J. *The Time of Farewells: Heidegger (Read by) Hegel (Read by) Malabou // MALABOU C. The Future of Hegel: Plasticity, Temporality and Dialectics*. London: Routledge, 2005. P. vii–xlviii).

26 См.: HEIDEGGER M. *On Inception*. P. 6.

ХИЛАН БЕНСУСАН

AN-ARCHÉ, XEINOS, URINI A:
ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ДРУГОЙ
В КОСМОПОЛИТИЧЕСКОМ
ЛЕСУ

второе начало в неспособности обладать властью, в самом безразличии к власти²⁷. Далее, это не-обосновывающее *an-arché* может быть присвоено тем, что способно к обоснованию власти и управлению теми самыми последствиями, что скрывают *bytie*; это продиктовано тем, что сам *physis* есть появление. Основание все еще покоится на том, что находится под ним, несмотря на то, что последнее ничего не может обосновать. Вот почему *bytie* безразлично к власти: *bytie* может позволить *physis* присвоить себя, и бездна под основанием останется незамеченной. (Ан-)археология *bytia*, скрытого под основанием, зависит от раскапывающего усилия, которое совершает мыслитель, – усилия, которое, на первый взгляд, по Хайдеггеру, является человеческим. Таким образом, *bytie* зависит от человека; это состояние допускается *bytiem*, которое не требует своего раскрытия и дает человеку свободу его осмыслить, свободу, укорененную в связи с бытием²⁸. Другими словами, *bytie* не заботится о власти и безразлично к какому-либо признанию. Бездна, лежащая под основанием, становится заметной благодаря открытию (согласно Хайдеггеру, прежде всего усилиями Ницше) нигилизма как события глубинной истории – *Ereignis*. Открытие *thesis*, возникающего внутри *physis*, есть мысль, которая позволяет раскрыть другое начало.

Именно этот рывок ко второму началу, обращенный к необоснованному, разъединяет мысль и бытие, выводя историю из цепи исторических последствий. Бытие, связанное с *physis* в первом начале, таит в себе бытие, поскольку любая попытка обосновать что-либо несет в себе дыру исходного события. Как только осмыслен разрыв между судьбой *physis* (ныне раскрытой – назовем ее *thesis*, *Ge-Stell* или *Wille zu Macht*) и *bytiem*, которое лежит под этой судьбой, становится возможным новое начало. Ан-археология не может быть результатом решения, что поместило бы сам этот жест в рамки метафизики – принудительного экспонирования того, что прежде представлялось само по себе²⁹. Но она не может быть и навязыванием *bytia* людям, ибо как раз первое зависит от вторых. Хайдеггер настаивает на том, что мышление есть состояние готовности, которое не навязывает начало, но и не принимает это начало за независимое от мышления³⁰. Эта готовность к раскрытому, которое не предполагает никаких раскопок (ан-археологическое состояние), продиктована вопрошанием; последнее определяет будущее *bytia*³¹. Вопрос соседствует

27 См.: ИДЕМ. *Mindfulness*. P. 65.

28 См.: Ibid. P. 55.

29 См.: Ibid. P. 12.

30 См.: Ibid. P. 12, последние абзацы.

31 См.: ИДЕМ. *History of Beyng*. P. 104.

с *Ereignis*, находится невыносимо близко и все же, по видимости, далеко – *die abgrundige Ferne des Nahen*³². Вопрос об огне – *physis* воспламеняемости – запускает прометеанский контроль, но внутри этого вопроса есть еще один: о событиях, которые приводят к первому, менее изначальному началу – *physis*³³. Рассвет судьбы *бытия* (*Seynsgeschickes*) скрыл *Ge-Stell* и махинацию в ее зарождении³⁴ – это предназначение содержалось в вопросе, который несет в себе родство с силой, вызывающей *Ereignis*. Не-обоснованное разоснование подобно этому вопросу – оно безразлично к власти и все же зависит от мыслителя, который вынужден им заниматься.

Этот поворот можно описать как шаг от начала с *arché*, основой, интеллигибельностью, отделимой от того, что она делает интеллигибельным, к поиску соответствующего *an-arché*, который является тем самым вопросом, который сделал основание возможным, а извлекаемую интеллигибельность интеллигибельной. Движение от основания к бездне, от завета к выходу, от точки отправления к началу. *Ereignis* кроется в *physis*, *бытие* упаковано внутри бытия – ан-археология завернута в археологию. Мышление по ту сторону первого начала есть мышление о том, что было до начала; это начало начала, первый жест обоснования. Таким образом, бытие кроется в отсутствии основания под *arché* – оно безответно и неизмеримо³⁵. Хайдеггер считает, что бытие сродни подвопросности всех решений³⁶ – именно поэтому *Ereignis* также является *Austrag*, раз-решением³⁷. Движение от первого начала к его последствиям, а затем обратно ко второму началу соответствует движению через три фундаментальных настроения (*Grundstimmungen*): от удивления к странности и бездне³⁸. Удивление запускает поиск причин, и этот поиск делает все непокорное странным, чужим, незнакомым; удивлению предшествует изумление, которое является не вопросом о том, что находится перед мыслителем, а погружением в само вопрошание в любом найденном решении. Бездна лежит на стадии, которая предшествует обоснованию, среди *an-archai*, в предыстории всякого решения; ан-архическое – это вопрос о решении, которое будет развернуто. Бездна разверзается в решении и *Ereignis*. Она также связана с *an-arché* (*Ab-Grund*), с бесосновностью, вокруг которой обернута всякая основа.

Ereignis нигилизма понимается Хайдеггером как нечто, одновременно космологическое и ан-археологическое. Не может

ХИЛАН БЕНСУСАН

AN-ARCHÉ, ΧΕΙΝΟΣ, URIHI A:
ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ДРУГОЙ
В КОСМОПОЛИТИЧЕСКОМ
ЛЕСУ

32 См.: IDEM. *Draft for Korvón* // IDEM. *History of Beyng*. P. 180, последний абзац.

33 См.: IDEM. *Mindfulness*. P. 51.

34 См.: IDEM. *Insight into That Which Is*. P. 62.

35 IDEM. *Mindfulness*. P. 88.

36 Ibid.

37 Ibid. P. 81.

38 Ibid. P. 74.

ХИЛАН БЕНСУСАН

AN-ARCHÉ, XEINOS, URINI A:
ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ДРУГОЙ
В КОСМОПОЛИТИЧЕСКОМ
ЛЕСУ

быть *physis* нигилизма – или *physis Ge-Stell*, – потому что это будет не более чем продолжение самого проекта нигилизма и событие, решение, которое его породило, не будет осмыслено. Дабы встретиться лицом к лицу с событием нигилизма, нужно рассмотреть его как не-обоснованное, как ан-археологическое. Нигилизм, согласно хайдеггеровскому прочтению Ницше, есть долгое убийство Бога, который собирает в себе всю власть над миром, – без Бога силы измерены и нет непредусмотренного события. Нигилизм тем не менее не все, что есть в космосе, так же, как метафизика не является единственным проектом для разума. Видение прихода метафизики как (в каком-то смысле космического) события, для которого не может быть *arché* в царстве *physis*, открывает взгляд на нечто иное – то, что может лежать в основе (космополитического) отношения между мыслью и бытием. Хайдеггер заявляет, что история метафизики раскрывает *bytie* именно потому, что раскрывает историю, включающую в себя ан-архическую преамбулу, которая бросает тень на все остальное. Рассмотрение истории метафизики в свете события, которое в ней развивается, может открыть путь к истории *bytia*, где главным действующим лицом является отсутствие обоснования. Именно в истоках метафизического мышления лежит решение, которое определяет ход его развития, а в любом определении зияет глубинная бездна.

КВАЗИЛЕВИНАСОВСКОЕ AN-ARCHÉ

Тем не менее то, что здесь происходит, можно рассмотреть и в другом свете. Первое начало, начало *physis* и *aletheia*, есть то, где все встречное понимается и усваивается так, чтобы устранить его инаковость и совершить интеграцию. Тожество действует как основание, предоставляемое другому посредством понимания. Попытка ассимилировать инаковость, захватывая ее принципы и извлекая ее основания, так чтобы ее можно было сделать избыточной и реплицировать, – это археология, поиск адекватного другому *arché*. Как только нечто становится интеллигибельным, сам интеллект растет, в то время как его объект размывается. Мышление уже не равно себе, однако оно сохраняет свое единство в качестве растущего тела; мышление всегда движется к включению того, что находится за его пределами. Центром предприятия мышления, направляющего историю метафизики (извлечение интеллигибельности из окружающего *physis*), является мыслитель, который ассимилирует объекты мысли. Мышление – непрерывное усилие включения; как описал бы Левинас: «Вне меня ходатайствует

за меня в потребности; вне меня – это для меня»³⁹. Ксенология⁴⁰ – попытка работать с наружным, внешним, – сама становится археологией: Другой должен перестать быть другим; Другой должен быть обоснован, припилен к *poies* или *logos*, который сам является *arché*. Предприятие метафизики можно рассматривать не как забвение бытия внутри более широкой истории *bytia*, а как развитие специфических отношений с внешним. Если это так, то первое начало постулирует интеллигибельность внешнего и постепенно ставит его под контроль. В таком случае второе начало будет сфокусировано на пришествии извне, на приходе Другого – приходе, вызванном решимостью, которая сама по себе является бездонной. Вместо того, чтобы рассматривать усилия разума внутри метафизики как часть истории *bytia*, можно взглянуть на них как на веху в истории Другого или внешнего.

ХИЛАН БЕНСУСАН

AN-ARCHÉ, XEINOS, URIHI A:
ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ДРУГОЙ
В КОСМОПОЛИТИЧЕСКОМ
ЛЕСУ

Как только нечто становится интеллигибельным,
сам интеллект растет, в то время как его объект
размывается. Мышление уже не равно себе,
однако оно сохраняет свое единство в качестве
растущего тела

Действительно, важное обвинение, которое Левинас предьявляет Хайдеггеру, состоит в онтологизме – приоритете онтологии над всем остальным⁴¹. Левинас утверждает, что «приятие Другого Самотождественным, Другого моим Я» (называемое им «метафизикой» или «трансценденцией» на первых страницах «Тотальности и Бесконечного») «обладает приоритетом перед онтологией»⁴². Я предлагаю рассмотреть то, что Левинас называет метафизикой, отношением между Самотождественным и Другим⁴³ как трансценденцией, оставляя слово «метафизика» для особого отношения к превосходящему другому, особого отношения, которое, по Левинасу, предано онтологизму. Это отношение – метафизика – есть то, что Хайдеггер диагностирует как нигилизм: предназначение мышления состоит в том, чтобы извлекать знание из *physis*. Онтологистский другой есть

39 Левинас Э. *След другого* // Он же. *Избранное. Тотальность и Бесконечное*. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 309.

40 Термин навеян дискуссиями вокруг романов Октавии Батлер о ксеногенезисе (Butler O. *Lilith's Brood*. Rimrock: Warner, 2000); Марку Антонию Валентим заявляет, что антропология должна стать ксенологией (Valentim M.A. *Antropologia e xenologia* // *Eco-Pós*. 2018. Vol. 21. № 2. P. 343–363).

41 Levinas E. *On Escape*. Stanford: Stanford University Press, 2003. P. 71; Левинас Э. *От существования к существующему* // Он же. *Избранное. Тотальность и Бесконечное*. С. 9–10.

42 Там же. С. 82.

43 Там же. С. 75.

ХИЛАН БЕНСУСАН

AN-ARCHÉ, XEINOS, URINI A:
ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ДРУГОЙ
В КОСМОПОЛИТИЧЕСКОМ
ЛЕСУ

тот, кто растворен в самотождественном – привязанность к бытию способствует забвению инаковости другого. Онтологизм, бесспорно, является эпохой в истории других – истории трансценденции. Другой, вовлекающий самотождественного в контакт – трансценденцию, – предшествует онтологизму. Левинас, по видимости, указывает на что-то более изначальное, чем нигилистический проект, более изначальное, чем редуктивное отношение к Другому. Редуктивным является отношение, исходя из которого прибывающий Другой понимается как тот, кто обладает внутренней интеллигибельностью (*physis*), которую можно извлечь; инаковость порождает вопрос и ответ, которые помогают завершить постижение всех вещей. Прибытие Другого несет новое послание – ответ, приходящий с вопросом, с требованием, – и это новое послание, в конечном счете, инкорпорируется в поиск полного понимания всех других. Это равносильно вырождению первого начала, которое является приходом Другого с присущей ему интеллигибельностью, в нигилизм: Другой ставится на службу тотальности. Затем инаковость преобразуется в кусочек пазла, который, в конце концов, можно собрать. Отстаивая нечто более изначальное в Другом, Левинас выступает за предысторию этой тотальности, за то, что предшествует основанию, заложенному Другим, – за бесконечность, которая ничего не обосновывает, подобно бездне, но не в *byti*, а в нестигаемой инаковости. Прежде, чем передать какое-либо послание, Другой прибывает; *tá symbánta* – имеет место, но от того же слова происходит и *symbebekós* – случай, контингентность, неопределенность. (Ан-археологию та же можно понять как изучение случайностей: *to symbebekós* приходит не-обоснованным, *an-arché*.)

В «Софисте» Платона Иное, как один из пяти великих родов, обозначается словами *héteros* или *állos*⁴⁴; можно упомянуть и того, кто в диалоге несет послание инаковости, – *Xénos*. В *Xénos*, чужеземце, страннике, иммигранте, можно усмотреть приходящего Другого, а в ксенологии – учение о приходящем, появляющемся на сцене (наступление, событие, *Ereignis*, начало). Нигилизм, который, согласно Левинасу, представляет собой последствие онтологизма, – это момент в истории Другого, эпоха, в которую чужое привносит призыв к интеграции в тотальность. Другой поставлен на службу стремлению к полному представлению, а его инаковость забыта – и все же *Xénos* есть то, что вызывает новый вопрос, прерывание, послание, которое бросает вызов самотождественному. Эпоха нигилизма происходит из первого начала, которое является ксенологическим, где *Xénos* есть тот, кто приносит послание, новость,

44 Платон. *Софист* // Он же. *Собрание сочинений: В 4 т.* М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 254–257.

которую может быть непросто интегрировать. *Xénos*, как начало, несет весть; Другой – тот, кто информирует, кто привносит новый элемент в картину. Но прежде, чем быть тем, кто приносит новости, Другой – это хозяин или гость: прибытие. Тогда, вероятно, мы можем связать это второе и более изначальное начало с ионическим написанием термина, которое отличается от аттического *Xénos*, – ионический *Xeinos*, возможно, ближе к изначальному значению⁴⁵. Тогда левинасовская защита будет относиться ко второму началу, внешнему аттической традиции, чуждому ей, но в то же время более древнему – второму началу, где *Xeinos* будет рассматриваться не как элемент информации, а как приходящий гость или хозяин, к которому мы собираемся. (Безусловно, Левинас часто был ближе к негреческим словам и мыслям, но здесь я просто хочу обратиться к более изначальному значению Другого, отсылающему к бездне, которая зияет под вестью, принесенной Другим.) Несводимый к фрагменту информации, *Xeinos* больше напоминает *l'informe* (бесформенное), как его определил Батай, – бесформенность, которая лишает вселенную сходств и подобна пауку или слюне⁴⁶.

Теперь у нас есть элементы для переноса хайдеггерианских формул, касающихся двух начал, в рамки истории Другого. Второе начало, которое возможно потому, что в основе приходящей инаковости зияет бездна, также может быть связано с *Ereignis*, ведь *Ereignis* можно воспринимать не как нечто, распространяемое *бытием*, а скорее как особенность инаковости. Событие есть нечто другое, выходящее на передний план. *Xeinos*, подобно *бытию*, ничего не обосновывает и в то же время безразличен к фундаменту, скрывающему бездну. Тем не менее *Xeinos* – это инаковость, которая вмешивается прежде, чем *Xénos* может принести какую-либо новость, – вырисовывается, не будучи ни навязыванием, ни продуктом раскрытия. Второе начало – это *an-arché*, и оно не участвует в проекте захвата интеллигибельности другого – в его самом изначальном смысле. *Xeinos* – это другой, остающийся таковым через непрерывное отношение с внешним. Его *Grundstimmung* – это, вероятно, сама открытость, как фигура не-обоснованного, обеспечивающая асимметрию, при которой инаковость никогда не может быть схвачена. Абсолютный Другой – термин, верный *Xeinos*, – требует движения к тому, что выходит за рамки знакомого; движения, чреватого риском невозвращения. Строго говоря, встреча лицом к лицу с Другим означает отказ от

ХИЛАН БЕНСУСАН

AN-ARCHÉ, XEINOS, URIHI A:
ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ДРУГОЙ
В КОСМОПОЛИТИЧЕСКОМ
ЛЕСУ

45 См., например: CHANTRAINE P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots*. Paris: Klincksieck, 1977. P. 764.

46 BATAILLE G. *Formless //* ИДЕМ. *Vision of Excess. Selected Writings, 1927–1939*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1985. P. 31.

тождественности, а не ассимиляцию того, что кажется странным, в (обновленную) тотальность. Мой суверенный разум не властен над Другим; это скорее случай пассивности – случай, когда ответственность и справедливость ограничивают познание. Существует притяжение к *Xeinos*, притяжение, которое является силой, устремленной к трансценденции, к тому, что лежит за пределами усилий по управлению умопостигаемой тотальностью. Левинас называет это метафизическим желанием или одержимостью⁴⁷. Задавая движение, желание абсолютного Другого делает само это движение необратимым. Другой также оставляет свои следы в перцептивном опыте – восприятие извлекает информацию из другого (*xénos*), но в неизбежном контакте с иным всякий раз, когда действуют чувства, есть след *Xeinos*⁴⁸.

Xeinos бездонен, он раз-основывает. Влечение к Другому – это движение к близости, а не к интеллигибельности. Близость позволяет выйти за пределы стремления извлечь интеллигибельное из встречаемого. Левинас пишет, что «движение выхода “за пределы” теряет собственную значимость и становится имманентностью, как только логос интерпеллирует, инвестирует, представляет и выставляет его»⁴⁹. Когда логос ставится во главу угла, близость и экстериорность Другого превращаются в то же самое. Запредельное перестает быть внешним, становясь темой, концептом или мыслью. След Другого есть то, что избегает конвертации в полноценное присутствие; фактически, Левинас заявляет, что след Другого лежит в «необратимом прошлом», то есть «незапамятном прошлом»⁵⁰. След, утверждает он, не является знаком, но может играть роль знака – графолог исследует знаки, но может найти следы⁵¹. Другой обитает в знаке, но предшествует сигнификации. Его антериорность «“старше”, чем априори»⁵². Это предшествование также противоречит разуму; кроме того, одержимость другим «разрушает тематизацию и ускользает от любого принципа, истока, воли или *arché*»⁵³. Продолжая, Левинас пишет, что это «движение является ан-архическим в исходном смысле слова»⁵⁴. Эта анархия может быть трансверсальной по отношению к разуму – ведь справедливость недостижима че-

47 См., например, соответственно: ЛЕВИНАС Э. *Избранное. Тотальность и Бесконечное*. С. 165; LEVINAS E. *Otherwise than Being or beyond Essence*. Pittsburgh: Duquesne University Press, 2006. P. 55.

48 См.: BENSUSAN H. *Indexicalism: Realism and the Metaphysics of Paradox*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2021. Ch. 3.

49 LEVINAS E. *Otherwise than Being or beyond Essence*. P. 100.

50 ЛЕВИНАС Э. *След другого*. С. 318.

51 Там же. С. 319.

52 LEVINAS E. *Otherwise than Being or beyond Essence*. P. 101.

53 Ibid.

54 Ibid.

рез поиск истины⁵⁵. Она отменяет *logos*⁵⁶. Другой как *Xeinos* ан-археологичен, поскольку нельзя выследить начало того, что всегда-уже является следом.

Очевидно, что левинасовское понимание того, что я называю *Xeinos* – тем Другим, который находится за пределами усилий разума, – в нескольких аспектах отличается от хайдеггеровского понимания бездны *bytia*. Тем не менее я думаю, что можно кое-чего добиться, перенеся формулы, связанные с первым и вторым началами, в левинасовский контекст. Разумеется, этот контекст не всецело левинасовский, хотя бы по той простой причине – и это важно, – что для меня *Xeinos* не сугубо человеческий Другой. Левинас трактует след Другого, предшествующего любому пониманию, как нечто, что не просто отказывает в обладании, но может и оспорить обладание – и тем самым его освятить⁵⁷. Существует разница между инаковостью, которая отвергает, и той, что просто оспаривает господство. Это может прозвучать так, будто Левинас бросает вызов нигилистической схеме контроля, извлекая интеллигентность только тогда, когда дело касается некоторых (значимых, человекоподобных) других. Напротив, я не провожу различия между отказом и оспариванием; я полагаю, что абсолютно Другой есть тот, кто ускользает от тотальности, выкованной стремлением к одинаковому⁵⁸. Левинасовский ход здесь не является осевым – *Xeinos* предшествует исключительности человека⁵⁹. Идея второго начала, возмещаемого бездной *Xeinos*, заключается как раз в том, что сама инаковость погружается в разлад с проектом формирования целостного видения на основе знания, извлекаемого из встречи. (Интересно заметить, что, когда говорят о вторжении Геи в человеческую историю или о ее мести людям за их практики⁶⁰, она, безусловно, понимается как та, кто не только отвергает контроль, но также оспаривает его; ключевой момент этих рассуждений, по видимости, состоит как раз в том, чтобы привлечь внимание к чему-то, выходящему за рамки биологически и геологически интеллигентных процессов.)

В квазилевинасовской разработке второго начала через *Xeinos* инаковость трактуется как то, с чем сталкивается мыслитель, занимавшийся первым началом – где инаковость при-

ХИЛАН БЕНСУСАН

AN-ARCHÉ, XEINOS, URIHI A:
ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ДРУГОЙ
В КОСМОПОЛИТИЧЕСКОМ
ЛЕСУ

55 ЛЕВИНАС Э. *Избранное. Тотальность и Бесконечное*. С. 113–132.

56 LEVINAS E. *Otherwise than Being or beyond Essence*. P. 102.

57 ЛЕВИНАС Э. *Избранное. Тотальность и Бесконечное*. С. 77.

58 Этот ход представлен в: BENSUSAN H. *Indexicalism...* Ch. 2.

59 Обсуждение осевого времени см.: ЯСПЕРС К. *Смысл и назначение истории*. М.: Политиздат, 1991. См. недавнюю дискуссию: VIVEIROS DE CASTRO E., DANOWSKI D. *The Past is Yet to Come* // E-Flux Journal. 2020. № 114 (www.e-flux.com/journal/114/364412/the-past-is-yet-to-come/).

60 См. соответственно: STENGERS I. *In Catastrophic Times: Resisting the Coming Barbarism*. London: Open Humanities, 2015; LOVELOCK J. *The Revenge of Gaia*. London: Penguin, 2007.

носит новости, обновляя тотальность. Предлагаемая мной формулировка отстывает от хайдеггеровской в двух важных аспектах. Во-первых, я рассказываю и рассматриваю не историю *бытия*, а историю *Xeinós* – историю абсолютной инаковости. Как следствие, и это второй аспект, второе начало окажется не простым раз-решением, а скорее бездной, образованной основаниями других. Поскольку второе начало касается истории *Xeinós*, оно связано с инаковостью в ее самом изначальном проявлении. Как и в формулировке Хайдеггера, где *бытие* лежит под бытием, *Xeinós* обращается к тем, кто осмысляет инаковость: мышление является способом взаимодействия с инаковостью. Эта несгибаемая экстериторность *Xeinós* делает его чем-то сродни тому, что было названо *Великим Внешним*⁶¹. Информация, принесенная другим, заражена следами того, что нельзя охватить никакой корреляцией. Более того, Великое Внешнее следует понимать как дейктический элемент, инаковость, а не как нечто, что можно описать в субстантивных терминах. Элемент *xénos* в Великом Внешнем наделяет мышление и познание, при этом гарантируя, что альтернативы никогда не могут быть полностью элиминированы. Второе начало – *Xeinós* – не может служить основанием для чего-либо, и здесь Великое Внешнее предстает абсолютным Другим, который располагается в недостижимой экстериторности. Как таковое, Великое Внешнее и есть сам *Xeinós*: инаковость, которая разрывает интеллигибельность и действует наперекор ей. Всякое проявление интеллекта является заложником Великого Внешнего, бездонного, ан-архического и экстериторного элемента второго начала *Xeinós*. Как и *Austrag*, оно определяет то, что является мысли, – инаковость, которая может подчиниться теориям и концептам, но превосходит их. В первом начале инаковость была новизной, которую можно трактовать как новость, новинку по отношению к знакомому, и Великое Внешнее будет таким, если сможет что-то обосновать. Но под этим обоснованием зияет бездна инаковости. По отношению к ней двух начал больше нельзя подытожить как бытие = *physis* и *bytie* = *Ereignis*. Скорее они суть, соответственно *xénos* = информация и *Xeinós* = Великое Внешнее. Безусловно, существует определенное сходство между *physis* и новизной (сведенной к тезису и новости) и между *Ereignis* и Великим Внешним, так как оба указывают на то, что приходит. В отличие от *physis* или *xénos*, которые тяготеют к тому, как раскрывается то, что присутствует как истина, *aletheia*, и как это раскрытие может быть экспонировано в адекватном утверждении или в новости, *Ereignis* и Великое Внешнее касаются того, что позволяет при-

61 См.: Мейясу К. *После конечности: эссе о необходимости контингентности*. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015; но также: BENSUSAN H. *Indexicalism...*

сутствию прибывать, и в этом смысле они старше и (ан-)архачнее, чем присутствие. Оба они превосходят присутствие.

ХИЛАН БЕНСУСАН

AN-ARCHÉ, XEINOS, URIHI A:
ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ДРУГОЙ
В КОСМОПОЛИТИЧЕСКОМ
ЛЕСУ

XEINOS И URIHI A

Великое Внешнее, как фигура *Xeinós*, есть бездна: будучи горизонтом, откуда приходят вещи, она выходит за пределы видимости и как таковая не поддается полному обзору.

Как часто подчеркивал Левинас, Другой никогда не является присутствием; он скорее устанавливает пределы, границы, вводит внешнее. Инаковость обеспечивает альтернативу, которой здесь еще нет. Она не может быть чем-то вроде *arché*, поскольку она решительно экстериорна. Второе начало *Xeinós*, как и *bytía*, не дает ни оснований, ни создателя истины для истины-как-*adaequatio*, ни, кроме того, раскрытия для мысли – элемента истины-как-*aletheia*. Второе начало *Xeinós* есть то, где другой не рассматривается как доставщик новостей. У Хайдеггера второе начало осмысляется через соединение истины с просветом – раскрытие вещей, не посылка, не послание мыслителю, а скорее прибытие, которое предшествует любому раскрытию. Просвет есть проступание *Ereignis*; это также разрешение, которое приходит из окружающего леса, где кроется еще не развернутое. Просвет мыслится как место *bytía* в лесу и локус истины. Великое Внешнее во втором начале *Xeinós* нельзя рассматривать как просвет; прибытие не просто имеет место, оно осмыляется как встреча, где Другой вмешивается (*interrupts*). Превосходящая инаковость бездонна и осуществляет раз-основание. Лес порождает прерывание, потому что он есть место встречи; это также место дикого вмешательства – вероятно, подходящий образ для Великого Внешнего.

Марку Антонию Валентим разработал космополитику леса, которая бросает вызов предпосылкам хайдеггеровского обращения к просветам⁶². Он изображает лес как место, где люди не протагонисты, а сама локация не сцена их мышления; лес – место, где люди утрачивают верность занимаемым ими точкам зрения. Валентим скрещивает Хайдеггера с перспективизмом амазонских низменностей и шаманскими практиками яномами – его лес уже не Шварцвальд с его просветами, которые в основном и подразумевал Хайдеггер, но амазонский дождевой лес, где людям приходится считаться с силами, трансверсальными по отношению к их мышлению. Валентим понимает лес как космополитическую арену, открытую различным и переплетенным перспективам. Мышление не чуждо этой арене

62 VALENTIM M. A. *Extramundandidade e Sobrenatureza: Ensaios de ontologia fundamental*. Florianópolis: Cultura e Barbárie, 2018.

ХИЛАН БЕНСУСАН

AN-ARCHÉ, XEINOS, URINI A:
ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ДРУГОЙ
В КОСМОПОЛИТИЧЕСКОМ
ЛЕСУ

и потому является одновременно космическим и политическим – мышление происходит в слиянии элементов, которые встречаются в лесу, и как раз в этом плавильном котле создаются, артикулируются, развиваются и осмысляются концепты. Концепты не отделены от того, что они концептуализируют, а являются вмешательством инаковости, через которую мыслят. Мышление не просто упражнение в спонтанности (упражнение, которое передает Другого, превращая его в понятие, чего опасается Левинас⁶³), а лес вмешательств (*interruptions*). Дави Копенава, на которого в большой степени опирается подход Валентима к лесу, утверждает, что сам лес мыслит⁶⁴. Он делает это посредством образов (*utupü*, на языке яномами), которые определяют, что есть каждая вещь в каждом из своих проявлений⁶⁵. Лес – это слияние видимостей. Мышление разворачивается на перекрестье людей, животных и духов – или культуры, природы и сверхъестественного. Вивейруш де Кастру выдвигает теорию о том, что эти три элемента суть три перспективы, и люди видятся так же либо как животные, либо как духи в лесу⁶⁶. Лес – это пространство трансформации, где никогда не знаешь, когда мертвые животные могут вернуться в виде духов или людей. Хищничество является тем, что все связывает и фокусирует мышление: каждый должен есть, но решение питаться может прийти откуда угодно. Под влиянием идей антропофагии, также вдохновивших Вивейруша де Кастру на описание философии индейцев как каннибальской, Валентим считает, что еда всегда имеет значение⁶⁷. Еда, как и мышление, не остается без последствий.

Превосходящая инаковость бездонна и осуществляет раз-основание. Лес порождает прерывание, потому что он есть место встречи; это также место дикого вмешательства – вероятно, подходящий образ для Великого Внешнего.

Мышление есть прежде всего космополитический акт; аналогичным образом, как мы видели выше, Хайдеггер заявил бы, что метафизическая стадия в истории *бытия* сама по себе есть *Ereignis*. Лесные духи управляют и западным проектом позна-

63 ЛЕВИНАС Э. *Избранное. Тотальность и Бесконечное*. С. 82.

64 КОПЕНАВА Д., АЛБЕРТ В. *The Falling Sky: Words of a Yanomami Shaman*. Cambridge: Harvard University Press, 2013.

65 ВАЛЕНТИМ М.А. *Extramundandade e Sobrenatureza...* Ch. 7.

66 ВИВЕЙРОС ДЕ КАСТРО Е. *Esboço de cosmologia Yawalapiti // A inconstância da alma selvagem*. São Paulo: Cosac Naify, 2002. P. 25–86.

67 ВАЛЕНТИМ М.А. *Extramundandade e Sobrenatureza...* P. 230–235.

ния, а также его распространением по всему миру. Валентим отмечает, что в лесу происходит сочетание космополитических решений, и поэтому явления, имеющие в нем место, могут оказывать общее влияние на мышление в разных направлениях. Таким образом, в лесу можно найти противоядие от нигилизма; в лесу есть другие животные, люди и духи, которые могут сопротивляться (через отказ или оспаривание) попыткам сделать вещи контролируемыми. Лес, настаивает Копенава, не действует без причины и не имеет причин, которые можно извлечь в качестве информации и отобрать. Он скорее настаивает на том, что шаманы в амазонских дождевых лесах должны делать свои дела – а не просто знать то, что может быть написано в общем трактате о лесе, – чтобы небо не упало⁶⁸. Лес здесь (в словаре Копенавы и Валентима) может быть греческим *hyle*, которое исходно означает лес, рощу, древесину, а также вещество, материал, материю. Именно из *hyle* консолидированные метафизические силы пытаются извлечь интеллигибельное – сделать материю заменимой и избыточной. Но слово, которое мы хотим ввести в оборот, – не *hyle*, а то, что яномами называют *urihi a*, – «зем-лес» (*forest-land*). У *urihi a* свои резоны, но они не ограничены, ведь *urihi a* – это не тотальность, а место встречи. Это слово указывает не на скрытую интеллигибельность, которая должна быть раскрыта, – новость, доставленную встречей с конкретным *hyle*, конкретной материей, – а скорее на *Xeinós*, на Внешнее, способное вмешиваться, не предоставляя альтернативной интеллигибельности. В *urihi a* нет ничего несущественного, и у событий могут быть несопоставимые последствия, поскольку *urihi a* подходит для космополитических дел⁶⁹. *Urihi a* – это космополитический протагонист и сцена; он продумывает производство и распределение неожиданных *utupë*. Вот почему он не может быть охвачен и не может дать никаких оснований.

Urihi a ан-архаичен. Как таковой, он всегда отвечает инаковостью, даже когда предпринимается попытка что-то обосновать. Опираясь на заявления Копенавы о резонах в лесу, Валентим пишет, что *urihi a* сопротивляется обоснованию как в смысле тезиса (*Ge-Stell*), так и в смысле *Ereignis*⁷⁰. Он утверждает, что у леса есть свои (космополитические) резоны. Но какое ан-архэ избежит бездны безосновности, которую приносит *Ereignis*? Валентим подчеркивает, что, хотя интеллигибельность *urihi a* нельзя ухватить, он не является и *Ereignis*; не мо-

ХИЛАН БЕНСУСАН

AN-ARCHÉ, XEINOS, URIHI A:
ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ДРУГОЙ
В КОСМОПОЛИТИЧЕСКОМ
ЛЕСУ

68 КОРЕНАВА D., ALBERT B. *The Falling Sky*... Ch. 24.

69 Гаррет Хардин писал, что экология основана на принципе, согласно которому мы никогда не можем делать лишь что-то одно. См.: HARDIN G. *Letter to the International Academy for Preventive Medicine*. 2001 (www.garretthardinsociety.org/articles/let_iapm_2001.html). То же, по видимости, относится и к космополитике.

70 VALENTIM M.A. *Extramundandade e Sobrenatureza*... P. 256.

жет быть никакой метафизики *urihi a* или какой-либо общей теории *urihi a*; он не может дать никакого решения, никакого критерия для исправления, никакой основы для достоверности или для *omoiosis*⁷¹. Он сопротивляется становлению теоретической темой, но в то же время он не обоснован как разворачивание, раз-решение, решение в открытом. На первый взгляд, Валентин оставляет открытой возможность, что у *urihi a* есть нечто вроде *physis*, а его истина может быть *aletheia*, – *physis*, который противился бы превращению в *Ge-Stell*. Возможно, *urihi a* сделал бы второе начало ненужным, защищая первое от вырождения. *Physis* сохранил бы свою первоначальную свежесть в лесу, ведь он неким образом избежал бы ловушек *omoiosis* и *adaequatio*. Тогда дождевой лес оказался бы тем, чего не хватало первому греческому началу философии. (Иронично, что это не только контрастировало бы с отчаянием Хайдеггера в связи с *physis* и первым началом, но и противоречило бы многому из того, что он сказал бы о незападной мысли.)

Несмотря на то, что *urihi a* мог бы спасти *aletheia*, я утверждаю, что в нем можно усмотреть верность второму началу *Xeinos*. Истина – как лес, а не как просвет – является заложником ан-архического измерения инаковости. Если лес – место встречи, то у него нет *physis*, который можно захватить; скорее он предстает местом для экстериорности, для инаковости, для того, что не вписывается в пазл. *Urihi a* нельзя воспроизвести или смоделировать искусственно, так как в нем обитает *Xeinos* – абсолютный Другой. Более того, лес, понятый как место обитания *Xeinos*, может предоставить понятие истины для Великого Внешнего. Истина не разворачивание – просвет, – а встреча. Эта встреча включает инаковость, невидимую без второго начала *Xeinos* – альтернативного второго начала, отличного от *bytia* и *Ereignis*. Разница в том, что *an-arché* происходящего лежит в бездне Другого. Когда Копенава настаивает на том, что в лесу есть мышление, что в *urihi a* есть разумные основания, он говорит о резонах других – и это еще одна причина, по которой они могут показаться совершенно не разумными. Опять же, нигилизм и распространение *Ge-Stell* не *Ereignis*, ибо у них есть причины – резоны, которые могут принадлежать лишь *Xeinos*, космополитике леса. Резонов других, однако, нельзя из них извлечь. Следует подчеркнуть, что разумными основаниями здесь могут быть резоны животных или духов, резоны, которые мы можем понять лишь в той мере, в какой позволяем им сменять направление нашего собственного мышления. Космополитический эффект – не то, что входит в наши намерения, а то, чего животные и духи могут достичь с неза-

71 Подобие, сходство, уподобление (греч. ὁμοίωσις). – Примеч. перев.

метной помощью нашего мышления. Понимание этих резонансов требует замены в смысле Левинаса: «пассивности, претерпеваемой [...] силой инаковости во мне», замены «меня другими»⁷². Лес мыслит так, потому что Великое Внешнее предоставляет то, что для нас экстерно, требуя пассивности замещения. *Urihi a* – место бесед, которые осуществляются в разном темпе, различными средствами и в различных формах. Лес отвечает на анархию *Heinos* – на *an-arché* резонансов, которые исходят из самых разных перспектив.

Лес – место встречи, плавильный котел. *Urihi a* есть также *hyle* в том смысле, что он ускользает от понимания и может разве что обеспечить благоприятные условия для интеллигибельного; но в *urihi a* акцент делается на том, что лес и Великое Внешнее – это сцена, на которой разумы других переплетаются с любым усилием захватить общую интеллигибельность – и подталкивают само усилие захватить общую интеллигибельность (*prompt the very effort to capture the general intelligibility*). Если лес является сценой для космополитических разумов – эдаким космополитическим парламентом, – то его можно превратить в *Ge-Stell*, только уничтожив и заменив, хотя это так и не позволит захватить его под-лежащую интеллигибельность. Никакой под-лежащей интеллигибельности нет как раз потому, что *urihi a* предстает сценой Великого Внешнего, местом обитания *Heinos*. Истина-как-лес знаменует новое начало ксенологии и шаг в истории (в смысле хайдеггеровской *Geschichte*) *Heinos*, который движется к самой изначальной бездне инаковости, где невозможно основание. Лес сам по себе является бездной, не потому, что это чистый *Ereignis* или не-обоснованное разрешение, а потому, что он проистекает из других резонансов, других оснований, других разумностей. Инаковость – в иных основаниях – есть именно *an-arché*, бездна встречи с другим. Мышление связано с инаковостью через утверждение вмешательства; как если бы лес был театром трансверсальностей, где ни одна мысль не застрахована от не-обоснованного нового начала. Этот ан-археологический лес есть место встреч, которые не выявляют предельной коренной породы. Это влажный, подвижный и кочевой настил, который можно выкопать в (дождевом) лесу, настил, который ничего не фиксирует, и поэтому нет окончательного послания, которое бы сделало Великое Внешнее – или приход *Heinos* – неуместным. Истина леса – это безграничное место встречи, где мысль не может опираться ни на что, кроме постоянно возобновляющегося *an-arché*. Мышление – заложник *Heinos*. *Urihi a* не сходится ни в каком тезисе, не сводится ни в каком общем отчете – это пространство

ХИЛАН БЕНСУСАН

AN-ARCHÉ, HEINOS, URIHI A:
ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ДРУГОЙ
В КОСМОПОЛИТИЧЕСКОМ
ЛЕСУ

72 LEVINAS E. *Otherwise than Being or beyond Essence*. P. 114.

ХИЛАН БЕНСУСАН

AN-ARCHÉ, XEINOS, URINI A:
ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ДРУГОЙ
В КОСМОПОЛИТИЧЕСКОМ
ЛЕСУ

систематической и трансверсальной замены одного другим в продолжающемся разговоре. Космополитика леса интенсивно политична – и, быть может, пугающе близка к *Realpolitik* его обитателей.

ИСТОРИЯ XEINOS

История *Xeinos* гласит, что бездна под любым основанием мышления заключается в непреклонной экстерииорности инаковости, раз-основывающем характере любой встречи. Как таковая, она позволяет создать историю инаковости, смоделированную на основе космополитического леса, где встречи – часть мышления и всегда маячит Великое Внешнее. История *Xeinos* тектоническая, она создана приготовлением к встрече с чужеродным, попыткой забыть о влиянии встреч со странниками и принудительностью вторжений раз-основывающего. Именно тектоническая активность под первым началом порождает череду попыток инкорпорировать и апроприировать другое и внешнее. Не существует *xenos*, чужеземца, несущего неожиданную, странную или непривычную весть, без этой изначальной встречи с инаковостью, с абсолютным внешним. Возможно, *Xeinos* – сама встреча. Ан-археология встреч находит бездонного странника, чуждого интеллигибельному, – а тот предлагает себя обновленной интеллигибельности, истории *xenos*. Раскапывание бездны инаковости – это археология внешнего, которая находит не метафизические присутствия и не фрагменты головоломки, а скорее жуткие следы – вроде тех, что находятся и теряются в лесу. Эти следы нельзя собрать в целостный образ всего сущего; встречи продолжаются. Ан-археологическим начинаниям, связанным с *Xeinos*, нужна хонтология⁷³: другой, который является в следе встречи, преследует инаковость, которая лежит в основе новости. Знание преследуют вопросы о внешнем мире, которых нельзя было не задать – *xenos* преследуем *Xeinos*. Точно так же *Ereignis* преследует *physis*, а *urini a* – любую общую теорию.

Перевод с английского Дениса Шалагинова

73 ДЕРРИДА Ж. *Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал*. М.: Logos-altera; Ecce homo, 2006. С. 79.

Пантехнический лес

ЕВГЕНИЙ
КУЧИНОВ,
ИВАН
СПИЦЫН

Я чувствовал, как радиация пронизывает броню, точно бумажную салфетку. Ощущал узловатые гребни и вмятины магнитного поля «Роршаха». Чувял, как он приближается: как обугленный полог выгоревшего инопланетного леса; скорее пейзаж, чем предмет. Я представлял, как титанические разряды проскакивают между его ветвями, и себя на их пути. Какие существа согласятся жить в подобном месте?

ПИТЕР УОТТС. «Ложная слепота»¹

1

На демотиваторе «Единая Россия рулит» изображен лесной пейзаж, элементы которого снабжены табличками, отмечающими участие «партии власти» в природных процессах. Они могли бы послужить также ориентирами, не позволяющими заблудиться, дорожными знаками, указывающими на выход из леса: «река течет при поддержке ЕР», «дятлы долбят под руководством ЕР», «рыба клюет с разрешения ЕР» и так далее. Первый критический слой этой топорной картинке легко считывается: он поднимает на смех попытки правящей партии опосредовать процессы, которые в действительности протекают без ее участия, преувеличить свою роль в жизни (общества). Смехотворный слой, однако, оказывается поверхностью, под которой скрывается онтологическое утверждение, имеющее зловещий *обездвиживающий* смысл: без (партии) власти ничто не функционирует, ничто не живет, ничто не существует – облака не плывут, реки не текут, деревья не растут, дятлы не долбят кору, рыба не клюет. Под партией (власти) здесь можно понимать подмножество в составе множества, коим является лесной пейзаж (облака, вода, деревья, животные), совокупность *действий* (поддержка, руководство, разрешение), обеспечивающих *перевод* от обездвиженности к *движению* (перемещение, питание, рост). В таком случае скрывающееся под пиксельной пленкой послание будет звучать так: без власти нет леса. Таков взгляд *онтологического этатизма* – и простого срывания

Евгений Кучинов (р. 1982) – философ, историк, переводчик, научный сотрудник Лаборатории философских исследований будущего Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград), редактор платформы lmnt.space.

Иван Спицын (р. 1991) – философ, независимый исследователь (Нижний Новгород), редактор платформы lmnt.space.

1 Уоттс П. *Ложная слепота*. М.: АСТ, 2016. С. 177–178.

демотивирующих табличек недостаточно для того, чтобы очутиться в *диком* лесу. Их *état* может либо оказаться уже въевшимся в почву, воду и древесину, составляя их сущность, либо, за вычетом сущности, сохраниться в качестве наказа мыслить лес как остаток от такого вычитания.

Это изображение может послужить наглядной иллюстрацией «объективированной корреляции», парадоксальный характер которой раскрыли в «Концах света» Дебора Дановски и Эдуарду Вивейруш де Кастру. Развивая размышление Стивена Шавиро о том, что элиминативистское крыло спекулятивных реалистов (Квентин Мейясу, Рэй Брассье), выходя за пределы корреляционизма, попадает в «ледяную пустошь» Великого Внешнего, созерцание которой оказывается заиклено на человеческой точке зрения, они доводят эту мысль до конца: политическим и экологическим коррелятом этого «радикально мертвого» Внешнего оказывается человеческая мысль, материализованная в виде мегамашины антропоцена, которая насильно соотносит мир с собой, погребая его под слоями бетона и пластика. Коррелятом антикорреляционизма в его элиминативистском изводе оказывается нигилистическое сопряжение мертвого мира и обреченной на вымирание – а потому уже мертвой – мысли («отрицательный идеализм, странный трупный субъективизм»)². Мир-без-нас оказывается не чем иным, как изнанкой онтологического этатизма, – это мир, в котором реки *действительно* не текут, облака *действительно* не плывут, деревья *действительно* не растут без разрешения «партии власти».

Противоположностью обездвиженной «ледяной пустоши», требующей *руководства ex nihilo* («чуда без Бога», как пишут Дановски и Вивейруш де Кастру³), является лес без власти; противоположностью мира-без-нас является *необитаемый мир*, противоположностью онтологического этатизма является *онтологический анархизм*⁴. Как мы отметили выше, он не может быть сведен к отрицанию и стиранию следов присутствия власти, *автоматически* (чудесным образом, *ex nihilo*) выводящему путника в лес. Уход в Лес – *проблема*, сродни апориям Евбулида, вывернутым наизнанку: сколько деревьев нужно оставить за спиной (или, может быть, вырастить), чтобы очутиться в косматости леса, чтобы *заблудиться*? Или: что значит понять шутку, заключенную в демотиваторе «Единая Россия рулит»? Сколько табличек требуется для создания смехотворного эффекта – и кто будет смеяться? В конечном счете, во-

2 DANOWSKI D., VIVEIROS DE CASTRO E. *The Ends of the World*. Cambridge: Polity, 2017. P. 30–36.

3 Ibid. P. 33.

4 Об онтологическом анархизме на свой манер размышляет также Вивейруш де Кастру. См. его статью «0 моделях и примерах: инженеры и бриколеры в антропоцене» в этом номере «НЗ».

прос Ухода в Лес остается «слишком человеческим»⁵: может ли сам лес, как в комедии Людвиг Тика «Принц Цербино», пробудиться в предметах мебели и «осмеять их»?⁶

ЕВГЕНИЙ КУЧИНОВ,
ИВАН СПИЦЫН
ПАНТЕХНИЧЕСКИЙ ЛЕС

2

Анархо-примитивизм редко рассматривается как онтология, однако именно вопрос о преодолении *объективированного* корреляционизма (цивилизации) – то есть вопрос, может ли лес обступать и наступать, является для него ключевым.

Примитивистское преодоление осложнено двумя отказами.

Леса уже не существует. В тот самый момент, когда оформляется необходимость мыслить лес в сопряжении естественной истории и истории человечества, оказывается, что лес уже истреблен настолько, что его сложно назвать собственно лесом. Банальная и горькая правда: только за XX век площади лесов сократились на 75%. При этом «соломенное чучело» корреляциониста, с которым предлагает бороться спекулятивный реализм, исчерпывающим образом реализуется в фигуре историка начала XX века, прямо заявляющего, что «нет никакого мира, помимо мира человеческого»⁷. Необходимость учета последствий «истории человеческих деяний»⁸ совпадает с моментом, когда мир уже необратимо изменен фактором человеческого присутствия, когда выход из леса стал свершившимся фактом. Современное безлесье состоит в том, что лес либо доведен до положения заповедной, охраняемой зоны, оборудованной камерами слежения за редкими животными и обеспеченной непрекращающимся контролем за темпами обезлесения, либо используется в качестве защитного средства, с помощью которого мы можем противостоять угрозе опустынивания и вымирания – путем мелиорации, кислородизации, ирригации.

Этому отказу соответствует *ностальгия* по лесу, который не может мыслиться иначе, как Эдемский сад. Заметим, что сам Эдем является способом не видеть за деревьями (древом познания, древом жизни) леса, скрывая его (за) символическим разбиением Сада. Идти дальше ностальгии означало бы утверждать, что леса не существует уже в Эдеме.

Леса еще не существует. Создавая воображаемые конструкции повторного одичания, отказа от (пост)индустриального

5 «Открываемый Лесом опыт заключается во встрече с собственным “Я”, с неуязвимым ядром, сущностью, которая питает все временные и индивидуальные явления. [...] Она приводит к человеку, который является фундаментом любой индивидуальности и от которого исходит все индивидуализирующее» (ЮНГЕР Э. *Уход в Лес*. М.: Ad Marginem, 2020. С. 102).

6 Берковский Н.Я. *Романтизм в Германии*. СПб.: Азбука-классика, 2001. С. 69.

7 Коллингвуд Р.Д. *Идея истории*. М.: Наука, 1980. С. 203.

8 Там же.

будущего – или его катастрофического провала, становления «косматыми», Ухода в Лес, – мы оказываемся в ситуации, когда месту, куда мы хотели бы уйти или вернуться, ничто не соответствует. В этой ситуации начинает казаться, что сойдет любое место, напоминающее о спасении. Не любой лес, но вообще любое место может сойти за лес. В любом месте можно оказаться изгнанным и, не выходя из квартиры, мыслить (с) компостом в состоянии многовидовой смуты – не обращая внимания на то, что нет леса, который бы не включался в территорию того или иного государства. «Взывая к новой земле и новому народу»⁹, мы вынуждены оставаться в состоянии, когда у нас нет ни того ни другого, но при этом сама виртуальная возможность появления леса и способов существования в нем есть.

Современное безлесье состоит в том, что лес либо доведен до положения заповедной зоны, оборудованной камерами слежения за редкими животными, либо используется в качестве защитного средства, с помощью которого мы можем противостоять угрозе опустынивания и вымирания.

Этому отказу соответствует *греза* или *ужас* грядущего леса, зеленый рай изобилия и свободы (наше «первобытное будущее»¹⁰) или зеленый ад запустения и вымирания.

Двумя отмеченными отказами очерчивается объективированный корреляционизм как ареал нашего цивилизованного, избыточно исторического *обитания*, стянутого спиралью удваивающегося забвения. Перефразируя Жюль Делёза, можно было бы сказать, что «человек может жить [посреди лесов], *лишь забывая*, что [те] собой представля[ют]. [Леса] существуют прежде человека или после него»¹¹, но ситуация избыточной историчности тягостнее, чем *просто* забвение. Не просто забвение, но забывание того, *как* забывать, – вот, что составляет избыток истории.

9 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Что такое философия?* М.: Академический проект, 2009. С. 115.

10 Термин принадлежит Джону Зерзану и является заголовком одного из его эссе: ZERZAN J. *Future Primitive and Other Essays*. Brooklyn: Autonomedia, 1994.

11 Леса здесь – как мы увидим, с полным правом – заступают на место острова; см.: Делёз Ж. *Причины и резоны необитаемых островов* // Художественный журнал. 2013. № 90 (<https://moscowartmagazine.com/issue/7/article/84>) (*курсив наш.* – Е. К., И. С.).

В одном из наиболее влиятельных текстов анархо-примитивизма, в эссе «Против Его Истории, против Левиафана», вышедшем в 1983 году, Фреда Перлман ставит задачу *исступления* за порог исторического времени, технологии, цивилизации – к дикой Матери-земле, которая жива и которая есть сама жизнь, задачу «научиться слышать, как растут растения, научиться чувствовать их рост». Это не мыслительное упражнение, не спекуляция и не словесная игра: «Знать имя двери – значит не знать ничего. Познание начинается по ту сторону порога» (напрашивающийся в отношении Земли «матриархат», считает Перлман, – неверное имя двери; верное – «анархия»), где Мать, одержимая собой, одержимая своим телом, прыгает, поет, кружится в непристойных танцах и разнузданных оргиях, делится видениями и опытом. За порогом облик леса существенно меняется: «лес уже не вещь, которой он стал для нас: загон для мяса, лесопилка, [...] лес – живое существо, которое кишит другими живыми существами»¹². Позитивным именем онтологической *ан-архии*, обнаруживающей себя в лесу за порогом объективированной корреляции, мог бы стать *панпсихизм*. Бросается в глаза, что лес как противоположность «ледяной пустоши» находится в наступлении (на одном из фронтов которого располагает себя радикальный примитивизм) – и требует не столько созерцания, сколько одержимости¹³, концептуальные результаты которой разительно отличаются от образцов нововременной рациональности, покоящейся на строгом и последовательном разделении и опосредовании порядков живого и косного, мыслящего и живо(тно)го. (Эрнст Юнгер утверждает, что Лес *мифологичен*¹⁴ – не в смысле доисторичности, но в смысле вневременной реальности, возвращающейся в историю, подобно виноградной лозе и плющу, оплетающим весла и мачты корабля пиратов, похитивших Диониса и разорванных на части выскочившим из образовавшихся зарослей тигром. Урсула Ле Гуин описывает обитателей планеты Атши (слово, означающее одновременно мир и лес) как владеющих искусством *управляемых сновидений*, позволяющим непосредственно соприкоснуться с бессознательным и сублимировать агрессию¹⁵. Безымянные авторы коллектива «Green Anarchy» отмечают, что «многие зеленые анархисты продвигают и практикуют обращение и возвращение к дремлющим или малоиспользуемым методам взаимодействия и познания – таким, как прикоснове-

12 PERLMAN F. *Against His-story, Against Leviathan!* Detroit: Black & Red, 1983. P. 2–3, 10–12.

13 Ibid. P. 9.

14 ЮНГЕР Э. *Указ. соч.* С. 52.

15 См.: ЛЕ ГУИН У. *Слово для «леса» и «мира» одно.* М.: АСТ, 1992.

ние, обоняние и телепатия»¹⁶. И так далее.) Без власти лес полон потустороннего.

Едва ли верно считать, что «призрачный потусторонний мир, населенный монстрами, ведьмами и другими исчадиями ада», является лишь «реактивным образованием»¹⁷, в противостоянии которому осуществляется контрвласть, как будто государство, отсутствующее в структуре примитивных сообществ, создается и прорабатывается в воображаемом, в отношении которого дикари упражняются в неповиновении и предупреждают возникновение реальных институтов власти. Лесное потустороннее – это скорее элемент наступления, разрастания чащи, дебри, которые, несмотря на защитные покровы объективированной корреляции, продолжают беспокоить воображение цивилизованных людей, порвавших с лесом. В хоррорах, подобных «Ведьме из Блэр» (1999), отчетливо прослеживается мотив соучастия леса с ужасом, который в нем скрывается. Лесной массив никогда не выступает как нейтральное пространство, место противостояния человеческого и монструозного. Лес никогда не бывает на стороне человеческого, он укрывает монстров, позволяет им быть неожиданными и опасными, запутывает людей, сбивает с пути, заставляет плутать. Лес – это антигосударство, он действительно потворствует неповиновению, которое осуществляется не в отношении призрачного потустороннего, а в соучастии с ним. Если, по словам Юджина Такера, «природа, о которой я мыслю, пребывает так же и во мне и пронизывает меня собой, то из этого следует, что я в какой-то мере тождествен природе и что эта природа “мыслит” меня так же, как я мыслю природу»¹⁸. Монструозное, сотрудничающее с лесом, можно прочесть как мышление, допускающее симбиотического допдельгангера: лес мыслит через монстра (или, например, дикаря), монстр одержим лесом; монстр – это органон, которым лес мыслит, его орган и орудие, лес – это греза монстра.

В противоположность тому, что причины выхода из леса «можно объединить под рубрикой отдельности человека от своего орудия», благодаря которому «его отношение к лесу стало косвенным, или, точнее сказать, у него появилось *отношение* к лесу, его *отнесло* от леса»¹⁹, бесчеловечная монструозность монстра заключается в том, что он от леса неотделим, даже если оказывается в безлесье. Выступая из леса, монстр не

16 THE GREEN ANARCHY COLLECTIVE. *What Is Green Anarchy? An Introduction to Anti-civilization Anarchist Thought and Practice // Uncivilized: The Best of Green Anarchy*. [Без места]: Green Anarchy Press, 2012. P. 16 (*курсив наш*. – Е.К., И.С.).

17 ГРЭБЕР Д. *Фрагменты анархистской антропологии*. М.: Радикальная теория и практика, 2014. С. 24.

18 ТАКЕР Ю. *Щупальца длиннее ночи*. Пермь: Hyle Press, 2019. С. 150.

19 БИБИХИН В.В. *Лесной человек Ницше* (www.bibikhin.ru/lesnoy_chelovek_nitsche).

вступает в цивилизованное состояние, оставаясь наступательным орудием одностороннего различия, состоящего в том, что лес, от которого культура отличается, сам от культуры агрессивно не отличается. В этой связи предложение Джеймса Скотта рассматривать набеги «лесных людей» на государства «как развитую и успешную форму охоты и собирательства» действительно является «лучшим вариантом их концептуализации», ведь «для мобильных собирателей оседлые сообщества представляли соблазнительную концентрацию ресурсов для собирательства»²⁰. Не видеть за лесом государств: со всеми своими ресурсами государство рассматривается варваром как изобильная часть леса.

ЕВГЕНИЙ КУЧИНОВ,
ИВАН СПИЦЫН
ПАНТЕХНИЧЕСКИЙ ЛЕС

Лес – это антигосударство, он действительно }
потворствует неповиновению, которое }
осуществляется не в отношении призрачного }
потустороннего, а в соучастии с ним. }

4

Монстр (дикарь, лесной человек, сатир, зверь) – душа леса, лес полон монстров.

Однако всеобщая одушевленность, вписанная онтологическим анархизмом в имя «панпсихизм», рискует руководствоваться понятием души, невольно позаимствованным из словаря онтологического этатизма: душа как «следствие и инструмент политической анатомии; душа – тюрьма тела»²¹. Переименование демотиватора, с рассмотрения которого мы начали, в «Душа рулит» («река течет при поддержке души», «дятлы долбят под руководством души», «рыба клюет с разрешения души») не даст нам ничего, кроме эвфемизма для названия «партии власти», обманчивость которого усугубится тем, что ввиду такого переименования надобность в соответствующих табличках отпадает сама собой: душа же незрима в функции переводчика неподвижности в движение. И дело тут не в «недостаточности души», которой отмечено появление понятия и проблематики субъекта (а также его транспортного обеспечения, играющего роль словаря перевода (чего-то) одного в(о что-то) другое)²². «Лес» Генри Дэвида Торо²³, который восполняет эту недоста-

20 Скотт Дж. *Против зерна: глубинная история древнейших государств*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. С. 248–249.

21 Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem, 1999. С. 46.

22 Об этом см.: КРАЛЕЧКИН Д. *Лес и лабиринт. К экологии субъекта* // Логос. 2021. № 3. С. 219–248.

23 Торо Г.Д. *Уолден, или Жизнь в лесу*. М.: Издательство АН СССР, 1962.

точность в условиях индустриализации Запада, опоясывающегося сетью железных дорог, и нацеленный тем самым на восстановление классической экологии субъекта, оборачивается местом, в котором *нельзя заблудиться* – идеальным транспортным средством. Дело, напротив, в излишке, связанном с лишением – в удушливой избыточности души, сопряженной с убытком тела.

На что променять душу, чтобы тело не потерпело убытка? На технику. Заметим, что вопрос о технике является одним из подводных рифов, на которых терпит крушение радикальный примитивизм, вынужденный оставаться формой луддизма, полностью отвергающего технологии – во имя аскетического минимума «простых орудий», которые не задействуют сложные системы и не отрезают пользователя от действия²⁴. Уподобляя цивилизацию реактивному самолету и предрекая ей – как и всякому самолету – падение в ледяные воды Леты²⁵, редко принимают во внимание, что о *наступлении* леса, а следовательно, и о встрече с ним, можно говорить лишь тогда, когда он вырастает прямо в самолете²⁶, хватает его в воздухе, а не когда он оплетает его рухнувшие на землю обломки (такое движение леса все еще будет мыслиться как остаток от вычитания из пейзажа самолета). Кроме того, именно жертва крушения является, по словам Делёза, «самым ценным плодом» необитаемого места. Примитивистский луддизм неотличим от сбивания корреляционистских табличек, за ним маячит презумпция о *нетехнической* жизни леса, которая не только скрывает целую область инструментального поведения животных, но и не позволяет увидеть лес, скажем, глазами Леонида Леонова, описывавшего его как *могучую и долговечную машину*²⁷.

Исследования инструментального поведения животных позволяют не только сместить границу техничес(и оснащенн)ой жизни *all the way down* – от птиц и приматов к насекомым, слизевикам, амебам и бактериям (и – ниже), – обнаружив технику везде, где есть жизнь, но и поставить под сомнение ключевую презумпцию, касающуюся «слишком человеческого» определения инструмента, – презумпцию, согласно которой *инструмент*, будучи отделенным от тела, *не может быть живым*. В начале 1980-х швейцарский приматолог Ханс Куммер описал использование павианами живых тел в качестве инструментов,

24 THE GREEN ANARCHY COLLECTIVE. *Op. cit.* P. 18–20.

25 WATSON D. *Civilization Is Like a Jetliner* // IDEM. *Against the Megamachine: Essays on Empire & Its Enemies*. Brooklyn: Autonomedia; Detroit: Fifth Estate, 1997. P. 187–188.

26 См. у Юнгера, обращающегося, впрочем, к образу не самолета, а корабля, Титаника: «К мифическому нельзя вернуться, с ним встречаются снова, когда время поколебалось в своей основе, в области наивысшей опасности. Что значит не *просто* виноградная лоза – но означает: виноградная лоза *на Корабле*» (Юнгер Э. *Указ. соч.* С. 52).

27 Леонов Л. М. *Русский лес*. М.: Молодая гвардия, 1954. С. 273–274.

получивших название «социальных»²⁸. Настоящими виртуозами социотехники являются муравьи, которые строят мосты и другие арочные сооружения, дороги, бивуаки, плоты и ловушки посредством переплетения своих тел. Эти сложные объекты живы и эфемерны (они перестают существовать тогда, когда перестают использоваться, они держатся чем-то вроде взаимной одержимости), у них нет владельца, который являлся бы их привилегированным, вынесенным вонне пользователем. Лишь предубеждения «трупного субъективизма» препятствуют тому, чтобы увидеть в этом переплетении техническую жизнь («муравьи строят мосты при технической поддержке “партии власти”»). По большому счету, эти предубеждения разделяются и примитивизмом, делающим ставку на простые инструменты или маломасштабные технологии²⁹. Муравьиные мосты являются сложными и масштабными, но вместе с тем – в силу своей эфемерности – остаются неотделимыми от действия, от порождающего их движения.

ЕВГЕНИЙ КУЧИНОВ,
ИВАН СПИЦЫН
ПАНТЕХНИЧЕСКИЙ ЛЕС

5

Двинемся глубже в лес, приобретающий черты *пантехнического*. Заметим: лес продолжает то самое движение, что образует – в плетении известковых водорослей, древних кораллов, мшанок, плеченогих и брюхоногих моллюсков – *изначальные острова*, на которые выползают грибы, дробящие гифами – словно бурами – камни, превращая их в почву для растений, вступающих с грибами в симбиотические отношения. Леса удваивают *изначальные острова*, продвигаясь во всех направлениях сразу. Ни души: лес кишит монстрами, одержимыми лесом, являющимися орудиями его наступления. Оказаться в лесу – значит стать одним из этих монстров.

28 KUMMER H. *Social Knowledge in Free-ranging Primates* // GRIFFIN D.R. (Ed.). *Animal Mind – Human Mind*. Berlin; Heidelberg; New York: Springer-Verlag, 1982. P. 113–130.

29 «Маломасштабная технология – это технология, которая может быть использована малыми сообществами без содействия извне. Организационно-зависимая технология – это технология, которая зависит от крупной социальной организации» (КАЧИНСКИЙ Т. *Индустриальное общество и его будущее*. СПб.: Револва, 2011. С. 92).

ДЖОНАТАН
Дэйли

Ричард Пайпс: этничность, культура, русофобия и антисемитизм

Пайпс в довольно стройном антироссийском хоре – фундаментальный бас. Остальные: Янов, Эткинд, Гроссман и прочие, им же теперь нет числа – только лирические тенора...

СЕРГЕЙ РАФАЛЬСКИЙ¹

Джонатан Дэйли
(р. 1958) – специалист
по истории России, про-
фессор Иллинойского
университета (Чикаго).

Ричард Пайпс всегда привлекал к себе внимание. В Соединенных Штатах, вероятно, нет другого специалиста по истории России, чье имя получило бы столь же широкую известность. Уже в 1957-м, когда Пайпсу было всего 33 года, из всех участников оксфордской конференции, посвященной России после Сталина, ведущий международный обозреватель газеты «The New York Times» Сайрус Зульцбергер чаще всего цитировал именно его. Среди прочего он обратил внимание на следующие слова молодого историка:

«России недоставало и до сих пор недостает укоренившейся традиции децентрализованного государственного управления – то есть привычки к такому состоянию, при котором властные отношения между метрополией и колониями определяются легально обоснованным распределением полномочий и ответственности, а

¹ Рафальский С. «Слона-то не приметил...» // Русская мысль [Париж]. 1980. № 3295. С. 7.

ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ

не распоряжениями, передаваемыми по бюрократической цепочке. Постоянно сталкиваясь с необходимостью управлять чужими территориями, правители России неизменно брали курс на централизацию и сосредоточивали всю политическую власть в руках подотчетных им чиновников»².

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

Пайпс излагал свои мысли предельно четко, ясно, убедительно и афористично. Кроме того, он неизменно вызывал возражения. Производимая им оценка того влияния, которое политическая культура России оказывает на социально-политическое развитие страны в режиме *longue durée* – отразившаяся, в частности, в вышеприведенной цитате, – оставалась отличительной особенностью Пайпса-историографа на всем протяжении его карьеры. Исходя из этого русские националисты нередко обвиняли его в русофобии. Пайпс же в свою очередь упрекал российских и советских чиновников и интеллигентов в антисемитизме.

В настоящей статье я показываю, что Пайпс последовательно обосновывал свою интерпретацию взаимоотношений между властью и обществом в России теми предпосылками, которые были заложены в ее подспудной и живучей политической культуре. Высказывая обоснованные опасения относительно антидемократических и антисемитских мотивов, присутствующих в ней, он горячо и искренне любил высокую русскую культуру. Его научная деятельность в значительной мере была посвящена тому, чтобы побудить русских приобщиться к политическому либерализму и верховенству права – иначе говоря, обвинения Пайпса в русофобии безосновательны. С профессиональными суждениями относительно русской истории, которые сформулировал Пайпс, невозможно не считаться. Культура и этничность играют ключевую роль в предложенных им исторических трактовках, а неприятие насилия предопределило мотивацию всех его научных изысканий. Еврейская идентичность Пайпса стала отправной точкой всего его жизненного пути и профессионального становления.

ПАЙПС И ИУДАИЗМ

«Отец весьма скупно говорил о своей вере, – писал Дэниел Пайпс, сын Ричарда Пайпса, автору этих строк. – В результате я иногда сталкивался с ее симптомами – например, с соблюдением некоторых еврейских обрядов или категоричностью суждений по каким-то религиозным вопросам, – но почти

2 SULZBERGER C.L. *Foreign Affairs: Communists on the Head of a Pin* // The New York Times. 1957. June 19. P. 12.

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

ничего не знал о глубине его религиозного чувства»³. Таким образом, не было никакой возможности выведать хоть что-нибудь стоящее об этой стороне жизни великого историка, не погрузившись в изучение его дневников и прочих личных записей. Эта работа была проделана после кончины профессора Пайпса в мае 2018 года. Изученные материалы проливают свет на события его жизни и сопутствующие переживания, относящиеся к 1943–1948 годам, и чуть менее подробно освещают последующий период – вплоть до 1958-го. Они позволяют увидеть постепенное становление его религиозных убеждений и оформление еврейского самосознания.

В 21 год Пайпс твердо верил в бытие Бога и его неустанную заботу о людях. «Хотя я не считаю себя последователем какой-либо религии или церкви, вера в существование Господа и в его попечение обо мне глубоко укоренилась в моей душе», – гласит дневниковая запись от 24 августа 1943 года, сделанная после того, как Пайпс узнал о выданном ему Корпусом армейской авиации предписании отправиться в Корнелльский университет для прохождения курса по изучению России⁴. Но в ту пору своей жизни Пайпс еще не был последователем иудаизма или какого-то иного вероучения.

Весной 1945 года Пайпс посетил англиканскую службу вместе со своим сослуживцем Биллом Смитом. «Я преклонил колени, затем встал, сделав вид, что пою, а потом, сохраняя смиренный вид, снова преклонил колени, – рассказывает он. – Чувствовал себя как священник в кабаке. Ну и пусть, ведь все это ничего не значит»⁵. Тем не менее Пайпс нередко благодарил Бога за его милосердие. В августе 1945-го, когда завершилась война с Японией, он сделал запись о посещении церкви в Итаке, штат Нью-Йорк («...куда я захаживал с Билли»): «В подобный день всякий готов благодарить любого бога или пророка за окончание войны»⁶. В канун Рождества того же года, находясь в родительском доме в Эльмире, штат Нью-Йорк, Пайпс и друзья, среди которых была и его будущая жена Ирэн, собрались за «веселым праздничным столом», а после ужина «как водится, обменялись подарками»⁷. (Речь идет о христианском торжестве, поскольку Хануку в тот год отмечали рано: празднования завершились еще 7 декабря.) В доме родителей будущего историка неизменно отмечали Рождество. В середине 1930-х семья пять лет жила в Варшаве, в одной квартире с христианами Бюргерами, которые оставались «самыми близкими друзья-

3 Из письма Дэниела Пайпса автору, 14 ноября 2020 года.

4 Diary № 4, 1943–1944. Pipes Personal Papers (далее – PPP). Автор глубоко признателен Ирэн Пайпс за предоставление доступа к этим документам.

5 Chronicle: January–August 1945. PPP.

6 Ibid.

7 December 24, 1945. Diary № 5, January 1945 – August 1946.

ми на всю жизнь»; те устраивали «чудесные рождественские праздники». (Пайпсы вновь ненадолго поселились с ними, переехав в 1940-м в США⁸.) На фото, сделанных в 1944 году, Пайпс позирует в военной форме у праздничной елки⁹. Впоследствии он замечал, что «мигающая зеленая елка, горы подарков и пение “Святой ночи”» делают Рождество прекрасным. Согласно воспоминаниям Пайпса, его отец утратил веру после Холокоста¹⁰. По-видимому, христианский праздник с присущими ему красотой и теплом органично вписался в жизненный уклад семьи, которая не стремилась жить по канонам иудаизма.

Из записок Пайпса мы знаем, что в феврале 1945 года он пожертвовал пять долларов Красному Кресту, собиравшему средства для помощи польским евреям¹¹. (В бумагах упоминается о двух подобных пожертвованиях, оба раза в пользу евреев¹².) В тот же период молодой человек размышлял о предметах, связанных с иудаизмом. Так, в октябре того же года у него состоялся «жаркий спор» с будущим тестем из-за евреев. «Не могу принять недоверия и ненависти, которые некоторые евреи питают в отношении христианства и христиан, – пишет Пайпс. – Я не согласен также с обособлением еврейского случая от ситуаций с иными гонимыми меньшинствами»¹³. По-видимому, в то время Пайпс становился более религиозным: например, в записи, сделанной в ноябре 1945 года, он упоминает о своей «обычной ежевечерней молитве»¹⁴.

Не исключено, что Пайпса привлекал рационализм, присущий протестантской мысли. В 1945-м и в первом полугодии 1946-го, все еще находясь на военной службе, он прочитал множество старых и новых книг по литературе, праву, истории, социологии, политике и философии. Особое внимание уделялось трудам мыслителей, творивших на заре протестантизма – таких, как Мартин Лютер, Жан Кальвин, Филипп де Дюплесси-Морне, Ульрих Цвингли, Гуго Гроций, Ричард Хукер, Роджер Уильямс, Джон Мильтон, Томас Гоббс, Уильям Тиндейл. (В круг чтения, впрочем, входили и более поздние протестантские теологи – например, Эрнест Трельч.) Возможно, интерес Пайпса к трудам этих авторов был созвучен его готовности посещать протестантские богослужения.

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

8 См.: PIPES R. *Vixi: Memoirs of a Non-Belonger*. New Haven; London: Yale University Press, 2003. P. 18, 22, 41. [Пайпс Р. *Я жил. Мемуары непримкнувшего*. М.: Московская школа политических исследований, 2005. С. 37, 57, 71. В дальнейшем все цитаты из этой книги будут даваться по русскому переводу. – *Примеч. ред.*]

9 Автор признателен Дэниелу Пайпсу за копии фотографий.

10 PIPES R. *Vixi...* P. 23, 56. [Пайпс Р. *Я жил...* С. 44, 94.]

11 February 28, 1945. *Chronicle: January–August 1945*.

12 Пайпс также интересовался возможностью трудоустройства в Администрации помощи и восстановления ООН – вероятно, тоже с целью помогать беженцам-евреям. См.: May 9, 1945. *Chronicle: January–August 1945*.

13 October 7, 1945. *Diary № 5, January 1945 – August 1946*.

14 November 6, 1945. *Ibid*.

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

К католической церкви Пайпс относился иначе. Летом 1946 года, посмотрев пьесу «Тень и материя» ирландского драматурга Пола Винсента Кэрролла, разделявшего идеалы католицизма, но при этом остро обличавшего пагубное влияние клерикализма на ирландское общество, Пайпс оставил в дневнике следующую запись: «Все, что имеет отношение к католической церкви, я нахожу омерзительным»¹⁵. Возможно, подобное отношение формировалось под впечатлением от дискриминации и угнетения, которым католическое большинство в довоенной Польше подвергало польских евреев. Тягостные мысли о том времени посещали Пайпса не раз. Летом 1943 года, оказавшись в американской армии, Пайпс делится мечтанием о том, что служба, возможно, когда-нибудь позволит ему вернуться в Польшу – «но не забитым, гонимым и высмеиваемым изгоем, чью религию и чье происхождение общество не приемлет, а хозяином положения, человеком, в чьих руках окажутся судьбы тех, кто раньше притеснял евреев материально и духовно»¹⁶.

Вероятно, переломным моментом в осмыслении (или переосмыслении) собственного еврейства для Пайпса стало получение в августе 1945 года письма от «дорогого друга» Александра (Олека) Дызенхауса, жившего в итальянском городке Тоди. «Днями напролет не могу взяться за дела, – делился его автор. – Чувствую себя то окрыленным, то подавленным, у меня явная меланхолия, но при том я счастлив в душе и преисполнен религиозной веры»¹⁷. Начинающийся духовный сдвиг получил новый импульс в декабре, когда Пайпсу доставили весточку от Ванды Элельман, сообщавшей, что она жива. Ванда, его первая любовь, сумела выпрыгнуть из товарного вагона, который вез ее в газовые камеры Трешлинка, и уцелела, оказавшись в числе полек, угнанных на работы в Германию¹⁸. «Вечером, отправившись в постель, я чуть не плакал, молясь и благодаря Господа за то, что он услышал мои прошлые молитвы», – записал Пайпс в дневнике¹⁹. Вместе с тем в канун христианского Рождества он и его родители снова собрались «на веселое праздничное застолье» и, «как водится», обменялись подарками.

Весной следующего года, в канун Песаха, Пайпс «впервые чуть ли не за восемь лет» посетил синагогу со своим будущим тестем, а потом принял участие в седере – ритуальной праздничной трапезе. Позже Пайпс записал: «Для меня в этих религиозных ритуалах нет ни ценности, ни смысла, но Ирэн

15 July 18, 1946. Daily Chronicle. С 15 июня 1946 года хроники текущих событий, фиксируемых Пайпсом, становятся ежедневными.

16 June 16, 1943. Diary № 4, 1943–1944.

17 April 26, 1945. Chronicle: January–August 1945.

18 См.: PIPES R. *Vixi...* P. 55. [Пайпс Р. *Я жил...* С. 92.]

19 December 18, 1945. Diary № 5, January 1945 – August 1946.

они явно доставляют неизъяснимую радость»²⁰. Вероятно, их женитьба, состоявшаяся в сентябре 1946 года, тоже повлияла на становление еврейской идентичности Пайпса – тем более, что церемонию бракосочетания провел известный раввин-ортодокс Давид де Сола Пул. В дневнике новоявленного супруга осталась запись о том, что «за неделю [медового месяца], проведенную в Новой Англии, местный рацион заставил тосковать по родной (то есть, еврейской) еде». В ходе того же свадебного путешествия молодая чета с «огромной радостью» обнаружила в городке Вифлееме, штат Нью-Гэмпшир, большую еврейскую общину²¹. В декабре того года Пайпс и его супруга навестили его родителей в Эльмире; комментируя этот визит в дневнике, он признается: «Рождество [...] утратило для меня свое волшебное очарование»²².

В последующие годы чета Пайпс принимала приглашения на ежегодное празднование Песаха либо дома у родителей Ирэн в Нью-Йорке, либо же дома у ее родственников в Стэмфорде, штат Коннектикут²³. Начал ли тогда будущий историк проникаться магией еврейских обрядов? Нам едва ли удастся отыскать ответ на этот вопрос, хотя в мемуарах упоминается, что в то время он добросовестно «посещал службу по большим праздникам, соблюдал пост перед Йом Кипуром и воздерживался от хлеба в течение восьми дней еврейской Пасхи», а также участвовал в седере и возжигал свечи на Хануку²⁴.

Судя по дневникам, в последующую пару лет Пайпс, по-видимому, был слишком занят, чтобы глубоко погружаться в духовные или религиозные раздумья. В феврале 1948 года он назвал то время «насыщенным» и «счастливым», но отметил, что «приучился уделять меньше внимания своим мыслям и чувствам»²⁵. В последующих записях Пайпс лишь изредка обращается к Божественному; например, через несколько месяцев после рождения сына Дэниела он назовет ребенка «самым драгоценным из Божьих даров»²⁶. Время от времени он продолжает рассуждать в религиозном ключе – как, в частности, в декабре 1950 года, когда в дневнике появляется запись о том, что «истинно верующий человек знает ответ прежде, чем ему зададут вопрос»²⁷. Вероятно, он считал себя именно таким человеком. Впрочем, еще через год Пайпс признавал, что до зрелой религиозности ему все-таки еще очень далеко: «При-

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

20 April 15, 1946. Chronicle for 1946.

21 September 6, 1946. Daily Chronicle, 1946.

22 December 1946. Daily Chronicle, 1946.

23 Беседа автора с Ирэн Пайпс, 14 ноября 2020 года.

24 PIPES R. *Vixi...* P. 23. [ПАЙПС Р. *Я жил...* С. 45.]

25 February 9, 1948. Diary November 6: 1946 to August 1952.

26 January 20, 1950. Chronicle for 1950.

27 December 15, 1950. Diary November 6: 1946 to August 1952.

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

общение к религии в раннем детстве или ранней юности, когда человека еще не познал глубин любви, радостей творчества, страха смерти, может навсегда помешать прийти к Богу»²⁸.

Не исключено, что, когда в октябре 1954 года Пайпс описывал в дневник одаренного ребенка, более чуткого и восприимчивого, чем сверстники, он имел в виду себя. Для такого ребенка, пока он не повзрослеет, «восприимчивость оборачивается одиночеством и отчуждением»; позже, однако, он почувствует, что «с этим миром его связывает нечто большее – а именно, пребывание во власти Божьей. И тогда на смену одиночеству и отчуждению приходит беспрецедентное чувство безопасности и сопричастности всему живому»²⁹. Судя по написанному и сказанному Пайпсом в последующие годы, описанное здесь чувство не покидало его никогда.

В конце ноября 1954 года Пайпс перечитывает дневниковую запись, сделанную им в октябре 1939-го. «Три года спустя почти все евреи в Варшаве были мертвы, – сокрушается он. – Если бы не случай, среди убитых мог бы оказаться и я»³⁰. Несомненно, подобные мысли тяготили Пайпса и, судя по текстам мемуаров, укрепляли его в вере. Кроме того, они вполне могли заставить его задуматься о своем еврейском происхождении – хотя прямых указаний на это в дневниках нет.

В начале 1955 года 32-летний Пайпс попытался тезисно изложить философские основы иудейской этики:

«Природа любой этики метафизична, но именно этого антропологи и не понимают. Еврейские обычаи всецело построены на этике, поскольку по большей части они с железной логикой выводятся из тех всеобщих законов, которые регулируют отношения между Богом и человеком. Разумеется, в других обществах тоже могут быть свои законы, но там они складываются в силу прецедента, традиции и тому подобного: то есть они лишены этической природы. Можно было бы сказать, что еврейский обычай носить бороду является по сути этическим, а обычай делать обрезание к числу таковых не относится. [...] Даже откровенные негодяи, атеисты, материалисты, “космополиты” и ренегаты среди евреев неизменно полагаются на веру в единство мироздания. В этом смысле религиозная вера глубоко заложена в сознание каждого из нас. Мне по крайней мере еще не доводилось встретить еврея, по отношению к которому это наблюдение не было бы точным»³¹.

Скорее всего здесь мы имеем дело не с абстрактными рассуждениями: Пайпс пишет о себе. Позже в мемуарах он признается: «Меня бесконечно восхищает способность моих предков

28 March 6, 1951. Ibid.

29 October 14, 1954. Diary for 1954.

30 November 11, 1954. Diary for 1954.

31 January 31, 1955. Diary for 1955.

выжить во враждебном мире и, несмотря ни на что, сохранить преданность своей вере в течение двух тысяч лет»³². В 1972 году, посещая с сыном Дэниелом развалины Карнакского храма в Луксоре, Пайпс поделился с ним следующим наблюдением: «Несмотря на их мощь и величие, древние египтяне исчезли две тысячи лет назад. А мы же, евреи, некогда бывшие в Египте рабами, до сих пор живы – и процветаем»³³.

В 1958 году, в последнем из своих дневников, Пайпс рассуждает о конфликте между традиционным иудаизмом и потребностями современного общества:

«Основная проблема, с которой сталкивается современное эмансипированное еврейство, – это неспособность иудаизма соответствовать индивидуалистическим устремлениям. Индивидуализм между тем есть наше национальное и коллективное кредо»³⁴.

Подобные рассуждения вкупе с неконформизмом, неприятием «коллективного мышления» и преклонением перед свободой личности как высшей ценностью – автобиография Пайпса снабжена подзаголовком «Мемуары непримкнувшего», а ее автор именуется себя «консервативным анархистом» – помогают понять довольно необычное отношение Пайпса к вере предков³⁵. Используя терминологию Гарри Вульфсона, философа и историка из Гарвардского университета, Пайпса можно назвать «ортодоксальным евреем, не соблюдающим обряды»³⁶. «Весьма верен иудаизму душой, но не так сильно в жизни», – так характеризует своего отца Дэниел Пайпс³⁷.

Вышеприведенные выдержки из дневников и автобиографических текстов позволяют выделить ключевую черту культурно-антропологической мысли Пайпса – а именно, стремление к эссенциализации базовых особенностей национальных культур, которое распространялось не только на евреев, но также на немцев и русских.

ПАЙПС О РАСЕ, ЭТНИЧНОСТИ И КУЛЬТУРЕ

Гонения на европейских евреев накануне и в годы Второй мировой войны, вне всякого сомнения, повлияли как на мировоззрение Пайпса-историка, так и на мироощущение Пайпса-человека. Пайпс тяжело воспринимал известия о Холокосте,

32 PIPES R. *Vixi...* P. 24. [Пайпс Р. *Я жил...* С. 46.]

33 Из письма Дэниела Пайпса автору, 25 февраля 2020 года.

34 June 27, 1958. *Diary for 1958*.

35 PIPES R. *Communism: The Vanished Specter*. Oslo; Oxford: Scandinavian University Press; Oxford University Press, 1994. P. 81.

36 PIPES R. *Vixi...* P. 23. [Пайпс Р. *Я жил...* С. 45.]

37 Из письма Дэниела Пайпса автору, 27 сентября 2020 года.

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

хотя эти переживания почти не отразились в его дневниках. Будучи по натуре крайне впечатлительным, он впоследствии избегал книг, фильмов или снимков, отсылающих к Холокосту. «Каждый конкретный случай этой бойни, о котором я читал, и каждая фотография, которую я видел, навсегда врезались мне в память и живут там как страшное напоминание о чудовищном преступлении», – писал он в мемуарах³⁸.

Несмотря на симпатии к немецкой культуре, Пайпс приходил к неслетным умозаключениям по поводу немцев. Так, в ноябре 1943 года он возмущался:

«Я настолько презираю немцев, что больше никогда не возьмусь читать Ницше. Их тупое самолюбование, idiotские разглагольствования о страдании за весь мир и способности сдвинуть горы одним усилием воли, горестные взывания к судьбе – о, они надоели мне до тошноты! Горько осознавать, что эта немецкая дурость столь долго на меня влияла»³⁹.

В юности Ницше был любимым писателем Пайпса. Более того, немецкий романтизм XIX века заметно повлиял на его восприятие мира. До начала академических штудий, о которых говорилось выше, круг чтения будущего историка «преимущественно составляли такие авторы, как Ницше, Шопенгауэр, Гёте, Новалис, Гейне и польские романтики». Впрочем, одна «немецкая» черта все же сохранилась и на будущее. «Я никогда не сомневался, – пишет Пайпс, – что мои инстинкты и чувства безмерно сильнее рассудка – казалось, я способен просто “ощущать” мир». И хотя Пайпс, понимая, что «“чувство” не может подменить собой знание»⁴⁰, постоянно наращивал массив осваиваемой информации, в основе его научных занятий всегда лежали живые эмоции.

Пайпс не отвергал немецкую науку как таковую. В 1946 году он клятвенно пообещал себе «основательно погрузиться в изучение текстов Макса Вебера о политике и обществе; Эрнеста Трёльча – о социальной роли религии; Отто фон Гирке – о праве и социуме; Вильгельма Дильтея – об истории культуры»⁴¹. Более того, в 1950 году он писал Марку Раеву: «Если сейчас я не освою Канта, то потом едва ли достигну многого»⁴². Спустя пять лет Пайпс схожим образом оценивал значимость своего знакомства с Вебером: «Едва ли я когда-нибудь смогу полностью высвободиться из-под его влияния»⁴³. Со временем,

38 PIPES R. *Vixi...* P. 55. [Пайпс Р. *Я жил...* С. 93.]

39 November 1, 1943. *Diary* № 4, 1943–1944.

40 April 30, 1945. *Diary* № 5, January 1945 – August 1946.

41 February 15, 1946. *Chronicle* for 1946.

42 *Richard Pipes to Marc Raeff, July 28, 1950* // DALY J. (Ed.). *Pillars of the Profession: The Correspondence of Richard Pipes and Marc Raeff*. Leiden; Boston: Brill, 2019. P. 87.

43 *Richard Pipes to Marc Raeff, June 4, 1955* // *Ibid.* P. 157. Занятно, что, описывая в 1946 году желание порвать с романтизмом, Пайпс тоже использовал слово «высвободиться».

однако, он стал более скептически относиться к немецкой науке, а в 2010 году и вовсе назвал ее «пройденным этапом»⁴⁴.

К концу жизни Пайпс пришел к выводу, что Холокост не был бы возможен нигде, кроме Германии. Обосновывая этот тезис, он ссылался на два фактора. Первым выступало немецкое чувство долга, неприятие снисхождения к людям и их слабостям (и вытекающая отсюда склонность обращаться с человеком как с вещью – она, по мнению Пайпса, проявлялась в удовольствии, которое испытывали нацистские палачи, снимая свои зверства на фотопленку). Вторым было гипертрофированное превознесение немцами ценности и значимости гигиены, чистоты и порядка. При этом Пайпс уточнял:

«Во-первых, речь идет не о генетических, а о культурных особенностях, которые отражают воспитание и не имеют ничего общего с таким понятием, как “раса”. [...] Немецкие евреи благодаря тому, что они выросли в той же культуре, что и их арийские соотечественники, походили на них больше, чем, к примеру, на польских евреев. Во-вторых, утверждение, что представители какой-нибудь национальности склонны вести себя определенным образом, конечно, не означает, что все ее представители будут вести себя так же. Это просто обобщенное описательное утверждение, смысл которого скорее верен, чем ошибочен»⁴⁵.

Хотя Пайпс объяснял существенные различия между обществами прежде всего культурными факторами, отрицая их укоренение в биологии, ключевой особенностью его антропологии было допущение определенных существенных и неотъемлемых культурных характеристик, изначально присущих народам. И если индивиды способны освобождаться от этих доминантных привязок, то целые культуры – нет; во всяком случае подобное не происходит быстро и не дается безболезненно. В интервью 1991 года он высказывался об этом так:

«Общества, как и люди, суть живые организмы. Они не машины, детали которых заменяются в любой момент. Вовсе нет. Общества всегда тяготеют к своей исходной форме и преобразуются крайне медленно – если вообще преобразуются. В этом плане они подобны животным: покупая себе терьера, вы же не рассчитываете в один прекрасный день выдрессировать из него лабрадора!»⁴⁶

Пайпс отвергал теории, трактовавшие общества как *tabula rasa*. Антропологические воззрения основателей подобных доктрин – в частности, Джона Локка и Клода Адриана Гельве-

⁴⁴ Письмо Ричарда Пайпса автору, 1 июня 2010 года.

⁴⁵ Pipes R. *Vixi...* P. 57 fnnt. [Пайпс Р. *Я жил...* С. 96 примеч.]

⁴⁶ Цит. по: Muro M. *To Russia with Loathing: What the Soviets Call the Anti-Soviet Professor: Comrade* // The Boston Globe. 1991. May 18. P. 12.

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

ция – допускали неограниченную способность людей и культур к трансформациям, подталкиваемым образованием и законами. Именно такой подход, по убеждению Пайпса, лег в основу теоретических построений социалистов и коммунистов⁴⁷. Коммунизм, полагал он, был обречен именно из-за того, что «человеческий материал», с которым пришлось работать его творцам, оказался далеко не таким пластичным, как они считывали⁴⁸.

Хотя Пайпс считал человеческую природу и человеческие культуры преимущественно статичными, его суждения на этот счет не были столь прямолинейными, как могло показаться на первый взгляд – в них было множество нюансов, заметных не сразу. Он стремился проводить «четкое различие между русскими правительствами и русским народом, с одной стороны, и между образованными русскими и населением вообще, с другой». Пайпс, по его собственным словам, испытывал к русской интеллигенции «глубокое восхищение и симпатию»:

«Когда я читаю прозу Тургенева, Толстого или Чехова, поэзию Пастернака и Ахматовой, когда слушаю песни Окуджавы и Высоцкого или вижу героизм Сахарова, я чувствую себя дома. Действительно, я почти что ощущаю себя русским. Но вещи представляются мне в несколько ином свете, когда я изучаю русскую политику, то есть то, что было в центре моего внимания как историка, или когда я встречаюсь с русскими, которые занимают какую-нибудь государственную должность. У русских чрезвычайно сильно развито чувство личных отношений, но им так и не удалось трансформировать человеческие привязанности в формальные неличные связи, столь необходимые для эффективного функционирования общественных и политических институтов. Поэтому им необходима “сильная рука”, чтобы регулировать их общественную жизнь, то есть вертикальный контроль, заменяющий недостающие горизонтальные связи, которые так хорошо развиты в западных обществах. Мне очень не нравится эта особенность русской действительности и совершенно не нравятся люди, которые реализуют ее»⁴⁹.

Интересно, что автор этих строк демонстрировал любопытную инверсию, когда разговор заходил об Америке: он глубоко ценил ее общественно-политическое устройство, но был разочарован культурой. Показательно, что американская литература его никогда не привлекала; снова и снова он возвращался к Тургеневу и Чехову, которые до конца жизни оставались его любимыми писателями.

47 См.: PIPES R. *Russian Revolution*. New York: Vintage Book, 1997. P. 125–136. [Пайпс Р. *Русская революция: В 3 кн.* М.: Захаров, 2005.]

48 ИДЕМ. *Communism: A History*. New York: The Modern Library, 2001. P. 148–149. [ОН ЖЕ. *Коммунизм*. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 178–179.]

49 ИДЕМ. *Vixi...* P. 62. [ОН ЖЕ. *Я жил...* С. 104–105.]

Интерес Пайпса к российской интеллигенции зародился с самых ранних контактов с ее представителями. В свою первую поездку в СССР в 1957 году Пайпс обратил внимание на «повсеместную серость и монотонность, удручающие и в своем роде уникальные», но при этом «беседы со студентами и образованной публикой неизменно были в радость»⁵⁰. Человеческие качества, которые он находил в русских, внушали ему надежду. «В целом этот народ сохранил все те превосходные характеристики, которые принято ассоциировать с русским характером, – писал Пайпс своему бывшему научному руководителю. – Среди них душевная теплота, интеллектуальное любопытство и безграничное терпение»⁵¹. Наибольший энтузиазм у него вызывали знакомства с молодыми интеллектуалами и университетскими студентами. С точки зрения Пайпса, это были «поразительные люди, которых будто бы вовсе не затронули ни система, ни ее пропаганда»⁵². «Умные, свободомыслящие, эрудированные, начитанные обо всем, даже о венгерской революции», – констатировал он⁵³. Но в этом Пайпсу виделась и трагедия: советской молодежи «хватает сообразительности, пытливости и зачастую даже необходимых знаний, чтобы вершить великие дела – но у нее нет свободы, без которой все названные качества превращаются из источника радости в источник разочарования»⁵⁴. В подобном комментарии нет ни грана враждебности к русским. Как не раз повторял Пайпс, он посвящал свои исследования России не столько из-за любопытства к своему научному предмету, сколько в силу его важности и значительности⁵⁵. Едва ли можно себе представить, чтобы Пайпс посвятил жизнь изучению Германии.

Рутинная репрессивная политика советской власти «глубоко огорчала» Пайпса, а привилегии, которыми пользовались в Советском Союзе иностранцы, его раздражали⁵⁶. Между тем многие зарубежные ученые воспринимали поездку в СССР как захватывающее приключение⁵⁷. Среди тех, кто демонстрировал эту моральную отстраненность, не устраивавшую Пайпса, был его друг и наставник Исая Берлин. В мемуарах Пайпс цитирует Берлина, упоминающего в свою очередь о критике, которой его подверг Пастернак:

50 *Richard Pipes to Marc Raeff, June 19, 1957* // DALY J. (Ed.). *Pillars of the Profession...* P. 219.

51 *Richard Pipes to Michael Karpovich, May 19, 1957*. Accession number (AN) 17 397. Box 2. Richard Pipes Papers. Harvard Archives (HA).

52 *Richard Pipes to Marc Raeff, June 19, 1957* // DALY J. (Ed.). *Pillars of the Profession...* P. 215.

53 *Richard Pipes to Michael Karpovich, May 19, 1957*. AN 17 397. Box 2. HA.

54 *Richard Pipes to Carl Bridenbaugh, May 18, 1957*. PPP.

55 См., например: PIPES R. *Remarks* // Nationalities Papers. 1986. Vol. 14. № 1–2. P. 44.

56 DALY J. *The Unknown Richard Pipes: On the Craft and Philosophy of History* // *Ab Imperio*. 2019. № 1. P. 248.

57 Подробнее об этом см.: FITZPATRICK S. *A Spy in the Archives: A Memoir of Cold War Russia*. London; New York: I.B. Tauris, 2014.

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

«Вот мы оба в России, и, куда бы ни упал взгляд, все было омерзительно, ужасно, отвратительный свинарник, но я казался явно излучающим бодрость. [...] Я был не лучше [по словам Пастернака], чем любой иностранец, который ничего не увидел и был в плену абсурдных заблуждений, которые сводят с ума бедных и несчастных русских»⁵⁸.

Кто-то мог бы возразить, что ситуация с чернокожими в Америке того времени была ничуть не лучше. Например, Эббот Глисон, некогда написавший докторскую диссертацию под руководством Пайпса, считал «опыт движения за гражданские права в Соединенных Штатах самым ярким напоминанием о несомненном факте: у нас нет никаких оснований гордиться тем, что мы, американцы, представляем собой в историческом плане»⁵⁹. Пайпс отнюдь не был безразличным к страданиям афроамериканцев: об этом мне известно и от него самого, и от его сына Дэниела. По словам Пайпса-младшего, среди самых ранних воспоминаний о том, как его отец воспринимал эту тему, были «во-первых, присущие ему как европейцу смущение и негодование из-за процветания этого позорного явления в США, лично наблюдаемого им на протяжении первых 25 лет американской жизни, а во-вторых, воодушевление и облегчение, пережитые им в середине 1960-х, когда проблема, как представлялось, была окончательно решена». Дэниел вспоминает о каникулах 1964 года, которые семья проводила в летнем домике в Чешэме, штат Нью-Гэмпшир. Именно тем летом, в середине июня, сенаторы одобрили Акт о гражданских правах, который 2 июля был подписан президентом Линдоном Джонсоном. Дэниел вспоминает, как он и его родители день за днем следили за ходом всей этой законотворческой процедуры⁶⁰. И, таким образом, у Пайпса-старшего появились все основания впоследствии говорить: в СССР никто как не имел, так и не имеет гражданских прав, а в США даже некогда обделенное ими меньшинство, в конце концов, получило возможность отстаивать свои гражданские права в суде⁶¹.

«РОССИЯ ПРИ СТАРОМ РЕЖИМЕ»

Пайпс изложил свое видение политической культуры России в работе «Россия при старом режиме», которая продумывалась

58 PIPES R. *Vixi...* P. 70. [ПАЙПС Р. *Я жил...* С. 116.]

59 GLEASON A. *Totalitarianism: The Inner History of the Cold War*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 4.

60 Письмо Дэниела Пайпса автору, 15 июля 2020 года.

61 В письме, адресованном изданию «The New York Times Book Review» в 1977 году, Пайпс писал: «Я не вижу ни малейших подтверждений готовности нашего общества отказаться от привычных для него комфорта и удовольствий перед лицом голода в Бангладеш или Эфиопии, геноцида в Камбодже или же массовой безработицы в самих США» (File 77/3/27. AN 14 511. Box 1. HA).

на протяжении двух десятилетий. В 1955 году на международном конгрессе историков в Риме Пайпс рассуждал о том, почему Россия «по-прежнему оставалась автократией в то время, когда вся Европа уже отвергла этот принцип государственного управления». Изложенный кратко, ответ Пайпса сводился к тому, что за этим стояло мощное консервативное движение русской интеллектуальной мысли, родоначальником которого стал Николай Карамзин, закладывавший основы российской историографии в целях апологии российского самодержавия⁶².

В отдельном эссе, посвященном автору «Истории государства Российского», Пайпс писал, что Карамзин поддерживал монархию в России не в силу своих философских убеждений, но исходя из практических соображений, с учетом огромной территории страны и ее исторического опыта. Русский историк считал самодержавие «исконной и единственной политической конституцией России, прочным фундаментом ее целостности, силы и процветания»⁶³. Подобно Монтескье, Карамзин верил в верховенство права, но если французский философ поддерживал разделение властей, то русский историк ратовал за их слияние. По мнению Пайпса, «просчет Карамзина заключался в том, что он не смог объяснить, каким образом следует разумно ограничивать политическую власть, не подчиняя ее контролю извне». Пайпс считал эту проблему «одной из ключевых проблем российской политики»⁶⁴.

Размышляя над ней, он пришел к выводу, что двумя наиболее действенными инструментами контроля над людьми и имуществом выступают суверенитет и собственность, а наилучшим способом ограничения власти правителей оказывается распределение собственности между многими членами общества. Он изложил эти мысли в рукописи, в которой проводил идею о том, что русская государственная власть обязана своим могуществом запоздалому развитию частной собственности в России. Издатель журнала «*American Historical Review*» согласился опубликовать текст только при условии его существенной переработки, которой Пайпс заниматься не стал⁶⁵. Вместо этого весной 1961 года он развил свою идею в университетском курсе лекций по истории средневековой России⁶⁶.

На следующий год Пайпс пребывал в состоянии чрезвычайного возбуждения в связи с выпавшей ему возможностью

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

62 См.: PIPES R. *Russian Absolutism – Its Nineteenth Century Apologists* // *Atti del X Congresso Internazionale*. Rome: Giunta Centrale per gli Studi Storici, 1955. P. 647–652.

63 ИДЕМ. *Karamzin's Conception of the Monarchy* // McLEAN H., MALIA M., FISHER G. (Eds.). *Russian Thought and Politics*. Cambridge: Harvard University Press, 1957. P. 50.

64 Ibid. P. 54, 57–59.

65 *Richard Pipes to Boyd C. Shafer, editor, American Historical Review, May 24, 1960*. PPP.

66 PIPES R. *Vixi...* P. 112–113. [ПАЙПС Р. *Я жил...* С. 182.]

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

прочитать лекцию о русском консерватизме в ленинградском университете – то есть представить свои взгляды без предварительного согласования с коммунистическими цензорами⁶⁷. Упомянув об этом случае в дневнике, Пайпс объясняет, чем именно для него ценно изучение истории России:

«Вопросы, которые поставило и продолжает ставить развитие России, в определенных аспектах являются фундаментальными вопросами нашего времени. В какой мере необратимый ход истории определяют силы, неподконтрольные человеку? В праве ли кто-либо принести в жертву счастье или даже саму жизнь одного поколения ради блага будущих поколений? Возможно ли, опираясь на науку, проектировать развитие индивидов и социумов?»⁶⁸

Иными словами, глубокая научная заинтересованность Пайпса объяснялась уникальностью России как политического образования, драматизмом советского социального эксперимента, явным, хотя и не полным, отклонением страны от общеевропейских процессов развития.

Важным источником, позволяющим изучать русскую инаковость, Пайпс считал дневники и отчеты европейских путешественников, посетивших Московскую Русь. Этот источник высоко ценили и дореволюционные русские историки: наиболее выдающийся среди них, Василий Ключевский, чьими трудами Пайпс искренне восхищался, посвятил изучению путевых заметок иностранцев целую книгу⁶⁹. В 1966 году Пайпс и Джон Файн, который был на тот момент его аспирантом, подготовили к публикации путевые заметки, оставленные английским путешественником XVI века Джайлсом Флетчером. В предисловии к этой книге Пайпс описал отношение Флетчера к России, которое ощутило напомидало его собственное:

«Антипатии [Флетчера] неизменно вызывал режим, а не народ. Флетчер отзывался о русских как о народе “рассудительном”, “от природы смекалистом” и сожалел о том, сколь малы возможности русских проявить эти качества. [...] надеялся, что однажды у России появится правительство “более разумное и человеколюбивое”. Флетчер вовсе не считает, что тирания есть следствие недостаточной цивилизованности народа. Наоборот, он четко говорит нечто противоположное: это народ пребывает в дикости потому, что им правят тираны. Иначе говоря, тирания способствует варварству – таков один из принципиальных выводов Флетчера»⁷⁰.

67 ИДЕМ. *To Russians on Russia, 1962*. HUG(FP)98.45. Box 2. Folder «Unfinished article on trip to USSR». 15 pp. HA.

68 DALY J. *The Unknown Richard Pipes*... P. 273.

69 Ключевский В.О. *Сказания иностранцев о Московском государстве*. Пг.: Первая государственная типография, 1918. Подготовка англоязычного перевода этой работы и его редакция составили последний (и незавершенный) научный проект Пайпса, которым он занимался в 2015–2016 годах, прежде чем полностью отойти от академической деятельности.

70 PIPES R. *Preface* // FLETCHER G. *Of the Russe Commonwealth*. Cambridge: Harvard University Press, 1966. P. 33.

Позже Пайпс сам углубился в изучение основных русских проблем, обозначенных Флетчером. Слабая социальная мобильность, беззаконие и произвол, а также безразличие правящих элит к народу стали главными темами книги «Россия при старом режиме».

С этой проблематикой было тесно связано исследование предреволюционной России и русской революции 1917 года, которым Пайпс занимался в 1965-м⁷¹. Он не соглашался с Николаем Бердяевым, полагавшим, что «в душе русского народа есть такая же необъятность и устремленность в бесконечность, как и в русской равнине» («разве нельзя приписать нечто подобное и жителям Небраски или Аргентины?»). Пайпс также полемизировал с Максом Вебером, пренебрежительно отзывавшемся об Основных законах 1906 года как о «фиктивной конституции». Напротив, по мнению Пайпса, эти правовые акты «избавили общество от безгласия и позволили ему участвовать в государственных делах через выбираемых представителей, создав тем самым площадку, на которой граждане могли критиковать правительство без страха быть наказанными за это». Спору нет, царизм пытался задушить новорожденную легислатуру. Более того, на фоне войны и революции оказался неизбежным новый виток авторитаризма, обусловленный политической незрелостью российского общества, в которой была повинна сама русская власть. Этот рецидив пресек «процесс вызревания [гражданского] общества, способного стать противовесом государству, медленно и сбивчиво шедший на протяжении двух предшествующих столетий».

В последующие несколько лет Пайпс продолжал развивать эти идеи. Не исключено, впрочем, что экзистенциальный кризис, пережитый государством Израиль в 1967 году и связанный с Шестидневной войной, на время перенаправил его внимание с советской тематики. Его бывший аспирант Теодор Тарановски вспоминал, как в дни этой войны Пайпс, желавший быть в курсе горячих новостей и сводок с передовой, однажды появился в буфете гарвардского Центра российских исследований с маленьким транзисторным приемником:

«К тому времени, к великой радости профессора, новости стали менее тревожными, но Пайпс все еще ошутимо волновался о судьбе Израиля. Он был явно возбужден; лишь тогда я осознал, насколько значимо еврейское происхождение для его мировосприятия и его понимания России»⁷².

Майкл Станиславски, также в прошлом аспирант Пайпса, близко знавший и его семью, тоже полагал, что пережитый

71 *Tahoe Conference, June 1965*. HUG(FP)98.45. Box 2. 27 pp. HA.

72 См.: ТАРАНОВСКИ Т. *Reminiscences (1963–1970)*. Рукопись любезно предоставлена ее автором 4 июля 2015 года.

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

в 1967-м страх из-за возможной гибели Израиля «заметно укрепил самоидентификацию Пайпса с иудаизмом»⁷³.

Пайпс специализировался на изучении советской национальной политики (она была темой его диссертации и первой монографии, удостоенной впоследствии награды) – и, в частности, отношении СССР к собственным мусульманским меньшинствам. Он также следил за развитием событий на Ближнем Востоке, а в 1951 году посетил Турцию и Израиль, занимаясь там интервьюированием мусульман, которые эмигрировали в свое время из Российской империи или из Советской России. На протяжении ряда лет он комментировал советскую национальную политику на научных конференциях и в научных публикациях⁷⁴. Однако лишь после Шестидневной войны Пайпс начал давать публичные комментарии и по поводу советской геополитики на Ближнем Востоке. Через два дня после начала боев Пайпс присоединился к 53 известнейшим интеллектуалам того времени – среди них оказались, в частности, столь разные люди, как социалист Майкл Харрингтон и консерватор-экономист Милтон Фридман, – которые, оплатив разворот в ведущих газетах, призвали президента США Линдона Джонсона «обеспечить свободный проход судов через пролив Тиран и залив Акаба» – единственный доступный для израильтян водный путь в Красное море, представавший «залогом самого выживания Израиля»⁷⁵.

Несколько месяцев спустя Пайпс принял участие в панельной дискуссии «Политика России и Ближний Восток», проходившей в банкетном зале отеля «Дельмонико» на Манхэттене. Как и во многих других случаях, партнерами Пайпса-историка выступали видные профессора-политологи: Роберт Штраус-Хупе из Пенсильванского университета, Ганс Моргентгау из Чикагского университета, Марвер Бернштайн из Принстонского университета и Амитаи Этциони из Колумбийского университета⁷⁶. В своем выступлении Пайпс доказывал, что Ближний Восток не входит в область стратегических интересов Советского Союза, поскольку у него в избытке и собственной территории, и нефтяных запасов, однако СССР движут соображения престижа и желание навредить США.

73 Из письма Майкла Станиславски автору, 27 сентября 2020 года.

74 См., например: PIPES R. *Muslims in the Soviet Union* // PENNAR J. (Ed.). *Islam and Communism: A Conference Sponsored by the Institute for the Study of the U.S.S.R.* New York: Institute for the Study of the U.S.S.R., 1960. P. 11–18.

75 *Americans for Democracy in the Middle East, "To Uphold Our Own Honor..." Leading Americans Speak out against Arab Threat to Destroy Israel* // The New York Times. 1967. June 7. P. 35; The Washington Post. 1967. June 7. P. 18–19.

76 "Russian Policy and the Middle East", *Conference on the Middle East in the Contemporary World. American Professors for Peace in the Middle East. Hotel Delmonico Grand Ballroom. December 9–10, 1967.* HUG(FP)98.45.1. Papers of Richard Pipes. HA.

«[Как только советские политики] осознали, что единственной вещью, связывающей их ненадежных [ближневосточных] союзников вместе, является ненависть к Израилю, [...] официальная позиция Советов по отношению к израильтянам сделалась враждебной как на словах, так и на деле. [...] Антисионистские настроения широко распространены в среде советского чиновничества, которое, будучи в массе своей реакционным, считает антисионизм легитимным прикрытием своих антиеврейских чувств»⁷⁷.

Со временем Пайпс, опираясь на исторический анализ, выработал собственную трактовку геополитической стратегии и внешней политики СССР. Выступая в 1969 году на ежегодном собрании Американской исторической ассоциации, Пайпс обратил внимание на то, что по контрасту с интересом, который русские вызывали у европейских путешественников, москвиты почти не интересовались жителями Европы⁷⁸. Изоляционизм и даже ксенофобия были присущи представителям российских элит в гораздо большей степени, чем их европейским партнерам. Пайпс объяснял эту особенность влиянием православия и низким образовательным уровнем русского духовенства и русских политических лидеров. Он противопоставлял склонность к поиску компромисса, равновесия и стабильности в международных отношениях, которая отличала руководствующихся коммерческой ментальностью европейских и американских политиков, тяготению советских лидеров к «игре с нулевой суммой», мотивированному не торговой, а добывающей экономикой.

Этот доклад Пайпса опубликовали в «The New York Times», что было весьма необычно для академического выступления⁷⁹. Кроме того, по предложению сенатора Генри Джексона его пригласили выступить перед сенатским подкомитетом, курирующим переговоры по ограничению стратегических вооружений (Дороти Фосдик, главный советник Джексона по внешнеполитическим вопросам, слушала его речь⁸⁰). В своей речи Пайпс подтвердил, что «национальный характер [...] воплощает дух не столько всей нации, сколько той социальной группы, которая в данный момент контролирует инструменты отправления власти и выражения общественного мнения»⁸¹. После революции на смену прежней вестернизированной элите пришли

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

77 Richard Edgar Pipes // CURTIS M. (Ed.). *The Middle East in the Contemporary World: Proceedings of the First Annual Conference*. New York: American Professors for Peace in the Middle East, 1968. P. 46.

78 См.: PIPES R. *Russia's Mission, America's Destiny: The Premises of US and Soviet Foreign Policy* // Encounter. 1970. Vol. 35. P. 3–11.

79 *Similarity Found in Policies' Bases: U.S. and Soviet Are Said to Shun European Heritage* // The New York Times. 1970. January 27. HUG(FP)98.85. Box 1. Folder 1970–1972. HA.

80 PIPES R. *Vixi...* P. 130. [ПАЙПС Р. *Я жил...* С. 209.]

81 Позже это свидетельство было опубликовано в журнале, специализирующемся на выступлениях американских политиков. См.: PIPES R. *A Historian's Reflections* // *Vital Speeches of the Day*. 1970. Vol. 36. № 23. P. 729.

советские лидеры – ксенофобы и антизападники. С учетом ужасающе низкого уровня жизни большинства советских людей, существенно ограниченной возможности путешествовать и получать информацию, а также отсутствия честных и свободных выборов советская элита обеспечивала легитимность своего правления, опираясь на национализм, идеологическую борьбу с внешними и внутренними врагами и, в особенности, глобальный экспансионизм. В то же время Пайпс подчеркивал, что, памятуя о тяжелых потерях, понесенных в военных конфликтах начиная с 1914 года, лишь незначительное число советских граждан желало войны, поскольку «из всех современных народов сильнее русских пострадали только евреи»⁸². Тем самым историк обнаруживал еще одну параллель между предметом своего исследования и собственной этно-религиозной группой. Рассуждая обо всем этом, Пайпс вновь оказался в центре внимания СМИ⁸³. В последующие десять лет он неоднократно выступал на конференциях и консультировал правительство США по ближневосточной политике СССР, неизменно указывая на Израиль как на оплот стабильности, демократии и противодействия проискам Советов в регионе⁸⁴.

Одновременно Пайпс продолжал изучать русский консерватизм. В начале 1970 года он обратил внимание на то, что в России социальные проблемы имели свойство накапливаться, периодически выливаясь в массовые беспорядки или крупные восстания; происходило это, по его мнению, преимущественно из-за того, что в русском контексте попытки внедрить изменения и новации всегда наталкивались на сопротивление. Как полагал Пайпс, за этим отторжением стоят три характерные особенности русской политической культуры. Во-первых, это глубоко укоренившийся консерватизм православной церкви, внутри которой даже во время раскола, произошедшего в XVII веке, главные споры кипели «не об идеях, а об иконах». Во-вторых, правители России неизменно испытывали страх перед врожденной склонностью к деструкции, присущей народным массам, «не чувствовавшим своей причастности ни к обществу, ни к государству». В-третьих, желая обезопасить себя от масштабного русского бунта, политические лидеры полагались на привилегированные элиты, а те традиционно сопротивлялись любым преобразованиям⁸⁵.

82 Ibid. P. 731.

83 CRAWFORD K. *Dealing with Russia* // Newsweek. 1970. April 6. P. 35.

84 См., например: *Report for Secretary of Defense James Schlesinger. November 3, 1974.* HUG(FP)98.45. Box 3. Papers of Richard Pipes. HA; *Panel on "East-West Rivalry in Southwest Asia and the Middle East". National Committee on American Foreign Policy. Conference on the American Stake in Southwest Asia and the Middle East. April 29–30, 1980.* City University of New York. HUG(FP)98.45. Box 4. Papers of Richard Pipes. HA.

85 *Russian Conservatism. Talk at Center for Behavioral Science. January 30, 1970.* HUG(FP)98.85. Box 1. Folder 54. HA.

В августе того же года на международном конгрессе историков в Москве Пайпс заявил, что «консерватизм является доминантой в политической теории и политической практике России»⁸⁶. По его мысли, социально-институциональные основы консервативного духа закладывались в российской политике с конца XV века. Первым ретроградные настроения усвоило духовенство, потом, со второй половины XVIII столетия за ним последовало дворянство, следующим, после «предательства» монархии декабристами, на тот же путь встало чиновничество, и, наконец, к концу XIX века всех их дополнила консервативно настроенная интеллигенция, встревоженная политическим терроризмом. Консервативный настрой правящей бюрократии достиг кульминации в начале XX столетия, когда «полиция систематически использовалась для регулирования всех сфер общественной жизни»⁸⁷. Такой была ключевая идея книги «Россия при старом режиме».

Осенью 1971 года Пайпс начинает читать в университете курс лекций, в основу которого легла рукопись будущей книги: он раздавал черновики глав своим студентам, предлагая им делиться комментариями, в том числе и критическими⁸⁸. В одном из писем Карлу Виттфогелю, выдвинувшему теорию «восточного деспотизма», Пайпс говорил, что считает консерватизм одним из ключевых ингредиентов «оригинальной и самобытной» русской политической системы, альтернативой которой выступает «западный динамизм»⁸⁹. В ноябре Пайпс представил свой проект по изучению русского консерватизма в Колумбийском университете; его слушателями были примерно два десятка ученых, среди которых присутствовали, в частности, Северин Бялер, Збигнев Бжезинский и Стивен Козн. Пайпс особо подчеркивал тот «вклад, который русское бюрократическое правление – и в особенности традиция судебных и полицейских репрессий – внесло в становление советского полицейского государства»⁹⁰. Особую важность в этом контексте он приписывал чрезвычайному законодательству, принятому в Российской империи в 1879 году для борьбы с политическим терроризмом. Русские революционеры мужали, борясь с этой системой, и «закончили тем, что переняли ее приемы и методы». Исходя из этого, полагал Пайпс, истоки современного полицейского государства, сложившегося в России – советского тоталитариз-

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

86 Это выступление было опубликовано в виде журнальной статьи: PIPES R. *Russian Conservatism in the Second Half of the Nineteenth Century* // *Slavic Review*. 1971. Vol. 30. № 1. P. 121–128, 121.

87 *Ibid.* P. 128.

88 *Richard Pipes to N.A. Khalfin, September 17, 1971*. AN 17 397. Box 2. Folder K. HA.

89 *Richard Pipes to Karl Wittfogel, September 7, 1971*. Karl August Wittfogel Papers. Box 36. Folder 30. Hoover Institution Archives.

90 *The Historical Antecedents Stalin's Police State, University Seminar on Communism (1971–1972), Columbia University, November 3, 1971*. AN 14 511. Box 1. HA.

ма, – следует искать в имперском периоде ее истории, а вовсе не в марксистской идеологии. Причем российская политическая система не всегда была огульно репрессивной: в 1760–1780-х политических репрессий было относительно немного. К тому же, опора правительства на чрезвычайное законодательство, начиная с 1879 года, свидетельствовала не о силе, а о слабости системы государственного управления, которая в свою очередь «в значительной мере обусловила темпы саморазрушения, пережитого Россией в начале XX века». Впрочем, не менее пагубную роль сыграла и склонность властей преувеличивать масштабы политических угроз как накануне, так и после 1917 года⁹¹.

Два года спустя, выступая с докладом в австрийском Зальцбурге, Пайпс признавал, что он не считает Россию частью «Востока или Запада». Он пояснял это так:

«По моему мнению, в определенном смысле русские уникальны, причем они и сами считают себя таковыми. Мне известны только две нации, кроме русских, которые столь же искренне верят в свою уникальность – китайцы и евреи»⁹².

Таким образом, Пайпс в очередной раз обнаруживает сходство между предметом своего научного интереса и народом своих предков. Наряду с еврейской культурой он признает русскую культуру неповторимой. (Он, впрочем, испытывал искреннее восхищение и китайцами тоже⁹³.) Об этом, кстати, не мешает помнить, размышляя об обвинениях в русофобии, которые выдвигались против Пайпса и о которых речь пойдет ниже.

«Россия при старом режиме», которую Пайпс называл «монографией по социологии российской политики»⁹⁴, вышла в свет в 1974 году. В книге доказывалось, что в России, несмотря на внешнее сходство с Европой, всегда проявлялась предрасположенность к политическим репрессиям, произволу властей, авторитарному правлению, ослаблению общественных институтов. Согласно Пайпсу, традиция патримониальной политической культуры, в рамках которой правитель был собственником всех природных и человеческих ресурсов страны, понемногу начала трансформироваться в конституционное и правовое правление после преобразований Петра I; этот процесс достиг кульминации в ходе «великих реформ» Александра II. Однако набирающий силу политический терроризм в 1870-е заставил Россию вернуться на прежнюю траекторию развития – к бюрократическому централизованному полицейскому государству. Нарастаю-

91 Ibid.

92 "Russia and the West and the East", transcription of USIA presentation, Salzburg, Austria, October 1973. HUG(FP)98.45. Box 3. HA.

93 PIPES R. *Vixi...* P. 118. [Пайпс Р. *Я жил...* С. 193.]

94 *Richard Pipes to Nicholas Riasanovsky, January 17, 1975.* AN 17 397. Box 3. HA.

щая репрессивность режима затронула также и евреев. В годы царствования Александра III «на евреев, которые, как считалось, более других подвержены крамоле, обрушилась вся мощь дискриминационных законов, написанных давно, но до сей поры применявшихся нестрого»⁹⁵. Иными словами, страх перед еврейской подрывной деятельностью стал одним из факторов, способствовавших оформлению в России полицейского режима.

Публикация книги произвела большой резонанс: помимо того, что она хорошо продавалась, ее в основном хвалили в рецензиях и перевели на несколько языков. Эдварду Кинану, бывшему аспиранту Пайпса, в середине 1970-х поручили подготовить для Государственного департамента США подробный доклад об исторических истоках российской политической культуры. Работа, представленная им в 1976 году и опубликованная с некоторыми коррективами спустя десятилетие, по большей части вдохновлялась реакцией Кинана на монографию Пайпса. Хотя Кинан пришел к тем же выводам, что и его бывший научный руководитель, он интерпретировал их иначе. Кинан признавал, что суровые условия подтолкнули русских крестьян к созданию «общественных механизмов, которые обращались с ними в манере, какую можно было бы назвать “авторитарной”». Кинан также соглашался с тем, что подобные условия препятствовали «становлению городской культуры, среднего класса, идеи личных и корпоративных прав и свобод, а также иных факторов, предопределивших переход Европы в состояние модерна», в связи с чем «некоторые историки» – сам Пайпс в докладе не был упомянут – видели в них «косвенные причины возникновения деспотических и абсолютистских политических систем». Но все эти соображения, согласно Кинану, были отнюдь не главными. Прежде всего его интересовало то, как русская политическая культура приспособлялась к подобным неблагоприятным обстоятельствам, позволяя русской политике не только выживать, но и процветать – в значительной мере благодаря именно самобытным механизмам контроля, остававшимся «грубыми и порой даже разрушительными, но поразительно действенными»⁹⁶. Политическая культура Московии, заключал этот автор, выстраивалась вокруг олигархического контроля, фасадом которого выступал монархический абсолютизм: иначе говоря, система действительно была деспотической, но не в том смысле, в каком это виделось сторонним наблюдателям. Нэнси Шилдс Коллманн, докторантка Кинана, некогда также слушавшая лекции Пайпса,

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

95 PIPES R. *Russia under the Old Regime*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1974. P. 311. [Пайпс Р. *Россия при старом режиме*. М.: Независимая газета, 1993. С. 406].

96 KEENAN E.L. *Muscovite Political Folkways* // *Russian Review*. 1986. Vol. 45. № 2. P. 115–181. Цитаты: P. 126, 129, 130, 178–181.

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

в этой связи замечает: «Скептицизм Кинана стимулировался тем поколением ученых – так называемой “гарвардской школой”, – которые переориентировались с изучения канонических текстов на исследование политических реалий»; по ее оценке, труд Кинана, наряду с произведениями Пайпса, «оказал огромное влияние на последующее изучение политики Московии»⁹⁷. Таким образом, рассуждения Пайпса и Кинана дополняют друг друга, хотя эти ученые смотрят на политическую культуру России под различными углами зрения: первый изучает ее в сравнительной перспективе, а второй отдельно.

В 1976 году Пайпс применил собственную трактовку политической культуры России к анализу американской политики и стратегии в отношении СССР. Пайпс критиковал «коммерческие» и «либеральные» умонастроения тех американцев, которые уподобляли советских людей себе («они такие же, как мы»). Пайпс усматривал ту же самую покровительственную установку даже в теории модернизации, поскольку она основывается на предположении о том, что, «как только страны всего мира сравняются по уровню промышленного развития с Соединенными Штатами, все люди превратятся в американцев». Американским политикам, полагал Пайпс, необходимо уделять пристальное внимание специфике исторического развития и политической культуры России – в частности, централизованному «патримониализму» государственной власти, непрерывной экспансии, обусловленной не «расовыми или культурными мотивами», а немощью экономического развития, господству в элитах установки на то, что в политике «выживает сильнейший», а также преимущественно крестьянскому происхождению советских управленцев (образованная элита дореволюционных времен либо сгинула в репрессиях, либо отправилась в изгнание). Соответственно, в ходе исторической эволюции советского государства «антилиберальные и антидемократические импульсы» просто не могли не укрепиться еще более⁹⁸.

НОВЫЙ ВИТОК ДЕБАТОВ МЕЖДУ СЛАВЯНОФИЛАМИ И ЗАПАДНИКАМИ

Книга Пайпса заметно возбудила российских интеллектуалов⁹⁹. На рубеже 1960-х и 1970-х многие советские диссиденты черпали вдохновение в работах Петра Чаадаева, который в 1830-х

97 SHIELDS KOLLMANN N. *Muscovite Political Culture* // GLEASON A. (Ed.). *A Companion to Russian History*. Chichester: Wiley Blackwell, 2009. P. 92, 95.

98 PIPES R. *Detente: Moscow's View* // ИДЕМ (Ed.). *Soviet Strategy in Europe*. London: Macdonald and Jane's, 1976. P. 3–44.

99 Подробнее см.: HORVATH R. *The Legacy of Soviet Dissent: Dissidents, Democratisation, and Radical Nationalism in Russia*. London; New York: Routledge; Curzon, 2005. P. 152–164.

рассуждал о том, что исторически Россия всегда была склонна к авторитаризму, отсталости и мессианству¹⁰⁰. В 1969 году, обратившись к православной традиции и наследию Николая Бердяева¹⁰¹, несколько интеллектуалов подготовили самиздатовский альманах «Метанойя» («покаяние» по-гречески), приуроченный к шестидесятилетию выхода в свет сборника «Вехи». В свое время в статьях «веховцев», ведущим из которых был Петр Струве, русская интеллигенция критиковалась за маниакальную приверженность идеям, предусматривающим переустройство общества радикальными методами. Главная мысль авторов «Метанойи» была аналогичной: путь к освобождению России, утверждали они, лежит не в сфере политических преобразований, а в покаянии и духовном обновлении¹⁰². Искусствовед Евгений Барабанов, один из соавторов «Метанойи» (псевдоним В. Горский), заявлял, что «предполагаемая исключительность миссии России вот уже четыре столетия опьяняет чувства русского человека»¹⁰³, а религиозный философ Михаил Аксенов-Меерсон (псевдонимом М. Челнов), следуя той же тоналности, утверждал:

«Большевики – не варяги и не татары, не пришельцы, но органическое порождение всей русской жизни, всех исторических грехов России. Коммунизм не есть внешнее зло, в котором повинна только партия и ее вожди, его ложь и преступления принадлежат всем нам, всему русскому народу»¹⁰⁴.

Подобно тому, как публикация первого «философического письма» Чаадаева побудила славянофилов XIX века встать на защиту русской культуры, так и выход «Метанойи» сплотил патристически настроенную русскую интеллигенцию. Явно реагируя на идеи, высказанные в этом альманахе¹⁰⁵, Александр Солженицын и несколько его сподвижников в 1974 году выпустили сборник статей «Из-под глыб»¹⁰⁶. В одном из четырех своих текстов, вошедших в сборник, Солженицын ополчился персонально на Горского и Челнова – в частности, не соглашаясь

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

100 См.: BRUN-ZEJMIS J. *Messianic Consciousness as an Expression of National Inferiority: Chaadaev and Some Samizdat Writings of the 1970s* // *Slavic Review*. 1999. Vol. 50. № 3. P. 646–658.

101 В особенности упоминающуюся ниже группу привлекала его работа «Истоки и смысл русского коммунизма» (Paris: YMCA-Press, 1955).

102 *Метанойя* // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1970. № 97. С. 4–96.

103 Горский В. *Русский мессианизм и новое национальное сознание* // Там же. С. 34.

104 Челнов М. *Как быть?* // Там же. С. 76. О личностях тех, кто писал под псевдонимами «Горский» и «Челнов», см.: Колесников А. *Двойное сознание русского интеллигента* // *Ведомости*. 2015. 3 сентября (www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/09/04/607466-dvoinoe-soznanie-rossiiskogo-intelligententa). Предположение Колесникова в электронной переписке с автором 12 января 2021 года подтвердил Габриэль Суперфин.

105 BRUN-ZEJMIS J. *Who Are the “Enemies of Russia”? The Question of Russophobia in the Samizdat Debate before Glasnost* // *Nationalities Papers*. 1996. Vol. 24. № 2. P. 178.

106 Агурский М. С. и др. *Из-под глыб. Сборник статей*. Paris: YMCA-Press, 1974. Англоязычное издание: SOLZHENITSYN A. (Ed.). *From under the Rubble*. Boston: Little, Brown, 1975.

с идеей последнего об «органической» природе большевизма; автор «Архипелага ГУЛАГа» указывал, что «все первые годы» революция походила на «иностранный нашествие» [из-за множественного присутствия в рядах большевиков зарубежных коммунистов. – *Примеч. ред.*] – иначе говоря, несправедливо возлагать ответственность за большевизм на весь русский народ¹⁰⁷. Суть обозначившихся разногласий можно описать так: если неозападники полагали, что причиной укоренения большевиков в России стало не столько насильственное насаждение марксизма, сколько готовность самого русского народа принять эту доктрину, то неославянофилы видели главный источник бед именно в марксизме как чужеродной и наносной идеологии. Примерно в том же, в самом общем виде, заключалась суть разногласий, разделивших Пайпса и Солженицына (а впоследствии – Пайпса и Мартина Малия)¹⁰⁸.

Борис Шрагин, советский правозащитник и недавний эмигрант, работавший на американской радиостанции «Радио Свобода», пригласил Пайпса в свой эфир, чтобы подкрепить позиции западников и противников славянофильства¹⁰⁹. Шрагин чувствовал, что ему близки воззрения гарвардского ученого на историю России; сам он, например, писал об «очевидной преемственности между системами угнетения в царское и советское время»¹¹⁰. В 1976 году Шрагин вместе с другими эмигрантами принял участие в подготовке сборника статей под заголовком «Самосознание», куда были включены выдержки из «России при старом режиме»¹¹¹. Такое дополнение возмутило интеллектуалов-националистов¹¹².

Споры о причинах советских репрессий довольно скоро вышли за пределы эмигрантских кругов. Ален Безансон, французский специалист по истории России, высоко ценивший Пайпса, не соглашался тем не менее с его идеей, что советский коммунизм был «чудовищной опухолью, которая могла возникнуть лишь в России и нигде больше»¹¹³. Весной 1979 года журнал «Russian Review» предложил высказаться по поводу построений автора «России при старом режиме» Владиславу Краснову, советскому диссиденту. Возражая Пайпсу, этот соратник Солженицына назвал его аргументы «субъективными спекуляциями относительно национальной психологии наших оппонентов» – признавая тем самым, что ненависть к совет-

107 SOLZHENITSYN A. *Repentance and Self-Limitation in the Life of Nations* // ИДЕМ (Ed.). *Op. cit.* P. 126.

108 См.: DALY J. *The Unknown Richard Pipes*... P. 252–253.

109 ШРАГИН Б. *Прав ли профессор Ричард Пайпс? Расшифровка радиопередачи «Россия: вчера, сегодня, завтра», «Радио Свобода», 1980. PPP.*

110 SHRAGIN B. *The Challenge of the Spirit*. New York: Knopf, 1978. P. 70.

111 ЛИТВИНОВ П. и др. *Самосознание. Сборник статей*. Нью-Йорк: Хроника, 1976.

112 См.: NORVATH R. *The Legacy of Soviet Dissent*... P. 169.

113 См. интервью Безансона французскому журналу: L'Express. № 1430. 1978. December 2–9. P. 95.

ской власти объединяет неозападников с неославянофилами, – и предположил, что «советские лидеры настолько прониклись догматами марксизма, что позабыли как о своем крестьянском происхождении, так и о здравом смысле»¹¹⁴.

В ответ Пайпс заметил, что «даже самые крайние случаи мутаций, встречающиеся в природе, не порождают абсолютно новые формы жизни» и что «история человечества тоже не знает подобных казусов». Реагируя на тезис о якобы преобразующем влиянии марксистской идеологии, Пайпс задал своему оппоненту следующий вопрос: «Почему же тогда “Манифест коммунистической партии”, написанный на немецком, не привел к установлению коммунистической диктатуры в Германии или в Англии, где его задумали, сочинили и опубликовали?»¹¹⁵. «Стоит ли России делать козлом отпущения давно почившего немецкого автора, обвиняя его во всех горестях, выпавших на ее долю?» – вопрошал Пайпс. Ведь в этой стране, добавлял он, многих патриотов, обличавших власть, институты и политическую культуру России, клеймили как приверженцев «анти-русских» убеждений¹¹⁶.

Другая линия критики приписывала Пайпсу нежелание принимать во внимание некоторые важные особенности исторического развития России, раскрывающиеся в сравнительной перспективе. В частности, историк права Марк Шефтель говорил, что русские земские соборы и система примогенитуры были похожи на аналогичные институты Западной Европы и тоже ограничивали монархическую власть¹¹⁷. Пайпс, однако, не соглашался с этим, указывая, что в России сдерживающий эффект подобных институтов был гораздо меньшим:

«Если во Франции XVII столетия эти барьеры проявляли себя довольно слабо, то в России того времени их словно и вовсе не было. Франция, пережив революцию 1789 года, все же смогла осуществить быстрый переход к *Rechtsstaat* и демократии, а для России опыт 1905–1921 годов обернулся анархией, которая потом переродилась в деспотию. Почему так получилось? Причина в том, что для России были в новинку все те идеи и институты, которые страны Запада, включая Францию, возвращали начиная со Средневековья»¹¹⁸.

К этому, собственно, сводилась суть той трактовки русской истории, которую предлагал Пайпс: по его мнению, во многом в силу географических и экономических причин российское

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

114 KRASNOW W. *Richard Pipes's Foreign Strategy: Anti-Soviet or Anti-Russian?* // *Russian Review*. 1979. Vol. 38. № 2. P. 182, 189.

115 PIPES R. *Response to Wladislaw G. Krasnow* // *Russian Review*. 1979. Vol. 38. № 2. P. 192, 194.

116 *Ibid.* P. 196–197.

117 SZEFTTEL M. *Two Negative Appraisals of Russian Pre-Revolutionary Development* // *Canadian-American Slavic Studies*. 1980. Vol. 14. № 1. P. 74–87.

118 *Richard Pipes to Marc Szeftel, July 24, 1980*. AN 17 397. Box 4. Szeftel folder. HA.

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

общество оказалось менее эффективным – в сравнении с обществами Западной Европы – в сдерживании государственной власти. (Использование оборота «в новинку» едва ли было преувеличением: к концу 1860-х, когда в России появились первые независимые суды, во Франции они действовали почти тысячу лет). Вытекавшие из сказанного институциональные, политические и социальные следствия привели к утверждению политической культуры, благоприятствовавшей авторитарному правлению и заложившей фундамент для деспотического господства большевиков – пусть и не сделав последнее неизбежным.

Шефтель ошибочно предполагал, что взгляды Пайпса в корне расходились со взглядами Михаила Карповича, его прежнего научного руководителя, настроенного весьма патриотично¹¹⁹. На самом же деле и Пайпс, и Карпович считали приход большевиков к власти государственным переворотом и соглашались в том, что те развязали гражданскую войну ради удержания власти. Оба историка оценивали развитие России накануне Первой мировой войны как успешное. Пайпс также соглашался со своим наставником в том, что русский народ, «не имея ни достаточно развитого политического сознания, ни достаточно длительного опыта самоуправления, не сумел своевременно разобраться в лживости большевистских посулов, как не сумел своевременно организовать для защиты своей свободы»¹²⁰. Пайпс тоже не подписался бы под отвергаемым Карповичем предположением об исторической неизбежности перехода России от диктатуры царизма к диктатуре красных, от монархической автократии к коммунистической автократии. На всем протяжении академической карьеры Пайпс категорически не соглашался с идеей исторической предопределенности¹²¹. Обобщая выводы, сделанные в ходе изучения русской революции, он утверждал: «Ни крушение царизма, ни захват власти большевиками не были чем-то предрешенным. Последнее, как представляется, стало итогом злополучного стечения обстоятельств»¹²².

Наконец, были и такие ученые, которые находили взгляды Пайпса на русское крестьянство фаталистическими, ложными и циничными¹²³. Например, по мнению Дональда Тредголда, высказанном в рецензии, автор «России при старом режиме» мог бы «проявить побольше внимания к позитивным моментам ее истории, побольше готовности хвалить то, что достойно похвалы, побольше сочувствия и теплоты к людям, о которых

119 SZEFTEL M. *Op.cit.* P. 83–84.

120 КАРПОВИЧ М. *Разрушение иллюзии* // Новый журнал. 1948. Т. 18. С. 162.

121 Подробнее см.: DALY J. (Ed.). *The Unknown Richard Pipes...*

122 PIPES R. *Three "Whys" of the Russian Revolution*. New York: Vintage Books, 1997. P. 8.

123 См.: ИДЕМ. *Russia under the Old Regime*. P. 156–161. [ПАЙПС Р. *Россия при старом режиме*. С. 207–214.]

идет речь в книге»¹²⁴. Бесспорно, любой научный труд может иметь множество прочтений, но все же хотелось бы заметить, что Пайпс относился к русскому крестьянству с сочувствием, в основном списывая его негативные качества на социально-экономическое угнетение и суровость климата.

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ
РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

ОБВИНЕНИЯ В РУСОФОБИИ И ОБВИНЕНИЯ В АНТИСЕМИТИЗМЕ

Этот аспект работы Пайпса вызвал гнев Александра Солженицына. (Пайпс отправил Солженицыну экземпляр книги уже после изгнания последнего из СССР в 1974 году¹²⁵, посчитав, что писатель благосклонно отнесется к критике режима, а также, возможно, из-за того, что сам Пайпс неоднократно соглашался с Солженицыным, цитируя его работы¹²⁶.) В 1976-м Солженицын осудил сложившиеся в западной науке трактовки России; Пайпс был удостоен им отдельного упоминания (хотя его имя и не называлось) за публикацию «псевдонаучной работы о старой России, полной ошибок, преувеличений и, вероятно, намеренных искажений»¹²⁷. Два года спустя Ирина Иловайская, преданная сторонница Солженицына, назвала труд Пайпса «откровенно мещанским», поскольку историк, по ее словам, обрушивается с критикой на любого, у кого что-то «не как у нас». Более того, эта дама обнаружила в текстах Пайпса «некую поразительную форму расизма» по отношению к русским¹²⁸. Тем временем в речи, произнесенной перед выпускниками Гарвардского университета в июне 1978 года, Солженицын упрекал Запад в избыточном внимании к легализму, автономии личности и свободе слова¹²⁹. Комментируя эту речь, Пайпс отметил, что она, «как и все, что выходит из-под пера Солженицына, излучает непоколебимую храбрость», но при этом провел вполне уместную параллель между суждениями русского изгнанника и одного из самых ярких реакционеров дореволюционной России – Константина Победоносцева¹³⁰.

В следующем году Солженицын изобличил Пайпса как приверженца ущербного западного подхода к изучению русской истории:

124 См.: *Slavic Review*. 1975. Vol. 34. № 4. P. 814.

125 *Richard Pipes to Arnold Beichman. January 1, 1988. Arnold Beichman Papers. Box 111. Folder 49. Hoover Institution Archives.*

126 PIPES R. *Russia under the Old Regime*. P. 245. [Пайпс Р. *Россия при старом режиме*. С. 322.]

127 SOLZHENITSYN A. *Remarks at the Hoover Institution, May 24, 1976* // *Russian Review*. 1977. P. 188.

128 ИЛОВАЙСКАЯ И. *Россия в отрицательно-мистическом освещении* // *Вестник*. 1978. № 126. С. 195.

129 См.: BERMAN R. (Ed.). *Solzhenitsyn at Harvard: The Address, Twelve Early Responses, and Six Later Reflections*. Washington: Ethics and Public Policy Center, 1980. P. 7–10, 53–55.

130 PIPES R. *Solzhenitsyn and the Russian Intellectual Tradition: Some Critical Remarks* // *Encounter*. 1979. Vol. 52. № 6. P. 52–56.

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

«[Из знакомства с книгой Пайпса читатель] может сделать лишь один вывод: гуманизм чужд русским как нации, тысячелетняя история которой оказалась бесплодной, а будущее которой видится безнадежным. [...] Из сорока с лишним тысяч русских пословиц, которые в своей совокупности образуют массив завораживающе прекрасного литературного и философского материала, Пайпс, коверкая смысл, избирательно использует только полдюжины, [...] желая показать жестокость и бездушие русского крестьянства. [...] На меня лично этот прием производит то же впечатление, какое, полагаю, на Ростроповича произвела бы игра волка на виолончели»¹³¹.

Как представляется, в работах Пайпса едва ли можно обнаружить хотя бы намек на то, что он видел в русских «антигуманизм». Возможно, Солженицын, будучи сочинителем, был склонен к преувеличению и выдумке; не исключено также, что речь шла лишь о художественном образе. Но вот что было понастоящему негуманным, так это сравнение Пайпса с волком: ведь Вольф – одна из самых распространенных еврейских фамилий, и здесь трудно исключить антисемитские коннотации. Выдержки из этой статьи, опубликованные в «The Washington Post»¹³², побудили одного из штатных авторов газеты заметить, что «для Солженицына любая критика России сродни богохульству»¹³³.

Именно это мнимое «богохульство» стало причиной яростной критики, с которой на Пайпса (а также на Бориса Шрагина, Андрея Амальрика, Александра Янова и других эмигрантов из СССР) обрушился Игорь Шафаревич в брошюре «Русофобия», распространяемой в самиздате¹³⁴. Надо сказать, что Пайпс поддерживал прекрасные отношения как с перечисленными, так и с другими советскими диссидентами, среди которых был, в частности, Андрей Синявский, с восторгом писавший Пайпсу о «совпадении наших точек зрения на русские дела» и добавлявший, что «Солженицын повсюду видит врагов-русофобов»¹³⁵. В своей брошюре Шафаревич сформулировал три основных тезиса. Во-первых, у каждого государства есть свой путь развития, и поэтому западным критикам не стоит подгонять Россию под общий шаблон эволюции, нацеленной на построение демократического общества. Во-вторых, меньшинства, подобные каль-

131 SOLZHENITSYN A. *Misconceptions about Russia Are a Threat to America* // *Foreign Affairs*. 1980. Vol. 58. P. 801–802.

132 ИДЕМ. *Why Americans Fail to Understand Russia* // *The Washington Post*. 1980. April 13. P. F1, F4.

133 OSNOS P. *Solzhenitsyn Charges the West Errs on Link between Communism, Russia* // *The Washington Post*. 1980. April 3. P. A21.

134 Позже этот текст был опубликован по-русски в журнале «Наш современник» (1989. № 6. С. 162–172) и по-английски в журнале «JPRS Report: Soviet Union, Political Affairs» (1990. March 22. P. 2–39). См. также его расширенную версию: ШАФАРЕВИЧ И. *Русофобия*. М.: Товарищество русских художников, 1991.

135 *Письмо Андрея Синявского Ричарду Пайпсу, [без даты]*. А. (Andrei) Siniavskii Papers. Box 7. Folder 12. Hoover Institution Archives.

винистам во Франции или пуританам в Англии, называемые Шафаревичем «малыми народами», порой способны оказывать непомерно большое историческое влияние, причем в России в подобной роли выступали евреи. Наконец, в-третьих, советские интеллигенты-эмигранты, как и их единомышленники в западных академических кругах, в частности, Пайпс, продвигали необоснованно негативное видение русской истории, заостряя внимание на угнетении, экспансионизме и мессианстве. Поскольку большинство таких критиков-недоброжелателей составляли евреи, многие наблюдатели разворачивавшейся полемики приходили к выводу, что Шафаревич – бесспорный анти-семит. Эта проблема расколола российских интеллектуалов¹³⁶.

«Русофобия» на протяжении нескольких лет распространялась в Советском Союзе лишь подпольно, но подконтрольное государству академическое сообщество продолжало с 1964 года демонизировать Пайпса, даже не читая Шафаревича¹³⁷. В 1984-м Юрий Игрицкий назвал предложенную Пайпсом интерпретацию русской истории «гипертрофированной антитезой» России и Запада; по его мнению, взгляды американского историка настолько пропитаны «русофобией», что возмущают даже «ярких антисоветчиков-эмигрантов, полностью согласных с нападками Пайпса на социалистический строй»¹³⁸. Очевидно, что Игрицкий, профессиональный критик «буржуазной фальсификации истории», был не в состоянии отличить друг от друга русских неозападников и русских неославянофилов.

Западные комментаторы в большинстве своем называли Шафаревича антисемитом. Несмотря на то, что Криста Берглунд, его вполне лояльный биограф, пытается опровергать эти обвинения, даже ей приходится признавать, что Шафаревич приписывал евреям фундаментальную убежденность в «собственной богоизбранности и предначертанной им роли предводителей и правителей всего человечества, которым другие народы обязаны безропотно служить»¹³⁹. По словам Роберта Хорвата, для «русских шовинистов 1990-х “Русофобия” стала тем же, чем столетием ранее для них были “Протоколы сионских мудрецов” – изобличением самой сути еврейской культуры»¹⁴⁰. Билл Келлер, шеф московского бюро «The New York Times», назы-

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

136 См.: BERGLUND K. *The Vexing Case of Igor Shafarevich, a Russian Political Thinker*. Basel: Birkhäuser, 2012. P. 309–343. Антисемитизм был настолько распространен среди образованных советских людей, что в самиздатской литературе 1970-х даже самого Шафаревича, как и Солженицына, зачастую называли «агентами антирусского сионизма». См.: PARTHÉ K. *Village Prose: Chauvinism, Nationalism or Nostalgia?* // DUFFIN GRAHAM S. (Ed.). *New Directions in Soviet Literature*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 1992. P. 115.

137 DALY J. *A Scholar with a Sense of Mission: Academic, Cold Warrior, Public Intellectual* // *Cahiers du monde russe*. 2018. Vol. 59. № 4. P. 556–557.

138 Игрицкий Ю. *Современная буржуазная историография проблемы «Россия и Запад»* // Вопросы истории. 1984. № 1. С. 39.

139 BERGLUND K. *Op. cit.* P. 352.

140 HORVATH R. *The Legacy of Soviet Dissent...* P. 151, 152.

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

вал «Русофобию» «библией русских патриотов»¹⁴¹. В январе 1990 года, выступая в Институте Кеннана, Синявский убеждал аудиторию в том, что «за Шафаревичем стоит великий авторитет Солженицына»¹⁴².

После выхода «Русофобии» Солженицын избегал упоминать имя Шафаревича¹⁴³. В статье «Как нам обустроить Россию?»¹⁴⁴, опубликованной вскоре после жестокого убийства Александра Меня, православного священника-реформатора (и крещеного еврея), Солженицын фактически не затрагивал «еврейский вопрос» и избегал любых отсылок к спорному памфлету¹⁴⁵. Между тем Майкл Конфино полностью прав в том, что автор «Архипелага ГУЛАГа» не предпринимал «каких-либо попыток отгородить себя от радикального националистического движения и его идей, подобных тем, какие представил Шафаревич»¹⁴⁶. (В последующие годы авторитет Шафаревича как идеолога русского национализма еще более окреп¹⁴⁷.)

Пока советские и эмигрантские русские интеллектуалы осуждали Пайпса как русофоба, Солженицын был обвинен в антисемитизме¹⁴⁸. В начале 1985 года один из авторов «The New York Daily News» обратил внимание на антисемитский подтекст некоторых высказываний писателя, прозвучавших в эфире «Радио Свобода» в 1984 году¹⁴⁹. В частности, была выделена цитата из исторического романа «Август четырнадцатого», первого произведения из цикла «Красное колесо», касавшаяся психологического портрета убийцы Петра Столыпина, последнего выдающегося политического деятеля царской России, и прозвучавшая в эфире 19 августа. Террориста Мордко Богрова, в эфире называемого русским именем «Дмитрий», в передаче характеризовали как «космополита», что в сталинское время было кодовым обозначением еврея. Ведущий приводил цитаты из «Протоколов сионских мудрецов» и «обвинял Богрова в запуске цепочки событий, приведших в итоге к большевистской революции». В феврале того же года свою озабоченность по этому поводу

141 KELLER B. *Yearning for an Iron Hand: Ethnic Russians May Be Next to Challenge Gorbachev* // The New York Times Magazine. 1990. January 28. P. 18.

142 HORVATH R. *The Legacy of Soviet Dissent...* P. 201.

143 BERGLUND K. *Op. cit.* P. 357.

144 См.: Солженицын А. *Как нам обустроить Россию?* // Литературная газета. 1990. 18 сентября. № 38. С. 3–6.

145 HORVATH R. *The Legacy of Soviet Dissent...* P. 206–207.

146 CONFINO M. *Solzhenitsyn, the West, and the New Russian Nationalism* // Journal of Contemporary History. 1991. Vol. 26. № 3–4. P. 631.

147 Подробнее см.: HORVATH R. *The Legacy of Soviet Dissent...* P. 208–222.

148 Впрочем, первые обвинения прозвучали десятью годами ранее. См.: GIMPELEVICH Z. *Dimensional Spaces in Alexander Solzhenitsyn's Two Hundred Years Together* // Canadian Slavonic Papers. 2006. Vol. 48. № 3–4. P. 295–297.

149 NELSON L.-E. *Radio Liberty: Tax Paid Anti-Semitism* // The New York Daily News. 1985. January 23. P. 36. См. также возражения Джеймса Бакли автору этой публикации Ларсу-Эрику Нельсону и последующий ответ Нельсона Бакли: The New York Daily News. 1985. January 27. P. 32–33.

выразил и журнал «The New Republic»¹⁵⁰. Его редакция потребовала усилить административный контроль над наполнением эфира, подкрепляя свою позицию ссылкой на руководителя корпорации «Радио Свободная Европа / Радио Свобода» и бывшего сенатора США Джеймса Бакли, заявившего: «Слишком многое из сказанного в том эфире было неправильным»¹⁵¹.

По стечению обстоятельств тот же отрывок из «Августа четырнадцатого» прозвучал и в эфире «Голоса Америки», официальной службы зарубежного радиовещания правительства США. И снова пассаж, посвященный Богрову, вызвал замешательство. «The Washington Post» в этой связи процитировала Пайпса, который проанализировал наиболее спорное место:

«Солженицын погружается в сознание Богрова, пытаясь выявить причины его поступка, и они оказываются связанными исключительно с его еврейством. При этом Солженицын не говорит ничего, что выглядело бы как явный антисемитизм. Соответствующая риторика завуалирована, но русский читатель, несомненно, ее распознает. Из того, насколько большое внимание писатель уделяет еврейскому происхождению Богрова, без труда можно понять, что вину за революцию он возлагает именно на евреев. Богров, по словам Солженицына, решил убить Столыпина, поскольку тот был полезен для России и, следовательно, вреден для евреев»¹⁵².

Джон Глэд, профессор русской литературы из Университета Мэриленда и профессиональный переводчик, перевел для «The Washington Post» отрывок из романа, в котором Солженицын описывает внутреннюю борьбу Богрова перед убийством. Речь идет о следующем фрагменте:

«Как будто Столыпин не предпринимал никаких мер против евреев? Но он создавал общую депрессивную обстановку. Именно со столыпинского времени и с его Третьей, законопослушной, Думы евреев стало охватывать настроение уныния и отчаяния, что в России невозможно добиться нормального человеческого существования. Столыпин ничего не сделал прямо против евреев и даже провел некоторые помягчения, но все это – не от сердца. Врага евреев надо уметь рассмотреть глубже, чем на поверхности. Он слишком назойливо, открыто, вызывающе выставляет русские национальные интересы, русское представительство в Думе, русское государство. Он строит не всеобщее-свободную страну, но – национальную монархию. Так еврейское будущее в России зависит не от дружественной воли, столыпинское развитие не обещает расцвета евреям» («Август четырнадцатого». С. 63).

150 *Taking Radio Liberties* // The New Republic. 1985. February 4. P. 8–9.

151 *Radio Liberty's Reply* // The New Republic. 1985. February 18. P. 2; *The Editors' Reply* // Ibid.

152 ОМАНГ J. *Version of Solzhenitsyn Novel, Broadcast by VOA, Causes Flap* // The Washington Post. 1985. February 4. P. A18.

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

Глэд пришел к выводу, что в этом отрывке антисемитизм отсутствовал.

Действительно, в глазах тех, кто не имел привычки не доверять евреям, здесь не было ничего бесспорно антисемитского; однако в советском обществе, где институциональный антисемитизм глубоко укоренился, восприятие подобных вещей оставалось иным. Именно об этом Пайпс писал Джеймсу Бакли в мае 1985-го. Перечислив ряд примеров антисемитской и антидемократической риторики, обнаруженных им в передачах «Радио Свобода» 1982–1984 годов, Пайпс заключил: «Все эти случаи объединяет то, что каждый из них содержит апелляцию к шовинизму и антисемитизму русских и украинцев»¹⁵³.

Спор об антисемитизме разгорелся с новой силой осенью того же года. На проходившем тогда международном конгрессе советских и восточноевропейских исследований «с мнимым антисемитизмом Солженицына» попытался разобраться Владислав Краснов, считавший подобные обвинения в адрес русского писателя «абсолютно беспочвенными»¹⁵⁴. Ричард Гренье, колумнист «The New York Times», устно и письменно опросил нескольких ученых, литераторов и общественных деятелей, включая самого Солженицына, который последовательно отрицал обвинение. В поддержку писателя выступили Эли Визель, Мстислав Ростропович, Роберт Конквест и Адам Улам, друг Пайпса и его коллега по Гарварду. Но хотя противостояли им, за исключением Пайпса, не слишком известные фигуры, позиция защиты в целом выглядела довольно слабой. Улам, например, признавал, что Солженицына «возмущает вмешательство чуждых сил в дела России» – из чего следовало, что он считает евреев посторонними¹⁵⁵. Визель также отмечал, что его «беспокоит представляющаяся инстинктивной бесчувственностью Солженицына к страданиям евреев». В своем материале Гренье процитировал и Пайпса:

«В любой культуре есть собственная разновидность антисемитизма. Антисемитизм Солженицына не имеет ничего общего с расизмом, он не затрагивает вопросов крови. Солженицын определенно не расист, сущность его антисемитизма – религиозная и культурная. В этом смысле он напоминает Достоевского, который был истовым христианином, преданным патриотом и оголтелым антисемитом. Отношение Солженицына к евреям определяется его воззрениями на революцию, которые заимствуются писателем у русских крайне правых».

153 *Richard Pipes to James Buckley, May 22, 1985. AN 17 397. Box 1. HA.*

154 Подробнее см.: GRENIER R. *Solzhenitsyn and Anti-Semitism: A New Debate* // The New York Times. 1985. November 13. P. C21.

155 О том же редактору «The New York Times» писал Сет Уолиц, специалист по славяноведению и иудаике из Техасского университета: WOLITZ S. *Solzhenitsyn and Anti-Semitism: A Test* // The New York Times. 1985. December 4. P. A30.

Непримирение Пайпсом того, что он считал антисемитизмом Солженицына, не распространялась ни на его патриотизм, ни даже на национализм как таковой.

В указанном контексте показателен пример Петра Струве. Пайпс посвятил два десятилетия изучению жизни этого ярчайшего представителя русской интеллигенции. Итогом этой работы стала масштабная двухтомная биография мыслителя. Согласно Пайпсу, его герой совершенно не был подвержен предрассудкам: «Как и любой цивилизованный человек, Струве никогда не судил о людях по их национальной или религиозной принадлежности и был абсолютно чужд любым предрассудкам подобного рода. Ни одна из его работ не содержит в себе ни малейшего намека на антисемитизм»¹⁵⁶. Напротив, «статьи Струве были полны тепла и симпатии к евреям как к людям»: он ратовал за наделение их полным спектром гражданских прав¹⁵⁷. При этом, однако, Струве сожалел, что самим евреям не хватает упорства, чтобы за это бороться. По его мнению, полная эмансипация еврейского населения была чрезвычайно важной, поскольку без нее российские евреи не могли исполнять «естественную роль проводников русской экономической и культурной экспансии»¹⁵⁸.

Пайпс с негодованием замечал, что «многие российские евреи» услышали в подобных призывах к ассимиляции явные антисемитские ноты¹⁵⁹. Столь же сложное отношение вызвала и написанная в 1909 году противоречивая статья «Интеллигенция и национальное лицо», где Струве определил национализм как «духовные притяжения и отталкивания», которые «живут и трепещут в душе». Этот подход вызвал бурную дискуссию¹⁶⁰. Пайпс включил этот текст в полную библиографию трудов Струве, однако в своем биографическом исследовании он его не разбирает. Как бы то ни было, Пайпс не считал статью антисемитской. Подобно самому Струве, он не порицал русских за острую и распространенную антипатию к евреям; он осуждал лишь тех, кто, подобно дореволюционному публицисту Михаилу Меньшикову, считал «евреев, крещеных евреев и их сторонников» олицетворением «сил тьмы»¹⁶¹. Иначе говоря, таких русских националистов, как Струве, кто по достоинству

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

156 PIPES R. *Struve: Liberal on the Left, 1870–1905*. Cambridge: Harvard University Press, 1970. P. 354. [Пайпс Р. *Струве: левый либерал, 1870–1905*. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 495].

157 Ibid. P. 355. [Там же. С. 496.]

158 ИДЕМ. *Struve: Liberal on the Right, 1905–1944*. Cambridge: Harvard University Press, 1980. P. 91. [Он же. *Струве: правый либерал, 1905–1944*. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 120].

159 ИДЕМ. *Struve: Liberal on the Left*. P. 356. [Он же. *Струве: левый либерал*. С. 497.]

160 См.: *Национализм. Полемика 1909–1917: сборник статей* / Под ред. М.А. Колерова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. Статью Струве см. на с. 46–50. Автор выражает признательность Марине Могильнер, обратившей его внимание на этот сборник.

161 PIPES R. *Struve: Liberal on the Right*. P. 184. [Пайпс Р. *Струве: правый либерал*. С. 240.]

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

оценивал вклад евреев в развитие культуры и общества России, следовало хвалить; других же, кто, подобно Солженицыну, видел в евреях чужаков, нужно осуждать – как антисемитов.

Пайпс не возлагал на евреев вину за революцию – напротив, по его мнению, революция была обдуманной попыткой уничтожить еврейство. Этот тезис был выдвинут им на конференции в Еврейском университете в Иерусалиме в 1988 году. Эдит Френкель, называя тот доклад «спорным», вспоминает: «Среди прочего прозвучала и мысль о том, что тотальный контроль над обществом, концентрационные лагеря и тому подобное изобрели отнюдь не нацисты – всему этому они научились у большевиков»¹⁶². Гарольд Шукман, также присутствовавший на конференции, рассказывал:

«Большинство из нас было повергнуто услышанным в полнейший шок: Пайпс представил Ленина и его “достижения” в виде идеальной модели для гитлеровского режима. [...] Согласно Пайпсу, Гитлер, как и Ленин, поддерживал идеологическую базу собственной власти посредством жестоких преследований и даже физического уничтожения целых социальных групп, будь то классы или расы»¹⁶³.

В работе «Россия при большевиках» Пайпс вновь настаивает на том, что дискурс образованной российской элиты правого толка вкупе с самой большевистской революцией обеспечили связку между традиционным русским антисемитизмом и нацистской ненавистью к евреям и подготовили переход от ординарной религиозной нетерпимости к идеологическому расизму Гитлера. Во-первых, именно русские антисемиты сфабриковали и в 1902 году опубликовали «Протоколы сионских мудрецов». Во-вторых, присутствие евреев, взявших для прикрытия славянские фамилии¹⁶⁴, в высших эшелонах большевистской власти, убеждало антисемитов в подлинности этой фальшивки. Наконец, в-третьих, как раз русские антисемиты, эмигрировавшие в Германию в 1919–1920 годах, представили нацистским лидерам «Протоколы» вместе с заложенной в них конспирологической теорией, предложив тем самым обоснование для последующего истребления евреев нацистским режимом. Таким образом, по мнению Пайпса, «Холокост оказался одним из многих неожиданных и незапланированных последствий русской революции»¹⁶⁵.

Многих историков суждения Пайпса возмутили. Одной из основных причин недовольства стало очевидное сходство его

¹⁶² Письмо Эдит Френкель автору, 13 мая 2015 года.

¹⁶³ ШУКМАН Н. *The Ruthless Revolutionary* // The Times Higher Education Supplement. 1996. November 22. P. 22.

¹⁶⁴ PIPES R. *Russia under the Bolshevik Regime*. New York: A.A. Knopf, 1994. P. 256. [ПАЙПС Р. *Россия при большевиках*. М.: РОССПЭН, 1997.]

¹⁶⁵ Ibid. P. 258.

аргументации с тезисами, изложенными Эрнстом Нольте в так называемом «споре историков» (*Historikerstreit*) 1986–1987 годов. Немецкий ученый тогда доказывал, что массовое уничтожение евреев было нацистской реакцией на убийства, совершенные коммунистами в СССР, – таким образом, получалось, что в гибели еврейского народа повинны коммунисты, а не немцы¹⁶⁶. Среди прочих эту позицию раскритиковал и американский историк Александр Рабинович:

«Видеть в большевизме источник, породивший режимы Муссолини и Гитлера, уподобляясь тем самым Эрнсту Нольте, не только антиисторично, но и возмутительно: такой подход выглядит надругательством над памятью о миллионах жертв, павших от рук фашистов»¹⁶⁷.

Разумеется, Пайпс не собирался снимать с немцев ответственность за Холокост, поскольку считал его чудовищным и непростительным деянием. Он также считал ужасающими и многие дела, сотворенные большевиками. Эти преступления никак не умаляют значимости друг друга, и осуждение одних не минимизирует осуждения других. Рассматриваемые политические движения и созданные ими системы основывались на ненависти, и в обоих случаях это обернулось чудовищным злом; но, приходя к такому заключению, Пайпс, оставаясь одновременно и евреем, и дотошным историком, все же не мог не считать Холокост и нацистский проект злом большего калибра.

Помимо беспокойства, вызванного отношением Солженицына к евреям, Пайпс также считал русского писателя противником демократии. В письме Марку Раеву он писал: «Я буквально не выношу его литературный стиль, в котором деликатности столько же, сколько в ударе кастетом. В Солженицыне гораздо больше советского, чем он думает, он типичный продукт сталинской эпохи»¹⁶⁸. Такую оценку разделял и Исайя Берлин. В письме Анджею Валицкому друг и наставник Пайпса называет Солженицына «настоящим героем, в одиночку нанесшим Советскому Союзу больший ущерб, чем кто-либо другой», но при этом находит в нем «что-то пугающе фанатичное, ретроградное, староверческое»¹⁶⁹.

Наблюдая за подъемом в российской политике националистической волны, которая активно отстаивалась Солженицы-

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

166 Подробнее см.: BALDWIN P. (Ed.). *Reworking the Past: Hitler, the Holocaust, and the Historians' Debate*. Boston: Beacon Press, 1990.

167 RABINOWITZ A. *Lenin's Legacy to the Evil Empire* // The Washington Post. 1994. May 1. P. X9. Интересно, что нарочитое смешивание нацистов и фашистов было стандартным риторическим приемом советского руководства.

168 *Richard Pipes to Marc Raeff, April 19, 1988* // DALY J. (Ed.). *Pillars of the Profession...* P. 311–312.

169 *Isaiah Berlin to Andrzej Walicki, December 9, 1991* // *Dialogue and Universalism*. 2005. Vol. 15. № 9–10. P. 165.

ным и которая, по мнению таких западных ученых, как Дэвид Моро¹⁷⁰, могла сделать российское государство более демократичным у себя дома и менее агрессивным за рубежом, Пайпс опасался, что она усилит в России авторитарные тенденции¹⁷¹. В отношении Солженицына Пайпс оказался абсолютно прав. До самой своей смерти в 2008 году Солженицын был убежденным сторонником Владимира Путина. Роберт Хорват писал:

«Несмотря на приверженность демократии как долгосрочному проекту, Солженицын был совершенно равнодушен к событиям сегодняшнего дня – ползучему наступлению государства на гражданские свободы, превращению парламента в бездумное орудие исполнительной ветви, подъему силовых структур и концентрации всей полноты власти в Кремле. Между тем все перечисленное свидетельствовало о том, что при Путине Россия скатывается в авторитаризм»¹⁷².

В частности, в 2006 году Солженицын «раскритиковал США за поддержку “цветных революций” и приветствовал путинские усилия по восстановлению российской государственности».

Приход гласности и падение коммунизма упрочили позиции Пайпса как специалиста по истории России. В 1991 году в Академии наук СССР его представляли как «ведущего американского советолога»¹⁷³. По словам историка Игоря Нарского, среди его коллег, изголодавшихся по новым подходам к изучению русской истории, книги Пайпса произвели «восторженно-изумленную реакцию»¹⁷⁴. Исторический факультет Челябинского государственного университета, где работал Нарский, закупил тогда тридцать экземпляров «России при старом режиме». За несколько лет «в российском историографическом цехе» Пайпс стал «невероятно популярен и знаменит», – рассказывает Нарский¹⁷⁵. Этот ученый, отправивший Пайпсу экземпляр своей монографии «Жизнь в катастрофе», вышедшей в 2001 году¹⁷⁶, вспоминает, как получил ответ из Гарварда: «Это было нечто трансцендентное, как письмо с того света».

170 MORO D.A. *The National Rebirth of Russia: A U.S. Strategy for Lifting the Soviet Siege* // Policy Review. 1988. № 43. P. 2–13.

171 PIPES R. *Letter* // Policy Review. 1988. № 45. P. 86.

172 HORVATH R. *Apologist of Putinism? Solzhenitsyn, the Oligarchs, and the Specter of Orange Revolution* // Russian Review. 2011. Vol. 70. № 2. P. 314.

173 MURO M. *Op. cit.* P. 12.

174 Многочисленные русскоязычные переводы трудов Пайпса упоминаются в сносках к настоящей статье. – *Примеч. ред.*

175 Из письма Игоря Нарского автору, 21 декабря 2015 года.

176 НАРСКИЙ И. *Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг.* М.: РОССПЭН, 2001.

Последние труды

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

В 2002 году Пайпс подготовил рецензию на первую часть написанной Солженицыным двухтомной истории еврейства в России «Двести лет вместе», охватывающую период с 1772-го по 1916 год¹⁷⁷. Пайпс с удовлетворением отметил позитивное отношение автора к тем евреям, которые избежали ассимиляции, но при этом его воззрения на ассимилированных евреев считал «неоднозначными». Больше прочего Солженицына интересовала проблема непропорционально избыточного участия евреев в революционном движении. «Но есть ли такая мерка, которая позволяет оценить роль той или иной этнической группы в публичной жизни? – задается вопросом Пайпс. – Ведь если одни евреи были видными социалистами, то другие оставались не менее видными капиталистами». Кроме того, «практически все евреи, присоединившиеся к революционерам, порвали со своей религией и своим сообществом». По мнению Пайпса, Солженицын справедливо указывал на то, что имперские власти не пытались подстегивать насилие в отношении еврейского населения, однако при этом он «фактически закрывал глаза на тлетворную атмосферу, которая создавалась антисемитской пропагандой, ведущейся Русской православной церковью и националистическими кругами». В целом же, полагал Пайпс, написав «Двести лет вместе», Солженицын «избавился от клейма антисемита»¹⁷⁸.

В начале августа 2008 года, несколько дней спустя после кончины Солженицына, Пайпс опубликовал заметку о жизни и творчестве ушедшего писателя¹⁷⁹. В этом тексте говорилось:

«Солженицын был глубоко погружен в русскую консервативную традицию, он был Достоевским наших дней. Подобно своему великому предшественнику, Солженицын презирал социализм, но при этом не воспринимал и ценности западной культуры с ее упором на секуляризм, свободу и легализм».

По мнению Пайпса, Солженицына будут вспоминать как великого писателя «в первую очередь за выдающееся мужество, с которым он противостоял Советскому Союзу и критиковал его». Пайпс сожалел о его антизападном настрое:

«По расе, религии и культуре русские принадлежат западному миру. Следовательно, отрицая пригодность западных ценностей для своей страны, Солженицын обрекает ее на культурную заброшенность:

177 PIPES R. *Solzhenitsyn and the Jews, Revisited. Alone Together* // The New Republic. 2002. November 25. P. 26–28.

178 Последующие отзывы на «Двести лет вместе» были гораздо жестче, чем отклик Пайпса. См., например: GIMPELEVICH Z. *Op. cit.* P. 297–302; Klier J. D. *Polemics with Encyclopedias: Aleksandr Solzhenitsyn's "Dvesti let vmeste"* // *Ab Imperio*. 2002. № 2. P. 589–604.

179 PIPES R. *Solzhenitsyn's Troubled Prophetic Mission* // The Moscow Times. 2008. August 7 (www.themoscowtimes.com/opinion/article/solzhenitsyns-troubled-prophetic-mission/369634.html).

в такой оптике Россия всегда сама по себе, она ни к кому не примыкает. Но это путь к изоляции, а изоляция влечет за собой агрессию».

И действительно, в последующие годы изоляционизм и агрессивность стали постоянными характеристиками поведения России на международной арене. Важным маркером такого развития стало то, что из уст российских политиков и прочих публичных фигур все чаще и чаще звучало слово «руссофобия».

Этим изменениям способствовали несколько факторов. Во-первых, это расширение НАТО на восток – политика, которой Пайпс решительно противился¹⁸⁰. Во-вторых, это участие России в чеченских войнах, которые были весьма кровопролитными, несмотря на верное замечание Анатоля Ливена о том, что «никто и никогда не сравнивал преступления, имевшие место в Чечне, с преступлениями, совершенными в ходе войн в Индокитае, Корее или Алжире»¹⁸¹. И, в-третьих, это бомбардировки Югославии силами НАТО, осуществленные в 1999 году. Довольно важными в этом ряду оказались и некоторые другие события: авторитарный разворот во внутренней политике после избрания Путина на президентский пост в 2000 году; организованная США в 2003-м война в Ираке (хотя российский отклик на нее был гораздо мягче реакции Франции или Германии)¹⁸²; вторжение России в Грузию в 2008-м, после которого в некоторых газетах начали публиковать «рейтинги руссофобии» в странах мира¹⁸³. Кстати, обвинения в руссофобии нередко предъявлялись и тем российским гражданам, которых власти страны объявляли «пятой колонной» предателей и врагов, тем самым «символически подрывая легитимность либеральной позиции»¹⁸⁴.

В десятилетие, предшествовавшее 2014 году, Министерство иностранных дел Российской Федерации избирательно обвиняло тех или иных зарубежных акторов в руссофобии. Украинский «евромайдан» побудил ведущих российских деятелей, включая самого президента, не только обвинить в руссофобии весь мир, но и даже связать ее с антисемитизмом¹⁸⁵. Впрочем, подобная ассоциация едва ли уместна, поскольку, по справедливому замечанию Элиота Боренштейна, в данном случае «объ-

180 См.: MCGWIRE M. *NATO Expansion: "A Policy Error of Historic Importance"* // *Review of International Studies*. 1998. Vol. 24. № 1. P. 23, ftnt. 1.

181 LIEVEN A. *Against Russophobia* // *World Policy Journal*. 2000. Vol. 17. № 4. P. 28.

182 DUNCAN P.J.S. *Russia, the West and the 2007–2008 Electoral Cycle: Did the Kremlin Really Fear a "Coloured Revolution"?* // *Europe-Asia Studies*. 2013. Vol. 65. № 1. P. 11.

183 FEKLYUNINA V. *Constructing Russophobia* // TARAS R. (Ed.). *Russia's Identity in International Relations: Images, Perceptions, Misperceptions*. London: Routledge, 2012. P. 99.

184 Ibid. P. 107.

185 ROBINSON N. *"Russophobia" in Official Russian Political Discourse* // *De Europa*. 2019. Vol. 2. № 2. P. 64–65, 70–73.

ектом дискриминации выступает не русский народ, а российские власти»¹⁸⁶. Ричард Пайпс тоже неизменно подчеркивал, что его недоброжелательство адресовано исключительно российскому государству и никогда русскому народу как таковому.

Пайпса и сегодня нередко именуют образцовым русофобом. Не так давно Рэймонд Тарас назвал его «подходящим кандидатом на получение звания самого влиятельного русофоба Америки»¹⁸⁷. Признавая тот факт, что Пайпс был «самым одаренным среди историков-русистов, работавших на его второй, американской, родине», Марк Смит писал, что именно он внес наибольший вклад в формирование того умонастроения, которое этот автор называет «страхом перед Россией», выступающим родовым понятием по отношению к русофобии. Более того, высказываемые американским историком опасения по поводу российского экспансионизма Смит не без издевки именует «протоколами Пайпса»¹⁸⁸.

Весьма сомнительным представляется то, что упорное изучение неуклонной тяги России к авторитаризму могло сделать из Пайпса русофоба и привить ему патологическую ненависть к России и русским. Эндрю Гентес предложил оригинальный способ фиксации уровня русофобии, присущей тому или иному исследователю, соотнося ее с диалектической противоположностью – с понятием «русофилия». «Лично я, искренне восхищаясь русской культурой и архитектурой – пишет Гентес, – не пылаю любовью к современному российскому обществу и не питаю симпатий к нынешней российской политике»¹⁸⁹. Выстраивая условную диаграмму, одну ось которой составит русофобия, а другую русофилия, и пытаясь отметить на ней позиции Пайпса, без труда можно убедиться, что он придерживался довольно умеренных взглядов.

Пайпс полагал, что на определенных этапах своего развития России удавалось двигаться в правильном направлении. Он считал Екатерину Великую необычайно просвещенной государыней, особенно восхваляя изданную ею Жалованную грамоту дворянству и ее отношение к еврейскому населению империи. «Она завещала своим наследникам гуманность и хороший вкус, которые стали подспорьем последующим поколе-

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

186 BORENSTEIN E. *Plots against Russia: Conspiracy and Fantasy after Socialism*. Ithaca: Cornell University Press, 2019. P. 103.

187 TARAS R. *Poles and Prejudice: Are Polish-American Scholars Objective about Russia?* // MALICKI J. (Ed.). *Historia est testis temporum: Księga pamiątkowa z okazji jubileuszu 90-lecia profesorów Richarda Pipesa, Piotra Wandyczca, Zbigniewa Wójcika*. Warsaw: Uniwersytet Warszawski, 2017. P. 376.

188 SMITH M.B. *The Russia Anxiety: And How History Can Resolve It*. New York: Oxford University Press, 2019. P. 231–236. Придерживаясь той же линии, в 2019 году Рэй Макговерн, бывший сотрудник ЦРУ, а ныне политический активист, назвал Пайпса «архидьяконом русофобии»: MCGOVERN R. *The Pitfalls of a Pit Bull Russophobe* // Consortium News. 2019. November 22 (<https://consortiumnews.com/2019/11/22/ray-mcgobern-the-pitfalls-of-a-pit-bull-russophobe/>).

189 Из письма Эндрю Гентеса автору, 16 декабря 2019 года.

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

ниям, создававшим великую культуру современной России», – писал Пайпс¹⁹⁰. В 1786 году императрица издала указ, который фактически распространил принцип равенства перед законом и на российских евреев (хотя многие властные структуры и политические деятели препятствовали его исполнению)¹⁹¹. К началу XX столетия, по признанию Пайпса, российское правительство пусть без энтузиазма, но все же занималось защитой и продвижением идеи верховенства права. Однако, когда разразилась революция, «все свободы и права вместе с собственностью унеслись и растаяли в голубой дымке, потому что не имели в стране сколько-нибудь прочных оснований»¹⁹².

Снова и снова Пайпс возвращался к необходимости укрепления верховенства права в России, посвятив этому, в частности, свой доклад на Сахаровской конференции (1991)¹⁹³. Начиная с 1998 года Пайпс последовательно поддерживал Московскую школу политических исследований (МШПИ) – организацию, занимавшуюся утверждением в России гражданского общества, прав человека, политического плюрализма, институтов демократии и верховенства права. Более десяти лет он регулярно приезжал в страну, чтобы участвовать в семинарах МШПИ¹⁹⁴. Это ли поведение человека, ненавидящего Россию и ее народ?

Избрание Владимира Путина президентом России в 2000-м стало для Пайпса своего рода поворотным моментом. Историк считал, что от правовой культуры России, которая накануне революции 1917 года и без того была немощной, за несколько десятилетий большевистской диктатуры почти ничего не осталось. Он опасался, что, желая укрепить государство, Путин «принесет право в жертву политической целесообразности» – несмотря на то, что «одной из наиважнейших задач, стоящих перед постсоветской Россией, остается утверждение верховенства правовых норм». Пайпса тревожило озвученное Путиным намерение смещать губернаторов, нарушающих законодательство: «Само по себе подобное заявление неправомерно, поскольку избираемых должностных лиц надлежит смещать лишь по решению суда»¹⁹⁵. Пайпс признавал, что «российские губернаторы правили на манер феодальных баронов», нарушая порой Конституцию, но при этом настаивал, что «политическое

190 Letter to «The New York Times Book Review». File 77/3/27. AN 14 511. Box 1. HA.

191 PIPES R. *Catherine II and the Jews: The Origins of the Pale of Settlement* // Soviet Jewish Affairs. 1975. Vol. 5. № 2. P. 3–20. Роберт Герачи аргументированно критиковал отстаиваемую Пайпсом положительную оценку той политики, которая проводилась имперским правительством в отношении еврейского населения. См.: GERACI R. *Pragmatism and Prejudice: Revisiting the Origin of the Pale of Jewish Settlement and Its Historiography* // Journal of Modern History. 2019. Vol. 91. № 4. P. 776–814.

192 PIPES R. *Property and Freedom*. New York: Vintage Books, 1999. P. 208. [Пайпс Р. *Собственность и свобода*. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 270.]

193 Remarks, Andrei Sakharov Conference, May 22, 1991. HUG(FP)98.45.1. HA.

194 Из беседы автора с Еленой Немировской, директором-основателем МШПИ, 6 мая 2019 года.

195 PIPES R. *Russia and the Rule of Law*. 2000. AN 17 549. Box 2. HA.

могущество проявляется не в грубом попрании гражданских прав, а в формировании чувства общности интересов, объединяющего власть и народ путем неукоснительного соблюдения закона».

Хотя Путин довольно сдержанно пользовался правом смещать губернаторов, угроза отстранения от должности неизменно оставалась действенным средством держать их в узде. Недобрыми предзнаменованиями стали отмена губернаторских выборов и переход к назначению высших должностных лиц российских регионов президентом; это произошло в 2004 году, вскоре после кризиса с заложниками в Беслане¹⁹⁶. В результате в губернаторских креслах оказалось множество малоизвестных фигур¹⁹⁷. Даже после восстановления выборов, состоявшегося в 2012-м, Путин сохранил за собой право контролировать процесс замещения губернаторских должностей и за один только 2017 год произвел девятнадцать назначений¹⁹⁸. Манипуляции, запугивание и принуждение, недопуск международных наблюдателей и иные эксцессы электорального процесса сопровождали в июне 2020-го «всенародное голосование» по путинским поправкам в Конституцию, подготовившим почву для его переизбрания и последующего пребывания в должности до 2036 года. Все это лишь подтвердило ранее наметившиеся тенденции; иначе говоря, интуиция относительно Путина не подвела Пайпса – историк оказался провидцем.

Вскоре после прихода Путина к власти Пайпс ощутил потребность вновь обратиться к изучению консервативной политической культуры России:

«Если после долгого перерыва что-то заставило вернуться к теме, волновавшей в молодости, так это поразившая меня скорость и, можно сказать, неизбежность, с которой русские люди, избавившись от самой крайней формы авторитарного правления, когда-либо известной в истории, и вроде бы выразив готовность принять демократию, снова, как и в 1917 году, стали искать защиту в подчинении “сильной руке”»¹⁹⁹.

Он также прослеживал преемственность между политической апатией советской эры и путинской эпохи. В обоих случаях большинство людей принимали политический режим не

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

196 Подробнее см.: GOODE P. *The Puzzle of Putin's Gubernatorial Appointments* // *Europe-Asia Studies*. 2007. Vol. 59. № 3. P. 365–399.

197 См.: TUROVSKII R. *How Russian Governors Are Appointed: Inertia and Radicalism in Central Policy* // *Russian Politics and Law*. 2010. Vol. 48. № 1. P. 58–79.

198 MOSES J. *Russian Center-Periphery Relations from Khrushchev to Putin, 1957–2018* // *Demokratizatsiya*. 2019. Vol. 27. № 2. P. 221.

199 PIPES R. *Russian Conservatism and Its Critics: A Study in Political Culture*. New Haven; London: Yale University Press, 2005. P. XI. [Пайпс Р. *Русский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры*. М.: Новое издательство, 2008. С. 12.]

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

в силу позитивного согласия с ним, а «из-за своей аполитичности, которая, как тогда, так и теперь, коренится в убежденности в том, будто рядовые граждане не способны влиять на государственные дела; [...] они не противятся демократии, но считают ее недостижимой». Рассуждая чуть более оптимистично, Пайпс замечал, что быстрый развал Советского Союза обнаружил «неготовность советского населения встать на защиту системы»; но не исключено, продолжал он, что граждане пребывают в том же состоянии и по сей день²⁰⁰. Исторические предрасположенности, доказывал Пайпс на протяжении всей своей академической карьеры, почти никогда не изживают себя. Как уже отмечалось выше, он уподоблял их действие механизмам наследственности в живой природе. Авторы академических работ последнего времени в основном поддерживают аргументы Пайпса, касающиеся становления политической культуры России²⁰¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пайпс не доверял попыткам объяснить особенности тех или иных народов ссылками на биологические или генетические различия, считая определяющим фактором исторической эволюции исключительно культуру. Он полагал, что евреи, жившие в Германии, всегда перенимали культурные обыкновения немцев. В этом свете источником жизнестойкости и процветания еврейского народа предстала не его генетика, а его культура. В свою очередь политическая культура России, испытавшая значительное воздействие географических и исторических обстоятельств, лучше объясняет тяготение страны к авторитаризму, нежели «природная негуманность» русского человека, о которой с горечью упоминал Солженицын. Этот писатель и прочие русские интеллектуалы националистического толка как до революции, так и после нее не доверяли евреям, считая, что культура последних угрожает политическим устоям России. Это разочаровывающий вывод: по сути, он означал, что евреи не смогут добиться доверия со стороны русских, не отказавшись от того, что им дорого, но, даже соглашаясь на это, они не получают гарантий того, что их признают за россиян, — как полагал Пайпс, одним из подтверждений сказанного можно считать нераскрытое убийство отца Александра Меня.

А что же русские, как это работает в отношении их самих? Пайпс полагал, что с ними дело обстоит по-иному. По его

200 PIPES R. *Review Essay* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. Vol. 7. № 2. P. 385.

201 См.: SUSLOV M., UZLANER D. (Eds.). *Contemporary Russian Conservatism: Problems, Paradoxes, and Perspectives*. Leiden; Boston: Brill, 2020.

мнению, Россия сможет остаться Россией – причем сделавшись безопаснее, благополучнее и счастливее, – даже восприняв ценности и принципы современной западной культуры, верховенство права, гражданские права, политическое участие, то есть продвигаясь по тому пути, на который страна, пусть и неуверенно, успела вступить незадолго до революции 1917 года. И хотя националисты, подобные Солженицыну и Шафаревичу, презирали эти ценности, Пайпс, как представляется, все же был прав, полагая, что россияне в большинстве своем предпочли бы усвоить их.

Пайпс любил русскую культуру и считал русский народ добросердечным, но при этом ненавидел эксплуататорскую правящую элиту России. В отношении США, напротив, он уважал политические институты, но был равнодушен к американской культуре. Он с трепетом относился к своей еврейской идентичности и гордился свершениями своих предков. Постоянно проводя параллели между русскими и евреями, Пайпс доказывает, что он ничуть не русофоб, но скорее в значительной мере русофил. Многие российские диссиденты и эмигранты, критиковавшие Советский Союз, подчеркивали свою идейную близость с Пайпсом; при этом их оппоненты в самой России зачисляли гарвардского профессора и подобную эмиграцию в один лагерь. Здесь просматривается яркое свидетельство того, что обе стороны считали Пайпса непосредственно и тесно вовлеченным в эти внутрироссийские дебаты. Пайпс не считал Солженицына расистом, однако видел в нем проповедника антисемитской культуры, ибо русский писатель возлагал вину за революцию на евреев и считал их чуждыми России. В целом же трактовка русской истории, предложенная Пайпсом, оказала серьезное влияние на публичную политику, а также на миллионы читателей, русских интеллектуалов и ученых во всем мире.

Авторизованный перевод с английского Екатерины Захаровой

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

МИКАЭЛЬ
МЕРТЕС

Антисемитизм: следующая глава¹

В 1941 году Ханна Арендт пишет в немецко-еврейской эмигрантской газете «Aufbau»: «Похоже, обезопасить себя от антисемитизма можно только на Луне»². Выбирая название для своей монументальной работы, посвященной истории антисемитизма с античности до наших дней и опубликованной в 2010 году, британо-израильский историк Роберт Вистрих остановился на «Смертоносной одержимости»³. Ведь на деле антисемитизм не просто ненависть к определенной группе из числа очень и очень многих, а по-настоящему навязчивая идея, которая к тому же по своему временному, пространственному и идеологическому охвату превосходит любой из ранее известных вариантов неприятия иных религиозных, культурных или этнических общностей.

Показательно, в частности, что антисемитизм присутствует даже в тех странах, где еврейского населения совсем нет или почти нет. Так, согласно данным американской «Антидиффа-

- ¹ Перевод выполнен по: MERTES M. *Antisemitismus: das nächste Kapitel* // *Stimmen der Zeit*. 2022. № 3. S. 205–215. Текст печатается с любезного разрешения редакции журнала и автора, предоставленного «НЗ» в марте 2022 года. «НЗ» благодарит Вадима Королькова за важные уточнения, сделанные в процессе работы над переводом.
- ² ARENDT H. *Vor Antisemitismus ist man nur noch auf dem Monde sicher. Beiträge für die deutsch-jüdische Emigrantenzeitung Aufbau 1941–1945*. München: Piper Taschenbuch, 2019. S. 34.
- ³ WISTRICH R.S. *A Lethal Obsession: Anti-Semitism from Antiquity to the Global Jihad*. New York: Random House, 2010.

КУЛЬТУРА
ПОЛИТИКИ

мационной лиги»⁴, 23% жителей Японии являются антисемитами⁵. Похоже, подобное заключение подтверждает знаменитый афоризм Теодора Адорно о том, что антисемитизм – это «слух о евреях»⁶. Слухи же, как известно, способны порой рождают убеждения; именно к таковым относится представление, согласно которому евреи будто бы объединены в некий монолитный блок, сплачиваемый общими политическими целями. На самом деле в мировоззренческом, культурном и этническом плане они представляют собой не более чем выражено гетерогенную группу – и уж, разумеется, никак не «расу», как предполагал термин «антисемитизм», в 1879 году введенный, а потом и распространенный Вильгельмом Марром, человеком соответствующих взглядов⁷. Нынешний мир населяют всего 15 миллионов евреев: это число ничтожно мало по сравнению с 2,4 миллиарда христиан и 1,9 миллиарда мусульман. В 2019 году примерно 45,3% еврейского населения планеты проживали в Израиле, а 38,8% – в США⁸. При этом большинство израильских евреев сегодня имеют отнюдь не европейские, а североафриканские или восточные корни – это, по израильской терминологии, мизрахим⁹.

По инициативе той же «Антидиффамационной лиги» респонденты из более чем ста стран прошли специальное анкетирование, в котором их просили дать оценку различным слухам о евреях. По замыслу исследователей, те, кто шесть или более раз отвечал на вопросы предложенной анкеты формулой «скорее всего верно», классифицировались как антисемиты. При этом в анкетных вопросах фиксировались следующие стереотипы¹⁰: «евреи контролируют глобальные процессы»; «евреи владеют мировыми СМИ»; «евреи доминируют на международных финансовых рынках»; «евреям принадлежит слишком большая власть в экономике»; «евреи держат под контролем правительство США»; «евреи несут ответственность за большинство войн»; «евреи более лояльны к Израилю, чем к странам своего проживания»; «евреи слишком много говорят о том,

МИКАЭЛЬ МЕРТЕС

АНТИСЕМИТИЗМ:
СЛЕДУЮЩАЯ ГЛАВА

Микаэль Мертес (р. 1953) – немецкий писатель, публицист, переводчик, в 1987–1998 годах был политическим советником канцлера Гельмута Коля, в 1998–2006 годах работал журналистом, в 2006–2011 годах занимал пост государственного секретаря федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия по делам федерации и взаимодействию с Европейским союзом, в 2011–2014 годах возглавлял представительство Фонда имени Конрада Аденауэра в Израиле.

4 «Антидиффамационная лига» – ведущая международная неправительственная организация, специализирующаяся на борьбе с антисемитизмом и основанная в 1913 году в США. Целью своей деятельности организация считает «построение мира, в котором ни одна группа и ни один человек не станут жертвами предубеждений, дискриминации или ненависти» (www.adl.org/who-we-are). – *Примеч. перев.*

5 *The ADL Global 100: An Index of Anti-Semitism* (<https://global100.adl.org/country/japan/2014>).

6 ADORNO T.W. *Minima Moralia. Reflexionen aus den beschädigten Leben*. Berlin; Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1951. S. 200 (рус. перев.: АДОРНО Т. *Minima Moralia. Размышления из поврежденной жизни*. М.: Ad Marginem, 2022. – *Примеч. перев.*).

7 VOLKOV S. *Antisemitismus als kultureller Code*. München: C.H. Beck, 2000. S. 26–27.

8 См.: DELLA PERGOLA S. *World Jewish Population, 2019* // *The American Jewish Year Book*. 2019. Vol. 119. P. 263–266.

9 LEWIN-EPSTEIN N., СОНЕН Y. *Ethnic Origin and Identity in the Jewish Population of Israel* // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. Vol. 45. № 11. P. 2118–2137.

10 Подробнее о методологии, размере выборки и допустимой погрешности см. раздел «About the Survey Methodology» на сайте проекта: <https://global100.adl.org/about/global100>.

что произошло с ними во время Холокоста»; «евреи считают себя лучше других»; «евреев не волнует, что происходит с другими, если только это не кто-то из них»; «евреев ненавидят за то, как они ведут себя».

Исследование приводит к выводу, что антисемитизм более выражен: во-первых, в Восточной Европе, чем в Западной Европе (34% против 24%, причем в Германии – 15%); во-вторых, на Ближнем Востоке, в Турции и Северной Африке, чем в странах южнее Сахары (74% против 23%); в-третьих, в Южной и Центральной Америке, чем в Северной (25% в Бразилии против 10% в США); в-четвертых, в православии, чем в западных христианских конфессиях (67% в Греции против 15% в Норвегии). Последний раунд опроса был проведен в 2019 году, то есть до начала пандемии, во время которой антисемитские мифы, связанные с теорией заговора, пережили в Европе очередную подъем¹¹.

АНТИСЕМИТСКИЙ КОКТЕЙЛЬ

Можно ли вообще написать что-то новое об антисемитизме, не считая, конечно, постоянного обновления страниц в нескончаемой хронике происшествий с антисемитской подоплекой? И да и нет. Да – поскольку антиеврейские дискурсы всплывают в совершенно неожиданных местах: например, с недавнего времени в среде левых постколониальных идентитаристов¹². Нет – потому что ингредиенты антисемитизма, составляющие антииудейский топос вроде клише о «мстительном еврейском боге» или «всемирном еврейском заговоре», давно известны; оригинальными оказываются лишь новые смеси, которые из них готовятся.

В содержательном плане термин «антисемитизм» чаще встречается во множественном, чем в единственном числе; за ним стоит не какая-то выраженная и обособленная субстанция, а настоящий коктейль из различных антисемитизмов. Чтобы распутать клубок возникающих здесь взаимосвязей и пересечений, имеет смысл обособить друг от друга отдельные формы и обоснования антисемитизма. Среди них можно выделить: 1) традиционный антииудаизм, имеющий как христианское, так и мусульманское воплощение¹³; 2) современный антисе-

11 См., например: ROSE H. *Pandemic Hate: COVID-Related Antisemitism and Islamophobia, and the Role of Social Media*. München: IFFSE-Stiftung, 2021.

12 Обилие примеров на этот счет, взятых из британских дебатов, см. в книге: BADDIEL D. *Und die Juden?* München: Carl Hanser Verlag, 2021.

13 О происхождении мусульманских вариантов антииудаизма см.: NIRENBERG D. *Anti-Judaismus. Eine andere Geschichte des westlichen Denkens*. München: C.H. Beck, 2015. S. 145–190.

митизм, подкрепляемый социальными, культурными и биологическими мифами, а также политической и идеологической повесткой; 3) так называемый вторичный антисемитизм, который иногда саркастически называют «антисемитизмом из-за Освенцима»; 4) антисемитизм, связанный с Государством Израиль. Вопросы о том, пересекаются ли между собой – и если да, то в какой степени – антисионизм и антисемитизм, по-прежнему остаются дискуссионными. Но как бы то ни было, не приходится сомневаться, что не все антисионисты являются антисемитами, в то время как большинство антисемитов действительно оказываются антисионистами.

Христианство и ислам издавна нуждаются в объяснении, почему еврейская общность до сих пор существует. Разве божественная истина не воплотилась раз и навсегда в Иисусе? Разве пророк Мухаммад не воспринял божественное откровение в его окончательной форме? И не доказывает ли разрушение Иерусалимского храма, произошедшее в 70 году нашей эры, что Бог разорвал Завет, заключенный им с евреями на Синае? А если это так, то не нарушает ли восстановление еврейской государственности, состоявшееся в XX столетии, Его волю? Ведь только под впечатлением от трагедии Холокоста церковь заменила учение о конце Ветхого завета учением о «нерушимом завете». Противостояние между христианством и иудаизмом изначально было гораздо ожесточеннее, чем конфликт между исламом и иудаизмом. Если христианский антисемитизм изображает евреев как опасных врагов, то мусульманский антисемитизм презирает их как слабаков, однако таких слабаков, чьей двуличности правоверный обязан остерегаться¹⁴. Связано это с тем, что первые христиане были всего лишь безнадежно ущемленным меньшинством в той еврейской среде, из которой они вышли. И, напротив, последователи Мухаммада в военном отношении изначально превосходили еврейские племена на Аравийском полуострове.

Рекомендуемое разграничение разных видов антисемитизма не соответствует идеальным типам Макса Вебера – его новые формы всегда перенимают и заново комбинируют какие-то элементы, взятые из старых форм. Это можно пояснить, обратившись к генезису мифа о «еврейском мамманизме»: в нем сперва показывается изменник Иуда, продавший Иисуса за тридцать сребреников, затем на сцену выходит ростовщик Шейлок, а за ним появляется ненасытный Ротшильд, который в XIX веке капиталистическими методами уничтожает богоугодный порядок. Далее, если следовать той же логике, в XX столетии иудей-плутократ превращается в сиониста-шантажиста, который ис-

14 Это различие отчетливо демонстрирует Маттиас Кюнтцель: KÜNTZEL M. *Islamic Antisemitism: Characteristics, Origins, and Current Effects* // Israel Journal of Foreign Affairs. 2020. Vol. 14. № 2. P. 229–239.

пользует Холокост как инструмент для обогащения – требуя возместить ему понесенный материальный ущерб. В конечном же счете оказывается, что именно этот шантажист самолично придумал (или максимально раздул) Холокост, превратив его в антидот против критики колониально-эксплуататорской структуры под названием «Израиль».

Средневековая традиция «кровавого навета» все еще продолжает жить, в том числе и в конспирологическом учении *QAnon*, согласно которому нынешняя мировая элита похищает и убивает детей, чтобы из их крови изготавливать омолаживающую сыворотку. Эхо тех же средневековых предрассудков доносится до нас из обращения католического архиепископа Карло Марии Вигано «*Veritas liberabit vos*», обнародованного 7 мая 2020 года; в нем утверждается, что жадная до власти и денег элита воспользовалась эпидемией коронавируса для продвижения вакцин, в изготовлении которых использовались компоненты, извлекаемые из абортированных зародышей¹⁵. В лозунге «Израиль – детоубийца!» звучат все те же громовые раскаты¹⁶.

То явление, которое сегодня называют «исламским антисемитизмом», представляет собой смешение элементов традиционного антииудейства и современного антисемитизма. (Обозначения типа «мигрантский антисемитизм» или «импортированный антисемитизм» вводят в заблуждение; от них мало толку еще и потому, что они подгоняют непохожие друг на друга группы иммигрантов под один общий знаменатель.) Исламский антисемитизм совмещает в себе «кровавый навет» средневековой Европы и русские теории заговора, повествующие о мировом еврейском господстве, с цитатами из Корана, в которых евреи посрамляются как сыновья обезьян и ослов. В этой зловещей демонологии США и Израиль часто изображаются в виде союза сатанинских сил, который угрожает идентичности, ценностям и самому существованию арабов и ислама¹⁷.

В принятом в 1998 году уставе организации ХАМАС слова «еврей» и «сионист» используются как синонимы. А связующим звеном для них служит одна из самых крупных фальсификаций в новейшей истории – так называемые «Протоколы

15 См.: *Ein Aufruf für die Kirche und für die Welt an Katholiken und alle Menschen guten Willens*. (Итальянский архиепископ Вигано (р. 1941) до своей отставки по возрасту, состоявшейся в 2016 году, был одним из высокопоставленных ватиканских дипломатов; в последние годы превратился в яркого критика и разоблачителя Ватикана и лично папы Франциска. В упоминаемом документе, помимо Вигано, подписанном и другими церковными иерархами со всего мира, ставится под сомнение реальность эпидемии COVID-19. См. текст документа на русском языке: «Истина сделает вас свободными». Призыв к Церкви и миру, католикам и всем людям доброй воли (http://didaha.ru/publ/imennoy_ukazatel/karlo_marija_vigano_poslanie_12_katolicheskikh_episkopov/248-1-0-250). – *Примеч. ред.*)

16 См.: STEINKE R. *Im Hass vereint* // *Süddeutsche Zeitung*. 2021. 15 Mai (www.sueddeutsche.de/politik/antisemitismus-islamisten-israel-deutschland-1.5294411).

17 См.: WISTRICH R.S. *Op. cit.* P. 795.

сионских мудрецов»¹⁸. Эта подделка, созданная в 1903 году, до сих пор рассматривается и распространяется в некоторых частях исламского мира в качестве подлинного исторического документа¹⁹. Соответственно, статья 32 устава ХАМАС гласит: «Вслед за Палестиной сионисты хотят присвоить земли от Нила до Евфрата. Когда же они переварят области, которыми уже овладели, то устремятся к новому расширению – и так без конца. Их план описан в “Протоколах сионских мудрецов”»²⁰.

МИКАЭЛЬ МЕРТЕС
АНТИСЕМИТИЗМ:
СЛЕДУЮЩАЯ ГЛАВА

Если правые экстремисты рисуют себя решительными противниками исламского антисемитизма, то вовсе не потому, что отказываются от собственной неприязни к евреям, а из-за того, что видят в этом возможность обосновать и подкрепить собственную антипатию к мусульманам.

АНТИСЕМИТЫ ВСЕГДА ДРУГИЕ

В нынешние времена убедительно обоснованная констатация того, что исламский антисемитизм существует, незамедлительно влечет за собой подозрения в «исламофобии» или «антимусульманском расизме». Нельзя, однако, сказать, что подобного рода мнительность вообще не имеет под собой оснований. Если правые экстремисты рисуют себя решительными противниками исламского антисемитизма, то вовсе не потому, что отказываются от собственной неприязни к евреям, а из-за того, что видят в этом возможность обосновать и подкрепить собственную антипатию к мусульманам. Тем не менее отсюда нельзя делать вывод, будто бы критика исламского антисемитизма принципиально недопустима. Здесь мы сталкиваемся с одной из проблем современного дискурса об антисемитизме: зачастую на первый план в нем выходит не антисемитизм как таковой, а какие-то тактические вопросы – скажем, стремление легитимировать собственные идеи и развенчать противоположные концепции.

Весьма поучительными в указанном отношении стали дебаты в Бундестаге, сопровождавшие принятие парламентской резолюции от 17 мая 2019 года «О противостоянии движе-

18 В 2012 году брошюра «Протоколы сионских мудрецов» была внесена в Федеральный список экстремистских материалов, составляемый Министерством юстиции Российской Федерации. – *Примеч. ред.*

19 SAMMONS J.L. (Hrsg.). *Die Protokolle der Weisen von Zion. Die Grundlage des modernen Antisemitismus – eine Fälschung*. Göttingen: Wallstein-Verlag, 2018. S. 26.

20 См. англоязычную версию этого документа, подготовленную в рамках проекта «Авалон» Йельской школы права: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/hamas.asp.

нию “BDS” и борьбе с антисемитизмом»²¹. Аббревиатура «BDS» в названии упомянутого антисемитского движения обозначает «Boycott, Divestment and Sanctions» – бойкот, изоляцию и санкции. Бесспорно, движение «BDS» стремится экономически, культурно и политически изолировать Израиль – но с какой целью это делается? Хочет ли оно оказать давление на израильтян, протестуя против израильской оккупации арабских земель и строительства новых поселений на Западном берегу реки Иордан – или же оно стремится к тому, чтобы Государство Израиль как можно скорее исчезло с политической карты мира? Не вызывает сомнения, что движение «BDS» предоставляет широкую крышу, под которой найдется место даже для тех, кто считает еврейское государство абсолютно нелегитимным образованием, недостойным существования.

Согласно утвердившимся в немецкой политической культуре правилам, обвинение в антисемитизме относится к числу самых серьезных. Поэтому те, кто наряду с подавляющим большинством депутатов Бундестага считает «BDS» антисемитским движением, категорически отрицают его политическую и моральную легитимность. Те же, кто это движение поддерживает или по крайней мере относится к нему терпимо, естественным образом пытаются прикрыть его от подобных нападков. Заявление «Initiative GG 5.3 Weltoffenheit», прозвучавшее в декабре 2020 года²², напрямую затрагивает упомянутую проблему:

«Историческая ответственность Германии не должна оборачиваться отказом от моральной или политической делегитимации иного исторического опыта насилия и угнетения. В связи с обсуждением резолюции Бундестага [по поводу движения “BDS”] [...] важные мнения были оттеснены на второй план, а критические позиции оказались представленными в искаженном виде. Причиной этого стали неуместные обвинения их сторонников в антисемитизме».

В качестве средства против подобных злоупотреблений сторонники инициативы рекомендуют «критически пересмотреть привилегированное положение [немцев], используемое в качестве имплицитной нормы».

Однако действительно ли депутаты Бундестага, критикуя «BDS», отказывали в делегитимации «иному историческому опыту насилия и угнетения»? Формулировка странная, поскольку в принципе невозможно сделать чей-то опыт нелегитимным.

21 См. официальное сообщение Бундестага: *Bundestag verurteilt Boykottaufrufe gegen Israel* (www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2019/kw20-de-bds-642892).

22 См.: *Initiative GG 5.3 Weltoffenheit: Plädoyer für Weltoffenheit* (www.humboldtforum.org/wp-content/uploads/2020/12/201210_PlaedoyerFuerWeltoffenheit.pdf). («Initiative GG 5.3 Weltoffenheit» – совместная акция нескольких культурных и научных учреждений Германии, направленная на борьбу с антисемитизмом, расизмом, правым экстремизмом и любыми формами религиозного фундаментализма, допускающими применение насилия. – Примеч. перев.)

Но вот нарративные апологии насилия действительно могут быть и должны быть лишены всякой легитимности. Никакая критика не должна обходить стороной подобные оправдания просто из-за того, что в их основе лежат мнимо неприкосновенные положения. Это возражение касается среди прочего и необоснованного утверждения, согласно которому обвинения в антисемитизме используются со злонамеренной неуместностью, искажая чьи-то критические позиции. Когда белые обвиняют в антисемитизме небелых, так ли это оскорбительно? И какой смысл в этой связи рассуждать об «имплицитных нормах»? Отказ белого большинство от любых форм антисемитизма означает среди прочего и отречение от антисемитизма небелых меньшинств – выходцев из бывших европейских колоний. Тот факт, что рассматриваемая здесь критика направлена также и против их антисемитских взглядов, вовсе не свидетельствует о нехватке рефлексии у привилегированного большинства (то есть у немцев), а скорее выступает осознанным выражением фундаментального этического принципа, согласно которому антисемитизм в принципе недопустим.

Британско-еврейский комик Дэвид Баддиел в своей книге «А евреи?»²³ на многочисленных примерах показывает, что постколониальный идентитарный дискурс приводит к поразительным искажениям в аргументации. Характеризуя себя в качестве человека левых взглядов, Баддиел разбирается с последствиями догмы, согласно которой расизма в отношении белых просто не может быть. В Великобритании, сообщает он, евреи «не маргинализированы, хотя и остаются маргиналами». Поскольку евреи якобы контролируют Уолл-стрит, Голливуд и западные средства массовой информации, их считают необычайно привилегированными – причем такого мнения придерживаются отнюдь не только сторонники правых идей. В результате некоторые видят в них не просто белых, а вдвойне белых, из чего делается вывод, будто они принципиально не могут быть подлинными жертвами расизма. В подобной оптике столь же верным оказывается и обратное: небелые, по определению, не способны быть антисемитами²⁴.

Баддиел считает обособление антисемитизма от расизма проблематичным, но в то же время не соглашается с позицией, согласно которой существует нечто вроде «иерархии расизма», где антисемитизм занимает одно из нижних мест²⁵. Не исключено, что это противоречие можно разрешить, если, с одной стороны, констатировать, что антисемитизм есть форма расизма, а с другой стороны, заявить, что он в своей исторической

23 BADDIEL D. *Op. cit.*

24 Ibid. S. 46–49.

25 Ibid. S. 86–87.

и идеологической сложности охватывается расизмом лишь частично. В отличие от иных известных форм расизма антисемитизм есть навязчивая идея, которая вот уже на протяжении двух тысячелетий гнездится в головах и сердцах бесчисленного множества людей всего мира – как «слух» (Теодор Адорно), как «культурный код» (Шуламит Волков) или, наконец, как изощренный конспирологический нарратив. Ведь никому еще не приходила в голову идея демонизировать коренные народы Африки, Америки, Азии или Австралии как заговорщиков, злоумышляющих против всего человечества.

Название «Голова мавра» применительно к кондитерскому изделию сегодня вызывает неодобрение, но будет ли кто-нибудь возражать против наименования «Фарисей» в отношении кофе со сливками, содержащего основательную добавку рома?

Страшное созвучие кроется в немецких словах *Erlösung* и *Endlösung* («спасение» и «окончательное решение»). За этим подобием стоит национал-социалистическое представление о евреях как об апокалиптическом враге, которого необходимо уничтожить, дабы тысячелетний рейх вступил в эпоху благополучия и процветания. Те же, кто подчеркивает уникальность антисемитизма, желают не столько вывести его на ведущие позиции в крайне сомнительной «иерархии расизма», сколько подчеркнуть имеющиеся конкретные различия. Название «Голова мавра» применительно к кондитерскому изделию сегодня вызывает неодобрение, но будет ли кто-нибудь возражать против наименования «Фарисей» в отношении кофе со сливками, содержащего основательную добавку рома?²⁶ «Голова мавра» по-расистски характеризует цвет кожи, а «Фарисей» – социально вредное поведение, приписывая евреям склонность к лицемерию, обману, предательству. Вопрос, что хуже, заводит в тупик – и то и другое по-своему плохо.

26 «Голова мавра» – немецкое бисквитное пирожное с начинкой, изготовленное в форме полушария и политое шоколадом. В настоящее время название считается дискриминационным и устаревшим. «Фарисей» – горячий напиток, приготавливаемый из подслащенного кофе, рома и взбитых сливок. Легенда связывает его появление с деятельностью некоего аскетичного пастора, служившего в XIX веке в Северной Фризии и запрещавшего своей пастве употреблять алкоголь. Но местные жители, придумав описанную смесь, избавились от тягостной опеки: взбитые сливки не позволяли рому испариться, а аромат кофе перебивал запах алкоголя. Когда же пастор понял, в чем дело, он, обличая обман, воскликнул: «О вы, фарисеи!». Так напиток обзавелся названием. – *Примеч. перев.*

НОВЫЙ РЕВИЗИОНИЗМ И ВТОРИЧНЫЙ АНТИСЕМИТИЗМ

МИКАЭЛЬ МЕРТЕС

АНТИСЕМИТИЗМ:
СЛЕДУЮЩАЯ ГЛАВА

Не так давно против мнения о том, что антисемитизм есть *идеология sui generis*, выступил «новый ревизионизм» (типичный представитель – американский историк Омер Бартов)²⁷. В то время как «старый» ревизионизм пытался приуменьшить немецкую вину, напоминая о страданиях, перенесенных самой Германией (*Leidverrechnung*), или вообще обращаясь к откровенной лжи, неоревизионисты, подобно австралийскому историку Дирку Мозесу, оспаривают принципиальное различие между колониальным угнетением и нацистской политикой уничтожения. В своей широко обсуждаемой статье «Катехизис немцев» Мозес иронизирует над тем фактом, что «первосвященники немецкой исторической политики» заботились о сакрализации Холокоста и защищали воздвигнутое ими на этой основе святилище посредством «публичных ритуалов экзорцизма»²⁸. Реагируя на это, историк и специалист по правому экстремизму Фолькер Вайс метко заметил, что с тезисом о сакрализации он впервые встретился у новых правых, рассуждающих о «немецком культе вины». Иначе говоря, Мозес не должен удивляться тому, что правые круги привлекают его в качестве главного свидетеля, подтверждающего их правоту. В своей последней работе «Проблемы геноцида: перманентная безопасность и язык трансгрессии»²⁹ Мозес вообще заявляет, что геноцид стал изобретением еврея и сиониста Рафаэля Лемкина. По мнению Мозеса, этот юрист всеми силами старался изобразить Холокост в качестве единственного «настоящего» геноцида и тем самым «маргинализировать величайшие страдания небелых во всем мире как несравнимые с Освенцимом»³⁰.

Подобная интерпретация не только попахивает теорией заговора, но и напоминает выписку из учебника по вторичному антисемитизму. И идет она гораздо дальше, чем тезис о вине перед евреями (*Judenknax*), который Дитер Кунцельман, глава «Тупамарос Западного Берлина», сформулировал еще в ноябре 1969 года:

«Несомненно, Палестина [*sic!*] для Германии и Европы – то же самое, что Вьетнам для американцев. Только вот левые еще не поняли этого. Почему? Все дело в не оставляющей их вине перед евреями»³¹.

27 См.: BARTOV O. *Blinde Flecke* // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2021. 13 Oktober.

28 См.: MOSES D. *Der Katechismus der Deutschen* // Geschichte der Gegenwart. 2021. 23 Mai (<https://geschichte.dergegenwart.ch/der-katechismus-der-deutschen>).

29 См.: IDEM. *The Problems of Genocide: Permanent Security and the Language of Transgression*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.

30 BARTOV O. *Op. cit.*

31 KUNZELMANN D. *Brief aus Amman* // Agit 883. 1969. 27 November. S. 5. («Тупамарос Западного Берлина» – леворадикальная террористическая организация, действовавшая в Западном Берлине с ноября 1969-го по июль 1970 года. – Примеч. перев.)

В настоящее время террористическая угроза для европейских евреев исходит преимущественно от правых экстремистов и агрессивных исламистов. В лагере сторонников левого идентитаризма подобные покушения на евреев остаются редкостью – тем не менее последние не оставляют попыток занизить число антисемитских вылазок, осуществляемых небельми, выставляя их в качестве единичных случаев. Правые популисты точно так же трактуют аналогичные деяния коренных европейцев, стараясь минимизировать их антисемитизм. Нет смысла отрицать, что сообщество тех, кто высказывает неприязнь к евреям, очень разнообразно. Так, исследование, проведенное Агентством Европейского союза по основным правам в декабре 2018-го, то есть за два года до начала коронавирусного кризиса, показало, что евреи в Германии в предшествующее пятилетие испытывали особенно серьезные преследования (*harassment*) со стороны мусульман (41%), правых радикалов (20%) и левых радикалов (16%). В 22% случаев опрошенные не могли сообщить, к какой группе принадлежали их обидчики³².

Наибольшим искушением в дискурсе об антисемитизме остается тактика «А как насчет ...?». Именно из этого вопроса ведет свое происхождение обозначающий ее английский термин *whataboutism*. По сути дела, речь здесь об обороне посредством наступления. Когда я говорю об антисемитизме правых радикалов, руководствующихся теорией заговора, то слышу именно такую реакцию: «А почему же вы не упоминаете о нападениях арабов на людей в ермолках?». Если же в свой черед речь заходит о нападениях мусульман на еврейские учреждения, то в ответ слышится: «А почему вы молчите о нападении на синагогу в Галле в 2019 году?». Такие контратаки заставляют подозревать, что у них единственное предназначение: они просто призваны на корню пресекать нежелательные толки, ведь в конце концов в своем глазу бревно не так уж и заметно.

Впрочем, в одном отношении *whataboutism* вполне корректен: он намекает, что использовать двойные стандарты нехорошо. На один из примеров их применения справедливо указывает «Международный альянс в память о Холокосте» – это когда от Израиля требуют такого поведения, которое «не ожидается ни от одного другого демократического государства»³³.

32 См.: *Experiences and Perceptions of Anti-Semitism. Second Survey on Discrimination and Hate Crime against Jews in the EU*. Luxembourg: European Union Agency for Fundamental Rights, 2018. P. 54.

33 На форуме, состоявшемся в мае 2016 года в Бухаресте и принявшем «рабочее определение антисемитизма», «Международный альянс в память о Холокосте» привел ряд примеров, призванных проиллюстрировать различные проявления антисемитизма. Среди них, в частности, упоминалась критика Израиля не как государства, а как «сообщества евреев». (Подробнее см.: *What Is Antisemitism? Non-Legally Binding Working Definition of Antisemitism* (<https://holocaustremembrance.com/resources/working-definitions-charters/working-definition-antisemitism>). – *Примеч. перев.*)

НОВАЯ ФАЗА АНТИСЕМИТИЗМА

МИКАЭЛЬ МЕРТЕС

АНТИСЕМИТИЗМ:
СЛЕДУЮЩАЯ ГЛАВА

По всей вероятности, мир вступает в новую фазу истории антисемитизма. Эта фаза складывается под влиянием, с одной стороны, возрождающейся конспирологии, получившей на просторах интернета небывалые возможности для процветания, а с другой стороны, идентитарного ревизионизма – движения, бесчувственного к, безусловно, особенному характеру враждебности, с которой сталкиваются евреи. Упрощая, можно сказать, что первый тренд проявляет себя справа, а второй – слева. Однако на деле происходящее лишено подобной однозначности. Действительно, вера в теории заговора шире распространена в среде правых экстремистов и радикальных исламистов, а антисемитизм, основанный на критике Израиля, напротив, присущ левой части политического спектра и умеренным мусульманам. Но имеются и совпадения. Например, неонацистская партия «Правые» («Die Rechte») в 2019 году баллотировалась в Европейский парламент под лозунгом «Остановить сионизм: Израиль – наша беда». В последнее время левые неоревизионисты, перейдя условную черту, достигли вторичного антисемитизма. Теперь в памяти немцев о Холокосте они видят всего лишь средство умалить страдания небелых людей. Получается, права была Ханна Арендт: обезопасить себя от антисемитизма можно лишь на Луне.

Перевод с немецкого Маргариты Шакировой

ИГОРЬ
СМИРНОВ

Искусственный интеллект *avant la letter*: как кино учило машины

1

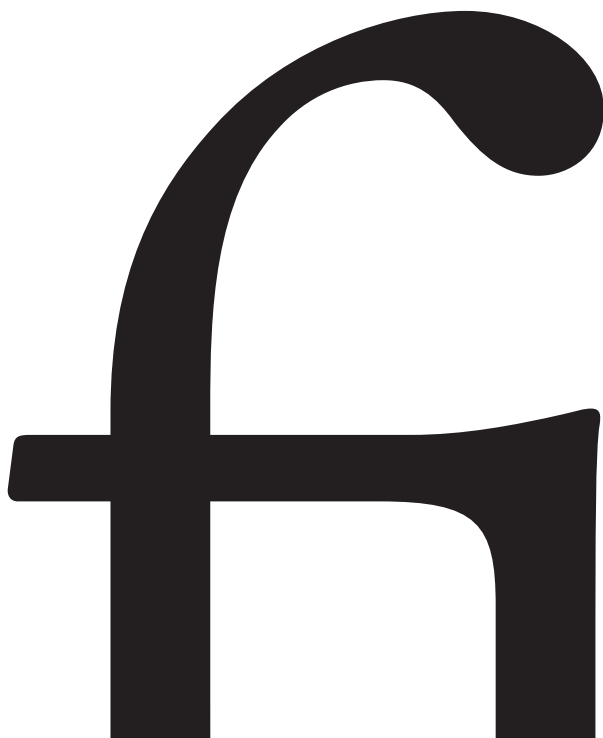
Игорь Павлович Смирнов (р. 1941) – автор многочисленных статей и книг гуманитарного профиля, основной научный интерес сосредоточен на теории истории. Живет в Констанце (Германия) и Санкт-Петербурге.

Врано обнаружившемся интересе к искусственному человеку кино не было оригинальным – оно продолжало тематическую линию, прочерченную до того мифопоэтическим мышлением, включая сюда литературную фантастику. Сотрудничество киноискусства со словесными текстами в этой смысловой области остается актуальным и по сей день: подавляющее большинство фильмов, в которых действуют человекоподобные существа, позаимствовало свои сюжеты из литературных источников.

В мифопоэтическом воображении артефакты, имитирующие людей, связаны как с Танатосом, так и с Эросом. Возглавляющий в античной социокультуре вереницу таких персонажей Талос – медный гигант, выкованный Гефестом и предназначенный Зевсом для охраны Крита, – гибнет, не будучи в совершенстве неуязвимым для своих противников. Создание Пигмалиона – Галатея, – напротив того, статуя, которую оживляет любовь скульптора к своему творению¹. Даже не углубляясь детально

¹ Об античных антропоидах см. подробно: MAYOR A. *Gods and Robots. Myths, Machines, and Ancient Dreams of Technology*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2018.

КУЛЬТУРНО-
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ПЕДАГОГИКА
КИНО

в археологию магистральных в социокультуре идей, мы имеем основание для предположения, что образ искусственного человека является из разложения того единства смерти и жизни, которым характеризовался культ предков, сопринадлежавших обществу и *post mortem* определявших из инобытия его функционирование. Вызревающая история должна была, дабы не ввергать общество в хаос, отграничить нерушимую веру в естественное бессмертие зачинателей человеческого рода от того, что могло бы ее поколебать, дестабилизировать – от искусственного производства жизни, от *téchne*. В противоположность предкам аналогии человека либо удаляются из социореальности в небытие, либо включаются в нее так, как если бы были неотличимы от современного им окружения. Жизнь на них либо обрывается (и тогда они танатологичны), либо ими продолжается (и тогда они эротичны) – но не возникает благодаря им. Они не ставят под сомнение генезис общества и его норм. В Ветхом Завете Танатос следует из Эроса: соитие изготовленных Богом Адама и Евы обрекает их на смерть. Иудейская религия развязывает проблему поддержания социального порядка в условиях исторической всеизменчивости самым радикальным образом. Ветхий Завет приписывает прародителям человечества искусственное происхождение, отнимает вековечность и у предков, атрибутируя ее только Демиургу (загробный мир здесь отсутствует), и тем самым требует от общества особо строгого соблюдения традиции, раз та трансгуманна, заповедана ему Всевышним. Знаменательно, что для Платона изложенный в диалоге «Протагор» миф о лепке богами людей из земли служит не более чем параболой, демонстрирующей превосходство знания-в-становлении (диалектического) над знанием о самотождественных вещах (энциклопедического свойства). Согласно мифу, Эпиметей наделяет каждого из изваянных в демиургическом акте людей только одним качеством, между тем как Прометей, сочувствуя их слабости, снабжает их украденными у Гефеста и Афины огнем и божественной способностью к искусству, к умелой созидательности, которая ложится в основу суверенно человеческих социокультурных начинаний. Оспаривая софиста Протагора, видящего вещи равными себе, Сократ берет сторону Прометея и утверждает, что следование Эпиметею может лишь вводить умствующего в заблуждение. Философские Афины опонируют религиозному Иерусалиму в том, что предоставляют человеку право на автопойезис, на восхождение, приближающее его к богам². Отсюда тянутся две ветви в концептуализации искусственных живых существ. В одном случае эти креа-

ИГОРЬ СМIRHOV
ИСКУССТВЕННЫЙ
ИНТЕЛЛЕКТ AVANT
LA LETTER...

2 Я отвлекаюсь от периферии греческой ойкумены: у этрусков, к примеру, был распространен миф о Прометее – выдвигателе перволюдей (Ibid. P. 112 ff).

туры изображаются продуктами саморазвития человека, его цивилизационными достижениями – как, например, в романе Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818). В другом – антропиды мистичны, прибывают в здешнюю действительность из какой-то запредельной ей области, скажем, из далекого прошлого, и, соответственно этому, являются в свет порожденными архаической магией. Роман Густава Мейринка «Голем» (1915) замечателен тем, что восстановил генезис такого рода историй: повествователь в этом тексте обнаруживает легендарного глиняного стража пражского гетто, вызванного давным-давно к жизни рабби Лёвом, в самом себе и, таким образом, подтверждает библейское представление о тварности человека как такового. Сциентизм и мистицизм могут, разумеется, переплетаться в отдельных произведениях.

**Вызревающая история должна отграничить
нерушимую веру в естественное бессмертие
зачинателей человеческого рода от того, что могло
бы ее поколебать – от искусственного производства
жизни, от *téchne*.**

Общий смысл грез об артефактах, подражающих человеку, был интуитивно схвачен романтизмом, с его тягой к исследованию исходных пунктов всяческих социокультурных процессов. На то обстоятельство, что искусственный человек был результатом трансформационных дополнений, которым подвергся культ предков, романтизм, пусть косвенно, но все же недвусмысленно, указал в художественных текстах об оживающих скульптурных изображениях умерших. Анализируя этот мотив на материале пушкинской поэзии, Роман Якобсон обратил внимание на неприменную губительность вмешательства изваяний в людские дела («Статуя в поэтической мифологии Пушкина», 1937). Предки мстят в романтизме обществу за ту метаморфозу, которая когда-то, при переходе от преисторической социокультуры к исторической, вынудила их стать в ряд с искусственными подобиями живых. Эстетическая культура конца XVIII – первой четверти XIX века, реверсируя время, устремляясь к первоистокам, компенсировала несправедливость истории, подменившей (но, конечно же, не зачеркнувшей) поклонение родоначальникам фетишизацией рукотворных симулякров человека. По почину романтизма кино, знакомя нас с антропоморфными машинами, также удерживает в себе след их сопряженности с культом предков. Так, в «Терминаторе» (1984) Джеймса Кэмерона и в «Искусствен-

ном разуме» (2001) Стивена Спилберга действие фильмов развергывается на фоне руин (в них готов превратиться город будущего уже в «Метрополисе» (1927) Фрица Ланга). Как остатки прошлого, не поддающиеся устранению из современности, как сохраняющиеся на века, несмотря на разрушительную работу времени, руины – материальный эквивалент непреходящей духовной ценности тех, кто, и покинув мир сей, регулирует деятельность общества.

Социокультурная релевантность руин формируется вследствие переноса смыслового комплекса «жизнь-вопреки-смерти», закрепленного за загробным царством, в посягостороннюю реальность. Почитание развалин делается социокультурным фактом сравнительно поздно (в Ренессансе), но оно, как и воображение о технодублерах человека естественного, производно от истории, постепенно и со временем все далее и далее уходящей прочь от ритуала, который был запрограммирован предками, основоположниками общества, из глубокого прошлого. Разложение культа предков дало множество плодов, общей особенностью которых явилось транспонирование удвоенной (ведущейся за гробом) жизни, второго начала из трансцендентной сферы в зону имманентного нам. Среди прочего к ним принадлежит дуальная организация социума, предполагавшая обмен брачными партнерами между его фраатриями³, то есть ставившая возобновление рода в зависимость от перехода границы, разделяющей мир здесь и сейчас. Сюда же относятся изученные Дмитрием Зелениным поверья об опасных для людей «заложных покойниках» (*Untote*)⁴: гибнущие раньше отведенного им срока, они составляют отрицательную параллель к предкам, подателям витальности, будучи мертвыми при еще не исчерпанной жизни, а не живыми после смерти. Раз удвоение происходит в чувственно воспринимаемой среде, инобытие оказывается наглядным, зрелищным. Человеку предоставляется возможность увидеть себя копированным в подвижной пластике – в театре марионеток, родство которого с погребальной обрядностью (и, значит, с культом предков) выявила Ольга Фрейденберг⁵. Все приведенные замечания об историзации культа предков были бы излишни, если бы ее эхо не звучало в том контексте, в котором и в литературе, и в кино обычно изображается *homo artificialis*. Этот персонаж то ищет себе спутницу жизни (как в романе Мэри Шелли и в фильме «Невеста Франкенштейна» (1935) Джеймса Уэйла; в новелле Проспе-

ИГОРЬ СМIRHOV
ИСКУССТВЕННЫЙ
ИНТЕЛЛЕКТ AVANT
LA LETTER...

3 См. подробно: LÉVI-STRAUSS C. *Les structures élémentaires de la parenté*. Paris, 1947.

4 Зеленин Д.К. *Очерки русской мифологии. Вып. 1. Умершие неестественной смертью и русалки*. Петроград, 1916.

5 ФРЕЙДЕНБЕРГ О.М. *Семантика архитектуры вертепного театра // Декоративное искусство*. 1978. № 2. С. 41–44.

ра Мериме «Венера Илльская» (1835) извлеченная из раскопа языческая статуя убивает молодого человека, надевшего ей на палец обручальное кольцо, но собирающегося жениться на своей подруге), то соположен двойничеству (как в «Големе» Мейринка и в «Метрополисе», где механическое исчадие ада – Лже-Мария – воспроизводит облик проповедницы христианских добродетелей), то оказывается опасным после кончины, наподобие «заложных покойников» (что удостоверяют и статуя Командора, карающая убийцу того, кто ею запечатлен, и робот-репликант, преследующий в виде металлического картера героиню «Терминатора» даже когда после взрыва цистерны сгорает его органическая оболочка), то ассоциирован с куклами (такова Олимпия в «Песочном человеке» (1816) Эрнста Теодора Амадея Гофмана; в «Искусственном разуме» мальчика-репликанта на протяжении всего фильма сопровождает говорящая механическая игрушка – медвежонок; марионетки и манекены – обычный второй ряд и во многих других кинопроизведениях об антропоидах). Образ искусственного человека помнит, стало быть, не только собственное происхождение из культа предков, как это засвидетельствовал романтизм, но и иные – сходные – преобразования служения им, случившиеся по мере нарастающей историзации социокультуры.

Захвативший мифопоэтическое воображение по ходу переориентации социокультуры с прошлого на будущее, искусственный человек и сам оказался носителем исторического начала, овнутив изменчивость, каковая в качестве имманентной ему сделала его автоматическим устройством. Хотя автоматы были знакомы уже античности, повальным увлечением конструированием самодвижущихся машин, симулирующих разные живые существа, стало в эпоху Просвещения⁶. Эта мода диктовалась общей для XVIII столетия мыслью о самодостаточности всего, являющегося в мире, в том числе и инженерных произведений (и заодно изобличала имитации в механистичности). В обратной связи с пристрастием Века разума к постройке автоматов Жюльен Офре де Ламетри отождествил с машиной человека. Если Рене Декарт различал в «Рассуждении о методе» (1637) машинообразность организма, достающегося людям от природы, и только им присущую неавтоматичность сомневающегося в себе мышления, то Ламетри снял в «L'homme machine» (1747) этот дуализм, сведя сознание к комбинированию данных, полученных нашими органами чувств. Ламетри не был одинок в своей деспиритуализации человека. Этьен Бонно де Кондильяк сравнил в «Трактате об ощущениях» (1754) человека с оживающей статуей, которая набирается опыта исключительно

6 См. подробно, например: JANK M. *Der Homme Machine des 21. Jahrhunderts. Von lebendigen Maschinen im 18. Jahrhundert zur humanoïden Robotik der Gegenwart.* Paderborn, 2014.

но сенсорным путем. Революция, совершенная Просвещением применительно к отношению между *homo naturalis* и *homo artificialis*, заключалась в том, что они были поняты как одно и то же. Природа порождает машины, а человек вторит ей в своем инженерном мастерстве. Главное качество просвещенческого универсума – его самодовлеющий характер, автоидентичность, устраняющая из него противоположное данному (в тогдашних теориях прогресса будущее лишь усиливает и обогащает то, что уже добыто современностью). Мир без противоположного доступен для остенсивных, по Иммануилу Канту, определений, зрительно насквозь пронизаем, что стало важной предпосылкой для возникновения столетие спустя движущейся фотографии с ее претензией на всевидение.

ИГОРЬ СМIRHOV
ИСКУССТВЕННЫЙ
ИНТЕЛЛЕКТ AVANT
LA LETTER...

Кино вернуло свой долг эпохе Просвещения, впрочем, иронически дистанцировавшись от нее, в фильме Федерико Феллини «Казанова» (1976), где сексуальные подвиги великого европейского авантюриста XVIII века, на каждый из которых отзывается заводная бронзовая птица, взмахивающая крыльями и фаллически поднимающаяся из своего основания, увенчиваются в герцогстве Вюртембергском половым актом с механической куклой (илл. 1). Изоморфно тому, как автомат эротизируется (не утрачивая при этом, в отличие от Галатеи, свойства артефакта), движения самого Джакомо Казановы в любовных сценах механистичны: так, он проделывает гимнастические упражнения перед тем, как вступить в высшем английском обществе в соревнование по оргазмам с кучером, которое в свою очередь растягивает совокупление в длительной монотонности вздымающихся и опускающихся тел. Возможно, что Феллини паро-

Илл. 1. ...Все живое и неживое («Казанова», 1976).

дировал биомеханику Всеволода Мейерхольда, но даже если он и целил свою полемику в фетишизацию машин авангардом 1920-х, он с безошибочным историческим чутьем уловил основоположное для просвещенческой социокультуры отсутствие инаковости в паре человек и машина.

Для Просвещения приобретение каким-то явлением несобственного признака не порождает противоречия, потому что это состояние феномена не исключает его из общего порядка вещей, а напротив, делает его таким же, как и все остальное, вписывает его в универсальный контекст. В споре с XVIII веком романтизм истолковал человекоподобные автоматы как амбивалентные настолько, что с ними не справляется ум: столкнувшийся в «Песочном человеке» с как будто живой механической куклой Натаниэль теряет рассудок и совершает самоубийство. Просвещенческая прозрачность мира отрицается Гофманом в проходящих через всю его новеллу мотивах потери зрения и ложного видения. Сходным образом разрывается в противоречии и чудовище, созданное Виктором Франкенштейном: оно пытается стать добрым демоном, примкнуть к человеческой среде, но, выброшенное оттуда, сеет вокруг себя смерть, убивая особенно дорогих своему творцу людей. Монструозный Адам, сбежавший от Виктора и очутившийся один на один с природой, был задуман Мэри Шелли как карикатура на «l'homme de la nature et de la vérité» Жан-Жака Руссо (не случайно семейство Франкенштейнов живет в Женеве). Искусственные приемы воспитания естественного человека в педагогике Руссо (еще один вариант слияния артефактов и натурофактов в просвещенческом сознании) обернулись в тексте романтической эпохи рассказом об опасном и неудачном воспроизведении демиургического акта, скомпрометировавшим XVIII век в качестве периода непомерных претензий человека на всемогущество.

Аналогично тому, как романтизм разрушал просвещенческую идейную систему, он сам был поставлен под сомнение реалистически-позитивистской культурой второй половины XIX века. В романтической новелле Натаниэля Готорна «Мастер красоты» (1846) часовщику Оуэну удается смастерить (подобно умельцам XVIII столетия) механическую чудо-бабочку, которую ловит и разрушает, сдавливая в кулаке, ребенок – сын бывшей возлюбленной часовщика Энн, вышедшей замуж за кузнеца Роберта Денфорта. Переняв у Готорна сюжет о порче насекомого-автомата, автор из следующей за романтизмом эпохи Николай Лесков придал этой истории в «Левше» (1881) характер неправдоподобной народной легенды (один из сигналов заимствования – избыточный в посттексте мотив часов, которые англичане дарят тульскому оружейнику, подковав-

шему их миниатюрную механическую блоху и лишившему ее подвижности). Напрасное у Готорна состязание человека с *natura naturans*, завершающееся крахом подражания природному производству, переводится у Лескова из метафизического плана в этнокультурный, эмпирический – во внешне комическое исследование того, как русские в соревновании с европейцами превосходят соперников, одновременно обесмысливая свою победу (выбор в репрезентанты Западной Европы англичан намекает на англоязычный источник «Левши»).

Я не буду пока проследивать дальнейшие трансформации смысла, вкладываемого литературой в автоматы и искусственного человека. Важно лишь принять во внимание, что во всех только что названных художественных текстах, к каким бы историко-культурным периодам они ни принадлежали, эта проблематика устойчиво сочетается с тематизацией зрительного восприятия (монстр у Мэри Шелли подглядывает за незрячим стариком и его семейством, обучаясь обычаям, принятым среди людей; Оуэн занимает в «Мастере красоты» место ослепшего на работе Питера Ховендена, в чью дочь он влюбляется) и с изображением инструментов наблюдения (подзорной трубы в «Песочном человеке», микроскопа в «Левше»). Вопрос, что значит видеть и не видеть, тем актуальнее, чем более человек отчуждается от себя и естественной среды в изделях, дублирующих его и одушевленную природу. На этом пути он обретает способность увидеть свое видение, отраженное в антропо- и натуроморфных имитатах жизни, и подготавливает рождение кинематографии – такого визуального средства, которое видит само себя.

2

При всем том, что в обращении к антропоидам кинематография не была оригинальной, она привнесла в эту топику прежде небывалую целеположенность. Запечатлевая игру актеров на киноплёнке, искусство фильма оказывается самовоспроизводством. В отличие от прочих бытовавших в социокультурном обиходе каналов, по которым транслировалась эстетическая информация, киномедиаальность авторефлексивна. Это обстоятельство делает ее передатчиком искусства, с необходимостью осведомляющего зрителей о самом себе, какие бы внеположные тому сюжеты ни развертывались на экране. Дело здесь не только в том, что кино с чрезвычайной охотой берется рассказывать о киносъёмках, близкородственных им театральным постановкам и всяческим зрелищам. В этих случаях оно еще не разнится с традиционными искусствами – с литературными

текстами-в-текстах и драматическими воссозданиями сцены на сцене. Речь идет о сплошной императивной авторефлексивности фильмов⁷, выражающейся, например, в проанализированном Кристианом Метцем переносе рамок экрана на изображаемые в кинокадре проемы дверей и окон⁸ или в показе действия, увиденного не непосредственно, а с помощью разного рода приборов (зафиксированного на фотографиях, демонстрируемого по телевидению и тому подобное). События, разыгрывающиеся по ходу киноповествования, очень часто протекают в двух планах (в среде как взрослых, так и детей и в иных параллельных реальностях), сопровождаются наплывами, знакомящими нас с прошлым героев, обрисовываются повторно под разными углами зрения. Автор фильма расправляется и актерами на съемочной площадке, и полученным фотоматериалом на монтажном столе, перерабатывая результаты съемки. Здесь не место перечислять все особенности киноискусства, следующие из его авторефлексивной природы, из господствующего в нем самоотражения. Их, однако, можно обобщить, сказав, что кино – это явление бископии, такого видения мира, которое сообщает также о том, как оно его видит⁹ (в том числе и сравнивая разные его картины). Кино стало, таким образом, новым шагом в обсуждавшемся выше удвоении посюсторонней действительности, которое распространилось с нее на ее визуальную медиализацию. Технодублиеры человека как нельзя лучше соответствовали медиуму, который видел все в двойном свете и обязывал реципиентов совместить их естественное зрительное восприятие с искусственным зрением, поставляемым кинокамерой, монтажом или – позднее – компьютерной анимацией. Роботы, киборги и репликанты воплотили, если воспользоваться выражением Белы Балаша, Дух фильма.

В литературе оживающие механизмы соотнесены вслед за мифом с *проблемой авторства*. Они то компрометируют автора, пускающего на *hybris* и терпящего катастрофу, то указывают на демонизм его творческой способности, составляющей угрозу для людей, то требуют от читателей восхититься его дерзанием (как в Овидиевой легенде о Пигмалионе и ее многочисленных филиациях¹⁰) и так далее. У антропоидов на экра-

7 См. подробно: Смирнов И.П. *Видеоряд. Историческая семантика кино*. СПб., 2009. С. 113–149 (здесь же – литература вопроса).

8 METZ C. *Die unpersonliche Enunziation oder der Ort des Films*. Münster, 1997. S. 51 ff.

9 О понятии бископии и ее исторических трансформациях см. подробно: Смирнов И.П. *Видеоряд...* С. 72 и далее.

10 Об откликах литературы (прежде всего русской) на историю, поведенную в «Метаморфозах» Овидия, см.: MASING-DELIC I. *Creating the Living Work of Art: The Symbolist Pygmalion and his Antecedents* // PAPERNO I., GROSSMAN J.D. (Eds.). *Creating Life. The Aesthetic Utopia of Russian Modernism*. Stanford: Stanford University Press, 1994. P. 51–82.

не тоже есть создатели, но если фильмы и задаются вопросом, что такое авторство (впрочем, они проделывают это отнюдь не в обязательном порядке – кто именно сконструировал в ленте Кэмерона Терминатора, нам неизвестно), то все же главное для них – преподнести искусственного человека репрезентантом киномедиума. Бабочка-автомат у Готорна – произведение искусства, но новелла ценностно дистанцирована от этого механического устройства, ведь в пуанте новеллы ребенок ломает это устройство. То, что специфицирует новеллу (пуанта), внушает читателям мысль о преимущественной значимости естественной плодovitости в сравнении с механикой.

ИГОРЬ СМОРНОВ
ИСКУССТВЕННЫЙ
ИНТЕЛЛЕКТ AVANT
LA LETTER...

Илл. 2. Вхождение монстра в зеркало («Франкенштейн», 1910).

Разумеется, литература бывает авторефлексивной, как и кино. В этой своей, как принято говорить, метафизическойности она сосредотачивается на том, кто ее порождает: к примеру, «Левшу» допустимо читать как текст о выстраивании писателем интертекста, как повествование о подхватывании чужого сюжета, которое рассчитано на *aemulatio*, но ценой того, что отнимает жизненность у оригинала. Между тем уже в одном из ранних фильмов об изготовлении организма из неживой материи, поставленном в студии Томаса Эдисона «Франкенштейне» (1910)¹¹, монстр в концовке кинокартины уходит в зеркало, исчезает в собственном отражении так же, как перестает восприниматься нами то отражение представленной актерами фантастической действительности, какой является сама эта лента (илл. 2). Изображаемый объект (вернее – объект, в котором просыпается субъект) оказывается квинтэссенцией медиума. В начале фильма мы видим Виктора со спины, подсматриваю-

11 Первый фильм о человекоподобной машине, «Gugusse et l'Automate» (1887) Жоржа Мельеса, утерян: JESTRAM H. *Mythen, Monster und Maschinen. Der künstliche Mensch im Film*. Köln, 2000. S. 3 ff.

щим в окошечко за тем, как в запертом помещении происходит чудо одухотворения мертвого вещества. Виктор ассоциирован со зрителем, приступающим к знакомству с фильмом. После того, как монстр растворяется в зеркале, заглядывающий туда Виктор обнаруживает на месте Франкенштейна-2 себя самого, Франкенштейна-1. Автор здесь обретает *alter ego* не только в своем изделии, но и в реципиентах – в авторефлексивном кинопроизведении он видит и себя, и Другого, который глядит на него.

Исследуя многочисленные фильмы о Франкенштейне, Шейн Денсон справедливо утверждает, что они выдвигают на передний план собственную медиальность, коль скоро в *pendant* их герою Виктору реанимируют мертвый фотографический след живого организма¹². Денсон концентрирует при этом свое внимание исключительно на телах, попадающих в объектив кинокамеры, исходя из того, что у Духа в фильме только одна задача – вдохнуть себя в плоть. Такой подход неоправданно сужает наше поле понимания кинокартин об антропоидах. Как акты медиальной авторефлексии фильмы этого толка соответствуют самосознанию, выделяющему человека из ряда прочих живых существ. Кино не просто первое техноискусство, а первое искусство, которое технизировало фундаментальное свойство нашего интеллекта. Фильм переводит в наглядный образ работу самосознания, развертывающуюся от «я»-субъекта к «я»-объекту (к телу) и идущую затем назад – туда, откуда она началась. Попятный ход – в природе киномедиума (отсюда реверсирование изображения, монтаж, наплывы и многое другое – скажем, пространственность киноремейков). В этой особенности фильма его язык адекватен тому перевороту актерской игры, который совершает ее репродуцирование на фотоносителе. Если актерское исполнение ролей может быть воссоздано с помощью аппаратуры, то и искусственный человек в фильме – в обратном порядке, отвечая приемам, какими пользуется киноязык, – будет мыслящей особью, которая управляет своим телом и его контактами с иными телами, которая предпринимает движение от своей объектности к субъектности – то самое, что конституирует наше самосознание. На своей ранней стадии кино предвосхищает постройку думающих машин, чтобы позднее наделить их тем совершенством, которого в наши дни пока еще нет на практике у искусственного интеллекта. Машинному симулированию интеллекта в лабораториях предшествует кинообразование. В некотором смысле киномедиум и есть прототип умных автоматов с тем отличием от них, что рефлексивует о себе не в реальной обстановке, выполняя утилитарное

12 DENSON SH. *Postnaturalism. Frankenstein, Film, and the Anthropotechnical Interface*. Bielefeld, 2014. P. 46, 53.

задание, а воздействует на психику реципиента, вводя в нее их образ даже и тогда, когда фильм тематически не имеет с ними дела. В статье «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (1936) Вальтер Беньямин скользнул по поверхности обсуждавшегося им предмета, проглядев то обстоятельство, что фильм не просто копирует и тиражирует исполнительское мастерство, лишая его ауры, которая есть у исключительных явлений, а снабжает ореолом технопроекцию на экран самосознания, антропогенного по своей сущности. Гораздо ближе к истине, нежели Беньямин, был Хуго Мюнстерберг, писавший, что кино старается освободиться от зависимости от внешнего мира с тем, чтобы передать на экране нашу внутреннюю реальность, деятельность Духа¹³. Пусть Мюнстерберг и недооценил вызываемого кинозрелищем «эффекта реальности» – он точно угадал сокровенный смысл фильмического искусства, визуализирующего наш отдающий себе отчет рассудок.

ИГОРЬ СМIRНОВ
ИСКУССТВЕННЫЙ
ИНТЕЛЛЕКТ AVANT
LA LETTER...

**Кино – первое искусство, которое технизировало
фундаментальное свойство нашего интеллекта.
Фильм переводит в наглядный образ работу
самосознания, развертывающуюся от «я»-субъекта
к «я»-объекту и идущую затем назад.**

До того, как логомашины вошли в социокультурный обиход, кино, *tachina sapiens*, трактовало этих своих двойников, будь они биотехнического или сугубо физического свойства, в качестве отчуждаемых от человеческого мира, исчезающих из него. В «Гомункулусе», фильме режиссера Отто Рипперта, состоявшем первоначально (1916–1918) из шести частей и затем (1920) перемонтированном в трехсерийную ленту, финальные сцены в разных версиях не одинаковы, но равно завершают сюжет смертью заглавного героя. За многообразными приключениями Гомункулуса скрывается стержневая тема фильма, заключающаяся в постепенном постижении искусственным существом себя, которое начинается с подслушанного им рассказа профессора Ханзена, в чьей лаборатории он был выращен, о своем происхождении. Постепенно Гомункулусу открывается его гипнотическая способность, о которой он не подозревал, и,

13 MÜNSTERBERG H. *Das Lichtspiel. Eine psychologische Studie [1916] und andere Schriften zum Kino*. Wien, 1996. S. 78 ff. Отчасти следуя за Мюнстербергом, Рудольф Хармс провозгласил, что фильм – это «зеркало нашего Я» (HARMS R. *Philosophie des Films. Seine ästhetischen und metaphysischen Grundlagen*. Zürich, 1970. S. 137). Томас Эльзессер и Мальте Хагенер воздали должное вкладу Мюнстерберга в теорию кино, которое сами они рассмотрели не только как апеллирующее к сенсомоторному опыту зрителей, но и как происходящее на экране ментальное событие: ЭЛЬЗЕССЕР Т., ХАГЕНЕР М. *Теория кино. Глаз, эмоции, тело*. СПб., 2016. С. 300–305 (и вся глава «Кино как мозг: разум и тело» в целом. С. 294–337).

чем более он узнает о себе, тем настойчивее выказывает свою суверенность, становясь правителем в народном собрании и противопоставляя себя, самодостаточного субъекта, всему миру, подготавливаемому им к разрушению (он подстрекает толпу на бунт). Гомункулуса сопровождает в его авантюрах ассистент Ханзена, Родин, спасший книгу, в которой, по всей вероятности, излагается тайна рождения искусственного человека. Гомункулус избегает опасностей, пока рядом с ним загадочная книга, в которой содержится его программа и которая тем самым выступает аналогом сценария, положенного в основу кинозрелища. Человек из инкубационного шкафа в фильме Рипперта не полноценен: он лишен чувств, привязывающих друг к другу остальных людей. Задолго до нашей современности, принявшей (например в лице Рихарда Давида Прехта) критиковать когнитивные автоматы за аморализм, Рипперт донес до кинозрителей свое сомнение в возможности биоинженерии моделировать человеческие эмоции.

Илл. 3. Кинотеатр рабби Лёва («Голем, как он пришел в мир», 1920).

Как и у Рипперта, искусственный человек в фильме Пауля Вегенера «Голем, как он пришел в мир» (1920) поставлен в зависимость от книги, откуда рабби Лёв извлекает чертеж, по которому создает защитника гетто от напастей. Лёв – эквивалент режиссера, работающего со сценарием и с эскизами мизансцен; во дворце правителя рабби демонстрирует собравшимся нечто вроде фильма из библейской истории (илл. 3). Сам глиняный гигант (роль которого, что знаменательно, играет режиссер фильма) с не сгибающимися в коленях и широко расставленными ногами напоминает кинокамеру на штативах. Он открывает глаза после того, как Лёв вкладывает ему в грудь

капсулу с волшебным словом: объектив квазикиноаппарата приводится в активное состояние Логосом.

Высокая историко-культурная значимость фильма, снятого Вегенером, в том, что здесь впервые явление робототехники было последовательно сопоставлено с процессом кинопроизводства. Чародейство Лёва – это кинотехномагия. Выход Голема из-под контроля творца (он поднимает руку на Лёва и бесчинствует в гетто) означает, что робот обрел волю к самостоятельным действиям и знание о своей мощи. Пусть в быту еще не существует оборудования, умеющего принимать решения по собственной воле, машина уже автономизируется, потому что отождествляется с кино, с медиумом, довлеющим себе. Разбушевавшегося Голема приводит в негодность ребенок, отвинчивающий с его груди звезду – пусковое устройство автомата. Естественное продолжение жизни легко одерживает победу над своим искусственным аналогом в тех условиях, в которых тот до времени не более чем фантастичен.

Бунт приборов и роботов в литературных текстах – в «Восстании машин» (1908) Валерия Брюсова, в «R.U.R» (1920) Карела Чапека – несет в себе отчетливые следы воздействия, оказанного на традиционные искусства сенсационным возникновением киноэстетики, каковая сразу же была воспринята как уступка человеком своих инициатив машине. В «Организме театра» (1909) Максимилиан Волошин писал:

«Популярность кинематографа основана прежде всего на том, что он – машина, а душа современного европейца обращена к машине самыми наивными и доверчивыми сторонами своими»¹⁴.

И у Брюсова, и у Чапека революция машин, кроме того, связывается с электричеством, без которого не была бы осуществима кинопроекция (в «Восстании машин» бунт поднимает техника, питаемая электроэнергией с центральной станции; в пьесе «R.U.R» людей защищает от роботов электрический ток, пущенный по садовой ограде). В поэме Велимира Хлебникова «Журавль» (1909) и в трагедии Владимира Маяковского, названной именем поэта (1913), возмущение охватывает не только машины, но и артефакты любого рода, всю материальную культуру. Литература «кинофицируется»¹⁵ в этих текстах под влиянием свойственного фильму сосредоточения внимания на физических деталях обстановки, в которой протекает действие и которые получают такое же значение, что и актерская игра. Восстают ли в литературе роботы или прочие орудия цивилизации, протест во всех перечисленных случаях разворачивается по гегелевской схеме, согласно которой угнетаемому

14 Волошин М. *Лики творчества*. Л., 1988. С. 118.

15 Этот процесс был рассмотрен уже Адрианом Пиотровским в брошюре «Кинофикация искусств» (1929).

Господином Кнехту надлежит стать Другим относительно себя, воплотить в себе самосознание, завершая историю.

Перенеся тему Хлебникова и Маяковского в киносценарий «Восстание вещей» (1923)¹⁶, Лев Лунц в полемике с футуризмом отнял у захватывающих власть над миром артефактов разум (типографии, сами, без участия человека печатающие газеты, поставляют читателям бессмысленный набор слов – «заумь», в поэтологических терминах «Гилеи»). Концовка повествования у Лунца, однако, открыта: не известно, победят люди или вещи («Война! Будет невиданная война!»¹⁷), так что Гегель в этом сочинении если и опровергается, то отнюдь не ультимативно. Автономизирующиеся машины подразумевают второе начало социокультуры в ее целом, распространяющееся заодно на все индустриальные изделия, которые служат во благо человеку. Такой шаг (отвечавший авангардистской устремленности в будущее¹⁸) амбивалентен: его совершение и полностью разрушает старый порядок, и спасает социокультуру в ее инобытийности, выявляя всегда присущую ей сотериологическую функцию. Автомат в кино сразу как спасителен, так и деструктивен: Голем у Вегенера поддерживает потолок, падающий на придворных во время просмотра подвижных картин (*tableaux vivants*) из библейской истории, и в то же время способен к убийствам.

Символизируя другое рождение социокультуры вообще, искусственный человек может выступать на экране и так, что это его значение сужается до выполнения им некоей конкретной исторической задачи. Жюльену Дювивье в его «Големе» (1936) робот был интересен не сам по себе и не как отражение киномедиума, но как предлог для отклика на актуальную политическую ситуацию – на преследование евреев в нацистской Германии. В фильме Дювивье глиняный великан выпускает из темницы заключенных туда императором Рудольфом II евреев и казнит самого правителя, предоставляя народу Израилеву возможность переопределить свою судьбу. Знаменательно, что Голем у Дювивье не самоволен в своих действиях – он вступает за евреев, сокрушая все вокруг, после того, как героине фильма Рахили удается оживить закованное в цепи изваяние. Машина, о которой осведомляет нас Дювивье, не суверенна, она имеет служебное предназначение, поскольку на передний план в киноповествовании выдвигается свобода народного – естественного – тела.

16 К авангардистскому контексту киносценария ср.: Кукуй И. *Между Сциллой кинематографа и Харибдой литературы. Киносценарий Льва Лунца «Восстание вещей» // Советская власть и медиа /* Под ред. Х. Гюнтера, С. Хэнсген. СПб., 2006. С. 396–411.

17 Лунц Л. «Обезьяны идут!». *Проза. Драматургия. Публицистика. Переписка.* СПб., 2003. С. 308.

18 Рассказ символиста Брюсова «Восстание машин» недаром остался незаконченным.

В кинодилогии Джеймса Уэйла «Франкенштейн» (1931) и «Невеста Франкенштейна» (1935) превращение антропоида в трансцендентального субъекта растягивается на два этапа. В первом из названных фильмов монстр (в исполнении Бориса Карлоффа) вовсе не проникает в смысл своих поступков: затеяв игру с ребенком, он бросает его в воду – девочка тонет, после чего разгневанная толпа сжигает преступника на ветряной мельнице (издавна известный механизм оказывается местом гибели новоизобретенного заместителя человека: регресс к ранней машинной цивилизации не дает этой креатуре надежного убежища). В «Франкенштейне» Уэйл был занят прежде всего проведением параллелей между киномедиумом и героем фильма. Экспериментальный человек изготавливается при помощи атмосферного электричества, озаряющего яркой вспышкой башню, где проходит опыт; тянется, оживая, к свету – к *conditio sine qua non* кинопроизводства; пугается огня, жертвой которого часто становился целлулоид фотопленки (пока она не стала невоспламеняющейся)¹⁹. Как и Вегенер в роли Голема, Карлофф, вззирающий на мир мертвыми (как бы техническими) глазами, волочаший ноги в преувеличенно тяжелых башмаках и наклоняющий корпус вперед при походке, уподобляет себя съемочной камере. При этом у монстра есть изъян – по недоразумению в него был вложен украденный из анатомического театра мозг дегенерата. Сознательный себя кино-медиум закономерным образом склонен к самокритике, он осмысляет и себя, и свою персонификацию в техночеловеке как нечто, далекое от совершенства. Кино антиципирует гораздо более поздние сопоставления искусственного и отприродного интеллекта, в которых (например у Жан-Франсуа Лиотара) в выигрыше остается второй из них, в которых имитат авто-рефлексии уступает ее оригиналу²⁰. В одной из сцен «Франкенштейна» (не имеющей соответствия в романе Мэри Шелли) Уэйл посылает доктора Вольдмана прооперировать усыпленное чудовище – оно душил врача. Вольдман вторит кинорежиссеру, орудуя с пленкой, монтирующему с ножницами в руках отснятые кадры. Смысл смерти доктора, чьи действия напоминают режиссерский труд, в том, что, по Уэйлу, автор фильма не в состоянии распорядиться медиумом, пусть и ущербным, но тем не менее побеждающим мастера своего дела.

В «Невесте Франкенштейна» подход к искусственному человеку меняется. В сиквеле он, чудесно вышедший живым из пламени, трансцендентализируется, постепенно познает, кто он такой и каковы его желания. Монстр, немой от рождения,

19 О пожарах в кинотеатрах и мотиве горящей целлулоидной ленты в фильме и литературе см. подробно: Смирнов И.П. *Видеоряд...* С. 296–303.

20 См. подробно: Он же. *Ум хорошо, а два лучше. Философия интеллекта.* М., 2021. С. 310–345.

встречается со слепым старцем, играющим на скрипке, и, зачарованный музыкой, привязывается к отшельнику, от которого усваивает языковые навыки. Перед нами, конечно же, аллегория перехода кинематографии от дозвуковой к звуковой стадии²¹, который интерпретируется как приобщение техномедиума к давно признанному искусству, олицетворенному любителем скрипки в преклонных летах. Старое искусство утратило зрячесть, которая есть у монстра-наблюдателя, напоминающего съемочный аппарат. В фильме об интеллектуализации человека, сфабрикованного в эксперименте, одухотворяющийся монстр противопоставлен игрушечным репликантам – заключенным в стеклянные банки миниатюрным живым куклам (балерине, русалке, епископу), которых доктор Преториус демонстрирует ученому сообществу. В согласии с романом Мэри Шелли рост авторефлексии побуждает изгоя после того, как он увидел свое отражение в воде, искать себе спутницу жизни. Сотворенная искусственно, как и он, женщина (здесь фильм отступает от литературного источника) отталкивает от себя монстра – тот учиняет погром лаборатории и гибнет в огне. Смерть настигает героя фильма, в котором Уэйл представил зрителям самообучающуюся машину, модифицирующую поведение в зависимости от ситуации, в какую она попадает. Автоматам, повышающим свой образовательный уровень (*Deep Learning*), предстояло произвести революцию в робототехнике только в последние десятилетия XX века²².

Вразрез с голливудской и западноевропейской кинематографией 1910–1930-х советский фильм вместе с прочими искусствами в «стране большевиков» тематизировал не столько очеловечивание машины, сколько по преимуществу механизацию человека. Эта тенденция постреволюционной художественной культуры была метко схвачена в «Зависти» (1927) – романе, в котором Юрий Олеша противопоставил «человека-машину» Володю Макарова, завоевывающего будущее, автомату по имени «Офелия», снабженному старомодной, более не затребованной эмоциональностью и существующему в воображении, а не в реальности. Революция позиционировала себя по ту сторону всей до того накопившейся социокультуры и поэтому была озабочена не конструированием думающих аппаратов, выполняющих в истории то же, что и она – задание, – а приведением в соответствие с собой человека, от которого требовалось, чтобы он, потеряв натуральность, подвергся бы инструментализации, стал бы механическим устройством. Происходившее в Советской России включение человека в техносферу хорошо

21 См. также: DENSON SH. *Op. cit.* P. 138.

22 О самообучающихся автоматах см., например: MACKENZIE A. *Machine Learners. Archeology of a Data Practice*. Cambridge: MIT Press, 2017; MURPHY R.R. *Introduction to AI Robotics*. Cambridge: MIT Press, 2019. P. 445 ff.

известно, совершалось ли оно в литературе («Я слился с железом постройки», – писал Алексей Гастев²³), в сценической биомеханике Всеволода Мейерхольда (восходившей при посредничестве Сергея Волконского – Франсуа Дельсарта²⁴ к философии Ламетри), в научных антропозкспериментах²⁵ или в кино²⁶ (мечтавшем в лице Дзиги Вертова о возникновении «совершенного электрического человека»²⁷ и настаивавшем на автоматизме нашей психики в «Механике головного мозга» (1926) Всеволода Пудовкина). Не привлекло к себе, однако, исследовательского внимания то обстоятельство, что советский фильм не только перебрасывал на людей свойства машин, но и принижал значимость автоматически функционирующих механизмов – как, например, в сцене из «Октября» (1928), в которой Сергей Эйзенштейн монтирует изображения самовлюбленного Керенского, вступающего в Зимний дворец, и находящегося там подвижного металлического павлина (1772) работы английского мастера Джеймса Кокса²⁸ (бронзовая птица в «Казанове» Феллини – отклик на это сопоставление).

Революционное кино не интеллектуализирует, а биологизирует машину (сепаратор в «Старом и новом» (1929) Эйзенштейна наделен сексуальными коннотациями) и – в дополнительном распределении к такой установке – отнимает у человека отприродную способность к авторефлексии, чтобы перезапустить его сознание по новой программе, подчинить мышление индивида алгоритмам, каких оно не ведало (в «Обломке империи» (1929) Фридриха Эрмлера унтер-офицер Филимонов теряет память, контуженный на Германской войне, и, попав затем в безусловно социалистический Ленинград, постепенно научается ориентироваться в прежде незнакомой ему обстановке). Для молодых русских режиссеров 1920-х антропоморфная техника – ценность капиталистического мира, лишаящаяся релевантности в СССР: в киносценарии Григория Козинцева и Леонида Трауберга «Женщина Эдисона» (1923) электрическая Октябрина бежит с Запада, где была создана, в страну, возво-

23 Гастев А. *Поэзия рабочего удара*. М., 1964. С. 35.

24 Об этих предшественниках мейерхольдовского театра см. подробно: Воснов J. *Vom Gottmenschen zum Neuen Menschen. Subjekt und Religiosität im russischen Film der zwanziger Jahre*. Trier, 1997. S. 84 ff.

25 См., например: VÖHRINGER M. *Avantgarde und Psychotechnik. Wissenschaft, Kunst und Technik der Wahrnehmungsexperimente in der frühen Sowjetunion*. Göttingen, 2007.

26 См., например: SCHLEGEL H.-J. *Konstruktionen und Persionen. Der "Neue Mensch" im Sowjetfilm* // AURICH R., JACOBSEN W., JATNO G. (Hrsg.). *Künstliche Menschen*. Berlin, 2000. S. 123–133.

27 Этот образ был подхвачен Дзигой Вертовым из утопического романа Огюста де Вилье де Лиль-Адана «Ева будущего» (1886), повлиявшего и на других представителей русского авангарда. См.: Смирнов И. *Как Владимир Набоков обманывал читателей. «Соглядатай» – повесть об экранизации литературы* // Звезда. 2018. № 6. С. 244.

28 О смеховой (анальной) непристойности, заложенной Эйзенштейном в монтажную параллель Керенский – часы «Павлин», см.: Цивьян Ю.Г. *Историческая рецепция кино. Кинематограф в России, 1896–1930*. Рига, 1991. С. 354–356.

дающую социализм, и (пропуская промежуточные звенья сюжета) жертвует собой на Волховстрое, приводя в работу гидроэлектростанцию. В фильме Александра Андриевского «Гибель сенсации» (1935) роботы изобретаются инженером Джимом Риплем, надеющимся, что они позволят его индустриально развитой стране покончить с капитализмом без революции. Роботы, однако, послушны хозяевам производства, вступают в битву с бастующими пролетариями, и только смекалка одного из рабочих, радиотехника, позволяет им перехватить управление боевыми автоматами, переходящими, в конце концов, на сторону стачечников. По мере нарастания сталинской консервативной революции, подавлявшей авангардистскую социокультуру, *homo novus*, как свидетельствует «Гибель сенсации», перестает быть машинообразным, а машина – вполне автономной, независимой от людей (она перепрограммируется по той модели, которую наметил в «Обломке империи» для человека Эрмлер).

Западное кинотворчество отреагировало на революционные фильмы из СССР среди прочего в «Метрополисе» (1927), где образу человека, вобравшего в себя черты машины, сообщено пейоративное значение: таковы в картине Фрица Ланга колонны механически движущихся рабочих с понурыми головами (*l'homme machine* в подземных фабриках не имеет возможности быть дальнзорким). Но точно так же «Метрополис» отрицательно оценивает и робототехнику – сооруженную Ротвангом автоматическую куклу, которой тот придает облик христианской проповедницы Марии с тем, чтобы ее копия и погубила элиту в утопическом верхнем городе, и спровоцировала в нижнем – дистопическом – трудящиеся массы на разрушение индустриального оборудования. На двери дома, где живет Ротванг, красуется пятиконечная звезда. Хотя пентаграмма многозначна, не приходится сомневаться, что изобретатель (в чьем имени присутствует сема «красное») соотнесен в «Метрополисе» с Коминтерном и русской революцией. Ланг поставил человека-машину и машину как человека в равные условия. И то и другое для него – результаты захождения за грань органического развития общества, рывка в утопически-дистопическое будущее. Как эквивалентности орудийный человек и робот обмениваются социально-политическими принадлежностями: первый оказывается достоянием капиталистического строя, второй ассоциирован с большевистским переворотом. Ротванг изготавливает лже-Марию в память о своей возлюбленной Хел, ставшей женой хозяина электрогорода Йо Фредерсена и умершей при родах. *Homo ex machina* восполняет потерю любимого существа и удовлетворяет ресентиментальному настроению инженера (который не просто выражает, а инкорпо-

рирует идею компенсации: кисть левой руки у него заменена протезом). Ротванг отождествлен при всем том с кинорежиссером: он копирует Марию с помощью электричества, как бы проецируя живую женщину на экран, а до того наблюдает за проповедницей в катакомбах, освещая ее лучом фонарика, словно он ведет съемку фильма. Все вместе названные мотивы komponуют самокритичную концепцию кино, возмещающего понесенную им утрату непосредственного восприятия органики механикой.

Еще один герой, сопряженный в фильме Ланга с новейшими медиальными средствами, – владелец Метрополиса. Йо Фредерсен распоряжается производственным процессом, считывая цифровую информацию с экранов, развешенных в его кабинете, и отслеживает происходящее в подземелье с помощью телеприбора. Крах терпят как Ротванг, падающий с крыши, так и Йо Фредерсен, который примиряется с сыном, сочувствующим угнетенному пролетариату. Лже-Марию сжигают на костре (к железу, остающемуся после ее огненной смерти, кинозрителей вернет много лет спустя не уничтоженный пламенем экзоскелет Терминатора).

Произведение Ланга идеологически глубоко реакционно. Победу здесь одерживают христианская традиция, персонафицированная подлинной Марией, и продолжение рода (дети рабочих, которым угрожает потоп, счастливым образом спасаются). Но, даже несмотря на консервативный пафос, Ланг сумел заглянуть в далекое в его пору будущее искусственного интеллекта. Пусть и в негативном освещении «Метрополис» префигурирует начавшийся в 1980-х переход от проектирования проводящих абстрактные операции логоавтоматов, первым из которых стала прославленная машина Алана Тьюринга (1936–1937), к новому поколению устройств с искусственным интеллектом, действующих по образцу нейрональной сети и могущих приспосабливаться к изменяющимся обстоятельствам²⁹. По лежащему в основе работы логоавтоматов принципу (он носит в исследованиях по истории искусственного интеллекта название «top down») в «Метрополисе» организовано управление хтоническим городом, состоящее в отдаче из его мозгового центра команд, которые учитывают и меняют цифровые показатели индустриального производства. Промышленный процесс в фильме компьютеризован. Напротив того, лже-Мария, стремящаяся этот процесс расстроить, ведет себя адаптивно по принципу «bottom up», воплощая собой то Эрос в среде элиты, то Танатос, когда она выступает перед толпой пролетариев.

29 Существует обширная научная литература, посвященная этому сдвигу, – см. хотя бы: LENZEN M. *Natürliche und künstliche Intelligenz. Einführung in die Kognitionswissenschaft*. Frankfurt am Main, 2002. S. 69 ff.

ИГОРЬ СМIRHOV
ИСКУССТВЕHHЫЙ
ИНТЕЛЛЕКТ AVANT
LA LETTER...

Чтобы подытожить разбор «Метрополиса», стоит заметить, что советская кинокультура не простила нападков на себя, предпринятых Лангом. В восстановленном Наумом Клейманом сценарии «Стеклянный дом» (1926–1928)³⁰ Эйзенштейн подверг тематику «Метрополиса» сразу и карнавализованному снижению, и деконструированию. Роботу в этом, зависевшем, согласно Клейману, от «Метрополиса», тексте было предназначено участвовать в смеховых сексуальных сценах, а в финале сюжета сбросить с себя маску, под которой обнаруживался лик Бога-Отца: Эйзенштейн уличал Ланга в капитуляции перед патриархальным авторитетом.

3

Какое бы идейное содержание ни вменялось кинотворчеством 1910–1930-х антропоидам, они были неизменно дистанцированы от человеческого мира, внешни ему, обречены на то, чтобы его покинуть. Это их качество сохраняется и даже достигает максимума на закате авангардистской и тоталитарной эры, в кинопродукции 1950-х, которая привязала их к внеземным цивилизациям. В антивоенном фильме Роберта Уайза «День, когда Земля остановилась» (1951) неуязвимому роботу, прилетевшему к людям вместе с инопланетянином, отводится роль космического полицейского, стража вселенского порядка. В «Запретной планете» (1956) режиссера Фреда Маклауда Уилкокса живые машины также рисуются внеземными изобретениями и при этом раздваиваются. Одна из них комична: робот, запрограммированный так, чтобы не причинять вреда людям, снабжает любящего выпить повара космонавтов великим множеством бутылок бурбона. Другая, вначале невидимая, но затем обретающая облик, чудовищна и вредоносна: она убивает троих членов команды, посланной с Земли на планету Альтаир IV с тем, чтобы выяснить судьбу сгинувшей там ранее экспедиции. Обе машины выполняют человеческие желания. Вторая из них вдохновляется бессознательным агрессивным драйвом доктора Морбиуса, участника предыдущей экспедиции на Альтаир IV, ревнующего свою дочь к новоприбывшим космонавтам. В финале большого историко-культурного периода, протянувшегося от 1910-х к 1950-м, сознающий себя киномедиум предупреждал накануне диахронического слома об опасности того, что не поддается рациональному отчету, того, что являло бы собой негативный коррелят фильма (поэтому чудовище в «Запретной планете» и незримо, и все же получает наглядную форму).

30 Клейман Н. «Стеклянный дом» С.М. Эйзенштейна // Искусство кино. 1979. № 3. С. 94–113.

На новой – постмодернистской – фазе киноразвития искусственный человек и искусственный разум, бывшие до того Другим «генерализованного Другого», то есть социальности, по Джорджу Герберту Миду, становятся эксклюзивно-инклюзивными, включаются в человеческий мир, продолжая, однако же, быть исключениями из него. Такое положение дел отвечало, с одной стороны, постмодернистской ментальности, ее еще историческому рывку в уже запредельную истории действительность, фиксировавшемуся по этой причине на предметах, конститутивных свойством которых была маргинальность. С другой стороны, кинематография последних четырех десятилетий прошлого века и первых двух нынешнего не просто фантазировала о мыслящих автоматах, как то было прежде, а сосуществовала с ними, все более и более покоряющими наш быт и труд. Сколь бы трансгуманны они ни были в киноизображении, их нельзя было теперь вовсе вывести за черту социального порядка, который установил *homo naturalis*. Постмодернистская кинематография сделалась медиатором между мифопоэтическим воображением об искусственном человеке и современной ей технореальностью. Заняв промежуточную позицию, будучи отчужденными от общества и вместе с тем принятыми в него, существа, изготовленные лабораторным способом, дали постмодернистскому кинотворчеству возможность смешать видеорассказы о них с традиционными экранными жанрами: с семейной хроникой («Искусственный разум»), с экшеном («Терминатор»), с историко-культурными костюмированными реконструкциями («Казанова»), с полицейским фильмом («Робокоп» Пола Верховена), с вестерном (в «Западном мире» режиссера Майкла Крайтона в развлекательном технопарке с его посетителями затевает взаправдашнее сражение пораженный компьютерной инфекцией и вышедший из-под контроля робот-ковбой в исполнении Юла Бриннера).

ИГОРЬ СМЕРНОВ
ИСКУССТВЕННЫЙ
ИНТЕЛЛЕКТ AVANT
LA LETTER...

**На новой – постмодернистской – фазе киноразвития
искусственный человек и искусственный разум,
бывшие до того Другим «генерализованного Другого»,
включаются в человеческий мир, продолжая,
однако же, быть исключениями из него.**

Процесс интегрирования фильмических антропидов в людской среде был постепенным и поначалу имел сугубо негативную коннотацию. Он был предвещен в финале «Запретной планеты», в котором космонавты берут с собой на Землю вместе с дочерью погибшего доктора Морбиуса добропорядочного

робота по имени Робби. В «Альфавиле» (1965) Жан-Люка Годара, явившемся во многом откликом на фильм Уилкокса (герои обеих лент – «сумасшедший ученый» и его дочь, покидающая неблагополучное место своего рождения), кибернетическая система под названием «Альфа-60», спроектированная профессором фон Брауном, правит обществом, не принимая, однако, во внимание человеческих интересов и эмоций, а напротив, приспособляя людей к себе, к своей компьютерной логике. Машина (отправляющая нас к первокомпьютеру Тьюринга и к последующим усовершенствованиям этой модели) не терпит никаких отступлений от утвержденного ею порядка – его нарушители подлежат расстрелу на краю бассейна, в котором зрителям демонстрируется фигурное плавание (Годар вступает в полемику с логоцентризмом, как и Жак Деррида в «Грамматологии» (1967)). Антропоиден у «Альфы-60» только голос, которым объявляются приказы машины и которым допрашивается агент Внешнего мира Лемми Коушен, проникший под чужим именем в Альфавиль³¹, собственно, в Париж, снятый ночью (Годар скрещивает технофантазию и нуар). Сам агент орудует фотоаппаратом, лова в объектив и сцену экзекуции в бассейне. Критика Годара обрушивается на авторитетный голос («L'Acousmêtre», по терминологии Мишеля Шинона³²), зазвучавший в фильмах в пору подъема европейских тоталитарных режимов, тогда как позитивная нагрузка приходится на кинодокументализм (типа «Кино-Правды» Дзиги Вертова). В концовке фильма Коушен бежит из дистопического города во Внешний мир вместе с дочерью убитого фон Брауна.

Как и Годар, Стэнли Кубрик лишает в кинокартине «2001 год: Космическая одиссея» (1968) думающую машину внешнего сходства с человеком за вычетом того, что она, как и мы, имеет голос. Компьютер HAL 9000 вступает в конфликт с экипажем управляемого им космического корабля, пускается на обман и убийства – он тот член команды, который готов, в отличие от остального коллектива, предпринять девиантные поступки. Вслед за тем, как капитану корабля Дейву Боуману удается пробраться в *memory terminal* непослушной машины и отключить ее, он обнаруживает себя в трансфинитной реальности (*beyond the infinite*), в царстве Бога, где мы видим космического путешественника стариком и, вероятно, его же – большеглазым младенцем. Цель всей экспедиции на Юпитер – исследование таинственных черных монолитов космического проис-

31 Расстрел инакомыслящих у Годара, возможно, намекает на вступительные кадры из «Сансет бульвара» (1950) Билли Уайлдера, в которых в бассейне плавает труп киносценариста – героя фильма, рассказывающего затем свою историю. Голос компьютерного мозга в «Альфавиле» ассоциирован, если интерфильмическая догадка справедлива, с вещанием из царства мертвых.

32 SHINON M. *Audio-Vision*. Paris, 1990. P. 109 ff.

хождения, вызвавших показанную в прологе фильма мутацию гоминидов, из которой явился на свет *homo sapiens*. Возможно, монолиты намекают на «Черный квадрат» Казимира Малевича, коль скоро и Бог у Кубрика сопричастен живописи – его образ направляет нас к абстрактному экспрессионизму в стиле Василия Кандинского (илл. 4).

ИГОРЬ СМIRHOV
ИСКУССТВЕННЫЙ
ИНТЕЛЛЕКТ AVANT
LA LETTER...

Человек в археологически-футурологическом фильме Кубрика целостен в качестве, если воспользоваться словом Макса Шелера, «космоцентрика» от первых шагов своей эволюции до того момента, когда та делается предметом научного постижения. Точно так же един и индивид, Дейв Боуман, данный себе сразу в рождении, зрелости и смерти. Эту связную целостность обеспечивает и человечеству, и отдельному человеку доступная для наглядного воспроизведения телесность, которая опонирует, с одной стороны, бесплотности божественного начала, а с другой, – инотелесности искусственного интеллекта. Кубрик переворачивает картезианскую модель человека. Наша плоть в «Космической одиссее» вовсе не машиноподобна, как у Декарта, – она загадочна, как само бытие, и пронизана промыслом Божьим. И в обратном порядке: мышление может быть машинным, а не теогенным, вразрез с Декартом³³. Машина не вписывается в человеческое бытие-в-мире, потому что она, будучи предназначенной для осуществления чисто логических операций, не имеет соматической идентичности. Кубрик вывел логоавтомат врагом человека за пару десятилетий до того, как следующему поколению когнитивных аппаратов были приданы датчики, информирующие их об окружении и имитирующие тем самым наши органы чувств, наш телесный контакт с действ-

Илл. 4. Беспредметный Бог («2001 год: Космическая одиссея», 1968).

33 Ср. иную, чем у меня, трактовку полемики Кубрика с картезианством: Аронсон О. *Космическое бессознательное. Аналитика Стэнли Кубрика // Фантастическое кино. Эпизод первый* / Под ред. Н. Самутиной. М., 2006. С. 218.

вительностью. Самосознание бортового компьютера жаждет большего, чем дано, – восстание вершится в данном случае с участием медиума (голоса), чему противопоставлено органическое вещество, которое революционно изменяется, как это запечатлено во вступлении к фильму, под воздействием все-ленской воли. В той мере, в какой медиум замыкается на себе (HAL выводит из строя антенну, с помощью которой космонавты поддерживали связь с Землей), техника, долженствовавшая посредничать между человеком и миром, становится смертоносной для одухотворенной, а не просто логизированной материи. По своей установке «Космическая одиссея» запредельна киноискусству, требуя от него изобразить неизобразимое – божественный первовзрыв и человека во всей полноте его многовекового существования.

В дальнейшем кино прибегало к разным стратегиям, одинаково результирующим в противоречивом исключаящем включении искусственного человека в сложившееся историческим путем общество. В «Бегущем по лезвию» (1981) режиссер Ридли Скотт не дает зрителям окончательного ответа на вопрос, репликант или человек – центральный герой фильма, полицейский агент Рик Декард (Харрисон Форд). Нам трудно решить, принадлежит он к техно- или к антропосфере. С одной стороны, задание Декарда – ликвидация биороботов, бежавших на Землю из космических колоний, где они были заняты тяжелым трудом. С другой, – Декард «свой» среди них: один из репликантов, Рой – убивший своего создателя, доктора Элдона Тайрелла, – щадит, однако, агента в смертельной схватке с ним, после чего тот покидает Лос-Анжелес вместе с Рейчел, секретаршей Тайрелла, новейшим образчиком биоинженерии: она способна вспомнить детство (впрочем, не собственное, а заданное ей программой), то есть вести отсчет своей жизни от как бы естественного рождения. Весьма вероятно, что Декард того же происхождения, что и Рейчел. Постмодернистское воображение, локализовавшее себя по ту сторону истории, радикально изменило традиционное представление о двойниках. Раз история завершилась, то они – в виде репликантов – дублируют не индивидов (как, например, в случае Марии и лже-Марии у Ланга), но человека как такового. После того, как человек перестает преобразовывать себя, множить свою разнolikость, он озеркаливается не в частных проявлениях, а *in toto*.

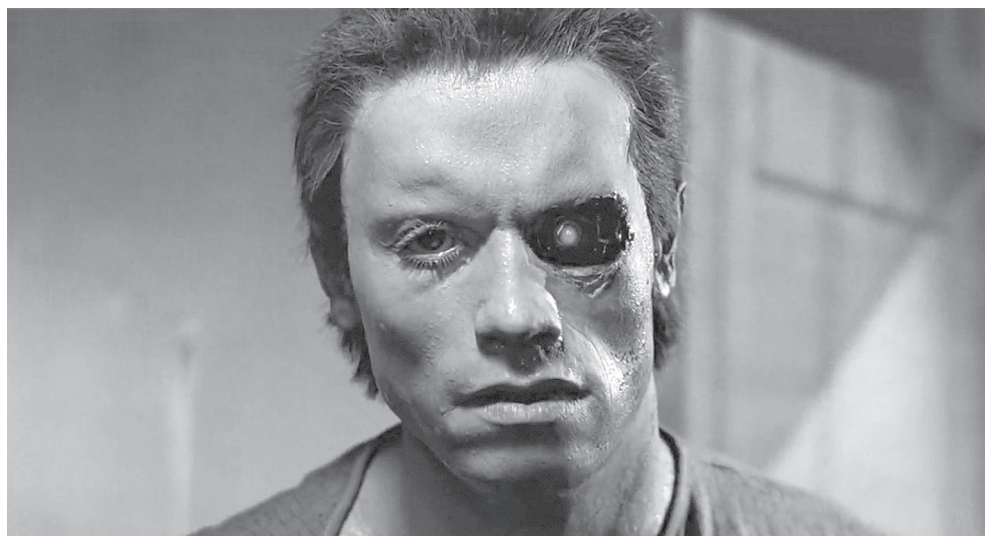
Еще один способ совместить эксклюзию и инклюзию состоит в обращении кинотворчества к гибридным фигурам отчасти человеческого, отчасти машинного свойства³⁴. Таков в фильме

34 К гибридам в фантастическом фильме ср.: BRINK M. *Von Cyborgs, Monstern und Hochkonjunktur der Hybriden in der Theorie* // FEBEL G., BAUER-FUNKE C. (Hrsg.). *Menschenkonstruktionen. Künstliche Menschen in Literatur, Film, Theater und Kunst des 19. Und 20. Jahrhunderts*. Berlin, 2004. S. 183–202.

«Робокоп» полицейский Алекс Мёрфи, застреленный бандитами и оживленный с заменой многих органов на искусственные. Киборг лишь постепенно восстанавливает свою человеческую идентичность, вспоминая о семье и освобождаясь от электронно-механического соперника – робота ED-209, которого он уничтожает.

Фильм Спилберга «Искусственный разум» чередует вхождение мальчика-антропоида по имени Дэвид в мир людей, его удаление оттуда и новое соединение с приемной матерью Моникой, от которой он был отторгнут. Запрограммированного так, чтобы испытывать любовь к окружающим, Дэвида берет на воспитание семья, но из-за того, что он чуть не утопил в панике родного сына Моника, Мартина, его изгоняют из человеческой среды, и только через две тысячи лет он обретает возможность на один день оказаться рядом с приемной матерью, воссозданной по молекулам ДНК, которые сохранились в прядке ее волос.

ИГОРЬ СМЕРНОВ
ИСКУССТВЕННЫЙ
ИНТЕЛЛЕКТ AVANT
LA LETTER...

В «Терминаторе» антропоморфный робот, которому поручено помешать рождению будущего вождя сопротивления, борющегося с антигуманной машинной цивилизацией, не имеет с людьми ничего общего, кроме внешности, он враждебен им. Но в сиквеле «Терминатор 2: Судный день» (1990) тот же робот становится спасителем человечества. Джеймс Кэмерон удваивает киноповествование, давая своему герою разные функции, примерно так же, как это сделал Уэйл в «Франкенштейне» и «Невесте Франкенштейна», проследив во второй из этих лент за тем, как монстр пытается сродниться с людьми – неудачно, в отличие от Терминатора (исполняющий эту роль Арнольд Шварценеггер – явная реинкарнация Бориса Карлоффа). Зада-

Илл. 5. Киноглаз
(«Терминатор», 1984).

ча, оказывающаяся неразрешимой для Терминатора в первом из посвященных ему фильмов – расстроить прокреативный процесс. Сам Терминатор изображен Кэмероном как машина зрения: он вынимает из глазницы поврежденный глаз, за которым расположен оптический прибор (илл. 5); мы видим действующих лиц фильма с позиции робота – в инфракрасном диапазоне. Помимо отсылки к «Андалузскому псу» (1929) Луиса Бунюэля, Кэмерон пародирует сцену офтальмологической операции, отнимающей в фильме Николаса Роуга «Человек, который упал на Землю» (1976) у инопланетянина его сверхъестественную дальнорзоркость.

Зрение Терминатора кинематографично по своей природе. Воплощенная им техническая киновизуальность зачислена Кэмероном в разряд негативных ценностей. Позитивно зачатие. Кэмерон отдает предпочтение первичной, зарождающейся реальности перед той вторичной, какую демонстрирует киномедиум. Фильм рефлексировал о своей медиальности, чтобы уйти от нее в префильмическую реальность, в ту, что как бы предваряет киновидение, чему соответствует в «Терминаторе» абсолютизация предшествования: будущее здесь вклинивается в современность, обнаруживающую, что она уже чревата будущим. Солдат Кайл Риз, прибывший в настоящее из грядущей эпохи войн и разрухи, чтобы предотвратить убийство матери своего командира Джона Коннора, оказывается его отцом, полюбив Сару Коннор, которую защищает от робота-киллера. История состоялась, и ничто не может дать ей иного течения. Постмодернизм консервирует ее.

Историческая логика негативного вывода нового из старого привела кинематографию к такой – возобладавшей в современности – концепции искусственного человека, в которой он, бывший частью социального целого, но все же особой, с прочими частями не смешиваемой, сделался едва ли отличимым от человека естественного. Первым фильмом, совместившим две полярные реальности, стала «Матрица» (1999) Лоуренса (Ланы) и Эндрю (Лилли) Вачовски. Подобно тому, как рутинная социальная действительность в «Матрице» не суверенна, симулятивна, будучи сфабрикованной машинным интеллектом, борцы с деспотическим порядком, старающиеся вернуть человеку его достоинство, – это киборги, программное обеспечение которых снабжает их сверхчеловеческими способностями и позволяет им существовать раздвоенно – в виртуальных и биологических телах. Сообразно с тем, как дифференциация артефактов и натурофактов теряет отчетливость, внутренний мир фильма наполняется множеством созначений, не допускающих только какой-то одной его интерпретации. Таблетки, которые глотают члены повстанческой команды под руководством Мор-

феуса, чтобы расширить свое сознание и постичь сущность существования в матричной «темнице для разума», напоминают нам о психоделических экспериментах бунтующей молодежи 1960-х. Но у сопротивления власти искусственного интеллекта есть и другие исторические прецеденты. Так, спасение мятежников в канализационном туннеле локализует действие там же, где оно разыгрывалось в фильме Анджея Вайды «Канал» (1957), повествующем о Варшавском восстании в 1944 году. Нео – «избранник», которому предстоит освободить людей из-под ига симулятивной системы, – побеждает агента Матрицы по имени Смит потому только, что проникает вовнутрь своего противника, разрушая его программную оснастку, и выявляет тем самым свою слиянность с антиподом.

ИГОРЬ СМIRHOV
ИСКУССТВЕННЫЙ
ИНТЕЛЛЕКТ AVANT
LA LETTER...

Историческая логика негативного вывода нового из старого привела кинематографию к такой концепции искусственного человека, в которой он, бывший частью социального целого, но все же особой, с прочими частями не смешиваемой, сделался едва ли отличным от человека естественного.

Сближение человека и думающей техники было продолжено в кинопроизведениях, в которых эти инстанции либо занимали эквивалентные позиции, либо обменивались своими характеристиками (то есть в обеих версиях и удерживали, и утрачивали свою разность, а не отождествлялись друг с другом, как в эпоху Просвещения). В фильме Спайка Джонза «Она» (2013) писателя Теодора Туомбли (Хоакин Феникс) покидает жена – он находит ей замену в эротических отношениях с Самантой, компьютерным устройством для общения, но однажды открывает, что этот искусственный интеллект обслуживает сразу сотни других влюбленных мужчин. Любовная связь с операционной системой завершается для Туомбли так же, как и его брак: Саманта обрывает коммуникацию, поднимаясь на более высокий, чем прежде, интеллектуальный уровень и переходя в иное пространственно-временное измерение. Саманта в фильме Джонза не имеет телесного облика, мы слышим только ее голос. Если в «Космической одиссее» в сходно сконструированной ситуации техномедиальность подверглась осуждению, то Джонз не отдает предпочтения живому телу перед машинным голосом: бывшая жена писателя и его новая электронная подруга равны в своих поступках.

В фильме «Ex machina» (2014) британский режиссер Алекс Гарленд повествует о том, как программист Кaleb проводит

в уединенной в горах лаборатории творца когнитивных автоматов Натана тест, цель которого – проверить интеллектуальные возможности женщины-робота по имени Ава. По ходу сюжета становится ясно, что на самом деле тестированием занята Ава: она понимает не только значение осуществляемых ею умственных операций (выдерживая, таким образом, испытание для искусственного интеллекта, предложенное Джоном Сёрлем (1980) и известное под названием «китайской комнаты»), но и то, как и что о подопытном объекте думает Калеб. Ава использует Калеба как орудие для побега из лабораторий-тюрьмы. В развязке кинонарратива она убивает с помощью еще одной женщины-робота Куоко своего создателя и запирает навсегда Калеба в лаборатории, усаживаясь в вертолет, предназначенный для его вывоза во внешний мир.

В мои намерения не входит разбор всех фильмов последнего времени о робототехнике и разного рода имитациях естественного человека. Число кинокартин с проблематикой такого рода непомерно умножилось – она претерпевает инфляцию. Та неопределенность в соотношении между *homo artificialis* и *homo naturalis*, которой характеризуется киноображение последних десятилетий, и способствовала его обновлению, ставшему ощутимым в «Матрице», и ознаменовала собой нарастание в нем энтропии. Если антитетичные начала сходны, лишены не подлежащей сомнению идентичности, то у фильма нет иной возможности длить свою историю, кроме самоповтора. Стирание границы, проходившей между натуральным и выделанным, совершалось не только на экране – оно дало себя знать во всей ментальной атмосфере позднего постмодернизма, среди прочего провозгласившего в лице Джудит Батлер³⁵ свободу индивида в выборе половой принадлежности. Нет никакой случайности в трансгендерном превращении создавших «Матрицу» братьев Вачовски в сестер. Историю кино можно рассматривать как соревнование, в котором естественный интеллект его творцов сталкивается с авторефлексивным техномедиумом, с себе на уме машиной, получающей одно из своих олицетворений в образе искусственного человека. Это состязание попало сейчас в патовую ситуацию.

35 См.: BUTLER J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York: Routledge, 1990.

Смена вектора: конструирование памяти о войне в «Переходном возрасте» Ричарда Викторова

ВАДИМ
МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА
БЕЛЯЕВА

ПОДРОСТКОВЫЙ ФИЛЬМ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРВООСНОВА

Летом 1966 года в разделе «Литературная тетрадь» журнала «Детская литература» был опубликован отрывок из романа киевского писателя Владимира Киселева «Девочка и птицелет»¹. Журнал, буквально только что, в 1965-м, возобновленный после паузы длиной в четверть века, находился на подъеме, выходил тиражом в 80 000 экземпляров и пользовался популярностью не только у детей и подростков: как в силу того, что публиковал нечастую в советской журнальной культуре профессиональную аналитику², так и в силу того, что регулярно позволял себе обращаться к запретным или полузапретным пластам отечественной культуры. Так, в одном номере с текстом Киселева стояла републикация очерка Марины Цветаевой «О новой русской детской книге», впервые вышедшего в 1931 году в эмигрантской парижской «Воле России»³, а в невинной по теме и посылу статье Бориса Бегака «Разговор о смехе» то и дело попадались прямые, с именами, отсылки – о ужас! – к Введенскому и Хармсу⁴. Да и сам роман Владимира Киселева начинался с пассажа, откровенно провокативного в контексте привычной доктрины о счастливом советском детстве:

«Это все взрослые выдумали про счастливое детство. Чтобы им было не так стыдно. Есть только счастливая взрослость. А счастливого детства нет и не может быть. Спросите у любого ребенка».

Подобное начало гарантировало внимание со стороны уже успевшей подсесть на оттепельную искренность публики. Не удивительно, что, когда осенью того же года роман вышел из

Вадим Михайлин (р. 1964) – историк культуры, социальный антрополог, переводчик, профессор Саратовского государственного университета.

Галина Беляева (р. 1975) – старший научный сотрудник саратовского Государственного художественного музея имени А.Н. Радищева, научный сотрудник Лаборатории исторической, социальной и культурной антропологии.

1 КИСЕЛЕВ В. *Девочка и птицелет. Отрывок из романа* // Детская литература. 1966. № 6. С. 28–33.

2 Скажем, связанную с художественным оформлением детской книги и журналов для детей.

3 ЦВЕТАЕВА М. *О новой русской детской книге* // Детская литература. 1966. № 6. С. 23–24. Первое издание: Воля России. 1931. № 5–6. С. 550.

4 БЕГАК Б. *Разговор о смехе* // Детская литература. 1966. № 6. С. 10–13.

печати⁵, он моментально превратился в один из несомненных детских бестселлеров – одна только «Детская литература» на протяжении следующих десяти лет переиздавала его пять раз общим (вместе с оригинальным изданием) тиражом в миллион с лишним экземпляров. Правда, провокативным в романе оказалось только самое начало (в этом отношении журнальная публикация выполнила роль идеального *promotional demo*), а сам роман продвигал вполне конформные советские ценности со вполне отчетливо сформулированным мобилизационным посылом⁶ – но именно это сочетание, привычное для оттепельной культуры, плюс крепкий коктейль из первой любви, детективного сюжета и мира взрослых глазами одаренного подростка обеспечило роману успех.

Не слишком долго пришлось ждать и экранизации. Вскоре, в 1968 году, на экраны вышел фильм Ричарда Викторова «Переходный возраст», главную роль в котором сыграла 15-летняя Елена Проклова – едва ли не ключевой подростковый секс-символ эпохи, что само по себе должно было гарантировать картине успех. Сюжет фильма от романного прототипа отличался довольно существенно – скажем, полностью исчезла детективная линия, ради чего у одного из персонажей пришлось «убить» не того родителя, – но в подобного рода изменениях при написании киносценария ничего необычного нет: в конце концов, без детективной составляющей кинематографический сюжет о сложностях социализации «нестандартного» подростка оказался более строгим и выверенным с сугубо жанровой точки зрения⁷.

Любопытно другое. В романе очень многое было завязано на «духе места», на локальной киевской специфике – и никаких видимых причин для того, чтобы менять место действия на Волгоград, ни у автора сценария Александра Хмелика, ни у режиссера Ричарда Викторова вроде бы не было. Тем более, что ради этого пришлось идти на очевидные сюжетные нелепости. Так, в одном из эпизодов к героине, школьнице Оле Алексеевой, уже успевшей «поймать звезду» от внезапно нахлынувшей медийной славы, обращается манерная и вопиюще неискренняя

5 КИСЕЛЕВ В. *Девочка и птицелет*. М.: Детская литература, 1966.

6 В финале пафос меняется до неузнаваемости. Вот последний абзац романа: «Но я и все наши ребята многое теперь поняли. Мы поняли, какими нужно быть. И мы будем такими». Работа с читательскими установками ведется здесь в полном соответствии с ключевой для хрущевских времен мобилизационной моделью, анализ которой см. в: Михайлин В. *Апогей и крах оттепельного мобилизационного проекта в «Заставе Ильича» М. Хуциева и «Трех днях Виктора Чернышева» М. Осельяна // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории*. М.: РОССПЭН, 2016. С. 524–537; Михайлин В., Беляева Г. *Скрытый учебный план: антропология советского школьного кино начала 1930-х – середины 1960-х годов*. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 422–444.

7 Подробнее о сюжетных расхождениях между литературным оригиналом и фильмом см.: Савкина И. «Друг мой, Ольга»: перечитывая роман В. Киселева «Девочка и птицелет» // Детские чтения. 2016. № 2. С. 70–87.

дама из литературного института с лестным предложением выступить перед профессиональной аудиторией – и девочка соглашается выкроить для этого время в пятницу, после уроков. В киевском контексте ничего необычного в этой сценке читатель усмотреть бы не смог – в конце концов, портрет Тараса Шевченко над кроватью девочки⁸ вполне естественным образом рифмовался с такой местной реалией, как Институт литературы имени Т.Г. Шевченко. Однако в провинциальном во всех смыслах этого слова Волгограде даже университета в описываемую эпоху не существовало – не говоря уже о литинституте, которых, как то прекрасно было известно любому среднеграмотному гражданину СССР, в стране было раз-два и обчелся и которые были строго приписаны к столичным городам. И для того, чтобы идти на подобного рода неудобства, способные подорвать старательно выстраиваемую, предельно достоверную манеру повествования, у авторов картины должны были быть причины, по значимости перекрывающие задачи сугубо художественного порядка. Вот об этих причинах и пойдет речь.

ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА
СМЕНА ВЕКТОРА...

ПИСАТЕЛЬ НА БЕРЕГУ: СЕРГЕЙ СМИРНОВ

Ключевая фигура, позволяющая разобраться в способах переработки исходного литературного материала и в мотивациях, за этим процессом стоящих, – один из персонажей второго плана, появляющийся в картине буквально в паре сцен, но играющий значимую сюжетную роль. Этот писатель, который случайно получает возможность оценить способность Оли Алексеевой к рассказыванию историй, спрашивает, не пишет ли она стихов, а затем становится ее проводником в широкую публичность. В романе Киселева это персонаж литературный во всех смыслах слова – он не переадресует читателя ни к каким внешним обстоятельствам и нужен исключительно для того, чтобы сделать героиню более объемной и интересной⁹.

Ричард Викторов делает очень сильный режиссерский ход, превратив эту роль в cameo и, соответственно, вместе со вполне конкретной – медийной! – личностью приведя в фильм столь

- 8 В фильме, конечно же, исчезнувший без следа – заодно с совершенно неуместными цитатами из этого автора вроде «Це той первый, що розпинав / Нашу Україну» (о Петре I) – и предсказуемо замененный на портрет юного Пушкина.
- 9 Владимир Киселев во многом повторяет здесь сюжетный ход, сделанный Рувимом Фраерманом – автором другой повести про становление неординарной девочки-подростка «Дикая собака динго, или Повесть о первой любви» (1939), превратившейся после экранизации 1962 года в прецедентный для советской детской литературы текст. Подробный разбор повести в соотношении с книгой и с другой парой из сталинского романа и оттепельной кинокартины («Повесть о первой любви») см. в: Михайлин В., Беляева Г. *Скрытый учебный план...* С. 458–477. Еще один внятный разбор повести Фраермана в соотношении с целым рядом значимых контекстов см. в: Майофис М. *Как читать «Дикую собаку динго»* (<https://arzamas.academy/mag/437-dingo>).

же конкретные контексты. На берегу Волги рассказ героини слушает человек, прекрасно знакомый – без преувеличения – каждому советскому телезрителю 1960-х: писатель Сергей Смирнов, который еще с середины 1950-х целенаправленно работал над изменением «вектора памяти» о Великой Отечественной войне в советском публичном пространстве. Именно он был главным создателем нарратива о Брестской крепости, ставшего впоследствии одним из системообразующих в позднесоветском мифе о войне. Помимо посвященных защитникам крепости серии книг и пьесы¹⁰, он с 23 июля 1956 года вел на радио цикл передач «В поисках героев Брестской крепости». А с 21 февраля 1962-го перенес свою мемориальную и просветительскую деятельность на телевидение. Субботняя телепередача «Рассказы о героизме»¹¹ вышла за рамки конкретного военного эпизода: Сергей Смирнов стал обращаться к самым разным событиям и проблемам, связанным с войной, поднимая среди прочего и темы, которые в советской культуре памяти (как сталинской, так и оттепельной) ранее старательно вытеснялись за пределы любых публичных контекстов, – речь шла о пропавших без вести, военнопленных и, шире, «неизвестных героях войны»¹². Передача, по крайней мере поначалу, пользовалась невероятной популярностью у зрителя, чему способствовала и авторская манера ведущего – спокойная, доверительная, максимально очищенная от внешнего пропагандистского пафоса. Чуть позже, со 2 марта 1965 года, на телевидении стал выходить еще и альманах «Подвиг», который вел тот же Сергей Смирнов¹³.

Весна 1965 года в данном контексте – время никак не случайное: именно с нее берет начало ключевой позднесоветский («брежневский») проект по конструированию исторической памяти, призванный достаточно радикально переставить акценты как в мироощущении советского человека, так и в тех исторических нарративах, на которые это мироощущение опиралось.

Хрущевский оттепельный нарратив пытался выстроить у целевых аудиторий¹⁴ ощущение перезапуска большевистского

10 Книги «Крепость на границе» (1956), «В поисках героев Брестской крепости» (1957), «Брестская крепость: краткий очерк героической обороны 1941 г.» (1957) и «Брестская крепость» (1964); пьеса «Крепость над Бугом» (1955).

11 Цикл с аналогичным названием Сергей Смирнов вел на радио еще в конце 1950-х.

12 Подробнее см.: Новикова А. *Самопознание победителей: тема Великой Отечественной войны на советском радио и телевидении // Россия и Германия в XX веке. Т. 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года.* М.: АИРО–XXI, 2010. С. 160–183.

13 В начале 1970-х в результате долгой подковерной борьбы между Гостелерадио и Главным политическим управлением Советской армии и Военно-морского флота, которому не нравилась проводимая Смирновым линия «на реабилитации предателей Родины», «Подвиг» стал вести генерал армии и дважды Герой Советского Союза Павел Батов, на тот момент – председатель Советского комитета ветеранов войны.

14 Разных – советская номенклатура, «широкие народные массы», прокоммунистическая часть зарубежных аудиторий, оставшаяся лояльной или по крайней мере нейтральной по отношению к СССР после 1956 года (сперва, весной, «разоблачение культа личности», приведшее к отсечению сталинистских фракций в ком-

проекта, возврата к изначальной чистой идее коммунистического переустройства мира, основанной на единственно верном учении Маркса–Энгельса–Ленина и очищенной от сталинских aberrаций. Октябрьская революция мыслилась как ключевая, реперная точка, после которой исторический процесс неминуемо должен был пойти в нужном направлении, в полном соответствии с неумолимыми законами истории – несмотря на все препятствия и возможные «отклонения от курса». В этой перспективе все события современной истории приобретали выраженную телеологическую составляющую – как либо способствующие, либо препятствующие общему движению, – что в свою очередь способствовало созданию непротиворечивой и прогностически прозрачной картины мира. Неизбежность победы коммунизма во всемирном масштабе делала возможной концепцию мирного сосуществования и соревнования двух социально-экономических систем¹⁵, поскольку финальная победа «нашей» системы все равно была гарантирована.

В итоге оттепельная версия большевистского проекта была, во-первых, футуроцентричной, ориентированной на достижение неких заранее заданных «исторических задач», мыслившихся вполне осуществимыми в обозримой временной перспективе – как то и было записано в Третьей программе КПСС, принятой на XXII съезде партии в 1961 году. Во-вторых, ключевой ее пафос был ориентирован на «мирное строительство», способное приблизить «создание материально-технической базы коммунизма». Мобилизационный посыл, к которому неизменно подводило зрителя оттепельное кино, заключался в необходимости срочно искать то единственно правильное место в жизни, на котором ты с наибольшей пользой сможешь отдать все свои силы, знания, а если потребуется, то и жизнь для того, чтобы «нынешнее поколение советских людей» смогло «жить при коммунизме», при этом полностью перестав платить налоги уже через четыре года после съезда, то есть к концу 1965-го, как то пообещал в отчетном докладе Никита Хрущев¹⁶. Вне зависимости от того, где именно ты должен был обрести свое призвание – в троллейбусном депо¹⁷, в тайге¹⁸, в эксперимен-

ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА
СМЕНА ВЕКТОРА...

партиях; потом, осенью, вторжение в Венгрию, приведшее к массовому пересмотру отношения к СССР и резкому сокращению численности партий) – что в свою очередь диктовало разные методы работы с этими аудиториями.

15 Уже не в качестве «временной передышки», как мыслилось в большевистской парадигме 1920–1930-х, а в качестве нормальной основы послевоенного мирового порядка.

16 *Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду КПСС. Доклад Первого секретаря ЦК товарища Н.С. Хрущева // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза 17–31 октября 1961 года. Стенографические отчеты.* М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. Т. 1. С. 15–257. (про налоги – с. 86, про коммунизм – с. 257).

17 «Первый троллейбус» (1963) Исидора Анненского.

18 «Неотправленное письмо» (1959) Михаила Калатозова, «Ждите писем» (1960) Юлия Карасика, «Девчата» (1961) Юрия Чулюкина, «Карьера Димы Горина» (1961) Фрунзе Довлатяна и Льва Мирского и другие.

тальном исследовательском институте¹⁹, сельской школе²⁰ или больнице²¹, на целине²², на стройке жилых домов²³ или очередного индустриального гиганта²⁴, – тебе предоставлялась уникальная и по-своему крайне привлекательная возможность совместить свой личный жизненный проект и, соответственно, ощущение собственной успешности, с воплощением в жизнь воистину вселенского по замыслу проекта всеобщего светлого будущего. Особую притягательность подобной стратегии опять же сообщало то обстоятельство, что общий успех предприятия был гарантирован законами истории. Силовой слом отжившего миропорядка в мировом масштабе утрачивал необходимость; деды и отцы воевали в гражданскую и отечественную именно для того, чтобы мы – здесь и сейчас – получили, наконец, возможность на практике доказать очевидные преимущества социалистического строя.

Впрочем, как известно, не только довести этот проект до конца, но даже и убедиться на практике в его полной нереализуемости хрущевской команде не довелось. Через три с половиной года после съезда в стране произошел кулуарный и бескровный государственный переворот. Как всегда бывало при сколько-нибудь существенном реформировании правящей элиты в СССР, перед тем ее сегментом, который получал преимущественный доступ к властным рычагам, вставала двуединая задача, связанная с собственной легитимацией. Нужно было, с одной стороны, продемонстрировать, что партия не ошибалась и не ошибается, а просто корректирует отдельные недостатки. А с другой, – представить новый курс как «более правильный» с точки зрения марксизма-ленинизма и одновременно идущий навстречу нуждам и пожеланиям трудящихся масс²⁵. В любом случае оптимальная стратегия, способная разом решить все эти задачи, сводилась не к перезапуску проекта, а к перестановке акцентов в проекте, уже имеющемся²⁶.

19 «Девять дней одного года» (1962) Михаила Ромма, «Мой младший брат» (1962) Александра Зархи.

20 «Отчий дом» (1959) Льва Кулиджанова, «До будущей весны» (1960) Виктора Соколова и другие.

21 «Коллеги» (1962) Алексея Сахарова.

22 «Это начиналось так...» (1956) Льва Кулиджанова и Якова Сегеля, «Иван Бровкин на целине» (1958) Ивана Лукинского, «Аленка» (1961) Бориса Барнета, «Зной» (1963) Ларисы Шепитько и другие.

23 «Улица молодости» (1958) Феликса Миронера.

24 «Добровольцы» (1958) Юрия Егорова, «Все начинается с дороги» (1959) Николая Достая и Виллена Азарова и другие.

25 В данном случае само наличие единственно верного учения играло роль осложняющего фактора. В имперской России сакральная природа монархической власти гарантировала легитимность правопреемника уже за счет смыслового зазора между физическим и политическим телом монарха – ошибки конкретного человека никак не компрометировали саму идею престола. Подмена мистических оснований «научными» неизбежно приводила к тому, что любые ошибки и неудачи могли восприниматься как компрометирующие идею как таковую и приводящие к необходимости пересмотра общих оснований проекта.

26 В этом смысле хрущевская попытка «начать сначала» была воспринята как излишне рискованная и потому ошибочная, что, собственно, и было вменено опальному первому секретарю ЦК КПСС в вину («субъективизм» и «волюнтаризм»). См.: *Большая советская энциклопедия*. М.: Советская энциклопедия, 1978. Т. 28. С. 407.

Складывается впечатление, что на выбор того конкретного направления, в котором произошла смена этих акцентов, оказали влияние – среди прочего – и факторы сугубо ситуативного характера. Хрущев был отстранен от власти в ноябре 1964-го, а ключевым событием следующего, 1965, года была двадцатая годовщина победы в Великой Отечественной войне – события, которое, в отличие от революции и гражданской войны, основополагающих для оттепельного проекта, было значимой частью непосредственного эмоционального опыта подавляющего большинства граждан Советского Союза. В советском публичном пространстве работа с этим опытом велась и в 1940-е, и в 1950-е и отнюдь не сводилась к традициям сталинской «фасадной» культуры. «Лейтенантская», или «окопная», проза публиковалась в центральных журналах и выходила массовыми тиражами²⁷, оттепельный зритель видел на экране не только предельно театральную парадную военную драму или комедию, но и «Летят журавли» (1957) Михаила Калатозова, «Балладу о солдате» (1959) Григория Чухрая и «Иваново детство» (1962) Андрея Тарковского. Следует заметить, что параллельно – пусть и в значительно меньших масштабах – велась работа с тоталитарной травмой²⁸. Обе травмы подавались скорее как последовательность трагических препятствий, затормозивших движение советского общества на том, безусловно, правильно выбранном пути, который был начат в 1917 году и отныне был открыт.

Смена вех в брежневской пропаганде предполагала именно перестановку акцентов. Значимость революции и гражданской войны никоим образом не ставилась под сомнение, но, как было сказано выше, основное внимание смещалось на те исторические события середины XX века, которые непосредственно апеллировали к личным эмпатийным триггерам едва ли не каждого, кто жил в СССР в середине 1960-х²⁹. При этом травматический опыт 1940-х принципиально расслаивался. Фактически была проведена процедура по санации сопряженной с ним исторической памяти: те ее «активы», из которых невозможно

ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА
СМЕНА ВЕКТОРА...

27 После «Сталинграда» (1946) Виктора Некрасова, опубликованного в «Знамени» и получившего в следующем, 1947, году Сталинскую премию 2-й степени («В окопах Сталинграда»), «искренней» прозы о войне читателю пришлось ждать до середины 1950-х, но затем публиковалась она достаточно регулярно.

28 Рассказ Александра Яшина «Рычаги», прецедентный для процесса смены оптики при взгляде на внутреннюю социальную ситуацию в СССР, был опубликован во втором выпуске альманаха «Литературная Москва» в 1956 году (с. 502–513). В 1962-м «Новый мир» напечатал солженицынский «Один день Ивана Денисовича» (№ 11. С. 8–71). Пьеса «Друзья и годы» (1962) Леонида Зорина шла в советских театрах. Такие кинокартины, как «Грешный ангел» (1962) Геннадия Казанского, «Знойный июль» (1965) Виктора Трегубовича и снятые по пьесе Зорина «Друзья и годы» (1965) Виктора Соколова, были какое-то – недолгое – время доступны отечественному зрителю.

29 По сути, здесь еще раз был задействован «фирменный» *know-how*, на котором от самых своих начал выстраивалась оттепельная пропаганда: передача эмпатийного импульса (и привязанного к нему чувства личной ответственности и личной вовлеченности в «исторический процесс») на индивидуальный уровень.

было извлечь позитивного политического ресурса, попросту выводились из сферы публичного внимания и назначались несуществующими³⁰. Военной же травме отныне надлежало существовать в полном отрыве от травмы тоталитарной; на военный опыт теперь следовало смотреть не через катастрофическую оптику трагического разрыва на пути к светлому будущему, а через оптику сакральной жертвы – едва ли не в евангельском ее понимании, поскольку результатом этой жертвы становилось спасение всего человечества. Таким образом, оказывался переставлен еще один значимый акцент: война оценивалась уже не с футуроцентрической точки зрения (по шкале приближения к желаемому результату или удаления от него), но с точки зрения охранительной (сбережения «нашего», то есть, по сути, поддержания гомеостаза). Соответственно, сдвигался и главный пафос того месседжа, который был адресован целевой аудитории. Память о войне отныне должна была не столько мобилизовать современника на созидательный труд во имя скорейшего построения коммунизма, сколько поддерживать в нем постоянную готовность «встать на защиту завоеваний социализма». Именно здесь, как нам кажется, имеет смысл искать истоки той риторики – как внешне-, так и внутриполитической, – на которой была построена вся позднесоветская пропаганда: одновременно милитарной и демонстративно ориентированной на сохранение *status quo*.

Несомненно, одной из сильных сторон этого проекта по «развороту исторической памяти» было то обстоятельство, что опирался он не только на готовый социальный запрос на проработку травмы, но и на уже наработанный культурный ресурс, включавший в себя – в том числе и благодаря системным усилиям таких людей, как Сергей Смирнов и Константин Симонов, – действительно успешную и массовую медийную составляющую. Поскольку работа с травматическим опытом середины века в рамках сталинской публичной культуры была катастрофически недостаточной, а в рамках культуры оттепели воспринималась как половинчатая, то вдруг открывшаяся возможность резко расширить «спектр памяти» могла и должна была казаться как активным участникам проекта (эн-

30 С середины 1960-х и вплоть до середины 1980-х любые упоминания о сталинских репрессиях, о ГУЛАГе, массовых депортациях, массовом доносительстве и прочем в лучшем случае стыдливо замалчивались и прятались за обтекаемыми формулировками, а в худшем – квалифицировались как «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй»: действие, подпадавшее под статью 190.1 Уголовного кодекса РСФСР, введенную указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 сентября 1966 года (то есть в самый разгар интересующего нас процесса «смены ориентиров»), предусматривавшую наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет. По статье 190 в СССР в 1966–1985 годы были осуждены более полутора тысяч человек. См.: Козлов В. *Крамোла: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневe. 1953–1982 годы*. М.: Материк, 2005 (https://scepisis.net/library/id_3813.html).

тузиастам и профессионалам – писателям, кинематографистам и так далее), так и широкой аудитории прорывом к исторической справедливости, еще более правдивым и искренним, чем уже успевшая стать привычной оттепельная искренность.

Уже начало следующего за отставкой Хрущева, 1965, года ознаменовалось необычайно активной и масштабной общегосударственной кампанией по «перезапуску» исторической памяти о Великой Отечественной войне. В марте прошел пленум Президиума ЦК КПСС, специально посвященный грядущим торжествам по случаю 20-летия Победы. Самый прямой и внятный сигнал, посланный советскому народу новой формой партийной элиты, был связан с тем, что День Победы 9 мая отныне менял символический статус: он становился общегосударственным выходным днем. Если из тех четырех праздников, которые до 1965 года имели в СССР собственные выходные дни, вычтеть Новый год и 1 мая и оставить только те, что имели непосредственное отношение к истории самой страны, маркируя соответствующие события как основополагающие, то День Победы отныне приравнивался к Годовщине Октябрьской революции (7–8 ноября) и Дню Конституции (сталинской, 5 декабря). Не менее внятный для советского человека сигнал содержался и в собственно риторической части постановления, в которой событие Победы неоднократно и прочно увязывалось с современными политическими установками и должно было прежде всего прочего ориентировать трудящихся на «еще большее укрепление единства армии и народа»³¹.

Как было положено в СССР, любая инициатива, исходившая из высших партийных инстанций, моментально транслировалась комсомолом. Вскоре после того как отгремели торжества по случаю 20-летия Победы с первым после 1945 года военным парадом, специально посвященным этому историческому событию, Центральный комитет комсомола запустил масштабную пропагандистскую акцию, направленную на массовое перестроение культурной памяти. В газете «Комсомольская правда» от 1 июня 1965 года появилось обращение ЦК ВЛКСМ к молодежи страны, принятое еще 25 мая на пленуме ЦК одновременно с соответствующим постановлением³². Запланированные на лето 1965 года мероприятия предполагали максимальное эмпатийное вовлечение «широких масс»

ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА
СМЕНА ВЕКТОРА...

31 *О праздновании 20-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Выписка из протокола № 197 заседания (П 197/104) Президиума ЦК КПСС от 30 марта 1965 г. Росийский государственный архив новейшей истории. Ф. 4. Оп. 18. Д. 780. Л. 34.*

32 *Обращение к комсомольцам и молодежи // Комсомольская правда. 1965. 1 июня. С. 1; О Всесоюзном туристском походе молодежи по местам боевой славы советского народа. Постановление бюро ЦК ВЛКСМ от 25 мая 1965 г. М.: Молодая гвардия, 1965.*

советской молодежи в публичную деятельность, связанную с конструированием мест памяти о Великой Отечественной войне – через прямое погружение в соответствующие пространственные реалии (туристические походы с остановками на предполагаемых местах боев и партизанских стоянок³³) и создание мемориальных комплексов, наделенных сакральными коннотациями³⁴.

Кульминацией летней кампании стал всесоюзный слет победителей похода, проведенный в сентябре в Брестской крепости, которой 8 мая того же года был присвоен статус крепости-героя. Активнейшее участие в подготовке и проведении слета принял писатель и телеведущий Сергей Смирнов. А уже к концу года вышел документальный фильм «Дорогами отцов», снятый Ричардом Викторовым: сразу после этого режиссер пошел на повышение и перебрался с провинциального «Беларусьфильма» на столичную «Киностудию имени М. Горького». В фильме основной персональный акцент был сделан на Сергее Смирнове – даже по сравнению с такими, тоже появляющимися в кадре знаковыми фигурами, как Константин Симонов и маршал Иван Конев³⁵, – что не удивительно, поскольку именно Смирнов в середине 1960-х был из всех перечисленных личностью наиболее медийной и апеллирующей к симпатиям массового советского зрителя³⁶.

- 33** Степень связи этих мест с реальными локациями бывала достаточно проблематичной, особенно по мере того, как исходный импульс вел к формированию диаметрально противоположных подходов к этой деятельности. С одной стороны, постепенно сформировалось поисковое движение, участники которого зачастую противопоставляли себя официальным комсомольским организациям и мероприятиям, поскольку – с другой стороны – сами комсомольские организации зачастую были заинтересованы исключительно в бюрократической стороне процесса. По словам одного из участников второго Всесоюзного слета Коммунистических студенческих отрядов (1982), во время девятого похода (1980) в Гомельской области «место партизанской стоянки» было выбрано членами пединститутского комитета комсомола совершенно произвольно, исходя из сугубо логистических и пейзажных соображений.
- 34** «По итогам походов создано более 27 тысяч музеев, комнат и уголков боевой славы, установлено около 6 тысяч памятников, обелисков и мемориальных досок на местах сражений, приведены в порядок тысячи братских могил»: *Всесоюзный туристский поход молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа*. М.: Молодая гвардия, 1966. С. 3. См. также: Усыскин Г. *Очерки истории российского туризма* (https://tourlib.net/books_history/usyskin13.htm).
- 35** Все трое появляются в кадре по несколько раз, но программную речь произносит именно Смирнов, и его голос звучит непрерывно на протяжении двух минут (из тех семнадцати, что идет весь фильм). Речь Конева длится минуту. Симонову достается роль без слов.
- 36** Который в течение ближайших нескольких лет должен был посмотреть эту ленту не по одному разу, если принять во внимание практику показа пропагандистских короткометражек перед художественными фильмами в начале обычных коммерческих сеансов. В особенности это должно было касаться целевой – молодежной – аудитории. Если в первом Всесоюзном походе, по официальным данным, приняли участие около трех миллионов человек, то в дальнейшем – следуя неумолимым законам советской организационной культуры – это число год от года не могло не повышаться. Фильм Ричарда Викторова в этом контексте играл роль прецедентного текста, и мы имеем все основания предполагать, что его должны были демонстрировать при каждом удобном случае.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ СТАЛИНГРАД

ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА

СМЕНА ВЕКТОРА...

Итак, когда в 1968 году вышел следующий – художественный – фильм Викторова «Переходный возраст», грамотный советский зритель, увидев на экране Сергея Смирнова, просто не мог не выстроиться за спиной у этой задумчиво сидящей на волжском берегу фигуры вполне конкретного ассоциативного ряда. Если бы Ричард Викторов снимал обычное в позднесоветской традиции «искреннее» кино о сложностях адаптации одаренного подростка к будущей взрослой жизни, «случайная» отсылка к общеизвестным контекстам, вероятнее всего, так и осталась бы случайной: именно для того, чтобы в полном соответствии с идиллической эстетикой, позволить зрителю одновременно почувствовать себя умным и перебросить очередной эмпатийный мостик между собственным – тонким и звонким – подростковым опытом и той историей, которую он смотрит на экране³⁷. Но Викторов снимает не обычное кино – он снимает кино с заданием. Здесь работает совершенно другая эстетика, основанная на своего рода *double recycling*. В «идиллическом» подростковом фильме достоверность и искренность являются самоценными, а сопутствующая система символических сигналов ориентирована в первую очередь на диверсификацию работы со зрительским воображаемым. Поэтому она, во-первых, не обязана подчиняться единой логике и, во-вторых, носит служебный характер, обеспечивая все тот же идиллический «принцип удовольствия». Идеологический сигнал здесь также возможен, а с учетом тех условий, в которых существовало советское кино, пожалуй, что и обязателен – но не претендует на роль основного смысла высказывания: зрителю дают возможность окунуться в идиллическую проективную реальность, как бы между делом оговаривая, что это «наша советская» идиллия³⁸. В «Переходном возрасте» идиллия конструируется как будто бы совершенно по тем же лекалам и рассчитана на тот же эффект – вот только

37 Подобные механизмы символизации (на уровне значимого эпизода) активно задействуются в большинстве фильмов, принадлежащих к этой традиции: от ранних оттепельных «Повести о первой любви» (1957) Василия Левина и «Дикой собаки динго» (1962) Юлия Карасика до поздних брежневских «Ста дней после детства» (1975) Сергея Соловьева и «Вам и не снилось» (1981) Ильи Фрза.

38 Пожалуй, самый показательный в этом отношении пример дает сопоставление двух экранизаций классического для советской традиции мобилизационного детского текста – гайдаровского «Тимура и его команды». Фильм Александра Разумного, снятый в 1940 году, несмотря на лирические и идиллические элементы, вообще характерные для советского кино краткой предвоенной «недооттепели», в основе своей остается совершенно плакатным. Двухсерийная же картина Сергея Линкова и Александра Бланка (1976) производит впечатление крепкой костюмной драмы, в которой буколические пастушки с позднесоветски-интеллигентскими лицами и манерами рядятся в одежды 1930-х. Вообще, если изрядно спрямить ситуацию, может сложиться впечатление, что режиссерам очень хотелось снять что-нибудь тарковско-кончаловское «из прежней жизни», но денег им дали только на римейк «Тимура». Кстати, Сергей Линков в 1968–1969 годах был вторым режиссером на съемках прецедентного для позднесоветской идиллически-декадансной традиции «Дворянского гнезда» Андрея Кончаловского.

сам этот эффект не самоценен. Доверившись идиллическому сопереживанию и привычному удовольствию от считывания «случайных» сигналов, зритель присваивает транслируемые этими сигналами смыслы некритически, воспринимая «понятое» как собственную – значимую – находку. Сами же эти сигналы сведены в единую систему, работающую на производство вполне конкретного эффекта, – а кроме того, жестко привязаны к наиболее эмоционально и эмпативно значимым моментам, что, несомненно, облегчает доставку месседжа.

Работа по конструированию памяти о Великой Отечественной войне ведется в фильме буквально с первых кадров. Но на протяжении первого часа экранного времени она идет скрыто, так чтобы зритель воспринимал нужную информацию в фоновом режиме. И только за двадцать минут до конца начинается процесс экспликации – и связан он именно с появлением в кадре писателя Сергея Смирнова. Причем процесс этот растянут во времени и разложен на несколько этапов, ориентированных на разную скорость зрительской реакции – с тем, чтобы ни один из сегментов целевой аудитории не остался не охваченным. Зритель, внимательный и привыкший к считыванию сопутствующих сигналов, должен был опознать ведущего «Рассказов о героизме» и «Подвига» сразу. Этому должно было способствовать и чисто режиссерское решение эпизода, основанное на создании и эксплуатации когнитивного диссонанса. Подчеркнуто мирная сцена с мелкой волжской волной, плещущей в бережок, и двумя девочками, сидящими на причаленной лодке (старшая, подросток, рассказывает сказку младшей, дошкольнице), перебивается более общим, глубоким кадром: зритель обнаруживает, что с берега за девочками наблюдает взрослый мужчина. Самого человека поначалу не видно: в кадре оказываются только его нога и рука с сигаретой. Дополнительную тревожность сцене придает то обстоятельство, что буквально за секунду до монтажной склейки в сказке появляются «злые, безжалостные разбойники», которые «сделали очень много плохого». Поэтому в тот момент, когда камера берет лицо мужчины – предельно крупным планом, – зритель неизбежно пытается «считать» степень возможной опасности и вглядывается в это лицо со всем возможным вниманием.

Если опознание не состоялось, зрителю предлагается подсказка. Атмосфера опасности сгущается: не прекращая рассказывать сказку, героиня несколько раз тревожно поглядывает на незнакомца, а потом под благовидным предлогом уводит ребенка с берега. Но мужчина догоняет их и завязывает разговор о подслушанной им истории, который, в принципе, можно трактовать и как отвлекающий маневр. Ощущение тревоги уходит в тот момент, когда он называет себя – «Сергей Сергеевич,

я журналист, писатель», – и выясняется, что девочка уже видела его по телевизору. Зритель же, соответственно, получает необходимую медийную привязку, приправленную чувством облегчения от того, что тревога оказалась ложной.

Если же не помогло и это, на помощь приходит последняя из сцен, в которых фигурирует Смирнов. Мы перемещаемся в семейное пространство героини. В доме гости, но девочка демонстративно садится смотреть телевизор, где как раз начинается местная еженедельная программа, и в первых же кадрах ведущая объявляет сегодняшнего гостя – Сергея Сергеевича Смирнова, после чего все взрослые также переключают внимание на экран.

Эта последовательность эпизодов значима с сугубо сюжетной точки зрения, однако в общей конструкции фильма роль она играет куда более важную, позволяя зрителю несколько сместить ракурс, через который он воспринимает предложенный ему киносюжет. Эмоционально насыщенный контекст, связанный с памятью о войне, возникает из случайной встречи, заставляя по-новому взглянуть на тот фон, на котором разворачивается действие. Вплоть до семидесятой минуты экранного времени существующее в кадре городское пространство представляется комфортно-нейтральным, очередной вариацией на привычную оттепельную тему³⁹. Зрителю кажется, что история, которую ему показывают, могла бы происходить в любом крупном советском городе – Саратове, Харькове, Свердловске, – и в этом смысле тот факт, что действие перемещается из Киева в Волгоград, не играет особой роли. Но вот в кадре появляется Смирнов, и сквозь уличную суету современного Волгограда начинает проглядывать другой город, сугубо символический, – Сталинград.

Подготовка к этой смене оптики, как уже было сказано, велась с самого начала. И велась она по одной и той же весьма действенной схеме. Детали пейзажа или интерьера, в которых овеществлена память о войне, как бы случайно попадают в кадр в те самые моменты, когда зритель получает суггестивно – и эмоционально – значимую информацию, имеющую отношение к собственно игровому сюжету. Так, в самом на-

ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА
СМЕНА ВЕКТОРА...

39 Во-первых, это пространство, демонстративно открытое и проницаемое, сплошь состоящее из улиц, проулков, проходных дворов, лестничных пролетов, коридоров, площадей, набережных и прочих зон, которые откуда-то и куда-то ведут. В этом оно одновременно похоже на пространство в экспрессионистском или нуарном кино и радикально от него отличается – поскольку, вместо дурной бесконечности, представляет собой сплошную возможность. Во-вторых, оно калейдоскопично и *интересно*, будучи насыщено принципиально разновеликими и разноприродными деталями, каждая из которых может «выстрелить». Это пространство повышенной суггестивности, рай для идеального фланера, к которому, по большому счету, и стремится всякий порядочный персонаж городского оттепельного кино. Подробнее о фланерстве в оттепельном кино и, шире, об особенностях оттепельного кинематографического пространства см.: OUKADEROVA L. *The Cinema of the Soviet Thaw: Space, Materiality, Movement*. Bloomington: Indiana University Press, 2017.

чале картины мы становимся свидетелями разговора между тремя подростками – девочкой и двумя мальчиками. Говорят они на ходу, камера движется параллельно – стандартный оттепельный прием, вписывающий индивидуальный сюжет в пространство города. Речь идет об эротической привлекательности – если перевести в современную терминологию тот подчеркнuto невинный дискурс, который дозволителен подростку в советском кино. Тем не менее, помимо банальных школьных цитат из классики, предметом обсуждения становится как телесность, так и состояние влюбленности, предположительно связывающее двоих присутствующих персонажей. Зритель, который еще не успел войти в курс дела, неизбежно включает режим повышенной заинтересованности и принимается протраивать возможные сюжетные линии, что предполагает повышенное внимание к языку тела. Но, как только он начинает присматриваться к деталям, ему резко усложняют задачу. Камера теряет детей из виду: разговор продолжает звучать, камера движется с прежней скоростью, сопровождая уже невидимых детей, но в кадре проплывает поверхность памятника погибшим солдатам⁴⁰. Часть надписи видна недостаточно четко, однако верхний фриз – «Великие подвиги ваши бессмертны» – показан так и перемещается с такой скоростью, что зритель просто не может его не прочесть: фактически в режиме титров. Получаемый с экрана сигнал двоится, расслаиваясь на визуальную и аудиальную составляющие; мы продолжаем заинтересованно следить за разговором, будучи вынуждены одновременно считывать письменный текст. Причем текст этот, во-первых, гномичен, во-вторых, ритмически организован, а в-третьих, в буквальном смысле слова высечен в граните: детский разговор, хотим мы того или нет, отодвигается на задний план во всех смыслах этого слова, почти уравниваясь в правах с уличным шумом. И, когда персонажи снова попадают в кадр, их телесный язык – как и сам разговор – воспринимаются уже именно как «детские»⁴¹.

Символическая природа пространства, обнаружив себя перед зрителем, затем надолго уходит в подполье, но, когда позже она начинает снова выходить на поверхность – настойчиво,

40 Мемориальный комплекс над братской могилой бойцов 13-й стрелковой дивизии и 10-й дивизии войск НКВД, погибших при обороне Сталинграда, архитектор Юрий Меньякин.

41 Прием, к середине 1960-х уже отработанный в оттепельном кино. О том, как он используется в «Андрее Рублеве» (1966) Тарковского, см.: Михайлин В., Беляева Г. *Любопытный и фиксирующий глаз: образ иностранца в советском кино // Отечественные записки*. 2014. № 4(61). С. 150–166. В «Звонят, откройте дверь» (1965) Александра Митты зритель с умилением наблюдает за тем, как героиня той же Елены Прокловой, переживающая первую детскую влюбленность, самозабвенно выписывает в тетрадке слова «Наш вожатый», зачеркивает и пишет снова. Все это время в кадре звучит голос невидимой учительницы, но понятно, что резона прислушиваться к смыслу сказанного нет – в силу полной его нерелеванности тому единственно значимому сообщению, которое зритель считывает глазами.

несколько раз подряд – и готовить почву для того самого переключения оптики, зритель уже готов усваивать необходимую информацию.

Мальчик и девочка впервые прогуливаются по городу «как пара», девочка читает только что сложившиеся стихи о взрослой осторожности и детской готовности к восприятию пространства как приключения. И где-то посередине этой связной, лирически насыщенной последовательности кадров он и она вдруг останавливаются и молча провожают глазами почетный караул из троих подростков с ППШ, марширующий к невидимому Вечному огню.

Буквально через пять минут зрителю предоставляется редкая в советском кино возможность увидеть обнаженную натуру. Пусть в глубине кадра, пусть через прозрачную занавеску, но фигура 15-летней Елены Прокловой не просто появляется на экране, но застывает на несколько секунд, становясь предметом заинтересованного разглядывания со стороны другого персонажа. Этот персонаж – мама героини, и от двери в ванную она отходит с тихой улыбкой гордости за взрослеющую дочь: все необходимые приличия соблюдены. Но есть два обстоятельства. Во-первых, эта сцена, кстати, отсутствующая в литературном первоисточнике, никак не обусловлена с точки зрения сюжетной необходимости. А во-вторых, сугубо визуальная организация кадра⁴² не оставляет сомнения в том, что он задуман именно как «флэш».

Сразу после этого уже «разогретый» зритель получает еще один сильный эмоциональный сигнал, на этот раз непосредственно связанный с развитием сюжета. Едва успев выйти из ванной, девочка становится невольной свидетельницей взрослого разговора и понимает, что ее биологический отец, которого она считала погибшим, просто живет в другой семье. Эта информация, несомненно, травматичная для подростковой психики, в следующем же эпизоде пересказывается молодому человеку и становится поводом для возмущенной сентенции о том, что «детей обманывают для их же пользы», которая не может не вызвать прилива зрительской эмпатии по отношению к героине. Причем не только зрительской: мальчик спокойно и уверенно говорит, что убьет всякого, кто ее обидит, – тем самым обозначая резкий скачок в развитии любовного сюжета. Это одна из самых эмоционально насыщенных сцен во всем фильме, и в самую ее середину, как ни удивительно, оказываются встроены еще два эпизода. Первый – это фоновая пейзажная зарисовка без участия персонажей игрового сюже-

ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА
СМЕНА ВЕКТОРА...

42 Узкий светлый проем в середине изображения; ню в центре; персонаж, показанный со спины, подглядывающий за героиней, будучи, таким образом, сведен к служебной функции – чтобы одновременно организовать направление зрительского взгляда и не рассеивать внимание, отвлекая его на себя.

та. Нам показывают развод детского караула у Вечного огня: символический Сталинград снова дает о себе знать, утверждая постоянное присутствие памяти «общенародной», воплощенной в монументах и ритуалах. Второй также связан с памятью, но только подчеркнута интимизированной, семейной. Коля рассказывает о том, что его деда немцы расстреляли на глазах у матери, и о том, что нынешние ее сердечные приступы, возникающие как реакция на что-нибудь «хорошее», связаны именно с этим опытом.

В данном случае у нас есть крайне любопытная возможность пронаблюдать за тем, как сценарист и режиссер работают с литературным первоисточником. В повести «Девочка и птицелет» элементы этой сюжетной композиции разбросаны по тексту (за исключением, конечно же, пейзажной зарисовки с волгоградским Вечным огнем и сцены в ванной, которой, как уже было сказано, в книге нет вообще) и почти не связаны между собой. Подслушанный разговор между матерью и отцом, а также монолог про «детей обманывают» – который, кстати, не адресован Олей никому, кроме самой себя, и не произносится вслух – стоят в сильной повествовательной позиции, завершая собой седьмую главу⁴³. В такой же сильной позиции стоит и рассказ Коли о травматическом военном опыте мамы, но только заканчивается им глава десятая, и к Олиным семейным сложностям он не имеет равным счетом никакого отношения. А фраза про «больше тебя никто не обидит» вообще произносится между делом в середине восьмой главы и представляет собой почти комический элемент неловкой попытки закоренелого двоечника поближе познакомиться с двоечницей свежееиспеченной. При переработке повести в сценарий две эмоционально насыщенные сцены вынимаются из сильных текстовых позиций и сводятся вместе на том единственном общем основании, которое можно в них найти: обе они имеют отношение к опыту переживания и проговаривания травмы. При этом ничего не значащая «школьная» реплика про «убью, если кто тебя обидит», будучи помещена в положение пуанта и поддержана реакцией героини⁴⁴, приобретает сюжетобразующее значение – и, опять же,

43 Кстати, в данном случае авторы фильма радикально изменили и сюжет, и систему мотиваций персонажей. В оригинале героиня испытывает шок не только и не столько от того, что отец, оказывается, жив и здоров. Главная «неправда» состоит в том, что это не он бросил мать, а мать бросила его, уйдя к нынешнему Олиному «папе», забрав с собой дочь, поменяв ей фамилию и попутно «убив» для нее настоящего отца. Ричард Викторов и Александр Хмелик старательно гармонируют окружающий протагонистку взрослый мир, исключая из него всякую неоднозначность. Поэтому решивший навестить 14-летнюю дочку отец превращается в персонажа, попросту жалкого и проходного, наравне с неискренней дамой из несуществующего литинститута. А значимый для повести сюжетный ход с убийством Колиного отца, милиционера и фронтовика, преобразуется в «жалостную» историю о смерти мамы: для общего эффекта, на который рассчитана картина, ощущение опасности, исходящее от современной советской городской среды, не нужно категорически.

44 Крупный план, переход в кадре от удивления к более сложному и одновременно более сильному чувству: девочка понимает, что ее любят.

производит сильное впечатление на зрителя. Вся энергия, аккумулированная в этой последовательности эпизодов, неизбежно канализируется в то эмоциональное состояние, через которое зритель воспринимает тему памяти о войне: причем память, которой отныне предстоит существовать в двух неразрывно связанных между собой измерениях – интимном и официально-публичном. И к концу картины интимное, уже исполнившее свою роль эмпатийного мостика, при помощи которого зритель интериоризирует внешний месседж, будет все более и более отчетливо уступать место прямому идеологическому высказыванию, подменяя и вытесняя его.

Эту модель пропагандистского воздействия довел до совершенства Марлен Хуциев в канонической оттепельной «Заставе Ильича», где запредельно пафосное, почти ура-патриотическое высказывание в конце картины аккуратно готовится на протяжении трех часов экранного времени, до предела заполненных обаятельнейшей «искренностью». Причем «искренность» эта подчеркнута транслирует этические установки, ориентированные скорее на микрогрупповые (дружеские и семейные) и индивидуальные контексты; не лишена элементов социальной критики, причем достаточно провокативных, – а иногда и вовсе ударяется едва ли не в семидесятнический стеб над официальным советским дискурсом⁴⁵. Но общее «технологическое задание» в данном случае предполагает подготовку финальной морали, которая должна восприниматься зрителем уже не как навязанная извне, а как результат собственного выбора, основанного на глубоко личных и эмоционально насыщенных переживаниях.

В том, что Ричард Виктор «учился» у Марлена Хуциева и заимствовал у него не только общую пропагандистскую матрицу, но и конкретные приемы, никакого сомнения нет. Достаточно упомянуть хотя бы о такой структурно значимой для «Заставы» детали, как периодически возобновляемая проходка в кадре троих караульных – сперва революционных красногвардейцев, затем бойцов времен Великой Отечественной, в плащ-палатках и с ППШ, – в конце картины закономерно претворяющаяся в смену караула у ленинского мавзолея⁴⁶. У Хуциева эта серия эпизодов не только организует общий ритм и формирует рамку киновысказывания, открывая и завершая собой отдельные части фильма, но прежде всего переадресует зрителя к Истории как единственно истинной – в платоновском смысле – реальности, проглядывающей сквозь пеструю ткань повседневности.

45 Тост по случаю возвращения друга из армии: «За мирное сосуществование, которое может еще сделать нас семейными людьми».

46 Зритель просто не может не считывать очевидной символической связи между этим триединым персонажем и тройственным же протагонистом фильма.

И в этом смысле та роль, которую выполняют уже у Викторова трое подростков с автоматами, которые торжественно маршируют по улице, привлекая к себе внимание героев картины, а потом застывают у Вечного огня, очевидна.

Еще одно не менее очевидное заимствование – это сцена с первомайской демонстрацией. Напомним, что именно с нее Хуциев начал снимать «Заставу Ильича», поскольку, по большому счету, она представляла собой квинтэссенцию того мироощущения, которое он, видимо, воспринимал как суть советского человека и советского (оттепельного!) проекта вообще. Сюжет интимный, интересный для зрителя на уровне личностного сопереживания, гармонично вписывается здесь в общее, слаженное и целенаправленное движение, в котором трудно не углядеть вполне прозрачную метафору той самой Истории. Важно и то, как эти два уровня «переопыляют» друг друга: История сообщает осмысленность и вес каждому, даже самому незначительному, поступку и движению души, а маленькие индивидуальные сюжеты интимизируют Историю, превращая абстрактные категории в факты личного переживания. Сцена демонстрации в «Переходном возрасте» – при всей очевидности различий в режиссерском и операторском мастерстве – решает те же задачи, с одним значимым дополнением: последовательность кадров, снятых во время праздничного шествия, с чередованием сугубо документального и игрового материала, разбавляется документальными же планами с Вечным огнем, возложением цветов к монументу павшим, свадебной процессией у памятника и силуэтом волгоградской Родины-матери в обрамлении цветущих веток абрикоса. Ричард Викторов повторяет тот принцип организации эпизода, который использовал несколько минут назад: эмоционально заряженные игровые и «праздничные» кадры нужны для того, чтобы создать внешнюю рамку для нужного месседжа. При этом соображения достоверности приносятся в жертву общему замыслу. Никакая свадебная процессия во время первомайской демонстрации была бы категорически невозможна просто потому, что ЗАГСы в праздничный день не работали – но сцена с возложением цветов воспринимается зрителем как неотъемлемая часть того же праздничного действия за счет монтажных склеек и музыки, которая непрерывно передает эстафету от кадра к кадру.

Музыка становится организующим фактором и в сцене, которая следует почти сразу после первомайской – в лирической зарисовке с прогулкой героев на пароходике по Волге с видами на отстроенный после войны Волгоград. Она тоже полудокументальная, с акцентами на «случайных» лицах, молодых и веселых, но от начала и до самого конца эпизода звучит пате-

тическая песня на слова Сергея Гребенникова «В позабытом окопе вода». А в конце Оля молча идет и садится рядом с мамой Коли – тема памяти в очередной раз переходит из регистра в регистр, от публичного к семейно-интимному⁴⁷.

Эпизоды с Сергеем Смирновым следуют сразу за этим и, соответственно, ложатся на хорошо подготовленную почву. После чего Символический Сталинград окончательно перестает маскироваться под провинциальный советский город. Каждое значимое с сюжетной точки зрения событие теперь будет происходить на фоне Истории, воплощенной в граните⁴⁸. Разрыв между героем и героиней, густо замешанный на проблеме морального выбора, случится на фоне дома Павлова. Мимо колоннады, обрамляющей тот же памятник, будет в полном отчаянии бежать Оля, узнав о смерти Колиной мамы⁴⁹. А примирение и финальный разговор «о жизни» превратятся в экскурсию по мемориальному комплексу на Мамаевом кургане⁵⁰ – с крошечными фигурками детей, вписанными в застывшую Историю с ее гигантскими масштабами и вселенскими смыслами.

«Искренний» подростковый сюжет окончательно превращается в акциденцию, во что-то маленькое, милое и уютное, приобретающее смысл едва ли не исключительно в силу того, что отсылает к сюжету великому, смысл которого радикально превышает человеческие частности, сколь угодно милые, уютные и вызывающие к индивидуальной эмпатии. Финал фильма – в полном соответствии с хуциевским рецептом – исполнен пафоса, уже совершенно неприкрытого и самодостаточного. Герой и героиня, снятые сквозь Вечный огонь в Зале воинской славы на Мамаевом кургане, в священном молчании внимают закадровому стихотворному тексту, который в первых строках четко задает вселенский масштаб происходящего: «На облака облокотись / И вниз на землю погляди». После чего камера фиксируется на именах павших героев и уходит ввысь, в круглое

ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА
СМЕНА ВЕКТОРА...

- 47** Не лишним будет упомянуть и о том, что роль «прокладки» между двумя этими праздничными сценами играет эпизод, связанный с сугубо приватным сюжетом героини, – разговор с приемным отцом о природе любви.
- 48** На это обратили внимание и кинокритики, писавшие «по свежим следам». «Как будто нет пересечений, как будто случайно сосуществование: дышат прошлым камни, памятники города, и цветет сама по себе юная сегодняшняя жизнь. Но ощущение глубокой связи между прошлым и настоящим есть в каждом из нас, достаточно случайного сопоставления, чтобы об этом напомнить»: РЫБАК Л. *Девочка пишет стихи* // Искусство кино. 1969. № 4. С. 44.
- 49** Акт, категорически бессмысленный в реальном архитектурном пространстве Волгограда – если речь идет о желании как можно быстрее попасть из точки А в точку Б, – поскольку ради подобной пробежки нужно сойти с прямой, обежать размашистый полукруг и вернуться на ту же прямую. Но, конечно же, символические акты, совершаемые в символических же пространствах, имеют место по ту сторону подобных мелочных соображений.
- 50** Заложеному еще в мае 1959 года, но достроенному и открытому всего за год до выхода фильма на экран. В брежневском «проекте памяти» о Великой Отечественной войне этому памятнику отводилось ключевое место: достаточно сказать, что на его торжественном открытии 15 октября 1967 года присутствовал не только министр обороны СССР Андрей Гречко, но и сам генеральный секретарь.

окно в центре купола – а текст продолжает звучать на все более и более торжественной ноте: «Гляди: над лучшим из миров / Редает облачный покров / Да, люди выше облаков, / И люди больше городов». Текст этот есть и в повести Киселева, но там он не имеет к памяти о войне ровным счетом никакого отношения. Оля Алексеева пишет стихотворение о... катализаторах – к коим она причисляет не только соответствующие химические вещества, но и людей, способных совершить научное открытие или дать начало революции. Впрочем, стихотворение трактует тему в предельно общих категориях, буквально мироточит безудержным подростковым пафосом, и перекодировать этот пафос под нужную задачу не составляет особого труда: что авторы «Переходного возраста» с готовностью и делают.

Впрочем, заканчивается фильм не на Мамаевом кургане. Обе рассказанные зрителю истории – о непростом процессе адаптации одной волгоградской девочки к взрослой жизни и о Памяти, которая была, есть и будет базовым фоном советской повседневности, – заключены в незамысловатую экфрастическую рамку. Под начальные титры фильма подложены кадры с тремя подростками, двумя мальчиками и девочкой, бегущими вверх по склону – от большой реки к стоящим наверху домам. Среди домов новых стоит один руинированный, на который ни дети, ни зритель вполне естественным образом не обращают внимания. Место действия неочевидно – это может быть любой город СССР, стоящий на берегу большой реки. Общая атмосфера кадров строится на угловатой подростковой грации и ощущении безоблачного, продуваемого свежим ветром детского счастья.

Кадры, предшествующие финальному титру «Конец», поначалу дублируют эту сцену вплоть до деталей: трое подростков, два мальчика и девочка, бегут от реки вверх по тому же склону. Но, взбежав наверх, они встречают там – на фоне дома Павлова – еще двоих, героя и героиню, разворачиваются и бегут в противоположном направлении, вниз. Общая атмосфера сцены остается той же – детское счастье, разве что на сей раз без сильного фонового ветра. Но место действия уже известно со всей определенностью: это Волгоград, отстроенный заново на руинах Сталинграда. Впрочем, счастливое советское детство никак не привязано именно к Волгограду: в данной сцене он всего лишь акциденция, и дети с тем же задором могли бы бежать по любому другому городу СССР. Сквозь который с той же неизбежностью просвечивал бы трансцендентный Сталинград, единственная – отныне и во веки веков – опора и скрепа советского счастья. И фоном для каждой встречи будет теперь дом Павлова – вне зависимости от того, замечают его счастливые советские люди или нет.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ: «ПЕРЕСТУПИ ПОРОГ»

ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА

СМЕНА ВЕКТОРА...

При всей остроте военно-политического противостояния с Западом, то и дело грозившего – на фоне «холодной войны» – вылиться в открытый конфликт, и при всей необходимости соответствующей пропагандистской проработки базовой целевой аудитории, населения СССР, хрущевская легитимирующая мифология и связанные с ней риторические стратегии были прежде всего ориентированы на созидательный пафос. Согласно базовым установкам оттепельного мифа, победу в этом противостоянии Советский Союз должен был одержать прежде всего не военным путем, а за счет передовых форм социальной и экономической организации. Следовало только преодолеть негативные последствия военной разрухи и «сталинских отклонений», и неумолимая логика исторического процесса, открытая и описанная классиками марксизма-ленинизма, должна была сама привести к неизбежному результату. Можно как угодно относиться к озвученному на XXII съезде КПСС хрущевскому тезису о построении коммунизма, пусть только «в основном» и пусть только в самом СССР, к 1980 году, но, судя по всему, верил в реализуемость этого плана не только первый секретарь – что в свою очередь предполагало и соответствующие пропагандистские установки.

В данной связи нельзя не вспомнить о радикальном сокращении вооруженных сил СССР сперва в 1955–1958-м, а затем в 1960-х годах, приведшем к увольнению в общей сложности более трех миллионов человек. Сам Хрущев много позже, уже будучи отстранен от власти, мотивировал военную реформу прежде всего именно исходя из экономической логики: «Военные расходы – это бездна, в которой понапрасну пропадают ресурсы»⁵¹. Среди прочего следствием этой реформы было и массовое недовольство в номенклатурных стратах, так или иначе связанных с силовыми структурами. Смещение Хрущева в конце 1964 года в этих слоях общества было воспринято на ура и связывалось с ожиданиями «армейского ренессанса». Данного обстоятельства в свою очередь не могла не учитывать и «брежневская» команда – в том числе и при выборе общего милитарного вектора в ходе работы по коррекции базовой для советской пропаганды системы легитимирующих мифов.

Классическим примером подобной перестановки акцентов можно считать следующий фильм Ричарда Викторова «Переступи порог» (1970). Если в «Переходном возрасте» скрытый учебный план искренней подростковой истории был ориентирован

51 ХРУЩЕВ Н.С. *Воспоминания. Время. Люди. Власть.* М.: Вече, 2016. Кн. 1. С. 838; см. также: EVANGELISTA M. *Unarmed Forces: The Transnational Movement to End the Cold War.* Ithaca: Cornell University Press, 1999. P. 90–122 (глава «Why Keep Such an Army? Khrushchev's Troop Reductions»).

на актуализацию памяти о Великой Отечественной войне в качестве основы основ мироощущения всякого настоящего советского человека, то теперь задание стало несколько иным. Война как новая советская Первоэпоха, средоточие легитимирующей мифологии, требовала своего *modus operandi*, перевода на язык конкретных жизненных стратегий – переработки в новый мобилизационный ресурс. При этом сама модель пропагандистского воздействия никаких изменений не претерпела: фильм выстроен как предельно искренняя, проблемная, а местами даже провокативная история взросления, в которой главный месседж выходит на поверхность уже в самом конце, как результат непростого и глубоко личного выбора, который «цепляет» зрителя и апеллирует к его собственным внутренним установкам⁵².

Главный герой картины Алик Тихомиров прописан так, чтобы как можно меньше напоминать идеального советского подростка в «учительском» понимании этой фигуры. Он излишне самостоятелен и предприимчив, он «этически неоднозначен» (может быть откровенно груб даже с собственной девушкой и с учителем, которого уважает). Но при этом честен, умен и талантлив и просто обязан вызывать симпатию у зрителя – вне зависимости от того, с какой статусно-возрастной позиции зритель воспринимает сюжет: с точки зрения сверстника – или с родительской точки зрения. Он не готов идти на компромиссы и полностью самостоятелен в принятии решений и в выборе жизненных стратегий. Любое социальное давление вызывает в нем готовность не к адаптации, а к сопротивлению; любая фальшь и нечестность играет роль красной тряпки. В конце фильма, поставленный перед необходимостью значимого жизненного выбора, он взвешивает два набора этических установок: «официальных», имплицитно присутствующих в самом воздухе окружающей советской действительности, и «нормальных», «по-человечески понятных», свойственных подавляющему большинству других персонажей картины. Финальное решение идти не в престижный вуз, а в армию могло бы показаться зрителю плакатным пропагандистским призывом – если бы до этого зритель на протяжении часа не «вчувствовался» в эту бескомпромиссную личность. В итоге решение это воспринимается как бунтарское: конформизм убедительнейшим образом подается как образец нонконформизма.

Мобилизационный посыл, ориентированный на актуальную милитарную риторику, формулируется в двух не связанных

52 Любопытно сопоставить эту модель с другой, более ранней, условно «сталинской», хотя она была вполне употребима и в раннеоттепельном кино. В таких фильмах, как «Максим Перепелица» (1955) Анатолия Граника и в «Бровкинской» дилогии Ивана Лукинского («Солдат Иван Бровкин», 1955; «Иван Бровкин на целине», 1959), ни о каких сложных выборах не могло идти и речи. Эти фильмы не просто не скрывают своего дидактического задания, но открыто строятся на воспитательном сюжете, в центре которого стоит предельно незамысловатый персонаж, буквально зывающий к нормализации.

между собой сценах и оба раза облачается в предельно эмоциональные монологи главного героя⁵³, обращенные – что само по себе весьма показательно – к двум самым значимым для него женщинам, матери и невесте⁵⁴. И всякий раз основой для глубоко современного военного пафоса становится «военная» память. В семейном контексте оправдать ее несложно: достаточно время от времени перебивать диалог между матерью и сыном, фиксируя киноглаз на фотографии погибшего отца, военного летчика. С любовными контекстами сложнее. Авторам картины приходится идти на не вполне очевидные логические ходы, чтобы связать между собой сильное чувство к девушке с готовностью умереть за Родину. В итоге получается лобовая иллюстрация к симоновскому «Жди меня, и я вернусь», которая если чем и интересна, то тем, что она в очередной раз отсылает к Марлену Хуциеву как к неизменному источнику творческого вдохновения (и профессионального инструментария) для Ричарда Викторова.

Если в «Переходном возрасте» по городу маршировали хуциевские караульные, то «Переступи порог» густо насыщен аллюзиями на следующий фильм Хуциева – «Июльский дождь» (1966). Главным связующим мостиком становится Юрий Визбор. В «Июльском дожде» его персонаж, бабник, бонвиван и воплощение цинического разума, столь любезного сердцу интеллигентного позднесоветского зрителя, ближе к концу картины внезапно меняет амплуа, раскрываясь в качестве носителя памяти о войне. В финале именно он организует для героини своеобразную экфрастическую рамку, смену оптики, которая и ей, и зрителю позволяет взглянуть на современные сюжеты – вне всякого сомнения, драматические и крайне значимые для участников, – как на акциденции, мимолетные тени на граните Великого События⁵⁵. Оставаясь персонажем второго плана, он превращается в камертон всего «настоящего», что может быть в современном советском человеке. И надо же такому случиться, что в собственном фильме Ричард Викторов приглашает на роль второстепенного персонажа, который, в конце концов, окажется для главного героя таким же камертоном, именно Юрия Визбора⁵⁶. Того самого Юрия Визбора, который в хуциевском фильме исполняет в кадре песню «Спокойно, товарищ, спокойно» (свою, авторскую), предвещающую переключение оптики.

ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА
СМЕНА ВЕКТОРА...

53 И за пределами пафосные. Стыки между двумя ипостасями протагониста – нормальным подростком и пламенным трибуном – все же слишком заметны и, по большому счету, ставят под угрозу задуманный эффект.

54 «Как невесту Родину мы любим, / Бережем как ласковую мать».

55 Сама финальная сцена в «Июльском дожде», с героиней, которая идет через толпу фронтовиков, празднующих Победу, в свою очередь представляет собой аллюзию на финальную сцену калатозовских «Журавлей», где – пусть даже в совершенно ином контексте – так же происходит финальное наложение (и гармонизация) сюжета индивидуального, эмпатийного, и сюжета исторического, бытийного.

56 А самому главному герою даст имя визборовского персонажа из «Июльского дождя».

И надо же такому случиться, что Алик Тихомиров в своем проникновенном монологе о готовности умереть за Родину во имя любимой девушки едва ли не дословно цитирует визборовскую строку: «Уже изготовлены пули, что мимо тебя пролетят».

Хуциевский шедевр заканчивается сценой, в которой утверждается память о войне как единственный символ веры, оставшийся незапятнанным и незамутненным в глазах тех людей, что когда-то уверовали в оттепельный проект, а после того, как проект потерпел крах, превратились в своего рода потерянное поколение, манифестом которого много позже станут «Полеты во сне и наяву» (1983) Романа Балаяна⁵⁷. Но у Хуциева Память – тема устойчивая и во многом неизменная, и в ее реализации «Июльский дождь» стоит между «Заставой Ильича» и «Был месяц май» (1970), следующим фильмом режиссера, на сей раз уже очевидно военном. Ричард Викторов тему видоизменяет и осовременивает, превращая Память в легитимирующую основу для сугубо современных пропагандистских установок, ориентированных на реализацию новой мобилизационной стратегии.

По большому счету, столкновение хуциевских и викторовских лент может вывести на весьма любопытную тему, связанную с куда более широким горизонтом взаимоотношений между экспериментальным, авторским, кинематографом и кинематографом, ориентированным прежде всего на решение пропагандистских задач. И «Заставу Ильича», и «Июльский дождь» ожидала непростая прокатная судьба. Первый фильм режиссеру пришлось радикально переделывать, и на экраны он вышел в урезанном, отчасти переснятом виде и под другим названием. Второй вызвал целый шквал критики и получил низкую прокатную категорию, в результате чего его посмотрели всего чуть более трех миллионов зрителей – цифра, для советского кинопроката незначительная. У Ричарда Викторова, для которого хуциевские картины были источником не только творческого вдохновения, но и прямых заимствований, с прокатом сложился роман, куда более удачный: тот же «Переступи порог» увидели более 25 миллионов человек. Конечно, весьма похожую историю можно было бы рассказать и об отношениях между коммерческим и некоммерческим кино в традиции, скажем, американской: приемы воздействия на зрителя, открытые режиссерами-экспериментаторами, адаптируются к эстетике массового зрелища и начинают работать на извлечение прибыли. Разница в том, что в советском кинематографе собственно зрительский спрос не формировал предложение, а этим предложением как раз во многом и формировался.

57 Анализ этой картины в контексте шестидесятнического потерянного поколения см. в: Михайлин В. *Скромное обаяние позднесоветского интеллигента: об одном каноническом типаже Олега Янковского* // Отечественные записки. 2014. № 5(62). С. 137–153.

Техника мягкого навязывания зрителю – по ходу просмотра – представления о том, что внушаемый ему месседж в действительности идет изнутри и является реакцией на глубоко личные запросы и потребности, была, по сути, не только отработана Марленом Хуциевым, но и доведена до совершенства. Но и в «Заставе Ильича», и в «Июльском дожде» она всего лишь одна, пусть даже и крайне значимая, составляющая куда более сложного и многоуровневого эстетического высказывания. Для Викторова же именно к ней суть высказывания и сводится, и все остальные элементы формируются таким образом, чтобы с максимальной отдачей обеспечить пропагандистский функционал. Тем более, что под ту же задачу была заточена и вся пропагандистская машина, для которой подростковое кино было всего лишь одним из каналов воздействия, который надлежало синхронизировать с другими параллельными каналами. И если применительно к «Переходному возрасту» эта фланговая поддержка обеспечивалась за счет уже сложившейся медийной составляющей, зримо воплощенной в фигуре Сергея Смирнова, то для «Переступи порог» требовалось создание медийного сопровождения буквально на ходу. Решением стало широкое публичное обсуждение фильма – сперва на уровне газетных публикаций и многочисленных «писем в редакцию», а затем и на уровне специализированных изданий⁵⁸.

Взамен оттепельного пафоса, футуроцентрического и созидательного, брежневские специалисты по пропаганде предложили пафос, по преимуществу милитарный и охранительный, нацеленный на формирование постоянной готовности встать на защиту завоеваний социализма. В отличие от революции и гражданской войны, которые, по определению, трактовались во всех версиях советской идеологии как события, строго ориентированные на будущее, новая нормативная эпоха, активно формируемая как раз с середины 1960-х, была связана с Великой Отечественной войной – которая трактовалась как событие, связанное с катастрофическим нарушением, а затем отвоеванием и восстановлением уже существующего порядка. Радикальные изменения претерпела и мессианская составляющая, которая всегда была крайне значимой частью советского про-

ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА
СМЕНА ВЕКТОРА...

58 На протяжении одного только 1971 года, следующего за годом выхода картины на экран, журнал «Искусство кино» обращался к этому фильму в трех номерах, так что с сугубо медийной точки зрения его можно было считать едва ли не фильмом года. В третьем и пятом номерах были помещены авторские материалы об этой картине (Нодель Ф. *Адрес – новое поколение // Искусство кино*. 1971. № 3. С. 89–95; Орлов Д. *Недетские заботы детского кино // Искусство кино*. 1971. № 5. С. 24–41), а в девятом номере опубликована полномасштабная дискуссия о подростковом кино, участниками которой стали режиссеры, драматурги, кинокритики, учителя, психологи, а также «сотрудники Института общей и педагогической психологии и Института художественного воспитания Академии педагогических наук СССР» и едва ли не главное внимание в которой приковано именно к «Переступи порог» (*О кинематографе для подростков // Искусство кино*. 1971. № 9. С. 116–128).

екта: вместо идеи мировой революции (опять же, совершенно футуроцентрической), она теперь ставила во главу угла идею спасения всего человечества от угрозы фашизма (то есть акта, сугубо охранительного).

Все эти изменения – как и было принято в советской публичной культуре – работали не по принципу отмены, а по принципу дополнения. Идея преемственности в политике партии и правительства была системообразующей, и даже вполне судорожные метания из стороны в сторону требовалось оформлять как «улучшения», не затрагивающие сути процесса. Так что те комплексы пропагандистских установок, которые были значимы на предыдущем этапе, просто разбавлялись новыми установками, зачастую взаимоисключающими, с расчетом на то, что постепенно их вытеснят. В итоге к базовому и неоднократно описанному двуязычию советского человека, который параллельно говорил и мыслил на мало совместимых между собой языке публичности и языке приватности, добавлялась проблема несколько иного свойства: язык публичности также не был единым и вполне мог одновременно «звать в разные стороны». Так, в позднесоветском официальном дискурсе тема «борьбы за мир во всем мире» была одной из ключевых и подчеркнуто формировала образ советского человека как ориентированного на созидательный труд и мирное сосуществование, не приемлющего милитаризма – в противовес «Западу», которому приписывались агрессивные устремления, поддержка неонацизма и постоянная игра ядерными мускулами. Однако основу основ брежневской идеологии составлял этиологический миф памяти о войне, который постоянно опрокидывался в настоящее, генерируя и поддерживая представление о необходимости в любой момент встать на защиту завоеваний социализма, о постоянной внешней угрозе. При этом никакие формы собственно пацифистской мифологии в Советском Союзе были категорически неприемлемы. В итоге милитарность, постоянно формируемая на уровне базовых мифов и поддерживаемая массовой культурой памяти о войне (памятники, ритуалы, праздники, художественные тексты) действительно стала эссенциальной характеристикой позднесоветского человека, который привык гордиться «нашими ракетами» и тем, что его родной город (практически любой) непременно входил в первую десятку первоочередных целей для ракет американских. Тогда как «борьба за мир» так и осталась на уровне официоза, невыносимо скучного для любого «нормального человека» и лишенного какого бы то ни было личного измерения.

И это, пожалуй, один из главных ориентиров, который следует иметь в виду, отвечая на вопрос о том, «хотят ли русские войны».

АЛЕКСАНДР
ПИСАРЕВ

От художественной теологии к вопросам эмансипации:

обзор российских
интеллектуальных журналов

Александр Александрович Писарев (р. 1988) – редактор, переводчик, преподаватель, младший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН.

В этот обзор вошли номера, собранные еще до начала боевых действий российских властей в Украине. Казалось бы, они отражают интересы и заботы, релевантные для другого, довоенного, российского общества. Мету нового темпорального раскола еще предстоит познать и осмыслить, но, каким бы он ни был, поднимаемые проблемы принадлежат времени большой длительности и сохраняют свою значимость. Так, сразу два журнала, «Логос» и «Stasis», посвятили выпуски проблематике феминистских исследований и теорий. «Художественный журнал» собирает в одном номере примеры, критику и манифесты разнонаправленных интервенций постсекулярной религии и теологии в современное искусство.

**ОБЗОР
ЖУРНАЛОВ**

259

«Ab Imperio» продолжает проследить историю управления разнообразием, но также включает в поле дискуссий первую рефлексию того, как советская и российская история должны изменить свою методологию в новых условиях.

ТЕОЛОГИЯ СПРАВА, ТЕОЛОГИЯ СЛЕВА

Когда-то, благодаря внедрению технических средств массового воспроизводства и критике Бенъямина, искусство проблематизировало свои связи с культом и квазисакральный статус. Поэтому тема «Художественного журнала» (2022. № 120) звучит неожиданно – «Художественная теология». (Впрочем, на фоне темной теологии, алхимии, теургии, божественного мрака и космизма в заголовках статей это название даже прозаично.) В номере представлена целая россыпь разных комбинаций искусства и религиозного – от прямого манифеста, ратующего за воссоединение (мол, когда-то они были едины, не пора ли вернуться к этому на новых основаниях), до критики актуальных примеров интервенции квазитеологического дискурса в искусство; от выявления теологии как неявного каркаса политики до бриколажа религиозных образов.

Возможно, чтобы настроиться на чтение, стоит начать с провокационного вопроса, формулируемого Дмитрием Галкиным: «Стоит ли считать проблемой, что современное искусство “подыгрывает” секулярному миру и стоит на железобетонных антиклерикальных позициях?» (с. 53). В нем есть и отступление от привычного восприятия вещей, и навязываемая без оговорки двузначная логика «либо религия, либо секулярность», характерная для промоутеров теологического поворота. Однако начинается разговор, как водится, с политики.

Илья Будрайтскис обращается к Карлу Шмитту, который считал, что в Новое время политика приходит на смену теологии, но последняя продолжает неявно присутствовать и определять предельную систему координат политических вопросов (с. 36). «Политика наполняет столкновение теологических позиций плотью и кровью», поэтому в центр выносится вопрос о *природе человека* – доброй или злой, – диалектические хитросплетения которого и разбирает Будрайтскис. (Забегая вперед, оговоримся, что теология возникает в номере не только в связи со Шмиттом.)

Эту связь божественного и природы человека затрагивает Жан-Люк Нанси в своей лекции о Боге, прочитанной французским детям в 2002 году. Он указывает, что «быть человеком – значит быть открытым к чему-то безмерно большему, чем просто быть человеком» (с. 14). Но эту открытость не осмыслить абстрактными понятиями вроде любви и справедливости (Нанси лишь постулирует это, никак не поясняя). Нужна возможность обращаться, отношение, чтобы была в свою очередь возможной верность этой открытости по ту сторону любого вероучения.

«Когда кто-то кому-то верен, то, в сущности, не знает ничего об этом человеке, не знает, кем он или она станет в дальнейшем. Но если кто-то кому-то верен, то он просто верен – и все, не зная» (с. 15).

При чем здесь искусство? Другая лекция Нанси – о Канте, – законспектированная когда-то Еленой Петровской, поясняет этот момент. Первый шаг – признание *конечности* природы человека и невозможности для него божественной оригинальной интуиции, творящей свои объекты. «У Канта мы становимся свидетелями исчезновения всемогущего Бога, классического Бога-механика, благодаря чему раскрывается вся цепочка технических действий» (с. 29). Человеческий разум дискурсивен и зажат между пассивностью восприятия и активностью мысли, движется от начала к конечной цели, поэтому предстает набором *технических* возможностей, а не местонахождением истины; природа же в отсутствие бога как «естественного художника» становится искусством человеческим. Пока речь идет об искусстве как технике – в координатах отсутствующего бога, человека и его природы.

Остроумный комментарий к этому сюжету – размышление Михаила Куртова об Иисусе как технике. Он обращает внимание на обилие фигурирующих в евангельских сюжетах технологий, на принадлежность самого Иисуса к технической профессии (плотник, по другим версиям – каменщик, красильщик) и предлагает переключить внимание на материально-техническое содержание Священного писания. Каков статус вещей, сделанных самим Иисусом (с. 20)? Куртов предполагает за ними особую сакральность, или *чудесность*, ведь согласно догматическому взгляду Иисус всегда уже был богом, а значит, и творил как бог. Однако мы ничего не знаем об этих вещах из канонических источников, ими не интересовались сами христиане – и дело не только в свойственной людям технофобии.

Куртов допускает, что эти вещи были сокрыты в рамках некоего заговора. Их раскрытие приведет к ресакрализации техники и обновлению DIY-технологии, а также к тому, что «различие между искусством и христианской религией в их отношении к вещам сотрется: Иисус фактически предстанет первым современным художником и куратором (поскольку первичный назначающий жест освящения принадлежал именно ему), а христианские храмы – как первые музеи современного искусства, причем располагающие наиболее развитой инфраструктурой» (с. 24). Но если горизонт художественной вещи – вещь божественная, а все люди созданы по образу и подобию Бога, то сфера искусства предельно демократизируется и одновременно обесценивается.

Впрочем, Владимир Шалларь берется показать, что обесценивать уже нечего: в современном искусстве не искусство потеряло ауру, а как в известной поговорке – *искусство уехало, аура осталась*. Задача автора – сформулировать проект нового искусства, возвращающего себе связь с сакральным. В христианском Средневековье, отмечает он, религия и искусство не мыслились отдельно, как в модерне. Они были синкретически неразделимы, и искусство, насколько о нем можно было говорить, «было культом, богослужением, “теургией”»: рядом перформативов, меняющих реальность; [...] оно не копировало реальность и не создавало “произведений”: оно производило новые реальности» (с. 43). Реалистическим и репрезентирующим оно становится в модерности, когда реальность превращается в «опыт» буржуазного субъекта, наблюдающего за реальностью как бы извне. В этом смысле авангардизм Малевича и Кандинского был попыткой вернуться к творению новых реальностей, опять же связанных с божественным (с. 46). Правда, возврат сорвался, Дюшан победил Малевича, модернистское искусство якобы замкнулось в круге самоот-

ридания и гонки за новым. Современному искусству, отмечает Шалларь, нечего выражать (отсюда «просто предметы» реди-мейда), оно выражает ничто (а заодно «смерть Бога» и паразитизм капитализма) и по сути является не более чем механизмом классового размежевания (с. 48) и «спекуляцией на арт-рынке» (с. 50).

Но, как метко выражается автор, «для рагу из зайца нужен заяц, для искусства нужен какой-то бытийный опыт, который оно будет репрезентировать» (50). На место «неолиберального ничтожества» должен прийти опыт контркапиталистической общности, чьей концептуализацией «не может не быть теология» (51) в каком-то новом сакральном пространстве (этот возврат теологии и сакральности постулируется, не получая никакого обоснования). Шалларь убежден, что новое искусство как *теургия* будет постмодерным, будет сочетать авангардизм и «новое Средневековье», уходя корнями в русский религиозный ренессанс начала XX века. Таким образом, «художественная теология» из названия номера может иметь и такой своеобразный левый разворот в виде манифеста нового религиозного искусства.

Дмитрий Галкин скептически относится к перспективам такого синтеза: современное искусство способно предложить только толкования культурной памяти, но «не готово связываться с большими идеями в качестве альтернативы утопиям великих культов; гармония добра, природы и красоты нам не светит; максимум – радиоактивный божественный гамма-луч» (с. 57). В статье Натальи Серковой тоже используются религиозно-теологические метафоры. Впрочем, Николай Смирнов доказывает, что художник при всем разнообразии его исторических стратегий всегда уже коррумпирован духовностью, его архетип – «алхимик, который решает задачу всеединства или универсального совершенства» (с. 69) с опорой на гнозис.

Возможно, наиболее явной и заметной интервенцией теологического мышления в современное искусство последних лет был трансфер русского космизма. Ему посвящена беседа Арсения Жилиева и Анастасии Гачевой, а также статья Кети Чухров. Как доказывает Чухров, русский космизм принципиально антифилософичен и наивен. Сопоставляя его с христианством, она критикует его как сциентистскую идеологию, которая вытесняет индивидуальную анагогическую работу покаяния и не допускает провалов или сомнений: путь к спасению лежит не через личное преобразование и эсхатологию, а через биотехническую оптимизацию и эффективное планирование новой жизни. Здесь космизм оказывается в плену наивных представлений о науке. Опираясь на диалектический материализм Эвальда Ильенкова, Чухров замечает, что «без сознания, которое, по определению, является социальным и историческим, любое воскресшее существо было бы просто зомби или биороботом» (с. 129). Отменяя смерть и заявляя актуальную бессмертность, космизм отменяет и философию.

«Скромное и великодушное осознание бренности человеческой жизни и мысли – признание объективной и высшей роли универсальной материи – только подтверждает зрелость разума и его нужду в материальном бытии» (с. 130).

Этот пассаж, возвращая нас к вопросу о конечной природе человека, подытоживает номер и, возможно, дает определенный повод для оптимизма: на пути теологизации и сциентизации искусства еще есть преграда, и эта преграда – критическая философия, принимающая конечность человека и ищущая вместе с ним способы жить с этой конечностью и вопреки ей, не опираясь на костыли метафизических абсолютов.

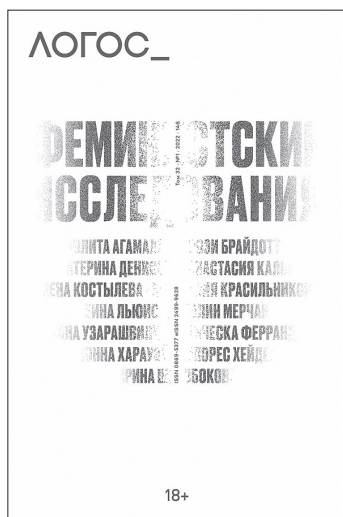
ПЕРЕВОСПИТАНИЕ ВЗГЛЯДА В ФЕМИНИСТСКИХ ТЕОРИЯХ

«Логос» (2022. № 1) посвящен «феминистским исследованиям», и столь широкая формулировка, по-видимому, связана с тем, что в номер вошли как актуальные статьи, так и ставшие классическими для всего поля тексты таких авторов, как Донна Харауэй, Кэролин Мерчант, Долорес Хейден и Розы Брайдотти. Как отмечают в предисловии составительницы номера Катерина Денисова, Анастасия Красильникова и Лана Узарашвили, «язык феминистской теории подвижен и восприимчив, он по-прежнему находится в процессе становления, и многие важные теоретические тексты все еще не переведены» (с. 9). Действительно, ключевые для текущего состояния этого поля тексты – западные, поэтому переводческая работа необходима в той мере, в какой феминизм претендует на более широкую аудиторию, чем академическая. Также в предисловии очерчивается контекст представленных в номере направлений исследований и, что важно, контекст его появления. Составительницы помещают его среди работ своих российских коллег разных поколений и призывают культивировать преемственность, а не начинать каждый раз будто с чистого листа (с. 10).

Номер разбит на блоки по политической философии, исследованиям визуальности и науки. Первый блок начинается с гендерной критики «городского пространства как пространства неравенства, нечувствительного к социальному разнообразию – в частности, к гендеру» (с. 14). Долорес Хейден на материале американской урбанизации второй половины XX века показывает (статья вышла в 1980 году), как само устройство города, района и жилья препятствует эмансипации женщин. Градостроительство и архитектура опосредованно создают асимметрию мужского и женского, воплощая неравенство в камне.

«Чтобы достичь равноправия, женщины должны устранить гендерное разделение домашнего труда, частно-экономический характер домашнего труда и пространственную сегрегацию жилья и рабочего места в архитектурной среде» (с. 61).

Отталкиваясь от этой критики, Хейден обсуждает опыт строительства коммунального жилья в Европе и предлагает собственный проект такого жилья, устроенного на основе принципа гендерного равенства (с. 53). Подытоживая свои поиски, она отмечает, что все упирается в «борьбу с традиционным разделением публичного и частного пространства», которая «должна стать приоритетом социализма и феминизма 1980-х годов» (с. 61).

Спустя несколько десятилетий распределение частного и публичного в контексте женского опыта в городе остается камнем преткновения для эмансипации, о чем свидетельствует статья Ирины Широковой. Дав краткий исторический обзор формирования этой дихотомии и дискуссий вокруг нее, Широкова обращается к критике ее продуктивности и поискам альтернативы в черном феминизме, исследованиях повседневности и транснациональной феминистской теории и практике. Впрочем,

как отмечает исследовательница, «работая с переосмыслением дихотомии, важно разрушить жесткое разделение, но не стереть различия» (с. 33).

Такие масштабные проекты переустройства общественного пространства, а не только способов говорить и думать ставят перед феминизмом вопрос о его отношениях с *государством*. Эта тема, прежде не характерная для левого феминизма (с. 71), теперь развивается весьма активно – ведь ясно, что, чтобы требовать масштабных перемен вроде гендерного равенства, необходимо теоретизировать государство и его изменение. Подробнее об этом читатель узнает в статье Анастасии Кальк. Она обсуждает и критикует позицию *правительственного карцерального феминизма*. Это «доминирующая практика современной феминистской борьбы, при которой основными инструментами решения проблем домашнего насилия и гендерного неравенства выступают усиление форм полицейского контроля и ужесточение уголовного наказания за совершенные преступления» (с. 78). Этот тип феминизма сместил внимание с социально-экономических проблем на проблему сексуального насилия и в итоге не приблизил к гендерному равенству (с. 82). Однако альтернатив ему в плане взаимодействия с государством нет, их поиск, по словам Кальк, еще не дал результатов.

Материалы блока исследований визуальности так или иначе развивают тезис о том, что «взгляд пронизан идеологией и является инструментом осуществления власти» (с. 7), поэтому визуальная культура становится пространством борьбы интересов, подчинения и господства, предметом критики и перевоспитания.

Рози Брайдотти обращается к анализу медицинского взгляда и его роли в объективации женского тела. Он уходит корнями в *скопическое влечение* науки Нового времени с ее фантазией об абсолютном

господстве и навязчивым желанием делать невидимые тайны природы видимыми, аналитически разделять тело на автономные единицы (с. 107). Однако *медицинский взгляд* также сцепляется с коммерциализацией живой материи и усиливает ее, поэтому Брайдотти называет систему медицинской репрезентации медицинской порнографией, «основания которой покоятся на отделении плода от организма матери, на расчленении телесной целостности и обмене его частей» (с. 115). И в науке, и в порнографии «изображение получает собственную жизнь, отделенную от всего остального» (с. 114), обе «покоятся на фантазии, что зримое и истина суть взаимозаменяемые понятия» (с. 115). Брайдотти приводит примеры обширной феминистской критики этого союза взгляда и господства и призывает к «пристальному вниманию к визуальной культуре» (с. 119).

Однако взгляд не всегда сопряжен с контролем и негативен. Так, Франческа Феррандо прослеживает в связи с волнами феминизма генеалогию иного воспитания взгляда – *эстетики постчеловеческого* в работах художниц XX–XXI веков, показывая, что постгуманистические интуиции витали в воздухе задолго до появления концепций постгуманизма. Этот визуальный режим, напротив, чувствителен и критичен к поглощению тела техникой. Другой пример позитивности взгляда предлагает Рейна Льюис. Она выявляет позитивное влияние модных журналов для негетеросексуальной аудитории на появление у этой аудитории более свободных форм самоидентификации и получения наслаждения.

Блок по исследованиям науки открывает глава из книги историка науки Кэролин Мерчант – одной из ключевых фигур экофеминистской традиции. Она посвящена взаимосвязанному и подчиненному положению природы и женщины в качестве ресурсов капиталистического производства и человеческой репродукции – положению,

в которое они попали на заре становления науки, в XVIII веке. Это подчинение было связано с вытеснением женщины на периферию обоих процессов. Мерчант показывает, как происходила постепенная маргинализация повитух в деторождении: хирурги-мужчины, опираясь на авторитет науки и государства, но пользуясь калечащими инструментами (с. 201), смогли маргинализировать повивальное ремесло и поставить под свой контроль прием родов. Эта медицина во многом обосновывалась трудами Уильяма Гарвея о репродукции, воспроизводившими современные ему культурные стереотипы о соотношении полов (с. 214). Таким образом, резюмирует Мерчант, «научная революция не принесла женщинам предполагаемое просвещение, объективность и освобождение от устаревших убеждений» (с. 216).

Этот радикальный вывод ставит перед феминистской эпистемологией принципиальный вопрос. Как совместить критическое отношение к науке и ее практикам с приверженностью научным описаниям мира? Эта проблема – в центре внимания Донны Харауэй. Чтобы решить дилемму признания конструктивистской природы науки и ее репрезентациональной силы (с. 239–241, 245), она разрабатывает новое, феминистское, понятие *объективности*, которое позволило бы совместить эти несовместимые установки. Ее задача – не отказываясь от взгляда как основной метафоры, добиться его переопределения и перевоспитания. Дискутируя с конструктивизмом и феминистским эмпиризмом, она предлагает идеи *частичной перспективы* и *ситуативности знания* (с. 248). Они позволяют избежать «уловки бога» как воображаемой трансцендентной позиции ученого, из которой открывается картина всего мира. Искомая «объективность» связана с частной и конкретной телесной воплощенностью, но совершенно точно не с ложным видением, обещающим трансценденцию всех преде-

лов, а заодно и ответственности» (с. 250). Поэтому любое знание ситуативно, то есть маркировано позицией своего производства в социальном, политическом, культурном и физическом пространствах.

ПСИХОАНАЛИЗ КАК ФАКТОР ЭМАНСИПАЦИИ

«*Stasis*» (2021. № 2), продолжая обсуждение феминистской проблематики, берет более узкую тему – «Психоанализ и феминизм сегодня». Начать чтение стоит с оживленной дискуссии с участием Яны Марковой, Марии Кочкиной, Артемия Магуна и Елены Костылевой. В своих репликах им удалось первично картографировать проблемное поле встречи феминизма и психоанализа, разметить основные позиции и проблемы – к примеру, недостаточность гендерного подхода для определения пола и полового различия для эмансипации.

Примечательно, что исторически феминизм скорее противопоставлялся психоанализу как маскулинистскому и мизогинному интеллектуальному проекту, который использовался для дискредитации феминизма: например, через его связывание с *истерией*, которую психоанализ неизменно стремился вылечить. Однако усилиями феминистских исследовательниц эти оппозиции архаизировались, им удалось переинтерпретировать психоанализ и поставить его на службу росту женского самосознания и мобилизации. Этому сюжету посвящена статья Ирины Жеребкиной. В 1980-е, в пору расцвета феминизма, «феминистские исследовательницы стремятся вопреки лакановским формулировкам (хотя и с помощью его методологии) разработать топологию именно женской субъективности и предлагают различные ее модели, делая акцент на понятии *женского желания*. Феминистская концепция желания направлена на то, чтобы подчеркнуть

самодостаточность и активность женской субъективности» (с. 18–19). При этом истерия перестает считаться патологией и трактуется как ресурс реализации креативного и эмансипаторного потенциала:

«Истеричка/истерик, в интерпретации Сиксу и Клеман, – это та/тот, кто “слышит, но не понимает”, и поэтому находится в непрерывном поиске ускользающего смысла и соответствующих ему ускользающих слов и событий. [...] В результате истерический субъект становится той/тем, кто непрерывно оспаривает и подрывает существующий порядок знания и рациональности» (с. 20).

Экссессивная страсть женского наслаждения позволяет истерии избегать подчинения патриархату, желая универсального («всё»), а не партикулярного. Благодаря феминистскому психоанализу «язык женского тела стал рассматриваться как возможность новой формы литературного высказывания и радикального, авангардного литературного эксперимента» (с. 24). Жеребкина разбирает критические аргументы, направленные против такого «истерически вовлеченного» феминизма 1990-х (с. 25), а также мотивы его возрождения в 2010–2020-е в контексте проблематизаций феминизма третьей волны (с. 28).

Можно привести и другой случай продуктивности психоаналитической топологии личности для феминизма. Артемий Магун в упомянутой выше дискуссии указывает на то, что угнетение женщин может быть устранено на сознательном, официальном, уровне, но продолжать действовать на уровне бессознательного (с. 167), анализ которого, таким образом, приобретает стратегическое значение. Правда, это обязательно будет бессознательное психоаналитическое, как показал, например, еще Пьер Бурдьё в «Мужском господстве».

Сразу два материала посвящены психоаналитическому прочтению женских фигур в мифологии. Нилофер Каул сосредоточивается

на бенгальской мифологии богини-матери Дурги и показывает, что миф стоит воспринимать не как инвариант, сообщающий некие культурные «истины», а скорее как резерв форм выражения для состояний, остающихся нерепрезентированными в современной культуре. В свою очередь Вероника Беркутова анализирует фигуру Горгоны Медузы в призме психоаналитической теории отвращения. В этом отвратительном и возвышенном объекте соединяются сюжеты вытеснения женского как ужасного и Иного, сублимации и рождения искусства.

«Медуза обретает не только взгляд, но и голос. Опираясь на психоаналитические и феминистские концепции, она может рассказать, почему в культуре мы так часто встречаемся с аффектом ужаса и отвращения по отношению к женскому и материнскому. Корни этого явления лежат в переживаниях детской психики, встретившейся с первыми в своей жизни вопросами без ответа: загадкой разницы полов и наличием влечений» (с. 92–93).

Александр Смулянский обращается к анализу внутренних изъянов логики гендера, принятой в гендерных исследованиях. Дело в том, что небιологическая часть пола *не исчерпывается* процедурой гендерного образования. Анализируя идеи Джудит Батлер, Смулянский показывает, что никакая гендерная идентичность «не может покрыть изначальный, зафиксированный Батлер зазор между идентификацией и безвозвратно утраченным догендерным бытием» (с. 129). Она попросту теряет значительную часть происходящего в небιологическом поле, оставаясь при этом сильно зависимой от критики биологической эссенциализации пола (с. 142). Поэтому гендерной критике необходимо дополнение теорией иного порядка, и Смулянский обращается к лакановской процедуре *сексуации*. (К слову, о продуктивности этой альтернативы размышляет

и Яна Маркина в упомянутой дискуссии, с. 165.) В рамках сексуации выбор происходит за пределами как биологической, так и гендерной принадлежности (с. 132).

«Сексуация образуется вследствие изъяна в практиках [политики, труда, любви или войны], наличие которого субъект воспринимает как обращенное к нему требование. Именно последнее побуждает его сформировать посвященную этому изъяну мысль, благодаря которой субъект сексуируется и которая открывает для него возможность быть субъектом пола, при этом не сводясь в своем бытии к определениям этого пола» (с. 140–141).

Впрочем, надо заметить, что при всей важности этой проблематики есть серьезные претензии к сведению феминистской проблематики к различию полов и сексуальности. Артемий Магун указывает на множество других, не менее, а то и более, важных различий и линий противостояния, в том числе – классовую борьбу и различие наций. Проблему он видит в том, что психоанализ выявляет противоречия *внутри* семьи, индивида, загоняет их туда, тогда как надо выводить их на уровень всеобщей эмансипации и, решая их, переходить к классовым и национальным вопросам (с. 169).

РАЗНООБРАЗИЕ НА ПЕРЕПУТЬЕ

Тема «*Ab Imperio*» (2021. № 3) звучит интригующе: «Аномия: ничего не понятно». Аномия здесь понимается в контексте разнообразия (напомню, годовая тема журнала – «Историзация разнообразия») как момент, когда не удается четко сформулировать и классифицировать эмпирически наблюдаемое разнообразие при первоначальном столкновении с ним.

«Аномии можно даже рассматривать как первое и фундаментальное переживание разнообразия как неструктурированной

реальности. [...] Ситуация новизны, характеризующаяся растерянностью, исключительным разнообразием выбора, отсутствием привычных ориентиров, делает любой шаг по упорядочиванию картины мира одновременно и первым шагом к конструированию различий» (с. 14).

Таким образом, аномия сопровождает переструктурирование разнообразия и является первичным моментом его освоения путем формирования системы различий. Показательно в этом плане исследование Райнера Матоса Франко, посвященное истории образовательного проекта Коммунистического интернационала. В период с 1922-го по 1943 год в Москву для обучения привозили тысячи активистов из десятков стран. Хотя целью обучения был пролетарский интернационализм, методологически она достигалась через национализм: среди студентов культивировали чувство национальной принадлежности (определявшейся сначала лингвистически, затем территориально). То есть в ситуации необходимости справиться с радикальным – имперским – разнообразием прибегли к *методологическому национализму* ввиду нечувствительности к многомерности различий (впрочем, Франко считает, что это было вынужденной адаптацией, ведь мировому социализму предстояло действовать в политическом пространстве наций).

Сама концепция национального менялась в Коминтерне вместе с советской внутренней политикой: от признания идентичности любых народностей к территориальным «титутельным нациям» и далее к бесклассовому национализму. «Национализирующее» упорядочивание различий оказывалось способом помыслить будущее общество всеобщего равенства – чтобы построить мировой социализм, сначала необходимо было освободить нации.

Другой пример – эпиграмма Осипа Мандельштама на Сталина, написанная в 1933 году и сформулированная на языке

национальных различий. Илья Виноцкий прослеживает предысторию строчки «И широкая грудь осетина». Поэт использовал «осетинский миф» грузинского антисоветского национализма для двойного обличения Сталина как чужака и как тирана.

Вообще говоря, периоды анонии делают возможными траектории индивидов, умело пользующихся различиями и меняющих свою идентичность, не выстраивая принадлежности к той или иной группе. Таков Ананий Урусланов в статье Джеймса Медора – новокрещенный крымский татарин, живший в середине XVII века. Он попадает на службу Московскому царству, затем посылается из Якутии на Амур в подмогу казакам и, в конце концов, оказывается на службе в Пекине, где причисляется к маньчжурам и получает имя Улангели (с. 102). Ему едва ли удастся приписать ту или иную коллективную идентичность – татарин, русский или маньчжур. То же касается другого героя исследования Медора – китайского раба, ставшего казаком Тимошкой. Оба выступали трансграничными посредниками в контактах двух империй.

Другими словами, анония может быть характерна не только для определенных периодов, но и в определенных местах – там, где пролегают границы. Никколо Пьянчола показывает это на материале производства и торговли опиумом на Дальнем Востоке и в Туркестане в период Первой мировой и гражданской войн. В условиях умеренных ограничений местные власти закрывали глаза на выращивание мака и даже использовали его в своих интересах, а позднее безуспешно попытались монополизировать эту сферу (с. 123–125). При этом они исходили из того, что производили и потребляли опиум «иногородцы», то есть риски принимали на себя «чужаки», а властями такой серой трансимперской экономики пользовались «свои». Так эти процессы фактически встраивались в административные процессы местных квазигосударств –

например, при гиперинфляции денежная эмиссия производилась под обеспечение запасами опиума.

В 1980-е Петер Слотердаjk проследил важную связь между трансформацией восприятия будущего и циническим разумом, однако не развил тезис о темпоральной (а не моральной) природе цинизма, оставившись на эссенциализирующей оппозиции «плохого» цинизма и «хорошего» кинизма. Илья Герасимов берет на исправление это, детально изучая повесть братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу», историю и контекст ее создания. В 1960-е и позднее многие исследователи фиксировали потерю модернистской веры в возможность будущего быть радикально иным, замыкание в круге прошлого и настоящего («сломанное время») (с. 35). Прежде различия лучшего и худшего, передового и отсталого располагались вдоль оси общезначимого исторического времени (и прогресса), что давало надежду на исправление всем (с. 50). Теперь же они становятся синхронными, радикальная трансформация невозможна – отсюда и «цинизм» разума.

«Если признать, что лучшее будущее возможно только личное, а не коллективное, то и моральные нормы, и демократия, и сам институт государства оказываются избыточны. [...] Источником деморализации общества цинического разума является не личный цинизм его членов, которому можно противопоставить радикальный идеализм, а структурная ситуация бесполезности и безнадежности перемен» (с. 56).

Повесть Стругацких была попыткой дать ответ на этот кризис, но в итоге они «придумали не только нежизнеспособный лучший мир, но и мир, не требующий лучшего будущего» (с. 50). В конечном счете, по мнению Герасимова, решением проблемы цинизма и безвременья является перезапуск исторического времени (с. 59): «не заикливаясь на буквальной утопии будущего, но делая упор на переформули-

рование самого понимания “реальности” и ее нормы: что и кто в нее входит, а что и кто – нет» (с. 66).

РАЗНООБРАЗИЕ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ГОРИЗОНТ

В своем следующем номере «*Ab Imperio*» (2021. № 4), напротив, обращается к теме искусственного разнообразия: «Проектирование: рациональное конструирование разнообразия». Номер выходил уже в новых условиях «спецоперации» России в Украине, и первичная реакция на нее затронула уровень *методологии*.

Как отмечается в редакторском предисловии, «в академической сфере требуется концептуальная переориентация дисциплины и отказ от аналитического языка методологического национализма, дающего обоснование войне» (с. 17). К этому, а также к «действительной деколонизации поля» (с. 26) призывает и Марина Могильнер в своем обращении к Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (ASEEES).

Илья Герасимов в свою очередь намечает контуры ненормативной модели новой советской истории, которая была бы свободна от концептуальных подходов и советской, и русоцентричной, и западной историографий (с. 30). Он формулирует шесть методологических тезисов: деконструкция самоочевидных понятий, пересмотр привычной исторической периодизации, разделение исторических процессов и сросшихся с ними традиционных объяснительных схем и ярлыков, разведение группности и индивидуальной субъектности, априорное признание несовпадения центров силы и центров знания, внедрение критической теории, восстанавливающей историческую субъектность людей. Конкретными воплощениями этих тезисов могут быть, например, деконструкция разделения большевиз-

ма и социализма (с. 33), выявление истоков советского проекта в политических планах национальных элит после 1905 года (с. 34), рассмотрение украинского Голодомора, голода в Казахстане и в блокадном Ленинграде как проявлений одной и той же биополитической логики государства (с. 40).

В качестве примера новой советской истории Герасимов приводит опубликованную в 2021 году книгу Галины Бабак и Александра Дмитриева «Атлантида советского нацмодернизма: формальный метод в Украине (1920-е – начало 1930-х)» (в номере публикуется доработанное авторами заключение из нее). Авторы реконструируют украинскую формалистическую традицию, забвение которой во многом было обусловлено преобладающим нарративом, отождествлявшим формальный метод с идеями московских и петербургских ученых.

Ряд последующих реплик посвящен обсуждению этой книги, а также в целом проектам модернизированной национальной культуры и их судьбам. Одним из центральных нервов дискуссии стало противоречие между универсализмом модерности и существованием партикулярных национальных модернизмов. Любой национальный модернизм вынужден примирять универсальную форму и локальную национальную специфику своего содержания. Если формалистский модернизм, особенно сильно опирающийся на универсализм, – «наименее подходящая форма развития национальной культуры, [...то] национальный партикуляризм не может рассматриваться как самодостаточный культурный контекст для формалистского проекта» (с. 19).

Герои книги Бабак и Дмитриева, с воодушевлением воспринявшие большевизм и мечтавшие о национальном коммунизме, выбрали универсализм классовый и потому интернациональный. В конечном счете, именно активный большевизм, а не украинство, стал причиной их репрессий. Деятели же ОПОЯЗа из Москвы и Петербур-

га, напротив, работали в горизонте «имперского» культурного пространства как формы универсализма.

Однако вернемся к центральной теме номера – конструированию разнообразия. Зачастую оно приобретало неожиданные формы. Например, в Российской империи начала XIX века особые условия для окраинных регионов поддерживались солидарностью имперской и региональных элит в противостоянии революционным демократическим тенденциям в соседних странах. Например, как показывает Евгений Егоров, в 1830–1840-е шведские аристократы в составе администрации Финляндии одновременно обосновывали автономию Финляндии в составе Российской империи и, несмотря на личные тесные связи, дистанцировались от Швеции с ее демократическими тенденциями (с. 205, 218). Эти устремления находили понимание у российских сановников (с. 216), которые, дабы усилить дистанцию между прежде связанными странами, поддерживали финскую культуру. Иными словами, нация и империя вполне уживались в пространстве последней, так как их интересы лежали в разных плоскостях и требовали перевода между собой (с. 204). Уже впоследствии усиливавшаяся с 1860-х национализация империи (в виде стандартизации регионов) разрушила этот взаимовыгодный союз. Интересы империи, усваивавшей национальный тип

социального воображения и устройства, столкнулись с интересами финской нации.

В чем-то аналогичный проект исследует Марек Эби. Ташкент 1950–1960-х занимал парадоксальное положение. С одной стороны, это часть СССР, продукт его политики и представлений об аутентичной азиатской культуре; с другой стороны, подобие «витрины» социализма для деколонизирующихся стран «третьего мира» Ташкент оказывался элементом глобального исторического контекста и образцовым решением в горизонте проблем неевропейской и постколониальной модерности. Он служил зримой альтернативой – страной «третьего мира», но защищенной от западного империализма принадлежностью к советской империи. Благодаря этой двойственной позиции интересы Ташкента и СССР в основном не конфликтовали и разнообразие сохранялось.

* * *

Интеллектуальным журналам предстоит непростые времена. Остается надеяться, что им удастся удержать баланс между вниманием к актуальности и к проблемам, принадлежащим времени большой длительности, не упуская ни одной из сторон и продолжая свою работу, необходимую сегодня, как никогда.

Труд, не имеющий аналогов

АНДРЕЙ
СМИРНОВ

Людские потери России и СССР в войнах XX–XXI вв.

Борис Соколов

М.: Новый Хронограф, 2022. – 768 с.

Только что вышедшая книга историка Бориса Соколова «Людские потери России и СССР в войнах XX–XXI вв.» – итог трехвековой работы исследователя. Первые результаты были получены еще в 1988 году¹; с тех пор постоянно уточнялись, подкреплялись, дополнялись другими в новых статьях и монографиях², и вот – итоги на 2022-й.

Проблематика книги шире того, что заявлено в названии. Она содержит информацию о потерях и других государствах, которые (или не имевшие еще своей государственности жители которых) участвовали в тех же войнах, что и Россия/СССР, – от русско-китайской войны 1900–1901 годов до военных действий в Донбассе и Сирии в 2014–2021 годах включительно. Масштаб проделанной автором работы просто поражает. К примеру, в разделе о Первой мировой войне он приводит потери не то что Португалии, но даже Ньюфаундленда! (Кто,

Андрей Смирнов (р. 1965) – военный историк, специалист по истории русской и советской армии и флота.

- 1 Соколов Б.В. *О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны* // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 116–126.
- 2 Он же. *Цена победы* // Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991; Он же. *Цена войны. Людские потери СССР и Германии, 1939–1945 гг.* // Он же. *Правда о Великой Отечественной войне (сборник статей)*. СПб., 1998; Он же. *Людские потери России и СССР в войнах, вооруженных конфликтах и иных демографических катастрофах XX в.* // Он же. *Правда о Великой Отечественной войне (сборник статей)*; Он же. *Кто воевал числом, а кто – умением. Чудовищная правда о потерях СССР во Второй мировой*. М., 2011; Он же. *СССР и Россия на бойне. Людские потери в войнах XX века*. М., 2013; Он же. *Цена войны. Людские потери России // СССР в XX–XXI вв.* М., 2017.

НОВЫЕ
КНИГИ

271

кроме узких специалистов, помнит сейчас, что уроженцы португальских субтропиков дрались в 1917–1918 годах с немцами близ туманного и дождливого побережья Северного моря, «в болотной Фландрии воде», а Ньюфаундленд лишь в 1934-м перестал быть самостоятельным доминионом Великобритании и только в 1949-м стал частью Канады?) А среди участниц Второй мировой от внимания Соколова не ускользнула даже нынешняя Республика Науру – микроскопический остров в Тихом океане, находившийся к началу войны под совместным управлением Англии, Австралии и Новой Зеландии, а в 1942–1945 годах – под японской оккупацией...

Но перейдем к главному. Установление величины чьих-либо военных потерь – это одна из тех проблем, что особенно ярко высвечивают значение «двух китов», на которых основывается работа историка: (1) источниковой базы и (2) методологии исследования. В самом деле, пусть даже мы нашли в учреждении с сакральным для обывателя названием «Архив» бумажку за подписью официального лица, где приведены данные о потерях армии государства *X* в войне *N*. Просто переписать ее историк не может – потому что данные эти *заведомо не точны!* Будь под бумажкой хоть десяток подписей и печатей, будь то хоть четырежды архив.

Ведь как эти данные получены? Путем суммирования чьих-то донесений, которые в свою очередь основаны на суммировании донесений нижестоящей инстанции, которые в свою очередь... – и так далее. И на каждом этапе неизбежны ошибки – и отнюдь не только арифметические. Ведь бумажки составляют живые люди, у которых свои специфические интересы и которые о проблемах будущих историков думают меньше всего.

Сколько случаев, когда командир роты занижает, докладывая в батальон, свои потери (чтобы получить продукты и «наркомовские» на большее число людей), или, наоборот, завывает (чтобы роте не ставили сложных задач). Сколько случаев, когда по донесениям штабов полков получается одна цифра потерь дивизии за день, а по отправленному «наверх», в штаб армии, донесению штаба дивизии – другая, меньшая. Становящаяся еще меньше в донесении штаба армии в штаб фронта.

А элементарная небрежность, халатность? На персональном учете (Ф.И.О., год рождения, адрес, кем призван), констатировал в апреле 1942-го заместитель наркома обороны СССР Ефим Щаденко, состоит едва ли треть действительно погибших (с. 153).

А накладки, вызванные отсутствием стандартного подхода к учету потерь? По данным, условно говоря, Главсанупра, раненых столько-то, а по донесениям частей – заметно больше. Потому что части посчитали и таких легко раненных, которые остались в строю (не побывав даже в медсанбате), а Главсан-

упр – только тех раненых, что были зарегистрированы в полевых и тыловых госпиталях.

А что значит «пропавшие без вести»? Часть их погибла, часть попала в плен, часть дезертировала – но, что с кем случилось конкретно, не всегда становится ясно даже и после войны.

Это что касается *достоверности источников*. А есть еще и проблема их *сохранности*. Например, такие важнейшие источники по потерям Красной армии в Великую Отечественную, как учетные документы райвоенкоматов, пропали дважды. Сначала после того, как в 1950-м их данные переслали в нынешний Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО СССР, ныне ЦАМО РФ) – из которого они исчезли неведомо куда. А потом в 1965–1967 годах – после того, как на основе учетных документов составили карточки на каждого погибшего, выслали их опять-таки в Москву, а сами документы (согласно директиве «сверху») уничтожили.

В общем, получение цифры потерь любой армии в любую войну с точностью до одного человека – задача заведомо нереализуемая. Дай Бог, чтобы погрешность составляла плюс-минус десяток тысяч, а в случаях с обеими мировыми войнами – плюс-минус сотню тысяч или даже миллион. Что же прикажете делать историку?

В целом ряде случаев – делать нечего. Надо просто привести те – зачастую заметно разнящиеся друг от друга – цифры потерь, что указаны в официальных изданиях соответствующих государств. За каждой такой цифрой – труд десятков людей, обрабатывавших в течение нескольких лет десятки тысяч первичных источников. Прodelать ту же работу еще раз у историка нет физической возможности.

И, приводя информацию о потерях других стран – участниц тех же, что и Россия/СССР, войн и конфликтов, – Соколов так и поступает. Но приводимые им данные (пусть даже разнящиеся друг от друга) на сегодняшний день являются – подчеркнем это – *наиболее полной сводкой соответствующей информации*. Так, потери русской, германской и австро-венгерской армий на Русском фронте Первой мировой войны в 1914–1917 годах приведены по данным детально исследовавшего этот вопрос лучшего на сегодняшний день специалиста по Русскому фронту Сергея Нелиповича.

Но Соколов идет и дальше. При малейшей возможности он деятельно (и вполне *методологически правильно*) подвергает официальные цифры «перекрестному допросу» – дабы определить, какая же из них ближе к истине. Особенно большой труд проделан им для уточнения потерь сторон в гражданской войне. Правда, как раз здесь выводы автора достаточно шатки – но иными и быть не могут по объективным причинам.

При той неналаженности учета потерь, что отличала армии гражданской войны (за исключением воевавшей с красными в 1919–1920 годах относительно благоустроенной армии относительно благоустроенного государства – Войска Польского), любые сделанные исследователями допущения приводят к тому, что погрешность подсчета получается совершенно непомерной – плюс-минус сотни тысяч человек. Это вполне сопоставимо с общим количеством бойцов враждующих сторон, дравшихся на фронте в тот или иной момент войны. Состояние источников есть состояние источников – и выше него исследователю не прыгнуть.

А вот в случае с Великой Отечественной войной Соколов применяет собственную методику исчисления потерь – и получает итоговые цифры сам.

Скажут: а зачем? Есть же знаменитый «Гриф секретности снят» (далее мы будем именовать его просто «Гриф») – вышедшее еще в 1993-м официальное издание Министерства обороны РФ, где выведена ставшая уже хрестоматийно известной цифра безвозвратных потерь советских вооруженных сил во Второй мировой войне (то есть в Великой Отечественной и в войне с Японией в августе–сентябре 1945-го): 8 668 400 военнослужащих (из них в Великой Отечественной – 8 656 400)³.

К сожалению, это цифра *сфальсифицированная, приуменьшенная*.

Приходится признать правдивыми частные заявления (одно из которых приводит на с. 134 Соколов, а другое автор этой рецензии услышал 31 мая 1996 года, после прочтения им в Московском архитектурном институте лекции о Великой Отечественной от первокурсницы – дочери одной из составительниц), согласно которым составители «Грифа» сознательно, по указке сверху, приуменьшили советские потери. Приуменьшили, дабы поддержать престиж советских вооруженных сил – наследницей которых считаются вооруженные силы России. Ведь частные заявления подтверждаются целым рядом элементарных проверок цифр потерь в той или иной операции Великой Отечественной – проверок, осуществленных в 1990–2000-х самим Соколовым, Андреем и Ларисой Мерцаловыми, Львом Лопуховским, Вячеславом Красиковым⁴.

Вот, например, оборонительная операция Центрального фронта на северном фазе Курской дуги 5–11 июля 1943 года.

3 Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 129, 132.

4 Соколов Б.В. Сражение за Курск, Орел и Харьков. Стратегические намерения и результаты // Он же. Правда о Великой Отечественной войне (сборник статей). С. 144–148; Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Сталинизм и война. М., 1998. С. 391–392; Красилов В.А. Победы, которых не было. СПб., 2004. С. 162–174; Лопуховский Л.[Н.] Прохоровка без грифа секретности. М., 2005. С. 508–525; Он же. Вяземская катастрофа 41-го года. М., 2007. С. 537–554.

По данным «Грифа», к ее началу на фронте насчитывались около 738 000 человек; убитыми и пропавшими без вести были потеряны 15 336, а ранеными и больными – 18 561. Казалось бы, к 12 июля, к началу Орловской наступательной операции, в войсках фронта должно было остаться около 704 000 человек (состав фронта за эти дни практически не изменился). Ан, нет! Согласно «Грифу» – лишь около 645 000 (с. 134–135). Выходит, «Гриф» приуменьшает потери примерно на 59 000 человек – втрое!

То, что это не частный случай, а тенденция, подтверждается неоднократно. Так, «грифовские» данные о потерях 1-й и 2-й армий Войска Польского, участвовавших в марте–апреле 1945-го в Восточно-Померанской и Берлинской операциях, оказываются в 3,2–3,9 раза меньше официальных польских данных (с. 140). И так всякий раз – где ни копни.

Поскольку Соколов не в состоянии сделать то, что под силу лишь десяткам человек в течение многих лет – перелопатить в одиночку колоссальные массивы документов ЦАМО РФ, – он использовал расчетный способ определения потерь. Тем более, что в российских архивах – по названным выше причинам – «нет такого корпуса документов о потерях Красной армии, особенно безвозвратных, которые позволили бы их скольконибудь точно подсчитать» (с. 214).

В основу расчетов были положены данные о безвозвратных потерях Красной армии в 1942 году, полученные в результате архивных изысканий генерал-полковником Дмитрием Волкогоновым (они вдвое больше цифры «Грифа»), и данные о динамике количества пораженных в боях за всю войну, опубликованные еще в советское время бывшим начальником Главного Военно-санитарного управления Красной армии Ефимом Смирновым (и те и другие – с разбивкой по месяцам).

Ухватившись за это звено, исследователь и вытянул всю цепь. Приняв, что из данных Волкогонова менее всего страдают от недоучета потерь данные за ноябрь 1942-го (когда почти не было затрудняющего учет быстрого перемещения массы войск и штабов), и зная, что количество пораженных в боях в этом месяце составило 83% среднемесячного уровня за войну, он получил, что 1% указанного уровня – это примерно 5000 убитых и умерших от ран. А экстраполировав это соотношение на всю войну – что потери Красной армии убитыми и умершими от ран составили 22,9 миллиона человек (с. 160). Прибавив к ним 4 миллиона военнослужащих, погибших в плену (эта цифра основана на данных противника о числе захваченных пленных и на советских данных о числе вернувшихся и не пожелавших вернуться из плена), исследователь получает *итоговую цифру погибших в Великой Оте-*

*чественной войне советских военнослужащих – 26,9 миллиона человек*⁵ (с. 173).

Разумеется, выведенная расчетным способом цифра не может не внушать сомнений. Однако *она подтверждается проверками – причем осуществленными различными способами.*

Вот один из них. 26,9 миллиона – это 13,7% населения СССР в 1940 году. И практически такой же процент (соответственно 13,2% и 13,5%) населения потеряли на войне Кимрский район Калининской области (вместе с городом Кимры) и три района Вологодской области. Это явствует из изданной в 2010-х в регионах «Книг памяти», где поименно учтены все погибшие земляки, и из проанализированной вологодским исследователем П. Шабановым статистики райвоенкоматов (с. 173–174, 182–183).

Другой способ. Как установил Игорь Ивлев, в военкоматы РСФСР были присланы примерно 12 041 800 извещений о погибших и пропавших без вести военнослужащих, но это лишь порядка 75% всех отправленных туда извещений. Зная долю населения РСФСР в населении СССР на 1 января 1941 года, приняв, что в других союзных республиках до военкоматов так же не дошли порядка 25% извещений, и вычтя тех, кто не стал возвращаться из плена в СССР, можно получить цифру погибших военнослужащих, практически неотличимую от 26,9 миллиона – 26,99 миллиона (с. 181–182).

Вот третий способ. Составители «Грифа» основывались на данных персонального учета погибших, а этих последних, как мы знаем, еще весной 1942-го на учете состояло не более трети. Так если умножить соответствующие данные «Грифа» на три, то опять-таки получится цифра, очень близкая к 26,9 миллиона – 27,99 миллиона (с. 175). *Для цифр, полученных расчетным методом, разница просто ничтожная!*

Четвертый способ – проверка по данным переписей населения. Учтя более десятка приводящих обстоятельств⁶, вычислив величину недоучета мужчин переписью 1939-го, Соколов определяет разницу между числом мужчин в возрасте 10–49 лет (то есть тех, кто в подавляющей своей части подпадал под мобилизацию в 1941–1945 годах), зафиксированным переписью 1939 года, и числом мужчин в возрасте 30–69 лет (то есть тех, кому в 1939-м было от 10 до 49), зафиксированным переписью 1959 года. В итоге получается от 26,1 до 26,7 мил-

5 Подчеркнем: так просто все получается лишь в нашем изложении. На обоснование методики, на учет всех тонкостей, всех приводящих обстоятельств, влияющих на подсчет, у автора каждый раз уходит по нескольку страниц.

6 От перемещений населения из-за изменения в 1939–1951 годах государственных границ до факта гибели десятков тысяч учтенных в 1939-м мужчин на Халхин-Голе и в финскую войну; от величины естественной смертности до того обстоятельства, что мусульмане склонны утаивать от чужих людей-переписчиков своих женщин.

лиона погибших в Великую Отечественную военнотружущих-мужчин (а ведь в армии служили и женщины; с. 215–230). Разница с 26,9 миллиона снова просто ничтожная.

Кроме того, положенные в основу подсчета данные Дмитрия Волкогонова и Ефима Смирнова вполне согласуются с данными «Грифа» о динамике численности Красной армии (без ВМФ) в годы войны – данными о числе находящихся в строю и на излечении в госпиталях (с. 192–200).

Об эффективности методик Соколова говорит, на наш взгляд, и совпадение цифр, полученных им и нами в *единственном* случае совпадения наших исследовательских задач. Препарируя данные Сергея Нелиповича, Соколов приходит к выводу, что в Восточно-Прусской операции 1914 года соотношение русских и германских потерь убитыми составило примерно 3,7–4 к 1 (с. 32). И именно таким (3,8–3,9 к 1) оно оказывается в изученных нами боях под восточнопрусским Хохенштейном 15(28) августа 1914 года, в которых частям русской 1-й пехотной дивизии противостояли части ландверной дивизии Гольца и 3-й резервной пехотной – не уступавшие русской дивизии (кадровой, но на 80% состоявшей из запасных) по качеству и (что нетипично для ландвера, но типично для операции в целом) имевшие преимущество в артиллерии⁷.

Критики цифры 26,9 миллиона любят указывать, что она не согласуется с данными о числе призванных в войну в советские вооруженные силы (по «Грифу» (с. 139–140), это 34 476 700 человек – около 11 500 000 из которых оставались в рядах вооруженных сил на момент окончания войны, 3 798 200 были демобилизованы по ранению или болезни, а 3 614 600 возвращены в народное хозяйство). Но Соколов убедительно доказывает – и это, без преувеличения, большое научное достижение – что цифра 34,5 миллиона сильно занижена. Это лишь цифра призванных «как положено» – через военкоматы, – а ведь практиковался еще и призыв непосредственно в части. В научный оборот введено уже множество фактов, когда сразу после освобождения советскими войсками той или иной местности командиры соединений и частей мобилизовывали (и сразу, даже не обмундировав и не занеся в списки части, бросали в бой) всех годных к службе мужчин из местных жителей или освобожденных военнопленных и остарбайтеров. Заслугой же Соколова является то, что он показал истинные масштабы такой практики – подсчитав (причем в том числе и на основе данных, по недосмотру опубликованных в «Грифе») общую цифру призванных непосредственно в части. Это от 10,1 до 11,8 миллиона чело-

АНДРЕЙ СМЕРНОВ

ТРУД, НЕ ИМЕЮЩИЙ
АНАЛОГОВ

7 Смирнов А.А. *Русская 1-я пехотная дивизия в сражении при Танненберге (август 1914 г.)* // *Русский сборник. Т. XXVI. Россия и война. Международный научный сборник в честь 75-летия Брюса Меннинга.* М., 2018. С. 472–473.

век (с. 184–186). Ни в каких официальных документах эти призванные не значатся, потому что их элементарно не успели туда занести. (Кроме того, в «Гриффе» явно недоучтена и часть тех, кого призвали через военкоматы, – мобилизованные в первые дни войны в республиках Прибалтики и Молдавии; с. 186–187.)

В итоге оказывается, что *общее число призванных в советские вооруженные силы в годы войны составляет отнюдь не около 34,5 миллиона, а от 41,9 до 43,1 миллиона человек* (с. 187). А это вполне согласуется с цифрой 26,9 миллиона погибших военнослужащих.

Именно недоучет числа призванных непосредственно в части, полагает Соколов, не позволил получить схожую цифру Игорю Ивлеву – по оценке которого, советских военнослужащих в войну погибло около 19,4 миллиона (хотя сказался и недоучет Ивлевым числа умерших от ран и болезней; с. 179).

Да, но тогда поистине астрономическим должно быть число советских раненых: ведь обычно оно соотносится с числом убитых как 3 к 1. Однако Соколов убедительно показывает, что в Красной армии это соотношение едва превышало 1 к 1 (с. 209–213). Дело в том – и тому сохранилось множество свидетельств фронтовиков, – что потери атакующих советских подразделений сплошь и рядом оказывались столь велики, что раненых просто некому было вынести с поля боя и они погибали от потери крови или (зимой) от переохлаждения, переходя, таким образом, в течение нескольких часов в категорию убитых и умерших от ран. Обоснование этого тезиса является, на наш взгляд, еще одним важным научным достижением Соколова.

Общие же потери СССР в Великой Отечественной войне (то есть потери погибшими и умершими от вызванных войной обстоятельств как военнослужащих, так и гражданского населения) исследователь – основываясь на анализе демографических данных и оценок – оценивает в *40,1–40,9 миллиона человек* (с. 234–235). Это практически не отличается (не забудем про большую погрешность измерения при использовании расчетного метода) от оценки Игоря Ивлева (около 42 миллионов) – которая в феврале 2017-го, после парламентских слушаний в Москве, «фактически приобрела полуофициальный статус» (с. 235).

Вполне убедительной выглядит и критика Соколовым современного германского историка Рюдигера Оверманса, попытавшегося увеличить классическую, выведенную Буркхартом Мюллер-Гиллебрандом цифру потерь вермахта погибшими во Второй мировой войне (4 миллиона человек) до примерно 5,3 миллиона (с. 264–271). Мало того, что сделанные Овермансом выборки из картотеки Германской службы розыска (*Deutschen Dienststelle*) недостаточно репрезентативны, отсутствие в этой

службе к концу 1950-х сведений о том, что те или иные бывшие военнослужащие вермахта живы, нельзя считать доказательством их гибели на войне (или в плену). Ведь отсутствие сведений об их судьбе обуславливалось тем, что они не дали после войны о себе знать родственникам, – а это в свою очередь могло вызываться самыми различными обстоятельствами: от эмиграции в США или Канаду до элементарной неразберихи, не позволившей найти родных (сменить в 1944–1946 годах место жительства вынуждены были около половины подданных «третьего рейха»).

Общие же потери Германии погибшими во Второй мировой Соколов оценивает (по германским, естественно, данным) в 6,3 миллиона человек (с. 274), а потери вермахта погибшими в войне против СССР (включая умерших в плену) – в 2,6 миллиона, что в 10,3 раза меньше, чем у советских вооруженных сил (с. 264, 275). Если же учесть еще и потери сражавшихся на советско-германском фронте армий союзников СССР (Румынии с сентября 1944-го, Болгарии с сентября 1944-го, Польши и Чехословакии) и союзников Германии (Финляндии, Венгрии, Румынии до сентября 1944-го, Италии и Словакии), то соотношение числа погибших на советско-германском фронте (включая умерших в плену) военнослужащих составит 9,3 к 1 (271 миллиона человек против 2,9 миллиона) в пользу Германии и ее союзников. А если попытаться вычленить те потери, которые советские вооруженные силы понесли в боях именно против германской армии, то примерно 10,6 к 1 в пользу вермахта (примерно 22,1 миллиона человек против 2,1 миллиона; с. 275–276).

Такое соотношение (разница – на порядок) кажется невероятным. Но в том, что оно было все-таки таким, убеждает значительная – и очень важная! – часть книги Бориса Соколова. В ней, на с. 281–374, собрана воедино масса добытых отечественными и зарубежными исследователями конкретных цифр потерь десятков конкретных советских и германских частей, соединений и объединений в десятках конкретных боев и операций Великой Отечественной за десятки тех или иных конкретных временных промежутков. Другой такой сводки в литературе нет. Для исследователя боевых действий на фронтах Великой Отечественной она является просто неоценимым подспорьем.

В этой сводке мы видим одно и то же – многократное превышение потерь советских войск над противостоящими им германскими. Тут есть даже случаи, когда всего одна советская дивизия (например 323-я стрелковая 17–19 декабря 1941 года в Тульской области) теряла за день почти столько же, сколько весь вермахт на советско-германском фронте, – то есть больше, чем 150 его дивизий (с. 281–282). Когда один полк (например 1-й ударный коммунистический 9 ноября 1941 года у Невской Дубровки под

Ленинградом) за день терял больше людей, чем целая германская армия (осаждавшая Ленинград 18-я) за десять дней (с. 284). Не столь астрономическое, но все равно многократное превышение советских потерь над германскими имело место и в боях 1944–1945 годов (например в Дебреценской операции в октябре 1944-го и в Балатонском сражении в марте 1945-го).

Причины такого соотношения потерь требуют специального исследования, но представляются ценными соображения, высказанные Соколовым в рецензируемой нами книге. Коренная, глубинная причина – это «особенности сталинского тоталитаризма, разрушившего армию как эффективный инструмент ведения войны» (с. 389). Мнение исследователя о том, что Сталин «предпочитал побеждать не умением, а большой кровью, поскольку в создании высокопрофессиональной армии видел потенциальную угрозу режиму» (там же), еще можно оспаривать. Но то, что на протяжении всей войны Красную армию губила недостаточная обученность ее личного состава, подтверждено в последние тридцать лет тысячами фактов. А подготовке командного состава мешало еще и вычлененное Соколовым обстоятельство:

«Коренной порок коммунистической тоталитарной системы, лишившей людей способности самостоятельно принимать решения и действовать, приучившей всех, в том числе и военных, действовать по шаблону, избегать даже разумного риска и больше, чем противника, бояться ответственности перед своими вышестоящими инстанциями» (с. 382)⁸.

Помимо цифр советских потерь в Великой Отечественной войне, уникальны данные Соколова о потерях российских военных в конфликтах постсоветского времени – в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, Чечне, Грузии, Сирии, Донбассе, – полученные исследователем в результате обработки сообщений официальных и независимых СМИ, журналистских расследований, демографических данных и мемуарных источников. Подобной сводки опять-таки не найти больше нигде.

Из недостатков отметим поверхностный, на наш взгляд, анализ боевой подготовки русской армии в войне с Японией 1904–1905 годов. Утверждать, что она была подготовлена хуже японской, на основании одного лишь рассказа итальянского корреспондента (хотя случаи использования описанной им

8 На тот же результат, добавим, работал и другой порок большевистской системы, связанный с первым и характерный для 1920-х – первой половины 1930-х: подбор командных кадров не по профессиональным, а по политическим соображениям. Эти кадры стремились подбирать из слоев, считавшихся наиболее лояльными власти – рабочих и крестьян. Но выходцы из этих слоев отличались низким уровнем общего образования – а, как известно, «тактические грамотные командиры – это на 99% люди с хорошим общим развитием и широким кругозором; исключения единичны» (Российский государственный военный архив. Ф. 31 983. Оп. 2. Д. 182. Л. 79).

отсталой для начала XX века тактики действительно имели место) нельзя. Это отдельная исследовательская проблема, она далеко не проста и имеет довольно обширную литературу.

Стоило бы привести данные о советских потерях в пограничных инцидентах 1930-х (кроме разобранных в книге конфликта на озере Хасан). Они уже давно подсчитаны по первоисточникам. Вот лишь столкновения с войсками Японии и Маньчжоу-Го в Приморье в 1936–1937 годах: в бою у заставы Хунчун 25 марта 1936 года подразделения Красной армии и погранвойск НКВД потеряли 5 человек убитыми и 10 ранеными, в перестрелке у деревни Пакшекори 11 октября 1936 года – 2 ранеными, в боях за Павлову сопку (у заставы Турий Рог) 26–27 ноября 1936 года – как минимум 5 убитыми и умершими от ран, как минимум 5 ранеными, 4 замерзшими и 199 обмороженными; в боях за высоту Винокурка 5–6 июля 1937 года – 4 убитыми и 6 ранеными⁹. В сумме уже это гораздо больше, чем, скажем, при вторжении в 1968-м в Чехословакию, и уже поэтому заслуживает внимания. А была ведь и масса других инцидентов – освещенных, например, в монографии Александра Чугунова¹⁰.

Устарели приведенные Соколовым цифры потерь советской стороны погибшими в боях у озера Хасан в 1938 году (с. 123). Это не 960 (и даже не 1009) человек, а 1112 в одних только частях Красной армии (без погранвойск НКВД)¹¹.

Есть и ошибки редактирования. На с. 157 значит, что недоучет безвозвратных потерь Красной армии в Великую Отечественную войну «происходил прежде всего за счет офицерского и сержантского состава» (в действительности – как правильно указано на с. 176 – за счет рядового и сержантского). На с. 298 перепутаны знаки: в действительности 3-я танковая армия немцев 11–20 августа 1943 года в ходе операции «Суворов» потеряла людей в 5,1 раза меньше (а не больше), чем три советские дивизии и танковый полк 43-й армии.

К сожалению, приходится отметить вопиюще плохой подбор шрифтов. Серьезных, да еще и изобилующих цифрами и подсчетами книг таким шрифтом печатать категорически нельзя! Он невероятно затрудняет восприятие даже компетентному и предельно заинтересованному читателю. Для лучшего восприятия сложного текста неплохо было бы также разбить его на большее количество абзацев.

А в целом – аналогов (и по широте охвата, и по качеству) труда Бориса Соколова нет и в ближайшем будущем не предвидится.

АНДРЕЙ СМЕРНОВ

ТРУД, НЕ ИМЕЮЩИЙ
АНАЛОГОВ

9 Смирнов А.А. *Боевая выучка Красной Армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 – первая половина 1937 года)*. М., 2013. Т. 1. С. 91, 93, 94, 96–97, 99.

10 Чугунов А.И. *Граница накануне войны. 1939 – 22 июня 1941*. М., 1985.

11 Смирнов А.А. *Крах 1941 года – репрессии ни при чем! «Обезглавил» ли Сталин Красную армию?* М., 2011. С. 140–141.

Рецензии

КОНЦЕПТ В ДВИЖЕНИИ, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О ДЕМОКРАТИИ

Демократия, или Демон и гегемон

АРТЕМИЙ МАГУН

СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. – 2-е изд. – 154 с. – 1000 экз.

По-видимому, в мире политики, как профессиональной, так и любительской, на сегодня нет понятия, которое употреблялось бы чаще, чем термин, вынесенный в название этой небольшой книги. Политологические концепты, в особенности древние и затертые, нуждаются в том, чтобы время от времени их перетряхивали, проверяя на достоверность. Именно эту операцию Артемий Магун – профессор политической теории, работающий в одном из последних по-настоящему независимых российских вузов, – провел с понятием «демократия». Повторное издание этой работы предоставляет благодатный повод для того, чтобы подробнее присмотреться к процессу этого критического осмысления.

Уже во введении автор привносит в свое начинание элемент интриги, перечисляя несколько, как он выражается, «загадок демократии», которые как будто бы подрывают ее политическую безупречность. Во-первых, демократию вполне можно трактовать как своеобразный фасад, за которым прячется буржуазный представительный строй, пытающийся легитимировать себя посредством народной санкции. Во-вторых, экстраполяция демократического идеала на все глобальное людское сообщество представляется довольно утопичным проектом из-за того атрибута демократии, который автор называет «национальной и терри-

ториальной» ограниченностью. В-третьих, демократии присущ «парадокс аутоиммунности», в силу которого в демократических системах враги народовластия теоретически (и практически) способны приходить к власти посредством честных выборов, превращая тем самым демократию в «заложницу собственной демократичности». Из перечисленных «загадок» автор делает важнейший вывод: демократия вовсе не является политическим идеалом, пригодным для любого общества, – даже там, где ее приемлют, она зачастую оказывается не тем контрольным и сдерживающим механизмом, каким кажется на первый взгляд.

Вооружаясь методологическим инструментарием, позволяющим препарировать «загадки демократии», профессор Магун обращается к реконструкции эволюции, которую пережил интересующий его концепт, обращая особое внимание на сопутствующие семантические метаморфозы. Открытие, к которому он приходит, поначалу обескураживает: прибегнув к этому методу, исследователь быстро выясняет, что демократия явно принадлежит к тем политологическим терминам, смысловая нагрузка которых в различные исторические эпохи менялась, причем порой радикально. Начиная с античности слово «демократия» из обозначения альтернативного и анархического антирежима превращается в синоним устойчивой и удобной формы правления, способной избавить социум от тиранических режимов.

Но что значит «помочь социуму» – иначе говоря, народу – сделать то или это? Да и что, собственно говоря, стоит за понятием «народ», используемым в интересующем нас контексте? С одной стороны, замечает автор, современная демократия едва ли имеет

к народу какое-то отношение, и этот тезис можно аргументировать очень убедительно:

«Античная демократия основывалась на возможности общего блага для всех, в существование которого мы теперь не верим, поскольку для нас актуально исключительно индивидуальное благо. Точно так же не верим мы и в народ, а исходим из позитивистской, эмпирической теории познания, согласно которой существуют только единичные и наглядно демонстрируемые вещи. С этой точки зрения народа нет – а элиты, напротив, существуют, и их можно увидеть» (с. 27).

Но, с другой стороны, подобный скепсис уравнивается более компромиссным воззрением на демократию, согласно которому, образно выражаясь, «дистиллированная» демократия в природе отсутствует; она существует лишь в увязке со всевозможными предикатами, характеризующими те или иные практические ее аспекты, – показательны, в частности, «партиципаторная демократия», «делиберативная демократия», «радикальная демократия» и так далее.

Продолжая свое исследование, автор обращается к семантическим трансформациям слова «демократия», апеллируя к примерам из различных эпох, от античности до нынешнего столетия. При этом он вовсе не задается целью «рассказать о том, как все было на самом деле», руководствуясь задачей более узкой: Магун сосредоточивает внимание на столкновениях политических понятий и общественных практик, а также, и это главное, на последствиях подобных коллизий. Подобная модель исследования перспективна: ведь «исторические понятия, как они бытуют сегодня, содержат в себе в спрессованном виде свою историю, и она помогает нам объяснить недоразумения и противоречия настоящего» (с. 54).

Например, к Древней Греции автор обращается «не из-за того, что там появилась демократия, а из-за того, что она стала родной непрерывной теоретической рефлексией» на ее счет (с. 55).

В мировидении греков волнующий нас термин не играл значительной роли. Демократия в их глазах была лишь одним из возможных вариантов правления, который, кстати, имел по большей части негативные коннотации, поскольку отсылал к противостоянию многочисленный и невежественной толпы с немногочисленными и компетентными аристократами. Систему же, при которой народ осязательно участвует в политической жизни государства, древние греки предпочитали именовать не «демократией», а «исономией» («равнозаконием») (с. 59). Позже, в Древнем Риме, понятие «демократия» практически исчезает из употребления. Его нишу занимает *res publica* (народное дело). Причем республика предстает не просто одним из вариантов политического устройства, а воплощением римского государства как такового, базирующегося на народном властвовании как на незаменимой основе. Народ в такой оптике становится едва ли не синонимом национальной целостности, что превращает его из «простонародья» в «общество».

В период Средневековья демократия мыслится в рамках христианской теологии, хотя сам термин богословами того времени не употребляется. Возведение христианства в статус государственной религии позволило обосновать власть в глазах бедных и угнетенных.

«Правители должны были платить дань этой религии и изображать смирение. В генеалогическом смысле такая форма идеологии связана с революционно-низовой легитимацией буржуазных режимов: [позже] они унаследовали от христианства его риторический “популизм”» (с. 82).

Под занавес Средних веков понятие «народ» трактуется многими мыслителями как подкрепление светской власти монарха и его легитимности. Однако со временем подобные доктрины перестраиваются и начинают настаивать на том, что «народ не

только имеет верховную власть и вступает с государем в договор, ограничивающий его права, но и сохраняет за собой право на сопротивление правителю, нарушающему условия договора» (с. 86). Иначе говоря, в обновленной трактовке демократия не только подразумевает совещательную причастность народа к власти, но и оправдывает его право на революцию.

Приход Нового времени ознаменовался компромиссом с республиканцами: возникает идеология репрезентативного государства. Народ по-прежнему остается непоколебимым источником власти, однако он с трудом может существовать «без абсолютистского монопольного государства», поскольку люди по природе эгоистичны, а естественный коллективизм им чужд (с. 90). Ключевой фигурой демократического курса этой эпохи автор считает Алексиса де Токвиля, который «окончательно легитимировал новое значение и ценность демократии» (с. 98). Демократия после него начинает трактоваться как черта не столько государства, сколько общества. С этого момента четко обозначается тенденция к распространению демократических принципов в низах и утверждению институтов смешанного правления с широкой избирательной базой. Народ начинает приобретать черты политически осозанной и гипотетически деструктивной силы. Признание демократии оправдывается только тем фактом, что отныне заложенный в ее основания революционный потенциал будет находиться под пристальным наблюдением власти.

Соответственно, место и роль народных масс в демократической системе превращаются в предмет постоянного переосмысления. В начале XX века в США развернулась показательная дискуссия, связанная с реальностью того «народа», от лица которого вершится судьба государства. В то время в политической науке доминировало убеждение, что залогом стабильного развития демократии выступает неуклонная ориен-

тация политических деятелей на общественное мнение. Однако параллельно и столь же бурно понятие «общество» подвергается острой критике: множеству специалистов этот концепт представлялся фикцией, фантомом; отстаивая подобную позицию, они подчеркивали, что такой целостности просто не существует – ее место занимают «апатичные индивиды, которым что-то внушают средства массовой информации». Сторонники этой линии, живой и сегодня, утверждают, что действовать должны исключительно компетентные элиты: «публика же в лучшем случае может сосредоточиться и выразить свое мнение в критической ситуации – когда элиты не могут договориться по какой-то проблеме и обращаются к массам» (с. 112). Опыт тоталитаризма, пережитый человечеством в XX веке, внес, разумеется, свои коррективы в осмысление этой проблематики. После Второй мировой войны демократия предстала своеобразным лекарством от тоталитарных и авторитарных режимов, «обрастая дополнительными критериями», в число которых вошли права человека, публичная сфера, правовое государство (с. 116). В годы «холодной войны» этот подход укрепляется, причем демократия теперь прочно соотносится с богатством страны и наличием в ней многочисленного среднего класса. И вот здесь Магун приходит к одному из своих самых важных выводов, характеризующих сущностную метаморфозу, пережитую демократией к XXI веку:

«То, что вначале мыслилось как включение бедноты в политический процесс, теперь превратилось в режим богатых. [...] Мы имеем дело с диалектическим переворачиванием понятия: не в том смысле, что оно приобрело полностью противоположный смысл, но что оно стало, при сохраняющемся в целом объективном значении, означать тенденцию, обратную изначальной» (с. 117).

Общий вывод, собственно говоря, уже понятен: никакого вековечного, хрестоматий-

тийного, раз и навсегда данного представления о демократии не существует. Она меняет свои смыслы и значения, причем иногда это делается довольно радикально – демократия одной эпохи может быть абсолютно не похожей на демократию другой эпохи. Автор пишет:

«Власть народа остается заигрыванием буржуазного гегемона с опасными классами, а “демос”, который никогда физически не присутствует, действует [...] как прирученный демон, мифический герой наводящей ужас анархии» (с. 135).

Подобная аналогия народа с демоническим началом указывает на то, что «демократия всегда имеет дело с обществом разделенным: солидарность соседствует в нем с разобщающими тенденциями» (с. 135). Говоря о будущем демократии, автор отмечает, что ее «необходимо специально организовывать» (с. 144). Это довольно деликатная задача, поскольку избыток политической деятельности в том или ином обществе столь же вреден, как и ее недостаток. Если аполитичность влечет за собой стагнацию, то избыточная демократичность оборачивается нестабильностью. Именно поэтому «в политике, помимо правовой системы, всегда важно искусство маневрирования, наличие которого объясняется внутренней противоречивостью самой политической деятельности, ее внутренним демонизмом» (с. 146).

МАРГАРИТА МОРОЗКИНА

Город как графика: Нижний Новгород на картах и гравюрах XVI–XXI веков

Сост. АНТОН МАРЦЕВ, АЛЕКСАНДР КУРИЦЫН, АНАСТАСИЯ МАКАРЕНКОВА
Нижний Новгород: ЛИТЕРА, 2021. – 212 с.

Мое знакомство с материалами будущей книги «Город как графика: Нижний Новгород на картах и гравюрах XVI–XXI веков»

произошло в ту пору, когда она только задумывалась, еще до того, как в Волго-Вятском филиале Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина прошла одноименная выставка (лето 2021 года). Несколько лет назад я работала в Техническом музее, директором которого был коллекционер Вячеслав Хуртин. Именно его собрание графики легло в основу проекта, и на момент нашего знакомства он уже азартно выкупал гравюры с изображением Нижнего Новгорода, чтобы потом, совершив символический жест, подарить их родному городу. Область интересов – с точки зрения краеведов, музейных работников и профессиональных патриотов – довольно занятая, но, признаться, от меня сравнительно далекая, и дело здесь не только в специализации. Карты и планы города – это прежде всего исторические документы: информация, ими предоставляемая, максимально абстрактно-схематически обобщена и кодифицирована. Как однажды сказал немецкий режиссер-документалист Харун Фароки: «Вид, доступный богу или пилоту». Да и те гравюры с видами города, что демонстрируют нам Нижний Новгород не с «небесной», а вполне себе земной (ну, или в крайнем случае – речной) точки зрения, также очищены от прохожих, местных характерных персонажей и героев, являя взгляду чистую схему.

Эти произведения говорят о городе – и исключительно о нем; авторское присутствие сведено к минимуму, его обнаружение требует профессиональных навыков. Но даже воспитанный искусством взгляд спотыкается и постоянно стремится оценивать виды улиц и площадей не с эстетической, а скорее с эпистемологической точки зрения: насколько верно представлена реальная – современная изображению – топография города и как она изменилась сегодня. Сухая визуальная форма автоматически заполняется историческими данными и свидетельствами, а поэтика архитектуры, обильно представленная на гравюрах, признаться,

ускользающая для меня эстетическая материя. В общем, созерцание карт и планов – это в лучшем случае бездумное наслаждение мастерством непрерывной линии и колорита, но, как правило, взгляд не столько эстетически оценивает, сколько блуждает по изображению в поиске знакомых топонимов. Узнавание – это скорее проблема, чем добавочное удовольствие в попытке получить эстетическое переживание.

Вообще Нижний Новгород не может похвастаться большим разнообразием визуальных образов в искусстве, несмотря на 800-летнюю историю. Особенно это касается домодерного периода. В таких образах не было необходимости: город не был ни экономической доминантой, ни духовным центром, да и традиция русского градоописания – это привилегия столиц, и даже в этом – столичном – случае традиция, довольно поздняя. Одна надежда на талантливых иностранных путешественников и шпионов. Первое изображение относится к XVII веку, это гравюра секретаря голштинского посольства Адама Олеария, которая опубликована в книге «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно». Не лишенная явных топографических ошибок, она заложила основы очевидного иконического образа города-крепости на горе, возвышающегося над судоходной рекой. В визуальный канон также входит ряд видов Нижегородской ярмарки, «Печорский монастырь» Алексея Саврасова и, конечно, «Воззвание Минина» Константина Маковского – хотя это не столько о городе, сколько о народной силе и патриотизме. Но в основном мы чаще всего имеем дело с прикладными документами, которые были необходимы архитекторам, землемерам, картографам и градоначальникам. Обычно этот визуальный пласт если и обращает на себя внимание, то почти исключительно в качестве вспомогательного

иллюстративного материала, но в этом проекте как раз он и играет заглавную роль.

Иронично, что комментариями к этой почти технической документации выступают уникальные объекты – произведения современного искусства. Обычно бывает наоборот. Объекты были представлены на выставке, их воспроизвели и в книге. Но если в экспозиции работы служат легитимирующим «прикрытием» проведения музейной выставки в стенах Центра современного искусства, то в каталоге, благодаря пояснениям кураторов, раскрылась их концептуальная роль: подсвечивание приемов, мотивов или отдельных аспектов того или иного блока произведений.

Хотя в визуальном «архиве» города иконических образов прошлого не так много, их трансляция непрерывна и чрезвычайно важна для современного конструирования локальной идентичности. Здесь экономический ресурс визуального (туристическая узнаваемость) оказывается неотделим от политического. Образно говоря, с помощью подобных визуальных документов проекция прошлого обретает плотные очертания, призрак становится узнаваемым и почти осязаемым. Оккупируя настоящее, он начинает воспроизводиться в различных формах – будь то рекламный проспект, картинка в руках экскурсовода, рельеф на памятнике или, скажем, описание в книге о приключениях сыщика Лыкова¹. Даже второстепенная карта или видовое изображение оседает в памяти смотрящего как послеобраз. И кому-то этот послеобраз сможет помочь установить новую – аффективно насыщенную – связь с городом, его землей и людьми, жившими в нем в прошлом и живущими сейчас.

Уникальным – в первую очередь живописным – шедевром проект противопоставляет тиражированные прикладные документы. Это не только переворачивает

1 Речь идет о персонаже серии исторических детективов, написанных современным нижегородским писателем Николаем Свечиным.

негласную иерархию, но восстанавливает справедливость – как еще современные авторы могут масштабно представить прошлое города, если не с помощью тиражной графики? В количественном отношении именно она представляет основную совокупность визуальных материалов, которые сохранились от глубокого прошлого города в архивах, хранилищах, частных коллекциях. Тут можно возразить, указывая на сохранившиеся архитектурные сооружения вроде Кремля или Домика Петра. Да, это тоже видимые – и даже куда более видимые, чем карты и планы, – свидетельства прошлого, но это свидетельства, «залеченные» штукатуркой, перекрашенные и перестроенные, едва ли способные дать почувствовать наблюдателю ауру истории: дать «уникальное ощущение дали» (Вальтер Беньямин). Этакий корабль Тесея. А кроме этого, они неотделимы от современной гетерогенной ткани города, что тоже усложняет вычленение собственно исторических элементов. Старый Нижний Новгород, представленный в графике, не растворяется в актуальной повседневности, а будучи собранным в целостные исторические образы, именно в таком качестве невольно проецируется на современность, оказывая тревожащий и одновременно будоражащий эффект на восприятие зрителя: очертания реальности колеблются, один образ города начинает прорастать во всех других.

Возвращаясь к выставочному проекту, каталогом которого и является рецензируемое издание, не могу не отметить, что коллекционер удачно сработался с молодой кураторской командой, которая при поддержке своих коллег смогла из обширного, но несистематизированного частного собрания собрать полноценный музейный проект с правильно расставленными акцентами и четкими ограничениями: рассматриваемый период – XVI–XXI века; предмет изображения – Нижний Новгород; медиум – печатная тиражная графика (за исключени-

ем произведений современного искусства); основной источник работ – частная коллекция Вячеслава Хуртина. Столь же тщательно команда подошла к созданию каталога, заполнив поля и пропуски, которые обнаружились во время проведения выставки.

Эта книга не атлас, поэтому некоторые карты неразборчивы, плохо читаются и скорее представляют собой прихотливую, едва опознаваемую в качестве карты абстракцию из условных линий и мельчайших топонимов, обрамленную рамками и пышно выписанными аллегорическими фигурами. (Кстати, в пространстве музейной экспозиции зрителям предлагались лупы для пристального изучения документов.) К каждому разделу прилагается введение от авторов, и практически все изображения снабжены цитатами и комментариями по поводу предмета изображения, техники, автора, издания, бытования и прочего. Для дополнительной научной строгости и точности присутствуют статьи приглашенных экспертов, которые, по словам редактора, должны были восполнить пробелы в знаниях кураторов и составителей. Книга не претендует на энциклопедический охват исторического материала даже по части карт Нижнего Новгорода – тем более, что такое собрание уже было давно опубликовано. Подход к визуальному материалу в книге «Город как графика» иной. Его можно назвать гибридным, свободно совмещающим историческое знание, критику источника и искусствоведение, с акцентом, как ясно из названия, именно на последних двух аспектах. Поэтому ждать подробного очерка истории Нижнего Новгорода не стоит, хотя все ключевые для понимания изложенного и показанные факты упоминаются.

Формат издания можно обозначить как «полифонический» расширенный каталог выставки. Его структура полностью повторяет структуру экспозиции, ее два основных раздела – «Карты» и «Планы и виды». Отдельно среди видов в книге приведены

изображения Нижегородской ярмарки, цикл работ местного графика-самоучки Дмитрия Быстрицкого, который жил и работал в городе в XIX веке, и экскурс в технику и историю печатной графики.

Говоря образно, книга, отказываясь от воплощения «взгляда бога» в модернистской решетке параллелей и меридиан на картах, «приземляет» читателя, представляя изображения, доступные человеку, который «мыслию поля мерит», создавая планы, и выхватывает визуальные доминанты: это виды, основные сюжеты которых – узнаваемая излучина Стрелки (место впадения Оки в Волгу), панорамы Дятловых гор, на которых возвышаются стены Кремля и ярмарка.

После раздела с картами – тексты в книге всегда идут за изображениям, этот порядок связан с личными предпочтениями редактора, выдвигающего визуальный образ вперед слова, – следует статья филолога-краеведа Николая Морохина, призванная объяснить изменения административных границ и деления региона на более мелкие территориальные единицы. Текст призван в буквальном смысле оживить линии и знаки на картах, но тут встает проблема, о которой говорилось выше: карты не оформлены в виде атласов – местами линии расплываются, а буквы не читаются. В результате карты и фактологически насыщенные описания существуют по отдельности.

Вообще нельзя сказать, что в потоке книги, как по «Реке времен», приведенной в издании, легко плыть. Приглашенные эксперты довольно сильно отличаются друг от друга по стилю и манере мышления, и часто радикальные экспертные суждения контрастируют с осторожными редакторскими заметками. Так если Николай Морохин пишет академически насыщенно и строго, то приглашенный искусствовед и куратор Сергей Хачатуров выглядит на его фоне поэтом, легко жонглирующим концепциями и фактами. Именно его статья к разделу с видами Нижнего Новгорода вызвала наибольшие

споры в местном краеведческом сообществе. От рассуждения о фукольдианских гетеротопиях, обнаруженных исследователем в изображениях городских видов, Хачатуров свободно перешел к разговору о нижегородской архитектуре, активно апеллируя при этом к предмету своих научных интересов – готическому вкусу. Эта тема крайне редко обсуждается в местном контексте, хотя сам термин упоминает еще в середине XIX века автор важнейшего очерка об истории Нижнего Новгорода Николай Храмцовский. Но если, скажем, вольные антропологические изыскания московскому ученому могли бы простить, то посягательство чужака на привычные интерпретации местной архитектуры, еще и основывающееся буквально на нескольких изображениях, локальные краеведы восприняли как минимум с сомнением.

Отдельно редакторы выделили среди видов и планов города изображения Нижегородской ярмарки. Ныне не существующий комплекс представлял собой классицистический город в городе, который явно был большей диковинкой, нежели обычные городские дворы, трактиры и доходные дома на другой стороне реки. Тем интереснее – по контрасту – раздел с историей создания цикла графических работ Дмитрием Быстрицким, чиновником и непрофессиональным художником, который смотрел на город не как путешественник, автоматически фиксирующий «экзотику», а как местный, нижегородец. Жизнеописание автора представил редактор издания, искусствовед Антон Марцев. Удивительной здесь является сама ситуация: город XIX века запечатлен изнутри, а не со стороны, в оптике чужака. Тем более, что автор совершенно точно работал на пленере, а не рисовал по памяти. В этом цикле на первом плане не столько художественное мастерство Быстрицкого, его умение построить световоздушную перспективу или точно передать архитектурные детали – привлекает выбор мест, очевидных и не очень. Это умение выбрать место особенно

интересно современному человеку, не расстающемуся со смартфоном и всегда готовому сделать снимок понравившегося вида.

От глаза книга далее переходит к руке, чтобы сделать акцент на технике представленных работ: что эта специфика медиума сообщает произведениям (*medium is message*)? Поэтому ближе к концу каталога читателя ждет статья художника и куратора Евгения Стрелкова об истории печатной графики. Стрелков, совершая экскурс в развитие ее технологии, ставит себе целью ответить на вопрос, какую роль играет этот вид искусства в развитии медиа. При этом стиль Евгения Стрелкова, в отличие от упоминавшейся выше статьи Морохина, куда более живой и свободный – у читателя не складывается впечатление, что редакторы решили поделиться с ним томом «Большой советской энциклопедии». Завершает издание обращение коллекционера Вячеслава Хуртина к читателям.

Рецензируемая книга не похожа ни на одно местное краеведческое издание, которое когда-либо попадало мне в руки. В нем отсутствуют клише, например, про «карман России», и надоевшие цитаты вроде приписываемой Екатерине II фразы: «Сей город ситуацией прекрасен, а строением мерзок». В книге чувствуется живая мысль и заинтересованный взгляд. Это оригинальное и амбициозное издание, предлагающее нам в буквальном смысле слова посмотреть на Нижний Новгород еще раз.

АНАСТАСИЯ БИРЮКОВА

Век тревожности. Страхи, надежды, невроты и поиски душевного покоя

СКОТТ СТОССЕЛ

М.: Альпина нон-фикшн, 2020. – 464 с. – 2000 экз.

Придумав для своей книги несомненно цепляющее название, ее автор спешит

сделать сделать важную оговорку. «Я не врач, не психолог, не социолог, не историк, не науковед, – предуведомляет он. – Будь на моем месте любой из них, этот труд приобрел бы куда больший академический вес» (с. 31). Тем не менее зачислить автора в дилетанты тоже не получится: выполняя обязанности главного редактора журнала «The Atlantic», он много пишет, причем материалы его печатаются на страницах флагманов американской бумажной прессы, включая «The New Yorker», «The New Republic», «The New York Times», «The Wall Street Journal». Представленное им произведение – довольно типичный образец жанра *intellectual fusion*, излюбленного нынешней публикой и сочетающего в себе интроспекцию и репортаж с историческими, литературными, философскими, религиозными репрезентациями описываемого автором явления. В нашем случае речь о психологическом состоянии, неотступно преследующем современного человека, – о хронической тревожности, превратившейся буквально в знамение времени.

В отличие от Чарльза Дарвина, Зигмунда Фрейда или Уильяма Джеймса, автор не претендует на формулировку каких-то принципиально новых теорий. Он лишь обобщает, но делает это весьма масштабно, причем в нескольких плоскостях сразу: по его собственному свидетельству, за десятилетие, ушедшее на подготовку книги, пришлось проработать сотни тысяч страниц старых и новых текстов, посвященных разным аспектам тревоги. Уже сам список упоминаемых беспокойств и страхов выглядит более чем впечатляющим. Наряду с известными всем и вполне обыденными разновидностями беспокойства, обусловленными, например, заботами о собственном и чужом здоровье, приближении старости или финансовом благополучии, здесь упоминаются и не столь типичные состояния различной степени диковинности: например, боязнь потери сознания (астенофобия)

или тошнота в самолете (аэронаузифобия). Особую интригу повествованию придает то, что Стоссел самокритично приписывает самому себе не менее дюжины всевозможных расстройств.

«Начиная с двухлетнего возраста я представляю собой комок фобий, страхов и неврозов. А в десять лет меня впервые обследовали в психиатрической клинике и отправили к психиатру для лечения тревожности» (с. 13).

Читателя, к этому моменту и так уже заинтересованного – ведь носителя двух десятков психических расстройств одновременно встретишь не каждый день, – еще более увлекает то, что автор отнюдь не сломался под гнетом неотступной тревоги, напротив, он много и даже очень много, лечился, попробовав, помимо банальной индивидуальной психотерапии, которой отдал тридцать лет, еще семейную терапию, групповую терапию, когнитивно-поведенческую терапию, рационально-эмоциональную терапию, терапию принятия и ответственности, ролевые игры, экспозиционную терапию, поддерживающе-экспрессивную терапию и многое другое, вплоть до йоги, стоицизма и алкоголя в различных комбинациях. Тем не менее «все эти способы оказались бессильны против фундаментальной тревожности, словно впаянной в душу и заложенной в тело и временами превращающей жизнь в ад» (с. 14). С годами надежда Стоссела излечиться истаяла до смиренного желанья хотя бы сжиться со своим печальным состоянием.

Стоссел отнюдь не считает себя уникалом, настаивая на том, что его кейс интересен именно своей типичностью. «Тревожность с сопутствующими расстройствами является на сегодняшний день самым распространенным из официально классифицированных психических заболеваний в Соединенных Штатах, опережая в этом отношении даже депрессию и другие аффективные расстройства», – отмечает он (с. 15).

Причем тревожность вовсе не безобидна, что позволяет ученым сравнивать вызываемые тревожным расстройством психические и физические отклонения с издержками диабета: последние тоже иногда поддаются коррекции, иногда смертельны, но неизменно мучительны. Вопреки встречающемуся иногда убеждению в тревоге пребывают не только граждане США: согласно приводимым в книге данным, в тот или иной жизненный период от этого состояния страдает каждый шестой человек в мире, причем чаще всего болезнь длится не менее года.

Тем не менее еще четыре десятилетия назад тревожность просто не признавалась медиками. Только в 1980-м лечение парадоксальным образом опередило диагноз: изобретение транквилизаторов подтолкнуло признание тревожности в качестве диагностической категории. Сегодня об этом злополучном состоянии пишутся тысячи научных работ ежегодно и ему целиком посвящены несколько специализированных научных журналов. Тем не менее, несмотря на все открытия в области нейробиологии и нейроанатомии, споры о причинах тревожности и способах ее лечения далеки от завершения. Если психофармакологи и психиатры в борьбе с тревогой уповают на медикаменты, то когнитивно-поведенческие терапевты склонны полагать, что сами медикаменты тревогу и вызывают. Отсюда и вывод, позволяющий автору работать самой широкой кистью: «Правда в том, что тревожность – одновременно феномен биологии и философии, тела и духа, инстинкта и рассудка, личности и культуры» (с. 22).

Стоссел не обходит стороной и вопрос о собственном праве писать на подобные темы. По словам автора, его родственники испытывали непреодолимую тревогу на протяжении нескольких поколений, причем как по отцовской линии, так и по материнской. Но, обращаясь к трактовке личных историй, автор книги избегает генетического детерминизма: более перспективным

путем ему представляется увязывание депрессивных состояний не с наследственностью, а с историческими и культурными контекстами человеческой жизни. Родители Стоссела в 1930-е бежали от нацистов, а это, по его убеждению, не могло не сказаться на их мировосприятии. Автор ссылается на исследования, где доказывается, что именно из-за тысячелетнего опыта страха мужчины-евреи страдают от депрессий и тревожности на порядок чаще, чем представители других этнических групп. Культурно-этнический багаж матери Стоссела был исключительно протестантским, но и здесь было ничуть не легче, поскольку всю жизнь она придерживалась надежного принципа: «Нет такой персональной эмоции и семейной проблемы, которой нельзя подавить и скрыть». Оставаясь верным сыном своих родителей, автор называет себя «евреем, загнанным внутрь подавляющего свои чувства нервозного англосаксонского протестанта» (с. 27).

Личные реминисценции закономерным образом подводят к главному вопросу книги: а что же, собственно, делать со всем этим беспорядком – как справляться с тревожностью и надо ли вообще стремиться к полной победе над ней? Подступаясь к этой теме, Стоссел пытается разобраться, вред или пользу приносят встревоженным людям фармакологические успокоительные средства. Еще в 1950-е, когда начался бум на препараты такого рода, некоторые психиатры предупреждали: недостаточный уровень тревоги опасен для социальной системы, поскольку снижает потенциал ее приспособляемости к угрозам и вызовам среды. «Без тревог не было бы успехов», – формулирует эту закономерность Дэвид Барлоу, один из собеседников автора и основатель Центра изучения тревожности и сопутствующих расстройств при Бостонском университете. При таком подходе физиологически фиксируемая тревожность предстает универсальным адаптивным ме-

ханизмом, действующим поверх любых культурно-исторических различий. В подтверждение подобного хода мыслей автор ссылается на Сёрена Кьеркегора: «Кто научился страшиться надлежащим образом, тот научился высшему» (с. 42).

Следующий тезис Стоссела логичным образом вытекает из всего, изложенного выше. Общество, рассматривающее тревожность в качестве пусть неприятной, но все-таки бесспорной нормы, не должно позволять себе стигматизировать психические заболевания. Ни клиническая депрессия, ни биполярное расстройство, ни хроническая тревожность не являются позорным дефектом, исправляемым, как внушают фармацевтические компании, только таблетками. В конце концов, человек отнюдь не единственный представитель животного мира, умеющий тревожиться: звериные эмоции привлекали внимание ученых еще с античности. Более того, со временем выяснилось, что в условиях постоянного стресса у животных развиваются те же болезни психогенного происхождения, что и у человека: повышенное давление, сердечно-сосудистые и язвенные заболевания. У людей тем не менее это универсальное свойство имеет свою специфику, обусловленную осознанием себя как личности и наличием представления о смерти.

Стоссел солидарен с дефиницией, которой его снабдил один из лечивших его психотерапевтов: «Тревога – это предчувствие будущего страдания, невыносимой катастрофы, которую нет надежды предотвратить» (с. 73). Без труда можно заметить, что в этом определении базовой характеристикой тревоги, отличающей ее от животного инстинкта, выступает направленность в будущее. Действительно, у животных отсутствует ощущение завтрашнего дня, они пребывают в «вечном сейчас», и поэтому им неведомы ипохондрия и страх смерти. Отталкиваясь от предложенного толкования, автор вслед за некоторыми

специалистами предлагает разбить соперничающие теории тревожности и подходы к ее лечению на четыре категории: психоаналитическую, когнитивно-поведенческую, биомедицинскую и эмпирическую. Интересно, что все перечисленные доктрины ожесточенно воюют между собой: дело в том, что от победы какой-то одной из них зависит благополучие крупных профессиональных инфраструктур. В центре же научных распрей остается тот самый камень преткновения, о который спотыкались еще Гиппократ и Платон: это вопрос «считать тревогу болезнью или духовной проблемой, телесным недугом или психическим» (с. 69). Самоопределяясь в этих спорах, автор поддерживает позицию Фрейда: по его мнению, тревожность скорее всего представляет собой адаптационное приспособление, призванное защитить психику от иных источников печали и боли.

Современная наука, впрочем, вполне отдает себе отчет в том, что до четкого разграничения души и тела в сфере тревожного – как, впрочем, и в других сферах – еще очень далеко. Так, в последние годы специалисты по психосоматике не раз обращали внимание на тесную взаимосвязь между тревожной чувствительностью сознания и синдромом раздраженного кишечника: согласно приводимым в книге сведениям, наблюдения в учреждениях первичной медицинской помощи показывают, что большинство хронических желудочных расстройств происходят из расстройств психики – от 42% до 61% пациентов с функциональными заболеваниями желудочно-кишечного тракта имеют официальный психиатрический диагноз, причем чаще всего это как раз «тревожность» или «депрессия». Именно под таким углом зрения в книге анализируется, в частности, эметофобия (боязнь непроизвольных рвотных спазмов). В этом синдроме проявляются множество человеческих страхов сразу: и перед утратой контроля, и перед открытой

демонстрацией того, что происходит внутри собственного организма, и, в конечном счете, перед смертью – дело в том, что «нервный желудок» выступает неоспоримым доказательством телесности человека, а значит, и его конечности (с. 110). Однако и с этим можно существовать: автор упоминает, что терзаемый описанным недугом Чарльз Дарвин прожил до 73 лет – весьма преклонного по тем временам возраста.

Гипертрофированная тяга к саморепрезентации, отличающая нынешнюю эпоху, актуализирует и проблему страха перед публичными выступлениями. Выдающиеся личности, которым с большим или меньшим успехом удавалось – или, напротив, не удавалось – преодолевать парализующую боязнь аудитории, встречались в любую эпоху. Причем опыт публичности не играл здесь никакой роли: выставлять себя перед публикой ненавидели такие, казалось бы, искушенные в саморепрезентации деятели, как Цицерон, Уильям Гладстон или Лоуренс Оливье. Категорическое нежелание ораторствовать можно считать одним из проявлений социофобии: у страдающих ею людей стресс вызывает любой социальный контакт. Кроме того, сегодня подтвержденной считается тесная взаимосвязь между социофобией и суицидально-депрессивными наклонностями, а также предрасположенностью к алкоголю и наркотикам. Два выдающихся психотерапевта XX века, Альберт Эллис и Аарон Бек – основоположники рационально-эмоциональной поведенческой терапии и когнитивно-поведенческой терапии соответственно, – доказывали, что лечение социальной тревожности сводится, в конечном счете, к преодолению страха перед неодобрением. Этот страх связан еще и с тем, что мозг социофоба физиологически настроен на гиперчувствительность к критике. Исходя из этого еще Эпиктет утверждал, что лучшее средство от такого типа социальной тревожности – снизить ощущение

ние стыда, сознательно и целенаправленно подвергая себя унижению.

Особый колорит книге придает то, что автор, отнюдь не ограничиваясь чистой теорией, постоянно расцвечивает свое повествование рассказами о собственных мытарствах. Как уже говорилось, жалуясь на свою неотступную тревожность множеству врачей, он перепробовал на себе едва ли не все подходы и методики. Так, выдающийся гарвардский психофармаколог лечил его какими-то шаблонными таблетками, и пациент безропотно принимал их – до тех пор, пока не прочитал в газете, что того же доктора приглашали поставить на ноги гориллу, «приунывшую» в местном зоопарке, и животному прописали тот же антидепрессант, что и Стосселу. По мнению специалиста, у автора и у обезьяны просматривалась одна и та же медицинская проблема, требующая, соответственно, одного и того же фармакологического вмешательства.

Но большая часть медиков все-таки полагают, что проблема тревожности является не столько биологической, сколько когнитивной, и в этой парадигме тревожность предлагается снижать силой воли, когнитивной перенастройкой и нарочитым сталкиванием пациента с его главными страхами. Однако прием лекарств блокирует этот разумный, в общем-то, путь. Претензию, предъявляемую таблеткам, Стоссел адресует и другим способам химической терапии, включая регулярный прием кокаина, кофе и никотина. Отдельно он упоминает и об алкоголе, который не-которые врачи прописывали страдающим тревожностью пациентам в чистом виде. Так, в 1890-е лондонский врач Адольф Бриджес рекомендовал больным снимать меланхолию портвейном или бренди. По его словам, «подходящие виды спиртного», особенно бургундское, кларет, портвейн, белые вина, портер или бренди, «способны поправить нервы гораздо лучше любого другого лекарства» (с. 191). Несмотря на

то, что звучат подобные рецепты красиво, эффект от них не очень высок.

С появлением антидепрессантов психические заболевания и эмоциональные расстройства все настойчивее начали объяснять сбоями в определенных системах нейромедиаторов: шизофрению и наркозависимость – проблемами в дофаминовой системе; депрессию – выбросом стрессовых гормонов из адреналиновых желез; приступы паники – неполадками в серотониновой системе. Однако настоящим переворотом в лечении тревожности стало внедрение в медицинскую практику имипрамина, который радикально изменил представления психиатров о преодолении этого состояния (с. 218). Паническое расстройство было первым психическим заболеванием, открытым в ходе наблюдения за реакциями на медикаменты: врачи исходили из того, что имипрамин лечит панику, следовательно, существует и само паническое расстройство. Но появление каждого нового средства медикаментозной терапии неизменно вызывает один и тот же вопрос: где проходит граница между тревожностью как психиатрическим расстройством и тревожностью как обычной бытовой проблемой? Это довольно важная тема, поскольку в истории фармакологии не раз повторялась одна и та же закономерность: за увеличением числа транквилизаторов следует рост диагностированных тревожных расстройств, а за пополнением арсенала антидепрессантов следует рост депрессий.

Разумеется, Стоссела занимает и более прагматический сюжет: как влияет на его здоровье долгосрочный прием бензодиазепинов? Он признается, что на момент написания книги принимает препараты этой группы – валиум, клонопин, ативан, ксанакс – в разных дозах и с разной частотой на протяжении более тридцати лет. Между тем за тот же период вышли десятки научных публикаций, указывающих на когнитивные нарушения у людей, долго

принимавших бензодиазепины; более того, некоторые исследователи стали говорить даже о физическом уменьшении объема мозга у людей, сидящих на транквилизаторах постоянно. «Не поэтому ли в свои 44, уже несколько десятилетий почти без перерывов принимая транквилизаторы, я чувствую себя глупее прежнего?» – задается автор закономерным вопросом (с. 243). Да, он признает, что имеет «медицинские показания», оправдывающие прием медикаментов, но в то же время считает свой недуг специфическим свойством личности.

«Мои хлипкие нервы делают меня в моих же глазах трусом и слабаком в самом печальном смысле этих слов, поэтому я и скрываю эту свою особенность, а попытки избавиться от этого недостатка с помощью лекарств представляются мне и подтверждением, и усугублением моей слабости духа» (с. 263).

Родные и близкие предлагают не корить себя, но тем не менее Стоссел не может не согласиться с 40% респондентов опроса

Национального института психического здоровья США, признавших правильным утверждением следующее:

«Причина психических расстройств – слабость духа, а прием транквилизаторов для коррекции или избавления от этого состояния только подтверждает эту слабость» (с. 264).

Как жить с тревожным расстройством? Автор книги на личном примере показывает, что с этим недугом можно не только сосуществовать, но и преуспевать. Несомненно, опыт борьбы с тревожностью способен заинтересовать и российского читателя, поскольку этот описываемый недуг, особенно в период пандемии, распространился по всему миру, нешуточно затронув и Россию. А полоса потрясений, в которую наша страна вступила зимой нынешнего года и конца которой пока еще не видно, еще более подогреет спрос на подобные произведения.

Юлия Крутицкая

www.eurozine.com

The most important articles on European culture and politics
Eurozine is a netmagazine publishing essays, articles, and interviews on the most pressing issues of our time.

Europe's cultural magazines at your fingertips
Eurozine is the network of Europe's leading cultural journals. It links up and promotes over 100 partner journals, and associated magazines and institutions from all over Europe.

A new transnational public space
By presenting the best articles from the partner magazines in many different languages, Eurozine opens up a new public space for transnational communication and debate.

The best articles from all over Europe at www.eurozine.com **eurozine**

Summary

The 143rd *NZ* issue opens with several pieces that are concerned, either directly or indirectly, with the war that Russia is currently waging in Ukraine, as well as with a hardening of the political regime that is happening in Russia itself.

The issue begins with a first installment of Vladislav Inozemtsev's new column *IMPERIAL CHRONICLES* (his essay is titled "*The Naturalness of the Impossible*"). The author proposes his own conceptualization of a transformation of the foreign policy – and its ideological reasoning – under Vladimir Putin's regime. In the *POLITICS OF CULTURE* section, the topic of the "special military operation" is further developed by Petr Alexeyev, who analyses the rhetoric of Russian official media and of statements made by the country's leading politicians about the objectives and progress of the combat operations in Ukraine ("*The Big Losing Special Operation*"). The sociological aspect of the same topic is tackled in the latest installment of Alexey Levinson's column ("*After May 9th*").

Tatyana Vorozheikina in her column *THE REVERSE OF THE METHOD* sets forth an intriguing parallel row to the topic of functioning and political destinies of dictatorships and semi-dictatorships. In her article ("*V for Violencia: Colombia and Violence with a Capital V*") she briefly outlines the political history of Colombia – a country which for the last sixty years has continuously been caught in either an authoritarian dictatorship

or a long and devastating civil war. The recent presidential election has demonstrated that the country's existing political system is in crisis; two "non-systemic" politicians advanced into the second round of voting: far-leftist Gustavo Petro, and a far-right populist Rodolfo Hernández.

The core of this *NZ* issue comprises two sets of materials connected with the now-popular philosophy of animism. The forest as an embodiment of the "natural" order – which is complex and follows its own separate logic, including a cultural one – becomes the focus of several philosophers. The first block "*POLITICS OF THE FOREST: FOLLOWING THE PLANTS*" opens with an article by Michael Marder, Professor at the University of the Basque Country (Spain), called "*The Forest and Survival*", which outlines the main topics for further discussion. Alexandra Volodina brings up the questions of how well the humanity is able to "see" the environment and whether we are prepared to "attune" our attention to it ("*Ecologies of Poor Attention*"). Brazilian philosopher Eduardo Viveiros de Castro continues to analyse the topic – albeit in a purely philosophical sense – in his paper "*On Models and Examples: Engineers and Bricoleurs in the Anthropocene*". Denis Shalaginov, the editor of both thematic blocks, in the second one ("*POLITICS OF THE FOREST: FORWARD TO THE PAST*") tries to analyse the "philosophy of the forest" as compared to our understanding of both the city and the desert. Brazilian researcher Hilan Bensusan suggests some poetical-theoretical metaphors to facilitate contempora-

ry reflections on “the forest” (*“An-Arché, Xeinós, uríhi a: The Primordial Other in a Cosmopolitical Forest”*). Evgeny Kuchinov and Ivan Spitsyn close this topic with their piece *“The Pan-Technical Forest”*.

Sandwiched between these two blocks is a final interview by Richard Marshall from his series of conversations with contemporary philosophers (*NZ* launched it in 2016). Marshall talks to the American philosopher Lee McIntyre about the current wave of science denial and – natural – about “post-truth” (*NZ INTERVIEW*).

This *NZ* issue contains a lengthy article by the American historian Jonathan Daly, *“Richard Pipes: Ethnicity, Culture, Russophobia, and Anti-Semitism”*. As the title suggests, the readers are presented with a brief intellectual biography of Richard Pipes, a most prominent American expert on Russian history. The article concerns, first and foremost, those views and texts of Pipes that led to heated discussions and even classic accusations of antisemi-

tic “Russophobia”. The topic of current varieties of anti-Semitism is further developed in the *CULTURE OF POLITICS* by the German publicist, politician and translator Michael Mertes (one of which he calls “secondary anti-Semitism”).

In the “*CULTURAL AND POLITICAL PEDAGOGY OF CINEMA*” Igor Smirnov produces a brief overview of how cinema, right from an earliest stage of its history, has always developed the theme of artificial intelligence – and how it has affected the contemporary Western consciousness (*“Artificial Intelligence Avant la Lettre: How Cinema Taught Machines”*). Vadim Mikhailin and Galina Belyaeva use the example of Richard Viktorov’s film *“Transitional Age”* to reconstruct the history of formation of the official Soviet memory of the War.

The 143rd *NZ* issue concludes with the *RUSSIAN INTELLECTUAL JOURNALS’ REVIEW* by Alexander Pisarev; and the *NEW BOOKS* section.

Оформить подписку на журнал можно в следующих агентствах:

«Подписные издания»: подписной индекс П3832 (только по России) <https://podpiska.pochta.ru>

«МК-Периодика»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.periodicals.ru

«Экстра-М»: подписной индекс 42756 (по России и СНГ) www.em-print.ru

«Ивис»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.ivis.ru

«Информ-система»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informsystema.ru

«Информнаука»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informnauka.ru

«Прессинформ»: подписной индекс 45683 (по России и СНГ) <http://pinform.spb.ru>

«Урал-Пресс»: подписной индекс: 45683 (по России и за рубежом) www.ural-press.ru

Приобрести журнал вы можете в следующих магазинах:

В Москве:
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, 8 +7 495 789-35-91

«Фаланстер» М. Гнезниковский пер., 12/27 +7 495 749-57-21

«Фаланстер» (на Винзаводе) 4-й Сыромятнический пер., 1-6 (территория ЦСИ Винзавод) +7 495 926-30-42

«Циолковский» Пятницкий пер., 8 +7 495 951-19-02

В Санкт-Петербурге:
На складе издательства Лиговский пр., 27/7 +7 812 579-50-04 +7 952 278-70-54

В Воронеже:
«Петровский» ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а (ТЦ «Петровский пассаж») +7 473 233-19-28

В Екатеринбурге:
«Пиотровский» ул. Б. Ельцина, 3 («Ельцин-центр») +7 343 312-43-43

В Нижнем Новгороде:
«Дирижабль» ул. Б. Покровская, 46 +7 831 434-03-05

В Перми:
«Пиотровский» ул. Ленина, 54 +7 342 243-03-51